

СЛАВЯНЕ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

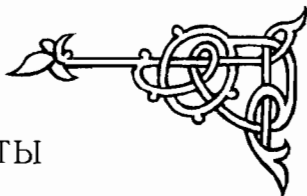

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНЕ
В ЭПОХУ
ФЕОДАЛИЗМА

К столетию
академика
В. И. ПИЧЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

В работе освещается научно-педагогическая и общественная деятельность советского историка и слависта В. И. Пичеты, одного из организаторов Института славяноведения, основателя и первого руководителя кафедры истории южных и западных славян МГУ. Публикуются исследования по истории славянских стран в эпоху феодализма (социально-экономическая история, политическая история, международные отношения), даются историография и история культуры. Книга написана ведущими советскими славистами и приурочена к столетию со дня рождения В. И. Пичеты и к VIII международному съезду славистов.

Редакционная коллегия:

акад. ЧЕРЕПНИН Л. В. (ответственный редактор),
КАРАСЕВ В. Г., КОРОЛЮК В. Д., МИЛЛЕР И. С.,
САНЧУК Г. Э. (ответственный секретарь), УЛАЩИК Н. Н.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник издается в ознаменование столетия со дня рождения академика Владимира Ивановича Пичеты (1878—1947), оставившего большой след в развитии советской исторической науки, особенно советской славистики.

Воспитанник Московского университета, затем его ведущий профессор, Пичета еще в дореволюционные годы решительно стал на сторону прогрессивной русской интеллигенции, а с первых дней Советской власти активно включился в строительство нового, социалистического государства. Исключительная эрудиция, многогранная научная деятельность и большой педагогический талант выдвинули его в число виднейших представителей советской историографии, таких, как Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, Ю. В. Готье, Е. А. Косминский, М. Н. Тихомиров.

В 20—30-е годы научная деятельность В. И. Пичеты сыграла известную роль в области организации архивного дела и вспомогательных исторических дисциплин, его научно-педагогическая деятельность (в качестве первого ректора Государственного Белорусского университета в г. Минске) имела важное значение для развития высшей школы в БССР, а во второй половине 30—40-х годов В. И. Пичета сделал многое для организации научной подготовки кадров советских историков по изучению истории Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии. В 1939 г. В. И. Пичета стал организатором и первым руководителем Сектора славяноведения при Институте истории АН СССР. На основе этого Сектора, а также Сектора славянского языкознания Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии при АН СССР в дальнейшем был создан Институт славяноведения АН СССР (с 1 января 1947 г.), существующий и поныне в виде Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Вместе с академиком Б. Д. Грековым (первым директором Института славяноведения) Владимир Иванович Пичета стал

одним из ведущих научных руководителей советских славистов. В 1939 г. по инициативе В. И. Пичеты была создана кафедра истории южных и западных славян в МГУ, которой он руководил до последних дней своей жизни. В своих трудах В. И. Пичета выдвинул важнейшие проблемы исследования истории этих стран, над многими из которых советские слависты работают до настоящего времени.

Первым результатом плодотворного научного сотрудничества с историками Польши (проф. Ж. Корманова), Чехословакии (акад. З. Неedly) и Болгарии (проф. Р. Караколов) стали коллективные работы «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии» (М., 1944) и «Славянский сборник» (М., 1947).

В. И. Пичета был инициатором, организатором, соавтором и редактором первых марксистских обобщающих исторических очерков по истории Чехословакии и Польши. В 1947 г. под его редакцией и с его авторским участием вышел первый коллективный труд сотрудников Института славяноведения АН СССР «История Чехии». Тогда же была подготовлена рукопись «Краткой истории Польши». Одновременно была начата подготовка к многотомным обобщающим трудам по истории Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии. В настоящий сборник вошли как работы историков, непосредственно участвовавших в семинаре академика В. И. Пичеты, так и тех, кто продолжает разрабатывать проблемы, им поставленные.

В обсуждении проспекта сборника приняли участие научные сотрудники Сектора древней и средневековой истории и Сектора новой истории Центральной Европы Института славяноведения и балканистики АН СССР. Библиографическую справку о научных работах академика В. И. Пичеты подготовила А. Я. Огнева. Подбор иллюстраций осуществлен Э. Г. Иоффе, К. В. Пичетой и Р. А. Леншиной.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПИЧЕТА

Владимир Иванович Пичета родился 9 (21) октября 1878 г. в Полтаве. Окончив в 1898 г. классическую гимназию, он поступает на историко-филологический факультет Московского университета, где с увлечением слушает лекции и работает в семинарах В. О. Ключевского, М. К. Любавского, П. Г. Виноградова, М. С. Корелина, Н. А. Рожкова, М. М. Богословского, В. И. Герье. И хотя в дальнейшем непосредственным учителем Владимира Ивановича становится М. К. Любавский, самые сильные впечатления его от университета связаны с блестящей личностью В. О. Ключевского, который дал отличный отзыв о его дипломной (тогда называвшейся кандидатской) работе «Юрий Крижанич о Московском государстве». Владимир Иванович всегда любил вспоминать об этом, прибавляя: «Ключевский один, других историков много».

После окончания в 1901 г. университета Владимир Иванович возвращается на Украину. Сначала он начинает работать в местечке Коростышеве преподавателем учительской семинарии, а в 1903 г. перебирается в Екатеринослав. Здесь он продолжает преподавать в средних учебных заведениях и одновременно активно сотрудничает в местной архивной комиссии. И в Коростышеве и в Екатеринославе Владимир Иванович оказывался в очень тяжелом положении. Демократические настроения, прогрессивные взгляды его сталкивались с реакционными устремлениями школьного начальства. Среда преподавателей — монархическая, тупая и обозленная — отвергала его.

В 1905 г. В. И. Пичета переезжает в Москву, оставляя научные исследования в Екатеринославской архивной комиссии. Именно в Екатеринославе Владимир Иванович начал вести напряженную научную работу, именно здесь начинается его большой путь историка-исследователя. Впоследствии Владимир Иванович становится ведущим историком СССР эпохи феодализма, большим и авторитетнейшим знатоком истории Белоруссии и

Литвы XV—XVIII вв., самым крупным и самым разносторонним историком-славистом, фактически руководителем возрождения в СССР историко-славистических исследований. Но начинался этот путь скромно, с его работы над местными екатеринославскими архивными материалами и с продолжения предпринятого еще в университете исследования личности и взглядов Юрия Крижанича.

То обстоятельство, что у порога творческого пути Владимира Ивановича стояла тема славистического характера, само по себе еще ни в коей мере не являлось свидетельством сознательной подготовки ученого к будущей работе в области широкой славистической проблематики. Владимир Иванович, правда, и в дальнейшем периодически продолжал заниматься исследованием общественно-политических взглядов хорватского ученого XVII в., о чем свидетельствует опубликованная в 1914 г. работа¹. К тщательному и всестороннему анализу трудов и деятельности Юрия Крижанича он вернулся в последние годы своей жизни, о чем будет сказано ниже. Но все это, пожалуй, является скорее свидетельством большого постоянства научных интересов В. И. Пичеты, чем указанием на программу его деятельности как историка вообще.

Для изучения деятельности В. И. Пичеты в предреволюционный период гораздо более показательны работы по истории России, Великому Княжеству Литовского, отчасти Украины. Это тем более важно подчеркнуть, что предреволюционный период в научной деятельности Владимира Ивановича, особенно с 1905 г., кстати сказать, менее всего изученный, был не просто периодом его больших исследовательских поисков, чрезвычайно напряженного, подчас изнуряющего труда,— это был период быстрого взлета исследовательского таланта Владимира Ивановича, важный этап в формировании его научных интересов. Поражавшие и поражающие нас еще сейчас параметры его исследовательских интересов закладывались именно в те знаменательные и тревожные для России годы.

Переехав в Москву, Владимир Иванович продолжал работать в средних учебных заведениях, давая по 36 уроков в неделю. Здесь усилились его демократические, вступившие в резкое противоречие с действительностью самодержавной России взгляды. Свободомыслие молодого ученого было причиной отстранения его от преподавания на популярных в то время Пречистенских

¹ Пичета В. И. Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. СПб., 1914.

курсах для рабочих. Ему было запрещено и чтение лекций на курсах для народных учителей. Не менее показательна для политических позиций В. И. Пичеты и судьба его университетской приват-доцентуры: сдал в 1910 г. магистерский экзамен и прочтя пробные лекции, Владимир Иванович получил звание приват-доцента Московского университета. Для человека, который, преодолевая огромные трудности, ценой жизненных лишений и изнурительной работы пробивал себе путь в науку, это было, без сомнения, большим достижением, этапом, переломным моментом в творческом развитии. Однако В. И. Пичета не остановился перед тем, чтобы пожертвовать приват-доцентурой, когда того потребовали его убеждения. Вместе с передовыми профессорами и приват-доцентами он в 1911 г. покинул Московский университет в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Кассо.

Два направления выделялись прежде всего в научной деятельности Владимира Ивановича как историка в те годы. С одной стороны, он вел большую исследовательскую работу по истории Великого Княжества Литовского XVI в., в результате чего появилась его двухтомная монография². Первый ее том позволил В. И. Пичете получить ученую степень магистра (1917 г.), а второй — доктора русской истории (1918 г.). С другой стороны, он стал одним из самых плодотворных и известных историков России эпохи феодализма. Его работы, изданные в дооктябрьский период, охватывали широкую и сложную проблематику русской истории от образования централизованного Русского государства и «смуты» начала XVII в. до эпохи падения крепостного права. В качестве редактора и автора он принял участие в подготовке и издании таких известных каждому историку трудов, как «Москва в ее прошлом и настоящем», «Три века. Россия от Смуты до нашего времени», «Отечественная война и русское общество. 1812—1912», «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», «Книга для чтения по истории нового времени». «Русская история в очерках и статьях».

В сущности говоря, это была не только научная, но и в определенной мере сознательная политическая деятельность, предпринятая во имя демократизации русской жизни. Для формирования общественно-политических взглядов ученого она, по-видимому, имела большое, если не решающее значение. В колоссальной библиотеке Владимира Ивановича было огромное количест-

² Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, ч. 1—2. М., 1917.

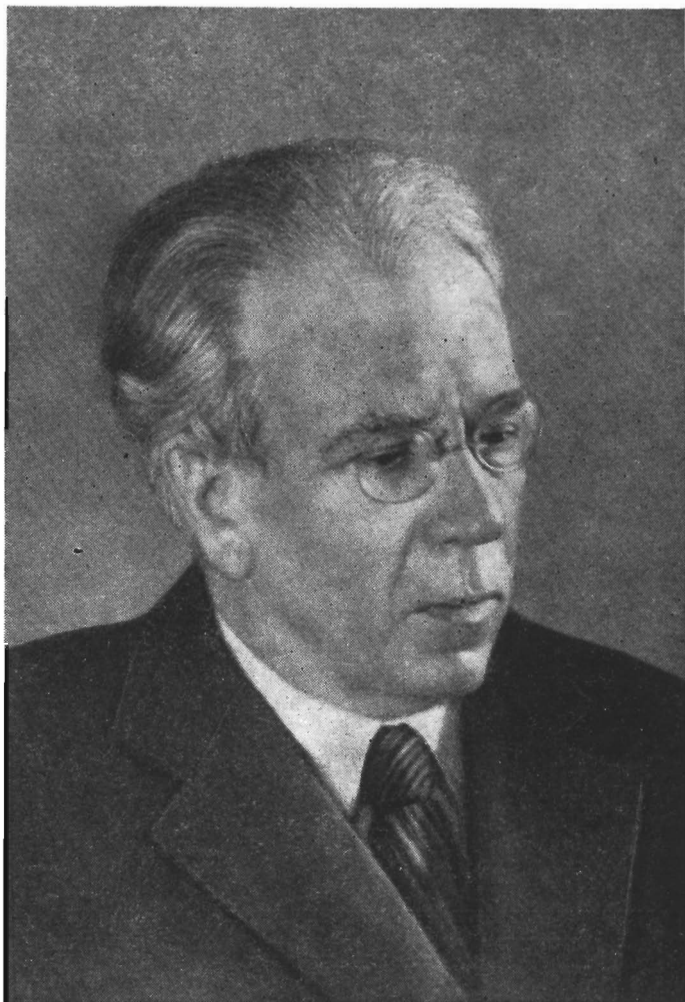
во книг по истории России XIX в., особенно по истории декабристского движения. Книги эти постоянно пополнялись новыми поступлениями. «Декабристы — это целая эпоха моей жизни», — говорил он. Это так и есть. Юбилейные издания «Великой реформы» и «Отечественная война» всегда стояли на самом видном месте в квартире В. И. Пичеты, напоминая о многотрудном начале его жизненного пути.

Очень скромными по сравнению с отмеченными направлениями научного творчества представляются в предреволюционные годы масштабы его славистических занятий. Помимо работы о Юрии Крижаниче, им было написано в это время несколько научных статей и рецензий, а также популярные статьи и брошюры, главным образом по истории южного славянства³. Показательно само по себе преобладание в его творчестве в это время южнославянской тематики, хотя казалось бы, что основной исследовательский интерес В. И. Пичеты должен был вовлекать его в круг западнославянской, прежде всего польской истории. Казалось бы... Однако на самом деле и в творчестве и во взглядах его отразились события — огромные, грандиозные: Балканские войны и первая мировая война. Будучи по происхождению сербом (отец его был выходцем из Герцеговины, мать — украинка), Владимир Иванович, безусловно, сочувствовал освободительной борьбе Сербии, Герцеговины и Боснии. А судьбы национальной независимости балканских славян не могли быть безразличны передовым людям России. Именно поэтому Владимир Иванович откликнулся на события на Балканах рядом работ по проблематике южных славян.

И тем не менее историком-славистом Владимир Иванович в предвоенные годы не стал. Славяноведение не было областью его профессиональных интересов и в годы, непосредственно следовавшие за Великой Октябрьской революцией.

Владимир Иванович оказался в числе тех российских интеллигентов, которые если не сразу, то во всяком случае довольно быстро, приняли Октябрьскую революцию. Его общественная позиция в тот период определялась, конечно, не столько близостью к марксизму, овладение которым заняло многие годы, сколько высокими патриотическими чувствами, его убежденностью в громадной роли российской государственности в сохранении национальной независимости страны. Ведь и интерес к

³ Пичета В. И. Исторический очерк славянства. М., 1914; он же. Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии. М., 1915; он же. Исторические судьбы Сербии. — «Экскурсионный вестник», 1915, кн. 4; он же. Сербия. Пг. — М., 1917.

Владимир Иванович Пичета
(1878–1947)
Фото 1946 г.

славянству в годы первой мировой войны, помимо идущих от колыбели симпатий, определялся, с одной стороны, его демократическими убеждениями, а с другой — его славянским самосознанием.

Увидев, что не анархия, а огромное и всеобъемлющее государственное строительство является целью большевиков, В. И. Пичета стал активно участвовать в научной общественной жизни страны. Его воображение покорили невиданные масштабы созидательного государственного переустройства, осуществлявшегося Советской властью под руководством партии.

Владимир Иванович вернулся в Московский университет. В годы гражданской войны он преподает в Военном педагогическом институте и в Высшей школе командного состава. С 1918 г., будучи главным инспектором Центрархива, В. И. Пичета активно участвует в громадной реформе архивного дела в СССР, вместе с другими видными историками и архивистами принимает меры к спасению ценнейших документальных фондов. В качестве эксперта по вопросам архивов и памятников культуры он привлекается к советско-польским переговорам (1920—1921 гг.). В 1920 г. он участвовал также в качестве эксперта в советско-литовских переговорах. В известной мере благодаря его научному опыту, благодаря научно обоснованному им принципу неделимости естественно сложившихся архивных и библиотечных фондов ценнейший архивный комплекс «Литовская метрика», как и ряд других важных собраний, остался в советских хранилищах.

Но самая большая научно-организационная деятельность ожидала В. И. Пичету в Белоруссии. Речь шла о создании в республике, катастрофически разоренной войной и в результате войны лишившейся значительной части своей территории, первого университета. С момента основания Белорусского университета в 1921 г. и вплоть до 1930 г. В. И. Пичета был его ректором и профессором. В 1928 г. он был избран действительным членом АН БССР. В эти же годы он избирался делегатом съезда Советов Белоруссии, несколько раз был депутатом Минского горсовета. Для рожденной Великим Октябрем белорусской государственности особенно важное значение, естественно, имела организация на современном для того времени уровне национальной исторической науки. Не будучи белорусом, В. И. Пичета оказался именно тем русским историком, который благодаря своей великолепной научной подготовке и любви к белорусскому народу мог стать во главе возникшей белорусской исторической школы. Овладев белорусской речью, он даже стал писать труды по-

В. И. Пичета среди студентов первого выпуска педфака БГУ (1925)

белорусски и читал лекции на этом языке. Именно в Белоруссии Владимир Иванович сложился как один из крупнейших организаторов исторической науки.

Еще до переезда в Минск в 1918 г. в Москве В. И. Пичета прочел курс лекций по истории Белоруссии. С тех пор его исследования по истории Белоруссии появлялись параллельно с трудами по истории России. В 1924 г. вышел первый том «Истории Белоруссии»⁴ до конца XVI в., а в 1927 г.— «Исторические судьбы Западной Белоруссии»⁵. Оставаясь прежде всего исследователем социально-экономической истории Белоруссии XVI—начала XVII в., В. И. Пичета в эти годы много внимания уделял и истории белорусской культуры. Особенно его интересовала проблема «белорусского возрождения» XVI в.

Здесь я не пытаюсь подробно характеризовать все работы В. И. Пичеты, созданные в минский период его жизни. Может быть, стоило только упомянуть о его плодотворной командировке в Прагу в 1925 г., об участии в съезде польских историков в Поз-

⁴ Пичета В. И. Гісторыя Беларусі, ч. I. М.—Л., 1924.

⁵ В кн. «Западная Белоруссия. Сборник статей», кн. I. Минск, 1927.

нани в том же году и в международном съезде историков в Осло в 1928 г. Гораздо важнее подчеркнуть, что его обширные и разносторонние исследования тех лет по истории Белоруссии и Украины, Великого Княжества Литовского, как и непрерывающиеся занятия историей России XVI—XIX вв., как бы совершенно естественно, в силу внутренней логики научного исследования подвели его к разработке западнославянской, прежде всего польской проблематики XVI—XIX вв. В этом отношении Владимир Иванович в какой-то мере повторял, хотя и на иной методологической основе и в других масштабах, творческий путь своего учителя М. К. Любавского, тоже перешедшего от занятий историей Великого Княжества Литовского к работе в области истории западных славян.

Будучи историком Великого Княжества Литовского, В. И. Пичета, естественно, являлся и историком польско-литовских отношений феодальной эпохи. Работая в области истории России, Белоруссии, Украины, он неизбежно входил в огромную проблематику русско-польских, а также польско-белорусских и польско-украинских отношений и связей. Изучение теперь уже с позиции осваиваемого им марксистского метода исследования проблематики классовой борьбы и народных движений в России, особенно в Белоруссии, подготавливало переход и к разработке вопроса польского и национально-освободительного движения конца XVIII—XIX в., в то время как изучение внешней политики России в XIX в., которым он начал заниматься еще до революции, позволило начать в широких масштабах разработку темы «Польский вопрос в международных отношениях второй половины XIX века». Наконец, работа над национальной историей Белоруссии с новых, марксистских позиций оказалась тем отправным моментом, который позволил впоследствии В. И. Пичете предпринять опыт обобщающего труда по истории Польши. О нем, впрочем, придется говорить еще позже. В 1944—1945 гг. В. И. Пичетой была написана и обобщающая «История Литвы с древнейших времен до наших дней»⁶. Был и курс по истории Белоруссии.

Собственно славистические в узком смысле этого слова исследования В. И. Пичеты концентрировались в минский период главным образом вокруг проблемы происхождения белорусского книгопечатания. Изучая просветительскую деятельность белорусского первопечатника Ф. Скорины, Владимир Иванович дал серьезный толчок марксистской разработке такой важной и

⁶ Подробно об этой и других неопубликованных работах В. И. Пичеты см.: *Королюк В. Д.* Рукописное наследство академика В. И. Пичеты.— Ученые записки Института славяноведения (далее — УЗИС). М.— Л., 1949, т. I.

традиционной для славистики научной проблемы, как начало славянского книгопечатания. Эта проблема и в наши дни и, несомненно, в будущем всегда будет находиться в центре внимания историко-культурных исследований в области славяноведения.

Минский период был одновременно важным этапом в становлении Владимира Ивановича как историка-марксиста. Интерес к экономическому материализму еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, изучение опыта историков школы М. Н. Покровского в послереволюционный период, собственные исследования проблем классовой борьбы в феодальном обществе способствовали этому становлению. Владимир Иванович обратился к внимательному изучению трудов классиков марксизма-ленинизма. О самостоятельном изучении трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина он любил вспоминать впоследствии. Во второй половине 30-х годов В. И. Пичета был уже сложившимся историком-марксистом, исследователем, решительно перешедшим на позиции марксистской методологии.

Значительная часть работ, посвященных польской проблематике или тесно связанных с нею, была написана Владимиром Ивановичем во второй, московский период жизни. В 1936—1937 гг. он был приглашен преподавать в Московский университет, одновременно он преподавал в 30-е годы в Московском пединституте имени В. И. Ленина. Не имея вначале большой педагогической нагрузки, В. И. Пичета сосредоточился на широких архивных изысканиях, в результате чего им были написаны крупные работы по истории польского национально-освободительного движения и русской политике в отношении польского господствующего класса в Белоруссии, Литве и на Украине. Полупутно собирался большой материал для монографии «Польский вопрос в международных отношениях 1795—1848 гг.»

Как историк Владимир Иванович всегда высоко ценил работы, в которых освещаются новые, не изученные еще темы. Его всегда тянуло к архивной целине. Вкус к разработке нового архивного материала он стремился привить своим ученикам. Новаторский характер имела его монография «Западный комитет»⁷, в которой он тщательно анализирует политику русского правительства в так называемых западных губерниях по отношению к польскому землевладению, мелкой шляхте, духовенству и крестьянству после восстания 1830—1831 гг. Кстати, длительные

⁷ Эта монография до сего времени остается ненапечатанной, она находится в Архиве АН СССР.

занятия историей Литвы, Белоруссии и Украины в начале XIX в. привели Владимира Ивановича к очень интересному выводу, что период после разделов Речи Посполитой и до поражения восстания 1830—1831 гг. был периодом самого энергичного развития процесса полонизации так называемых западных губерний, особенно во время деятельности Адама Чарторыйского.

Важную для нашей историографии попытку дать характеристику классовой сущности польского национально-освободительного движения конца XVIII в. содержала другая работа В. И. Пичеты — «Восстание Костюшко 1794 г.» Особое внимание было обращено исследователем на роль крестьян в восстании. Тогда же на большом новом архивном материале была написана работа «Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.» Это часть крупной монографии, над которой затем В. И. Пичета продолжал работу в последние годы жизни.

Названные работы тоже остались в рукописях. Ни одна из них тогда, к сожалению, не была даже подготовлена автором к печати. К последней из них В. И. Пичета вернулся, правда, но уже после второй мировой войны⁸. И тем не менее можно совершенно определенно утверждать, что это были очень важные исследования, переломные для В. И. Пичеты как историка. Именно в эти годы (с 1937 г. Владимир Иванович — старший научный сотрудник Института истории АН СССР) в творчестве его наступил такой момент, когда он, не переставая быть историком СССР, становится одновременно в силу своей научной подготовки и историком-славистом, прежде всего историком Польши. В область историко-славистических исследований его влекли теперь не только личные симпатии, но и профессиональные интересы исследователя. Путь в славистику шел, таким образом, от исследований по истории России, Белоруссии, Украины и Литвы и в определенной мере был обусловлен именно интересами более глубокого изучения прошлого восточнославянских народов.

Вполне понятно поэтому, что, когда не только субъективные интересы исторической науки, но и сама жизнь, напряженная предвоенная обстановка 1938—1939 гг. поставили на очередь в качестве одной из первоочередных задач в области наших общественных наук возрождение в СССР историко-славистических исследований, В. И. Пичета оказался именно тем ученым, кото-

⁸ В сокращенном виде статья В. И. Пичеты «Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.» была напечатана в УЗИС. М., 1951, т. III. Посмертно была опубликована его работа «К истории восстания Костюшко 1794 г.» — УЗИС, 1953, т. VII.

рый возглавил новое направление в советской историографии. Вокруг него стали группироваться немногочисленные кадры как старых, так и еще относительно молодых тогда историков, главным образом историков СССР, по роду своих занятий близких к славяноведческой проблематике. У него появились первые ученики-слависты, студенты и аспиранты, число которых быстро росло, особенно во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Говоря о роли В. И. Пичеты, как и Б. Д. Грекова, с самого начала энергично поддерживавшего славистические начинания Владимира Ивановича, нельзя не отметить одного существенно-го обстоятельства. Как историк В. И. Пичета не испытал на себе длительного и особенно сильного влияния М. Н. Покровского. Овладение марксистской методологией не сопровождалось у него той гиперкритикой национального прошлого, которая была характерна для М. Н. Покровского и его учеников в их борьбе с традициями русской буржуазной историографии. В. И. Пичета субъективно был прекрасно подготовлен к тому, чтобы на основе марксистско-ленинской методологии освоить и вновь пустить в научный оборот большой и ценный фактический материал, собранный дореволюционной русской историографией по истории западных и южных славян. Идейный разгром в 20—30-е годы панславистских и славянофильских концепций исторического процесса создавал для этого необходимые условия.

Новое, советское славяноведение возникло как комплекс научных дисциплин, основанный на марксистском понимании единства исторического развития человеческого общества. Ему были чужды националистические концепции и предрассудки прошлого, а славянская общность понималась как вполне определенное историческое явление, связанное с конкретными историческими условиями формирования и развития славянских народов — общностью их происхождения и языковым родством, многовековым соседством, экономическими и культурными связями, в определенные исторические эпохи — однотипной стадийностью их развития. Славянская взаимность, связи между славянскими народами не противопоставлялись связям славян с народами другого этнического корня и других языковых семей и систем. На существовавшие в прошлом противоречия между славянскими странами, противоречия, обусловленные политикой господствующих классов, не было нужды закрывать глаза. Они объяснялись теорией марксистского исторического процесса. Зато справедливо отмечалось, что славянское самосознание было важным моментом, способствовавшим, особенно в условиях иноземной аг-

рессии или иноземного гнета, формированию в славянских странах национального самосознания.

Последнее обстоятельство тем более важно подчеркнуть, что Владимир Иванович в те годы особенно акцентировал на нем свое внимание. Обращаясь к широкой славяноведческой проблематике, он понимал, что надвигается война, предчувствовал, что главным противником его Родины будет фашистская Германия. В восточных планах немецкого руководства он угадывал политику того воинствующего пангерманизма, который ради достижения мирового господства пойдет на смертельную схватку со славянским миром. Дружба и научное сотрудничество с выдающимся чешским ученым З. Р. Неедлы, нашедшим после Мюнхена вторую родину в СССР, по-видимому, также усиливали эти его настроения⁹.

В 1939 г. в Институте истории АН СССР был создан сектор славяноведения, а на историческом факультете Московского университета образована кафедра южных и западных славян. Сектор и кафедре возглавил В. И. Пичета, избранный в том же году членом-корреспондентом АН СССР. В 1941 г. Владимир Иванович вместе с Институтом истории АН СССР эвакуируется в Ташкент. Эвакуация чрезвычайно затруднила, но не прервала научную работу сектора. В 1943 г. В. И. Пичета возвращается в Москву, где снова возглавляет сектор и кафедру.

Теперь его более всего занимают планы создания в системе Академии наук СССР центрального славистического научного учреждения — Института славяноведения. Эти планы разрабатываются им совместно с акад. Б. Д. Грековым при активном участии З. Р. Неедлы и члена-корреспондента А. Д. Удальцова. Главный вопрос, который подлежал решению: каков должен быть научный профиль нового исследовательского института? Должен ли он быть традиционно филологическим по преимуществу или его прежде всего следует ориентировать на изучение исторических проблем с подключением к исследованиям филологов и специалистов по истории культуры?

В конце концов после долгих раздумий и дискуссий выкристаллизовался комплексный подход. И когда в 1946 г. принимается решение о создании академического Института славяноведения, он формируется как институт комплексный, с двумя основными научными профилями — историческим и филологиче-

⁹ О роли, сыгранной З. Р. Неедлы в развитии советского славяноведения, см.: *Королюк В. Д.* Памяти Зденека Неедлы (1878—1962). — «Вопросы истории», 1968, № 4.

ским (лингвистика и литературоведение). Оба эти направления, в сущности говоря, были самостоятельными, но историческое с самого начала заняло преобладающее положение в институте. Такое преобладание, думается, неправильно было бы объяснить только характером научной подготовки его первых руководителей. Оба они — и В. И. Пичета (он был избран академиком АН СССР в 1946 г.) и Б. Д. Греков — являлись историками СССР, от проблематики истории СССР переходившими к проблематике собственно славяноведческой в принятом у нас узком ее значении (изучение зарубежных славянских народов). Главное, что определило в тот период резкое преобладание в Институте исторической проблематики, заключалось не в конкретных условиях формирования руководства Института, а в том необычайно возросшем в общественных науках удельном весе исторических исследований, который был характерен для нашей страны уже в предвоенные годы, а затем еще больше усилился в годы войны и сразу же после нее. Не могло не сказаться при этом и определенное отставание в те годы лингвистических исследований.

Впоследствии жизнь внесла известные коррективы в первоначальную структуру научной работы института. Преобладание собственно исторической проблематики сохранилось, но появился и культурно-исторический аспект. Сильно возрос удельный вес филологических исследований, развивавшихся по двум самостоятельным направлениям — языковедение и литературоведение. Этого требовали интересы славяноведения как комплекса научных дисциплин.

В жизни Владимира Ивановича 1939—1946 гг. были напряженным периодом, связанным с огромным научным поиском. Старый, уже прошедший большой и трудный жизненный путь человек работал в эти годы с неимоверным упорством, неистово, несмотря на то, что физических сил оставалось уже немного, а жизненные условия и в Москве и в эвакуации в период войны были очень сложными. Однако глубокая уверенность в важности работы по возрождению в стране славяноведческих исследований придавала В. И. Пичете дополнительные силы, как бы окрыляла его. Продолжая в эти годы исследования главным образом в области истории Белоруссии и Украины, Владимир Иванович центр тяжести в своей научной и научно-организационной работе решительно переносит на славяноведческую проблематику.

Самая большая часть славяноведческих работ В. И. Пичеты тех лет, опубликованных еще при его жизни, была посвящена обширной проблематике славяно-германских отношений. Ученый изучал в то время главным образом историю германского Drang

паче Osten феодальной и капиталистической эпох. Этого требовали грозные условия времени. Они требовали и яркой публицистической формы изложения, и преобладания элементов описательности над элементами анализа. Публицистичность формы не означала, однако, что В. И. Пичета не понимал классового, а следовательно исторически преходящего характера немецкой экспансии против славянских народов. Как историк-марксист он прекрасно отдавал себе отчет в этом. Наряду с русско-польскими и польско-немецкими получили освещение и польско-австрийские отношения в его самой крупной монографии тех лет «Польский вопрос в международных отношениях 1795—1848 гг.». Исследование было доведено до 1831 г. Польско-немецкие и русско-немецкие отношения подробно прослеживались В. И. Пичетой и в его обобщающей работе — трехтомной «Истории Польши». Основная часть рукописей относится к первому тому, работа над вторым томом была лишь частично произведена, к третьему В. И. Пичета только приступил. Значение немецкой феодальной угрозы для формирования древнепольского государства было очень выпукло подчеркнуто исследователем в одной из последних сданных им в печать статей¹⁰.

Второй по объему частью славистических работ, опубликованных при жизни В. И. Пичеты, являлись его исследования исторических связей народов СССР (России, Белоруссии, Украины и Литвы) с зарубежными славянскими народами. В этой области Владимиром Ивановичем разрабатывались в последние годы жизни главным образом вопросы русско-польских и отчасти белорусско-польских и украинско-польских отношений конца XVIII—XIX в. Не прекращалась, однако, и разработка им аналогичной проблематики для XVI—XVII вв.¹¹ В. И. Пичета начал поднимать в своих работах и общие вопросы исторических отношений России со славянским миром¹². Одновременно он продолжал и свои многолетние исследования общественных взглядов одного из провозвестников концепции славянской взаимности, Ю. Крижанича¹³.

¹⁰ Пичета В. И. Образование Польского государства.— В кн.: Славянский сборник. М., 1947.

¹¹ Пичета В. И. Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия.— «Исторические записки», 1940, т. 7. См. также серию работ В. И. Пичеты 1944—1946 гг. по истории Украины эпохи Богдана Хмельницкого.

¹² Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов. М., 1946.

¹³ Пичета В. И. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству.— В кн.: Славянский сборник. Статья является только частью подготовленной В. И. Пичетой большой монографии.

Важное место в исследованиях В. И. Пичеты в последние годы занимали вопросы внутреннего, социально-экономического развития зарубежных славянских стран. Об этом свидетельствуют и его исследования, посвященные образованию древнепольского государства, и его занятия Вислицким статутом и средневековым польским цехом, и его рукопись «Источники польской истории», над которой он прекратил работу в 1945 г. Но лучше всего об этом говорит задуманная и частично написанная им «История Польши».

Как исследователя Владимира Ивановича всегда отличало стремление к созданию трудов обобщающего характера. Не завершив работу над «Историей Польши», В. И. Пичета, думается, исходя отчасти из тех же соображений, берется за руководство молодым авторским коллективом по написанию популярной истории Чехии¹⁴. У него были и планы создания истории Чехословакии и двухтомной истории Дубровника. Наконец, он усиленно, причем именно в последние годы жизни, работает над проблемами новейшей истории славян, главным образом по истории современной Югославии. Среди его рукописей сохранились наброски соответствующих работ. Одновременно он хотел написать книгу о жизни и творчестве своего отца И. Х. Пичеты. Он собирал материалы о нем (И. Х. Пичета оказал на Владимира Ивановича глубокое нравственное влияние, хотя взгляды их серьезно расходились). К сожалению, работа эта не была написана.

Характеристика научной деятельности основателя советской историко-славянистической школы будет, однако, неполной, если не упомянуть и о его занятиях славянской историографией. В 1941 г. В. И. Пичетой была опубликована статья «К истории славяноведения в России»¹⁵ — первый опыт оценки дореволюционного русского славяноведения в советской историографии. В дальнейшем им публиковались обзоры славянистических исследований в СССР, а в его архиве сохранилась небольшая рукопись «История Чехии в чешской историографии с древнейших времен до наших дней».

Основная масса написанного В. И. Пичетой в 1930—1946 гг. осталась в рукописях, не была завершена, а тем более подготовлена к печати. От письменного стола его часто отрывали организационные, научные обязанности и активная общественная

¹⁴ История Чехии. М., 1947. Несколько позже В. И. Пичетой был сформирован авторский коллектив, который должен был подготовить аналогичную «Историю Польши».

¹⁵ «Историк-марксист», 1941, № 3.

деятельность. Он буквально разрывался между давно начатыми и только начинаемыми работами, которые, однако, нужно было срочно написать; от публичных выступлений он должен был немедленно переходить к деловым консультациям, беседовать со студентами, аспирантами. Владимир Иванович спешит, торопится, чтобы книгой или статьей, рецензией или выступлением на диссертационном диспуте, наконец, просто в сердечной беседе с учениками успеть высказать себя целиком, передать свой опыт и свои мысли. Дни Владимира Ивановича, скоротечные дни, были уже сочтены. Он действительно не успел завершить большую часть начатых работ, несмотря на то, а может быть именно потому, что писал очень легко и быстро, с необычайной свободой переходя от одной темы к другой, писал главным образом по памяти, почти не обращаясь за письменным столом к справочным пособиям, зачастую даже не уточняя научного аппарата. А память у него была феноменальная.

Сказанного о славистических трудах В. И. Пичеты, учитывая его роль в славяноведении тех лет, может быть, было бы и достаточно, чтобы определить в основных чертах главные направления в историко-славистических исследованиях конца 30—40-х годов. Но это не было бы справедливо ни по отношению к другим участникам возрождения в СССР историко-славистических исследований, ни по отношению к нему самому. Владимир Иванович никогда не был одиночкой в науке. Он всегда стремился к активному научному общению, группировал вокруг себя людей, преданных науке. Вокруг него объединилась небольшая группа ветеранов истории СССР, занявшихся славяноведческой проблематикой, таких, как Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский, и относительно еще молодые тогда ученые, из которых в первую очередь следует назвать М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина. Позже присоединились работавшие тогда в области истории Польши XIX в. М. В. Миско и В. Н. Кондратьева.

Возник и большой круг непосредственных учеников: И. М. Белявская, Ц. С. Бобинская, И. Б. Греков, С. Ш. Гринберг, И. С. Достян, И. С. Миллер, Н. Д. Ратнер, Г. Э. Санчук, И. И. Удальцов и другие. Институтские и университетские ученики В. И. Пичеты образовали костяк семинара, регулярно собиравшегося у него на дому. Семинар посещали и некоторые сотрудники сектора. Многие доклады и сообщения, планы работ, прежде чем попасть на заседание кафедры или сектора, предварительно обсуждались на семинаре, где всегда царил атмосфера дружеского внимания и благожелательной, хотя временами и очень острой товарищеской критики. Семинары Владимира Ива-

новича («пичетники») пользовались большой популярностью в Институте истории АН СССР.

Нет необходимости перечислять всех, связанных тогда с В. И. Пичетой изучением истории славянских народов. Нет и возможности даже кратко остановиться на проведенных ими исследованиях. Достаточно будет, если эти исследования будут учтены при определении основных направлений, сложившихся к тому времени в нашей науке.

Такими направлениями, на наш взгляд, были тогда следующие: изучение основных социально-экономических процессов, а следовательно, и основных закономерностей исторического развития зарубежных славянских стран; исторические связи народов СССР с зарубежными славянскими странами; славяно-германские отношения. Историографическое направление только еще намечалось в то время, причем следует подчеркнуть, что Владимир Иванович стремился поставить изучение историографии в связь с общими вопросами формирования и развития у славянских народов национального самосознания. Он трактовал историографию как общественное явление, а не только как развитие научных знаний. Сравнительно-историческое направление было представлено тогда главным образом трудами Б. Д. Грекова. З. Р. Неедлы в основном занимался вопросами исторических связей между народами СССР и зарубежными славянскими странами и также чешской историографии (статьи его были изданы в Москве во время его пребывания в СССР), и А. Д. Удалцов сосредоточился на проблеме этногенеза славян.

Каждое поколение заново осмысливает историю, внося новое и исправляя старое в ее трактовке. Так и должно быть, потому что объектом исследования является не только неповторимый, но и живой, развивающийся процесс. Историку в нем все время (и так будет всегда) открываются новые стороны и новые явления, миллионами нитей связанные со старым. Поэтому проблематика научных исследований неизбежно должна быть подвижной, меняющейся. Развития проблематики, как и развития методики ее решения, требует и сама внутренняя логика исторического познания. Наступают моменты, когда меняются даже сами основные направления в науке. Одни отходят на второй план, другие выдвигаются на передний, возникают новые.

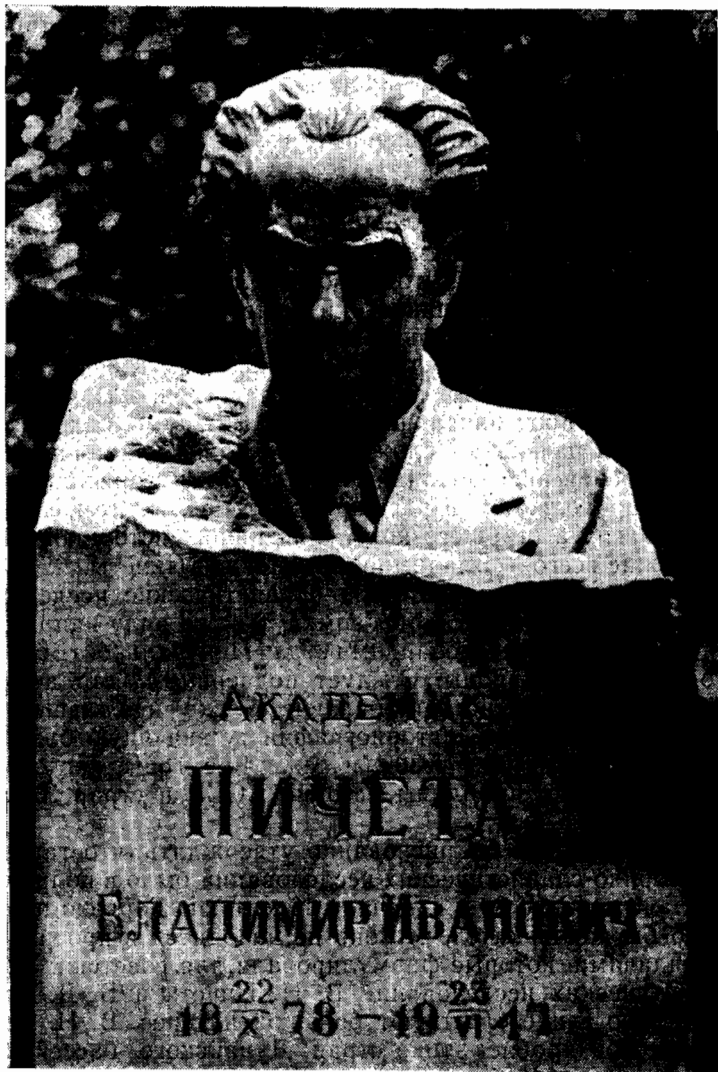
Поэтому сравнение общих уровней историко-славистических исследований конца 30-х — первой половины 40-х годов и сегодняшнего дня дает возможность и точнее определить место В. И. Пичеты в истории советской славистики. Сопоставление основных направлений исследований исторических секторов Ин-

ститута славяноведения в наши дни с задачами, поставленными В. И. Пичетой в 1947 г.¹⁶, показывает, что все три главных названных направления историко-славистических исследований успешно развивались в период, прошедший со смерти Владимира Ивановича. В области монографической разработки наибольший успех имели исследования, посвященные проблематике XIX и XX вв. В 30—40-е годы разрабатывались главным образом государственно-политические аспекты исторических отношений народов СССР с зарубежными славянскими народами, они продолжали разрабатываться в 50—70-е годы. В настоящее время из этого направления выделилось, стало крупным и фактически самостоятельным новое направление, концентрирующее усилия на изучении революционных связей славянских народов.

Временно отошло на второй план после смерти Владимира Ивановича изучение славяно-германских отношений. Но с начала 60-х годов оно вновь усилилось. Очевидно, для развития этого направления в достаточно крупных масштабах на новом исследовательском уровне потребовался более длительный период. Не лишним будет заметить, что на нынешнем этапе изучение славяно-германских отношений непосредственно сомкнулось с изучением международных отношений и связей в центральном, юго-восточном и отчасти восточном регионах Европы. Аналогичное сплетение проблематики наблюдается и в направлении, занимающемся вопросами революционных связей. В области славяно-германских отношений стала разрабатываться, в отличие от прошлого периода, тематика революционных и культурных связей.

Получило дальнейшее развитие и так называемое историографическое направление. Параллельно с изучением историографических проблем началось и изучение истории общественной мысли в славянских странах. Это, без сомнения, очень актуальная и научно-перспективная проблематика. Менее других повезло, если можно так выразиться, сравнительно-историческому направлению. Вслед за трудами Б. Д. Грекова здесь следовало бы прежде всего назвать работу М. Н. Тихомирова по изданию «Закона судного людем». Однако организация широких сравнительно-исторических исследований в области славистики

¹⁶ Проблематика эта была определена В. И. Пичетой в следующих работах: Основные проблемы советского славяноведения.— В кн.: Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2. М.—Л., 1947; Проблематика Института славяноведения.— «Вестник АН СССР», 1947, № 5; Институт славяноведения АН СССР и его задачи.— «Вопросы истории», 1947, № 5.

*Памятник В. И. Пичете
на кладбище Новодевичьего монастыря*

средневековья и новой истории все еще остается нерешенной задачей. Очевидно, она требует времени и серьезной подготовки. Зато уже появилось новое, пока, правда, только формирующееся, но уже заявившее о себе рядом солидных трудов историко-культурное направление. И, наконец, вслед за археологическими, этнографическими, лингвистическими центрами в нашем Институте появилось новое направление — изучение этногенеза славян и восточных романцев.

Сопоставление главных направлений исторической славистики в конце 30-х — первой половине 40-х годов с современным состоянием историко-славистических исследований позволяет, думается, прийти к выводу, что в свое время задачи советской историографии в области славистики были сформулированы в основном верно. Были правильно поняты основные тенденции развития историко-славистических исследований. Качественно сегодняшние работы наших историков-славистов, разумеется, далеко ушли от работ начального этапа. Важно, однако, что они продолжают и развивают сложившиеся ранее направления. Новые направления исследований тесно связаны с прежними и, естественно, продолжают и расширяют их. И в этом, конечно, огромная заслуга старшего поколения наших историков-славистов, и прежде всего — Владимира Ивановича Пичеты.

Уже отмечалось, что историко-славистические исследования имеют тенденцию к тому, чтобы сомкнуться по ряду направлений с региональными исследованиями стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Следует подчеркнуть, что в настоящее время советские историки-слависты уже в большей мере ликвидировали в нашей историографии ту зияющую брешь, которая бросалась в глаза в 30-е и даже 40-е годы, когда разрабатывались только проблемы истории СССР и стран Западной Европы.

Разумеется, было бы рискованно утверждать, что такое развитие историко-славистических исследований было в полной мере предугадано в конце 30-х — начале 40-х годов. Гораздо правильнее было бы подчеркнуть, что оно не находится в противоречии с теми задачами, которые формулировали для советских историко-славистических исследований В. И. Пичета и Б. Д. Греков. Об этом ярко свидетельствуют большой интерес В. И. Пичеты к исторической проблематике стран Дунайского бассейна, его усилия организовать параллельные исследования истории Белоруссии, Украины и Прибалтики периода феодализма. В 1945—1948 гг. в Институте истории АН СССР существовала даже специальная группа, которую возглавляли В. И. Пичета, а затем

Я. Я. Зутис. Об этом же говорит тот огромный интерес, который проявил В. И. Пичета к возрождению в СССР византиноведения. Он сотрудничал с акад. Е. А. Косминским; он не только выступал с обзорами византиноведческих работ и писал по вопросам славяно-византийских отношений¹⁷, но и считал, что в организуемом Институте славяноведения должна быть представлена византиноведческая проблематика. В свое время этого не получилось и не по его вине. Сейчас в Институте славяноведения и балканистики византиноведение заняло надлежащее место.

Владимир Иванович любил повторять вслед за Ключевским, что главными вехами на пути ученого остаются книги. Он много писал. Книги, как указующие вехи, остались на его большом творческом пути.

Его трудами прежде всего будет руководствоваться в своей работе и его будущей биограф. Но было во Владимире Ивановиче и нечто другое, важное, чего порою не вычитаешь из его книг. Было у него огромное личное обаяние, научная толерантность, врожденный педагогический такт и чувство товарищества. Было в нем и совершенно необходимое для организатора и руководителя научных исследований понимание необычайно важной в развитии науки роли научной молодежи. Владимир Иванович не просто любил окружать себя молодыми учеными, он верил в их силы, поощрял их научную самостоятельность. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что силы научного коллектива определяются не только подготовкой и способностями его членов, но и его возрастными показателями, соотношением старых и молодых кадров. Как руководителя и организатора науки его отличала, наконец, чрезвычайная широта интересов. То обстоятельство, что его личная исследовательская проблематика в определенной мере была шире научной проблематики возглавляемых им коллективов историков, в большой степени определяло его успех и его авторитет как руководителя. Не только трудом и талантом, но и огромными организационными способностями, пылким научным вдохновением и передающимся всем окружающим действительно научным энтузиазмом было достигнуто все то непреодолимое, что осталось после В. И. Пичеты нашему настоящему и будущему славяноведению, нашей настоящей и будущей исторической науке.

¹⁷ Пичета В. И. Византия и славяне.— «Вестник АН СССР» (Отделение истории и философии), 1944, № 7—8; *он же*. Славяновизантийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947).— «Вестник древней истории», 1947, № 3 и др.

ТРУД В. И. ПИЧЕТЫ
«АВСТРИЯ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ
1830—1831 гг.»

Одним из последних больших научных начинаний академика Владимира Ивановича Пичеты была монография «Польский вопрос в международных отношениях в 1795—1848 гг.» На основе первоначального знакомства с сохранившимся рукописным материалом этой монографии она была охарактеризована В. Д. Королюком как «подробный обзор русско-польских отношений на широком международном фоне»¹. Проведенная впоследствии вдовой В. И. Пичеты Александрой Петровной работа по приведению рукописи в порядок и перепечатка ее дали возможность более точно определить замысел исследователя: основываясь главным образом на комплексе русской дипломатической документации, хранящейся в Архиве внешней политики России МИД СССР (АВПР), осветить внешнеполитический аспект польского вопроса в период от ликвидации Польского государства в 1795 г. и до революции 1848 г. Избранная исследователем первая хронологическая грань не требует аргументации. К сожалению, ни рукописные материалы данной монографии, ни ныне известные нам источники не дают ответа на вопрос о том, что определило выбор завершающего рубежа монографии. Впрочем, фрагментарные наброски монографии не выходят хронологически за пределы тематики, связанной с польским восстанием 1830—1831 гг.

Таким образом, темой монографии являлись не столько собственно русско-польские отношения в различных их областях, сколько внешняя политика России в связи с польским вопросом и место польского вопроса в международных отношениях. Именно этот комплекс проблем прежде всего освещал использованный круг источников. Специфику подготавливаемого исследования наглядно характеризует уже давно введенная в научный оборот наиболее завершенная его часть — «Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.», опубликованная в 1951 г. в томе III «Ученых записок Института славяноведения». Как справедливо отмечал в предисловии публикатор В. Д. Королюк,

¹ Королюк В. Д. Рукописное наследство академика В. И. Пичеты.— «Ученые записки Института славяноведения», 1949, т. I, с. 32.

«большой и тщательно собранный автором архивный материал определяет ценность публикуемой работы»². На той стадии исследования, которую отражает сохранившаяся рукопись, внимание ученого было сосредоточено на разработке гигантского, по сути дела неизученного комплекса архивных материалов (заметим, что для тех лет, которые пока не охвачены монументальной публикацией МИД СССР «Внешняя политика России XIX и начала XX века», положение применительно к проблематике, изучавшейся В. И. Пичетой, практически за прошедшие 30 лет не изменилось). Результатом первоначального сведения воедино этого архивного материала и стала известная нам рукопись — первый набросок задуманного исследования. На очереди было привлечение источников иного типа и происхождения, обращение к новой литературе вопроса, однако все это автору уже не удалось осуществить. Со всей определенностью мы должны подчеркнуть, что мы имеем дело с *незавершенным* исследованием, с рукописью, которая в данной стадии *не предназначалась* для печати, не отражала окончательной точки зрения автора. Именно это обстоятельство определило в первую очередь те проблемы, а в определенной мере и деформации в освещении исследуемых вопросов, которые отмечались в предисловии к статье о русско-прусских отношениях в период польского восстания 1830—1831 гг. Тем не менее впервые привлеченный В. И. Пичетой архивный материал представлял существенный интерес, что оправдывало публикацию этой незавершенной работы.

В монографии «Польский вопрос в международных отношениях в 1795—1848 гг.» автором были оформлены в предварительном виде далеко не все запланированные разделы. Значительная часть рукописи, а именно главы о польско-французских отношениях 1795—1812 гг., о польском вопросе на Венском конгрессе 1814—1815 гг., уже устарела и в отношении рассматриваемого в ней архивного материала. В целом этот труд, оставшийся группой фрагментарных набросков, представляет уже интерес лишь как факт научной биографии В. И. Пичеты. Однако один небольшой раздел этого труда — «Австрия и польское восстание 1830—1831 гг.» мы считаем целесообразным опубликовать по тем же соображениям, по которым четверть века назад была предпринята публикация статьи о русско-прусских отношениях того же времени.

Публикуемому ниже очерку русско-австрийских отношений 1831 г. свойственны те же — определяемые отмеченными выше обстоятельствами — недостатки, что и статье «Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.» Здесь так же изолированное рассмотрение вопроса без обращения к широкому фону международных отношений привело к тому, что ряду тактических ходов французской и английской дипломатии придано значение, не соответствующее их истинным целям. Сама линия поведения правительства Мет-

² Пичета В. И. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.—«Ученые записки Института славяноведения», 1951, т. III, с. 136.

терниха освещается односторонне, главным образом на основе донесений русского посла в Вене Д. П. Татищева. Здесь не раскрыта та специфика, которую точно охарактеризовал один из агентов польского повстанческого правительства Изидор Петруский: «Австрия публично на стороне России, а скрыто поддерживает нас»³. Нет в этой статье характеристики полемики вокруг отношения к Австрии, в которой отразились коренные противоречия в польском повстанческом лагере. Вспомним хотя бы знаменитое столкновение Иоахима Лелевеля с Адамом Чарторьским на заседании правительства 4 августа 1831 г. Наконец, в тексте присутствует ряд конкретных неточностей, которые, без сомнения, были бы устранены автором при сопоставлении данного наброска хотя бы с книгой Юзефа Дуткевича: Константин Чарторьский не прибыл в Вену в январе 1831 г., а жил в столице Австрии с 1828 г.; первым польским собеседником Меттерниха в январе 1831 г. был не галицийский землевладелец, некий Мошинский, а чиновник Польского банка Феликс Прот Прушинский; губернатор Галиции князь Август Лобковиц был заменен эрцгерцогом Фердинандом д'Эсте не во время польского восстания, а в конце 1832 г. и т. п.

Представляется, что для читателя, располагающего литературой вопроса, не составит большого труда получить правильное представление об основных чертах австро-русских отношений в период восстания 1831 г. и внести поправки в изложение тех или иных фактов, упоминаемых в публикуемой статье. Важнее то, что из этой статьи он впервые получит сведения об архивных материалах большого значения (для точности отметим, что некоторые из приводимых здесь по АВПР документов дипломатической переписки были использованы Юзефом Дуткевичем по экземплярам из венского Haus-, Hof- und Staatsarchiv).

Парадоксальным образом в этих обстоятельствах выглядят даже ошибки и неточности. Когда в депеше Татищева (а это именно так) искажается фамилия польского собеседника Меттерниха и — что важнее — сведения о нем, то это имеет известное значение для оценки полноты и точности получаемых им сведений. Более примечательно то, что в мае 1831 г. Татищев был уже информирован о предполагаемой смене на посту губернатора Галиции, реализованной лишь полтора года спустя.

Понятно поэтому, что при подготовке рукописи к печати мы решительно избегали внесения в нее «уточнений» и «улучшений». Сокращены некоторые буквальные повторения, уточнен перевод цитат. В сверке документов по подлинникам АВПР большую помощь публикатору оказала З. С. Ненашева.

³ Цит. по.: *Dutkiewicz J. Austria wobec powstania listopadowego. Kraków, 1933, s. 94.*

АВСТРИЯ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830—1831 гг.

Как одна из участниц раздела Речи Посполитой Австрия всегда была враждебна частичному восстановлению Польши в виде отдельного Королевства Польского. Предоставление Королевству представительных учреждений не могло не беспокоить австрийское правительство. При всех отрицательных сторонах в организации государственно-правовой жизни Королевства Польского все же в нем создались относительно благоприятные условия для развития национальной культуры. Возникшее Королевство Польское с его представительными учреждениями при наличии благоприятной политической обстановки могло стать политическим центром объединения всех польских земель, что, разумеется, беспокоило австрийское правительство. Политика австрийского правительства в Галиции была враждебна польским национальным интересам.

После получения сведений о событиях, происшедших в ноябре 1830 г. в Варшаве, К. В. Нессельроде отправил ноту, которая была сообщена русскими дипломатами правительствам держав, при которых они были аккредитованы. В ответ на эту ноту австрийский канцлер князь К. Меттерних уведомил русского посла в Вене графа Д. П. Татищева, что «австрийское правительство понимает необходимость изолировать, насколько возможно, революцию в Польше»¹. В соответствии с этим Меттерних издал распоряжение, по которому «все письма, посылаемые из Польши или предназначенные для Польши, если они окажутся опасными, будут задержаны на почте»².

Австрийское правительство увеличило количество войск, предназначенных для охраны границы, и дало распоряжение придвинуть к границе все войска, расположенные в Галиции. Между Бухней и Тарновом был расквартирован корпус в количестве

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 274, л. 7.

² Там же, л. 70. Депеша Татищева от 28.XII 1830 (9.I 1831).

14 624 человек пехоты и 2204 кавалеристов, между Ярославом и Буском — 20 102 человек пехоты и 6200 кавалеристов, восточнее Злочова — 16 274 человек пехоты и 3000 кавалеристов. Всего на границе было расставлено 51 000 человек пехоты и 11 400 кавалеристов. Вместе с этим был принят ряд мер полицейского характера. Был запрещен транспорт оружия из Галиции в Королевство. Одновременно запрещался вывоз оружия и амуниции и в Краковскую республику. Правительство запретило доступ в Галицию всех газет и журналов, выходивших в Королевстве Польском. Вся частная корреспонденция должна была находиться под контролем. Правительство запрещало выезд из Галиции в Королевство Польское. Не подчинившиеся этому распоряжению объявлялись эмигрантами, и имущество их подлежало конфискации; те же, кто уедет, чтобы поступить на военную службу, будут судимы военным судом. Правительство запретило всякого рода организации, которые могли угрожать спокойствию Галиции и всей Австрийской империи. Виновные в этом будут объявлены уголовными преступниками и будут судимы на основе уголовного кодекса.

Правительство запретило всякие поездки в Королевство Польское и через его территорию без визы русского посла в Вене. Все лица, прибывшие с паспортами революционного правительства, будут немедленно высланы за границу. Если же приехавшие лица намереваются ехать дальше, то они обязаны польский паспорт переменить на русский.

Что же касается русских беженцев из Варшавы или какой-либо другой местности, то они, как подданные дружественной и союзной державы, будут выпущены без всяких затруднений. Они не будут задержаны и должны в сопровождении конвоя быть отправлены до ближайшего русского военного поста и вручены военному командованию. Что касается поляков, участников восстания, которые перейдут на австрийскую территорию, то «они должны быть под конвоем отправлены в Брюнн, откуда будут отправлены в Штирию, в Грац или в Лайбах, где они будут находиться под надзором полиции»³.

Все эти военно-полицейские распоряжения, направленные к изоляции польского восстания, были встречены неодобрительно придворно-аристократическими кругами, полагавшими, что польское восстание создало подходящий момент, который следует использовать в интересах Австрии. Считая Россию слабой в военном и политическом отношении, придворные круги и польская

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 276, л. 9 об.

аристократия намеревались связать Королевство Польское династическими узами с Австрией, включив его в сферу влияния австрийского правительства.

Уже 5 января 1831 г. Татищев с тревогой сообщает Нессельроде о слухах о кандидатуре на польский престол герцога Рейхштадтского или эрцгерцога Карла. По предположению Татищева, эти слухи исходят от тех классов, «которые виновны в преступном заговоре».

На следующий день Татищев уведомлял Нессельроде о приезде в Вену некоего Мошинского, галицийского землевладельца, имевшего связи с Королевством, который рассказывал, будто войска поддерживают кандидатуру герцога Рейхштадтского, а аристократия — герцога Карла. Мошинский встретился с Меттернихом и беседовал с ним по этому поводу. По словам Татищева, Меттерних будто бы сказал, что никогда не поддержит эти «безумные мысли» и, показывая экземпляр воззвания Николая к полякам, посоветовал Мошинскому, чтобы поляки «без малейшей отсрочки выполнили приказание их государя и стали достойными его милосердия немедленным подчинением»⁴.

По мнению Меттерниха, все эти предложения исходили от Франции. Успокоительные разъяснения Меттерниха, однако, не означали, что с вопросом, поднятым Мошинским, было кончено. Меттерних разрешил приехать в Вену князю Константину Чарторыскому, брату главы революционного правительства, с собственноручным письмом Адама Чарторыского к императору Францу. Поскольку Николай I считался еще польским королем, Адам Чарторыский не мог раскрыть полностью все планы польского правительства относительно кандидатуры эрцгерцога и поэтому в своем письме выражал лишь надежду «на расположение императора к польскому делу, а вместе с тем открыть путь к примирению и дружбе, основанной на обещании соблюдать в будущем польскую конституцию, постоянно нарушаемую произвольными распоряжениями».

Прибытие в Вену в начале января 1831 г. представителя революционного правительства было, конечно, событием большого политического значения. Ему все политические деятели придавали огромное значение как первой официальной попытке привлечь Австрию на сторону Польши и заинтересовать ее в разрешении польского вопроса.

Император Франц и Меттерних могли опасаться, что русское правительство, возможно, будет оценивать прибытие князя Кон-

⁴ АВПр, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 274, л. 45 об.— 46.

стантина Чарторьского как своего рода политическую демонстрацию против России, и Меттерних считал нужным довести до сведения русского посла о том, как реагировало австрийское правительство на предложения революционного правительства. Передавая текст письма князя Адама к императору Францу, Меттерних заявлял, что он получил приказание своего государя сообщить, что его величество не предпримет никакого шага в пользу мятежников и что он может только посоветовать им отрезвиться и просить помилования императора Николая. «Единственное средство спасти Польшу и ее учреждения, которым она обязана великодушию императора Александра, это быстро и полностью подчиниться воле императора, выраженной в обращении от 5/17 декабря 1830 года»⁵.

Подчеркивая свою солидарность с русским правительством, Австрия тогда же командировала в штаб фельдмаршала Дибича подполковника Кабога⁶.

Январские переговоры в Вене были пробным выступлением со стороны революционного правительства. Между тем в самой Польше происходили события величайшей политической важности. Революционный сейм 25 января вынес постановление о детронизации Николая I и лишении его семьи прав на польский престол⁷. Это ответственное постановление развязывало руки польскому революционному правительству и позволяло ему уже открыто заявлять о предоставлении польского престола австрийскому эрцгерцогу. Польское правительство могло надеяться, что благодаря новой политической обстановке австрийское правительство может иначе отнестись к выдвинутым им предложениям. Впрочем, австрийское правительство отнеслось отрицательно и к детронизации Николая I, и к выдвинутым польским правительством предложениям.

В письме от 3 марта 1831 г. к Меттерниху Адам Чарторьский вынужден был подойти к разрешению польского вопроса с другой точки зрения. Чарторьский отвергал возможность безоговорочного подчинения Николаю I, что произвело бы «тяжелое впечатление на нацию и армию». По мнению Чарторьского, «простое подчинение без взаимных гарантий не может быть ни допущено, ни предложено». «Необходимо,— пишет Чарторьский,— чтобы государи и нации поняли, что необходимо уничтожить

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 274, л. 63. Делеша Татищева от 28.XII 1830 (9.I 1831).

⁶ Там же, л. 83. Делеша Татищева от 11 (23).I 1831.

⁷ *Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862 par la comte d'Angeberg (L. Chodzko)*. Paris, 1862, p. 790.

источники волнений для того, чтобы в стране наступило спокойствие. Почему до сих пор отказываются от столь необходимого дела? Августейший австрийский дом должен предпринять эту славную попытку, взять на себя инициативу. Польша будет спасена на ближайшем общем конгрессе, который также решит ее судьбу»⁸. Чарторьский выражал протест против недавнего ареста и интернирования сразу после прибытия в Вену дипломатического представителя Польши графа Ельского. Вместе с тем Чарторьский выражал уверенность, что эти суровые меры будут отменены в отношении тех, которые обращаются к австрийскому императору «с доверием и с самыми искренними предложениями». Если же Польша будет всеми покинута, то ей останется, по крайней мере, «утешение погибнуть, спасая честь нации»⁹. Так впервые в дипломатической переписке Чарторьский высказал мысль, что польский вопрос — вопрос международного значения и что его разрешение — это дело европейских держав, бывших участниками Венского конгресса.

Меттерних отнесся отрицательно к предложениям Чарторьского и тогда же заверил Татищева, что его величество и его правительство в отношении польского восстания стоят на прежних точках зрения.

В беседе с Татищевым Меттерних напомнил, что на Венском конгрессе он умолял Александра не производить нового раздела Польши, а превратить Польшу в обычную русскую провинцию без представительных учреждений и армии, что содействовало духу независимости в Польше. Будь Польша теснее связана с Россией, происшедшие в ней события не имели бы места¹⁰. Таким образом, по мнению Меттерниха, в будущем Польша, как самостоятельное государство должна перестать существовать и стать такой же русской провинцией, как Галиция — австрийской.

Если русское правительство имело полное основание беспокоиться относительно того, как будет принято австрийским правительством предложение польского правительства, то заявление Меттерниха полностью его успокоило. Меттерних всемерно продемонстрировал в отношении России политику дружественного нейтралитета, желая этим показать верность Австрии ее союзнику.

Так, после начала восстания в Королевстве Польском князь Меттерних прислал губернатору Галиции князю Лобковичу пространную инструкцию, излагавшую позицию австрийского

⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 274, лл. 241—242.

⁹ Там же, л. 242.

¹⁰ Там же, лл. 327—334. Делеша Татищева от 21.III (2.IV) 1831 г.

правительства в отношении вспыхнувшего восстания¹¹. В своей инструкции Меттерних предлагал заботиться о том, чтобы были выполнены международные соседские обязательства в отношении русского правительства. В этих целях Лобковичу предлагалось не допустить перехода молодежью границы Королевства, сделать невозможной пересылку денег и передачу лошадей, оружия и боевых припасов. «Вообще власть в Галиции своим поведением должна вкоренять в сознание населения, что революция в Польше не может быть никоим образом поддержана со стороны Австрии»¹². Во исполнение правительственного распоряжения почтовое ведомство, как и в Пруссии, занималось перлюстрацией писем с той лишь разницей, что оно не считало нужным снимать копии с них и посылало в посольство подлинники. Благодаря этому важнейшие дипломатические документы, рассылаемые революционным правительством своим агентам за границей — в Англии и во Франции, — попадали в руки русского посольства. Перлюстрацией документов австрийское правительство оказало неоценимые услуги русскому правительству, которое таким образом было полностью осведомлено о всех планах революционного правительства¹³.

Стремясь подчеркнуть свою дружественную лояльность к русскому правительству, австрийское правительство оказывало ряд других услуг. Так, когда генерал-фельдмаршал Дибич в марте 1831 г. обратился к австрийскому правительству с просьбой об отпуске вина и зерна для армии, то военный совет, которому правительство поручило рассмотреть предложение Дибича, удовлетворил его просьбу. 100 тысяч кинталов зерна было отправлено в армию Дибича¹⁴.

Польская революционная армия особенно нуждалась в оружии. Агентура польского правительства производила в Англии заказы оружия и скупала его в Вене и в других городах. Агенты консульств в Лондоне и Вене были хорошо осведомлены как об этих покупках, так и о том, через какой таможенный пункт будет перевозиться оружие. Русское посольство в Вене, будучи

¹¹ *Chotodecki J.* Lwów w czasie powstania listopadowego. Lwów, 1930, s. 26—34.

¹² Там же, с. 26.

¹³ Некоторые из этих депеш, перехваченных и пересланных в Петербург австрийскими властями, опубликованы в приложениях к кн.: *Schiemann T.* Kaiser Nikolaus in Kampf mit Polen und im Gegensatz zu Frankreich und England 1830—1840. Berlin, 1913, S. 423—430.

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1831, д. 274, л. 273 и об. Депеша Татищева от 6(18).III 1831 г.

осведомлено об этих попытках доставить оружие в Польшу, сообщало австрийскому правительству о месте провоза оружия. Если транспорты с оружием были обнаружены, они конфисковывались. В этом отношении и прусское, и австрийское правительства действовали одинаково, стремясь содействовать удушению польского восстания. В то же время австрийское правительство через подставных лиц продало польскому правительству старые ружья, вышедшие из употребления в армии, и пропустило в Польшу специалистов — ремесленников-оружейников из Штирии¹⁵.

Подчеркивая свою предупредительную лояльность, Меттерних передал графу Татищеву свою беседу в марте 1831 г. с императором по поводу польских дел. По словам канцлера, «император сожалеет, что три державы одновременно не выступили против Польши. Никто не может сомневаться в победе России, но выступление трех держав позволило бы быстро задушить революцию». Император Франц высказывал опасение, что польские войска с оружием в руках будут пытаться пробиться во Францию, а австрийское правительство не располагает в Моравии достаточными силами, чтобы задержать их. Император выразил неудовольствие по поводу наплыва беженцев в Галицию, так как это увеличивает дороговизну жизни¹⁶.

Впрочем, правительственные строгости оказывались часто фиктивными, так как австрийская администрация в Галиции поступала вопреки правительственным распоряжениям. Галицийский губернатор князь Лобкович с симпатией относился к борьбе польского народа за свое национальное освобождение и всячески стремился помочь делу повстанцев. Неудачи русской армии на фронте, казалось, разрушали веру в быстрый разгром польской революционной армии, что побуждало австрийское правительство мягче относиться к польским повстанцам¹⁷.

Величайшим испытанием лояльности австрийского правительства стало дело Дверницкого. Дело в том, что корпус Дверницкого после неудачного весеннего похода на Волынь, под давлением корпуса генерала Ридигера вынужден был перейти австрийскую границу и войти в пределы Галиции¹⁸. Перешедший границу корпус в составе 712 офицеров и 3575 солдат был 1 мая

¹⁵ *Chotodecki J. Lwów...*, s. 10.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 274, лл. 246—247. Дешета Татищева от 1 (13). III 1831 г.

¹⁷ *Chotodecki J. Lwów...*, s. 30—32.

¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 275, лл. 51—52. Копия ноты Татищева Меттерниху от 22.IV (4.V) 1831.

разоружен в Хлебанове¹⁹. Польское население Галиции встретило с энтузиазмом корпус Дверницкого. Интернированный корпус сначала отказался сложить оружие, но затем под давлением командующего австрийскими войсками в Галиции генерала Штуттерхайма оружие было сдано²⁰.

Правительство Николая I немедленно обратилось к австрийскому послу в Петербурге графу Фикельмону с требованием выдачи корпуса Дверницкого русским властям, поскольку Австрия и Россия, тесно связанные между собой, были заинтересованы в подавлении «преступного» восстания, тем более что революционеры всех стран распространяют сведения, будто австрийское правительство сочувствует делу восстания. Русское правительство предлагало Австрии уплатить все издержки по содержанию и пересылке как офицеров, так и солдат. Николай I был раздражен тем, что австрийское правительство вместо того, чтобы выдать корпус Дверницкого русским военным властям, интернировало его.

Вместе с тем Татищев предлагал австрийскому правительству выдать России лошадей, пушки, так как военное имущество — собственность России.

Австрийское правительство, по сообщению Татищева, было недовольно действиями губернатора Лобковича и решило освободить его от занимаемой должности. На его место назначался эрцгерцог Фердинанд, человек твердого характера. Одновременно в депеше от 5 (17) мая 1831 г. Татищев уведомлял Нессельроде, что со стороны австрийского министра не будет оказано никакого препятствия в выдаче корпуса Дверницкого России²¹.

Впрочем, Меттерних вынужден был взять назад свое согласие. Слухи о предполагаемой выдаче побудили английское и французское правительства выступить с официальным протестом. Оба правительства уведомляли Меттерниха, что предполагаемая выдача корпуса Дверницкого явится нарушением общепринятых норм международного права²². Вопрос о выдаче корпуса Дверницкого взволновал общественное мнение европейских либеральных кругов. В многочисленных газетных статьях отмечалось, что требование русского правительства противоречит нормам международного права. Если австрийское правительство на

¹⁹ Tokarz W. Wojna polsko-rosyjska 1831 г. Warszawa, 1930, s. 313.

²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 275, л. 37 об. Делеша Татищева от 21.IV (3.V) 1831 г.

²¹ Там же, л. 70—70 об.

²² Там же, лл. 177—178, 213—214. Делеша Татищева от 12(24) и 16(28).VI 1831 г.

первых порах было готово уступить требованиям Николая I, то под влиянием общественного мнения оно должно было отказаться от этого намерения. Не желая осложнять отношения с Англией и Францией, Меттерних изменил намерение выдать России корпус Дверницкого.

Австрийское правительство, отказывая в выдаче корпуса Дверницкого, объясняло свой отказ «общественным мнением в Галиции и обещаниями, данными Дверницкому», а также невозможностью немедленной выдачи, и что оно считает интернированный корпус «находящимся в распоряжении августейшего нашего монарха». Оно не преминуло, однако, ответить резко на протестующие представления в защиту корпуса Дверницкого, с которыми обратилось к нему польское революционное правительство. С аналогичным заявлением князь Адам Чарторьский обратился к губернатору Галиции князю Лобковичу. В ответ на протест Чарторьского как главы польского правительства австрийское правительство поручило довести до его сведения, что состояние нейтралитета оно понимает отнюдь не как пассивную позицию. Правительство приняло решение не применять принципа нейтралитета «к мятежным подданным и сохраняет за собой право толковать его в зависимости от тех последствий, которые могут получиться для него в результате его пассивного поведения»²³. Эта оговорка могла пониматься так, что в будущем австрийское правительство намерено держаться иной политики в отношении повстанцев, перешедших границу.

В сущности само австрийское правительство было удовлетворено подобным разрешением возникшего дипломатического инцидента. Интернированный корпус Дверницкого был отправлен в глубь Австрии. По дороге к месту своего прибытия разбежались сотни солдат и офицеров, а галицийская администрация относилась сочувственно к побегам солдат и офицеров и не принимала никаких мер к их возвращению²⁴.

Русское правительство, вынужденное примириться с решением австрийского правительства, однако, полагало, что этот прецедент не должен распространяться на все последующие случаи перехода границы. Поэтому в депеше от 23 мая, сообщая русскому послу, что «мятежники в Подолии, окруженные со всех сторон войсками генерала Рота, намереваются найти убежище в Австрии, границу которой они перешли 14 мая около Сотанова

²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 275, л. 213—214. Депеша Татищева от 16 (28).VI 1831 г.

²⁴ *Chotodecki J. Lwów...*, s. 60.

и Тарнополя», оно предлагало своему послу потребовать от австрийского правительства «немедленной выдачи этих мятежников с их начальниками».

Русское правительство выражало уверенность в том, что «австрийское правительство должно будет уничтожить результат нового неудачного примера и показать, что не желает допускать, чтобы его территория беспрестанно нарушалась мятежниками». «Серьезные соображения, — написал Нессельроде, — воспрепятствовали Австрии выдать корпус Дверницкого. Но они не приложимы к отдельным личностям, о которых мы сообщаем... Эти лица не являются поляками из Королевства, но из русских провинций. Они не образуют отдельный регулярный корпус... но составляют неорганизованную банду людей, которые отреклись от законов чести и гуманности. Если, к сожалению, верно, что во многих странах Европы обнаруживаются симпатии в пользу поляков Королевства, то невозможно допустить, чтобы они были одушевлены теми же чувствами в отношении русских поляков... Это ведь не только политические преступления, в которых они виновны, это преступления, которые наказываются законами всех стран и всех правительств, независимо от формы правления и их руководящих принципов, одинаково заинтересованных в том, чтобы не оставить их безнаказанными.

Несмотря на оговорки, делавшиеся австрийским правительством, решение вопроса о невыдаче корпуса Дверницкого имело большое принципиальное значение. Несмотря на требование Николая I их выдачи, не были выданы и польские повстанцы из Подолии. Они также подходили под действующие нормы международного права. Генерал Ридигер мог сообщать, что в Галиции находят убежище многие лица, не относящиеся к списку Дверницкого, и, называя их «наиболее вредными мятежниками», посылать требование австрийской администрации «р принятии необходимых мер, чтобы остановить их приток и выдать их нашим властям независимо от того, что то или другое подозрительное лицо с паспортом или без паспорта перешло границу их империи»²⁵. Но деятельность австрийского правительства в данном вопросе находилась под контролем Англии и Франции и европейского общественного мнения, а поэтому ему приходилось отказывать русскому правительству в выдаче беженцев.

Правда, граф Татищев в депеше от 24 июня уведомлял Нессельроде, что австрийское правительство согласно выдать всех беженцев на территории Галиции, не состоящих в рядах поль-

²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 275, л. 131—131 об. Депеша Татищева от 17 (29).V 1831 г.

ской армии, но под условием сохранения им жизни. Русский посол в связи с этим предлагал заключить с австрийским правительством тайную конвенцию о взаимной выдаче политических преступников с включением клаузулы об обратном действии соглашения, которой в будущем можно будет воспользоваться в зависимости от обстоятельств²⁶. Впрочем, эта предлагаемая Татищевым конвенция не была заключена.

Дело корпуса Дверницкого несколько обострило русско-австрийские отношения. Русская нота от 27 мая разрядила напряженность их, так как Николай I, убедившись в том, что даже при наличии доброй воли со стороны австрийского правительства его требования не могут быть выполнены, примирился с неудачей своего дипломатического выступления.

В свою очередь Меттерних был вполне удовлетворен содержанием русской ноты от 15(27) мая, поскольку она признавала, что австрийское правительство не могло поступить иначе в деле Дверницкого. Вместе с тем в ноте Николая I Меттерних видел «новое свидетельство» согласованности политики союзников, а также «доверия и искренней откровенности в сношениях с венским двором». Меттерних был готов пойти на удовлетворение всех продовольственных нужд армии, отмечая, впрочем, что распространение холеры затрудняет приведение в исполнение обязательства, принятого австрийским правительством. Меттерних сообщал Татищеву в ноте от 5 июня, что в распоряжение русского командования будут представлены «все средства продовольствия, находящиеся в военных магазинах Галиции, которые не будут нужны для удовлетворения собственных нужд». Меттерних обещал снабдить армию мукой, сеном, овсом, ячменем и таким образом облегчить продовольственные затруднения действующей русской армии²⁷.

Но Меттерниху приходилось считаться не только с правительством Николая I, но и с правительствами европейских держав. В меморандуме от 6 июля Меттерних вынужден был признать, что правительства Англии и Франции «осуждают меры, принятые австрийским правительством в отношении польского корпуса Дверницкого... полагают, что Австрия в этом случае нарушила законы о нейтралитете, санкционированные международным правом и авторитетом наиболее известных публицистов». Австрийскому правительству было предъявлено обви-

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 275, лл. 195—196. Депеша Татищева от 12(24).VI 1831 г.

²⁷ Там же, лл. 201—203 об. Приложение к депеше Татищева от 12(24).VI 1831 г.

нение в нарушении следующей нормы международного права: «Чужеземные нации не должны вмешиваться во внутренние дела независимого государства, тем более выступать судьей в несогласиях, возникших как между гражданами, когда дело доходит до вооруженного столкновения, так и между государем и подданными. В обоих случаях эти несогласия должны быть посторонними для держав, независимо от их влияния.

Меттерних заявлял, что это обвинение по адресу Австрии является необоснованным, так как она «никогда не претендовала на вмешательство во внутренние дела ни России, ни Польши, и не пыталась использовать свое влияние по отношению к одной и другой». В оправдание своей позиции Меттерних ссылается на вторую часть процитированного параграфа, заимствованную из книги Э. Ваттеля «Международное право», в которой говорится, что «союзники государства, охваченного гражданской войной, поступают, естественно, согласно принятым на себя обязательствам, в зависимости от обстоятельств определяя свое поведение».

Отмечая, что Австрия уже много лет связана союзом с Россией, а также и договорами, которые решили судьбу старых польских провинций, Меттерних полагает, что оба государства имеют свои особые права и интересы в отношении всего того, что касается Польши. «Поэтому Австрия имела право с начала восстания в Варшаве... соединить свои силы с силами России... не нарушая норм международного права». По мнению Меттерниха, в этом случае Австрия могла держаться обычного нейтралитета, или строгого нейтралитета, или выступить в качестве посредника. Никакое иное государство не имеет права определять, какую позицию ей следовало бы избрать. «Она сама должна быть ответственной в этом вопросе и не должна считаться в этом вопросе ни с чем, кроме своих собственных интересов и руководящих принципов своей политики».

Меттерних заявлял в своем меморандуме, что Австрия никогда не объявляла о своем нейтралитете, а полякам была известна позиция, занимаемая Австрией. «Они, наоборот, знали, что Австрия безоговорочно отрицательно относится к восстанию, что, не прибегая к оружию, она действует в пользу России, что она время от времени, не пренебрегая никаким обязательством, но в силу договоров, сохраняющих свою силу, помогала ей всеми средствами... и что по отношению к полякам, победителям или беженцам она могла вести себя так, как того требовали ее договоры, интересы и политические расчеты».

«Соображения, которые побудили Австрию не объявлять своего нейтралитета в этой войне, зажженной революцией в

Польше,— пишет Меттерних в своем меморандуме,— исходили из основных принципов моего правительства. Это правительство не допускает, чтобы законный государь и его подданные могли трактоваться как равные, и полагает, что принцип революции не будет правом и что невозможно договариваться об обязательствах с теми, кто независимо от того, какими они располагают материальными средствами, не располагает правом на законное существование, и бесспорно должно рассматривать декларацию о нейтралитете в борьбе между государем и его подданными не только, как преступную аномалию, но как акт, разрушающий социальный порядок. Австрия неизменно держалась этой системы и останется верной ей даже в том случае, если бы более сильные соображения могли побудить ее к отказу от них... Австрия не имеет права жаловаться; она довольствуется тем, что она требует для самой себя и в чем она никогда не откажет другой державе: свободы суждения и независимости в действиях. Не имея желаний поднять оружие против поляков и будучи тем более не в состоянии признавать нейтралитет, непримиримый с ее принципами и обязанностями по отношению к России, Австрии ничего не оставалось иного, как только пребывать в промежуточном состоянии, которое можно назвать нейтралитетом де факто, который, как это хорошо известно, существенно отличается от нейтралитета признанного и объявленного».

Согласно высказанным соображениям, Меттерних полагает, что в связи с отступлением корпуса Дверницкого на территорию Галиции «австрийское правительство, без сомнения, имело право передать весь корпус с оружием и материальной частью в распоряжение государя, против которого он поднял оружие. Поступая таким образом, оно бы действовало согласно договору, продолжающему сохранять свою силу до сегодняшнего дня между венским двором и императором России и королем Польши. Лишь весьма серьезные соображения могли побудить его императорское величество воздержаться в этом случае от точного выполнения своих обязательств. Русский кабинет, единственный имевший основание на это жаловаться, признавал весомость этих соображений и, конечно, не вменял в преступление Австрии ее действия в отношении беглых поляков...»²⁸

Этот большой меморандум представлял собой попытку австрийского правительства отвести от себя обвинение в нарушении норм международного права и юридическими соображе-

²⁸ Schiemann T. Kaiser..., S. 466—469.

ниями оправдать свою политику дружественной помощи России. Через два дня, 8 июля, Меттерних в депеше Фикельмону, посылая ему копию меморандума, отмечал, что «русский кабинет должен отдать нам справедливость, что в этих новых обстоятельствах мы вновь показали, что не собираемся изменять нашу политику»²⁹.

Между тем европейские правительства все же питали надежду, что Австрию можно будет изолировать от России и привлечь на свою сторону для совместного выступления в защиту поляков. В марте Англия и Франция предприняли попытку ввести Австрию в орбиту политики и в виде гарантии предлагали заключить с ней союз³⁰.

В своем донесении от 21 марта (2 апреля) Татищев сообщает о представлении английского посла лорда Коулей, сделанном австрийскому правительству. Английское правительство выражало надежду, что Австрия выступит в пользу Польши, так как «слишком большая территория России и значительные материальные и финансовые средства, находящиеся в ее распоряжении, чтобы держать Польшу в зависимости от Империи, а также стратегическое положение России,— все это, по мнению английского правительства, должно интересовать Австрию». Однако австрийское правительство отказалось поддержать «наиболее проворных врагов монархии, которых невозможно склонить к поддержанию тех основ, на которых держится порядок в Европе»³¹. Равным образом австрийское правительство отнеслось отрицательно к предложению французского и английского послов о посредничестве, что было результатом дипломатической акции польских представителей в Лондоне и Париже, добивавшихся того, чтобы была признана независимость Польши и посредничество Пруссии в их пользу³².

Еще ранее, 10(22) марта³³, Татищев сообщал Нессельроде, что французский посол в Вене Мезон уведомил Меттерниха о получении им ноты от Себастиани с предложением совместно выступить в пользу поляков. Себастиани полагает, что выступление держав, поддержанное Австрией, будет более действительным и что Польша, отделенная от России как самостоятельное конституционное государство, будет более отвечать интере-

²⁹ Schiemann T. Kaiser..., S. 469.

³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 274, лл. 237—238. Депеша Татищева от 1 (13).III 1831 г.

³¹ Там же, л. 324—324 об.

³² Там же, л. 339—339 об.

³³ Там же, лл. 279—280.

сам Австрии. Меттерних в своем ответе, по словам Татищева, ограничился лишь заявлением, что Венский конгресс не создавал независимой Польши.

Между тем и польские правящие круги самостоятельно пытались отвлечь Австрию от союза с Россией. На этот раз инициатива исходила от главнокомандующего польской армией генерала Сквинецкого, обратившегося 3 мая 1831 г. с письмами к Меттерниху и к эрцгерцогу Карлу как защитнику независимости Польши на Венском конгрессе 1815 г. и кандидату на польский престол, выдвинутому аристократической прослойкой. «Если в 1815 г., — пишет Сквинецкий Меттерниху, — Вы в вашей мудрости признали необходимость существования независимой Польши, то эта же необходимость остается в силе и сегодня. Потребуется много времени, чтобы могущество России, ослабленное войной с Турцией и настоящей войной с Польшей, могло вновь стать угрозой Европы. Наши враги, предвидя, что независимость Польши нанесет смертельный удар опасному преобладанию России, используют все средства, все возможные инсинуации, чтобы представить восстание Польши как мятеж демагогов, якобинцев». Сквинецкий спешит успокоить своего адресата, что статьи, появившиеся в газетах и принадлежащие молодым писателям, вызывают отрицательное отношение всей нации. По мнению Сквинецкого, «поведение сейма, правительства и армии достаточно свидетельствует о духе нашего восстания. Уважение ко всем учреждениям, которые поддерживали твердый общественный порядок, доказывает, что польская нация поднялась не для того, чтобы произвести якобинскую революцию, не для того, чтобы увлекаться утопическими иллюзиями, но, главным образом, чтобы восстановить свою независимость и занять свое место между другими нациями, которое она должна занимать, чтобы обеспечить процветание и мир Европы».

В письме эрцгерцогу Карлу Сквинецкий излагал свой взгляд на разделы Польши, которые, по мнению Сквинецкого, были наиболее выгодны для России: «Она приобрела более 10 миллионов населения, увеличила свои финансы и усилила свою армию за счет воинственного населения. Распространяясь в Европе, она стала господствующей державой, она уничтожила влияние политики Пруссии, ослабила влияние Австрии и, наконец, стремится занять первое место на севере Европы. Сегодня Россия господствует на востоке и в центре Европы, она ограничивает независимость Германии, угрожает австрийскому дому завоеванием славянских провинций, она угрожает своей политической системой, хорошо известными планами уничтожения

Турецкой империи и захватом Константинополя и даже,— кто может предвидеть честолюбивые завоевательные планы, наметенные этим правительством... Падение Польши нарушило равновесие в Европе. Пруссия, подчиненная влиянию России, поддерживает ее влияние и благоприятствует ее преобладанию в надежде найти поддержку в исполнении своих планов расширения и округления. Правда, славянские нации повинуются Австрии, но сходство их языка, общего по происхождению, как и их религии, одинаковой с Россией, позволяет пользоваться ими для осуществления секретных планов последней».

Скшинецкий выражал убеждение в том, что австрийский император, «благосклонно отнесясь к независимости поляков, не только укрепил бы свою монархию, предохраняя ее от опасностей в будущем, но и обуздал бы честолюбие России. Он заставит Россию вернуться к ее первоначальным границам». Поддерживая независимость поляков, он приобретет новых «признательных союзников»³⁴.

Представив Россию как государство, которое угрожает будущности Австрии, Скшинецкий считает, что энергичная манифестация чувств Австрии в пользу польского дела, поддержанная армией в 60 тысяч человек, «восстановит мир в Европе, законный порядок, справедливость и повлечет за собой полную независимость Польши». Однако, как ни пытался польский главнокомандующий показать, что будущее Австрии зависит от восстановления независимости Польши и ослабления России, его призывы остались безрезультатными.

Надежды Скшинецкого на вооруженное вмешательство были только утопией. Даже сторонники независимости Польши во главе с эрцгерцогом Карлом никогда бы не решились на военную интервенцию. Слишком много было революционного пороха в Европе. Бельгийский вопрос еще не был окончательно разрешен. Пруссия никогда не осталась бы равнодушной к австрийской интервенции. Все это прекрасно понимало австрийское правительство. Молчание было ответом на призыв Скшинецкого, на его обращение к эрцгерцогу Карлу, а через него — к императору.

Скшинецкий пытался запугать Австрию угрозой — в случае разгрома польского восстания — усиления России, столь опасного в будущем для неприкосновенности австрийской территории. Но Меттерних в данном случае этого не опасался. Целью

³⁴ Schiemann T. Kaiser..., S. 444—449. В публикации Шимана адресатом обоих писем Скшинецкого ошибочно назван эрцгерцог Карл.

его политики было скорейшее успокоение Европы и погашение революционного пожара в Польше, пламя которого может перебраться в другие государства, в частности в самую Австрию. Реакционное австрийское правительство, конечно, не могло согласиться с точкой зрения Сквинецкого, так как в его глазах поляки были только «мятежниками».

Но Франция и Англия все же продолжали питать надежду, что Австрия будет изолирована от России и что в отношении польского вопроса она станет на их сторону. В разговоре с австрийским послом графом Аппони в начале июля глава правительства Перье, обсуждая вопросы, связанные с сохранением всеобщего мира, отметил, что польский вопрос прежде всего угрожает спокойствию в Европе, и высказал опасение, что император [Николай I] никогда не согласится восстановить «национальное существование поляков». Что касается могущества России, то оно является иллюзией, которую создала сама Европа³⁵.

Через несколько дней граф Аппони сообщил Меттерниху о намерении Франции выступить в пользу поляков и привлечь Англию к совместному выступлению. О депеше Аппони Меттерних уведомил Татищева. В беседе с последним Меттерних высказал предположение о возможности совместных действий Великобритании и Франции,— хотя они могут носить только демонстративно-враждебный характер, так как эти державы не располагают средствами ни оказать прямую помощь Польше, ни увеличить средства ее сопротивления,— и о том, что эти державы, совместно или по отдельности, обратятся к венскому двору. В случае если бы это обращение состоялось, то, по словам Татищева, Меттерних объявит, что «всякая попытка в этом роде полностью направлена против прочности тех уз, которые связывают обе империи». Император Франц, по словам Меттерниха, «рассматривает, как свое собственное, дело его августейшего друга и союзника с поляками».

В разговоре с французским послом Мезоном Меттерних заявил, что «предположенное выступление, столь противоположное принципам, которые Россия не раз имела повод объявить, и в этом случае имеет мало данных для успеха». Тогда Мезон неожиданно заявил, по словам Татищева, что «французский министр после ответа вашего сиятельства на конфиденциальное выступление герцога де Мортемара полагает даже

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 275, лл. 261—262. Депеша Татищева от 3 (15).VII 1831 г.

необходимым организовать встречу представителей, установив непосредственные связи с Пальмерстоном, чтобы договориться с Россией»³⁶. Таким образом, Себастиани предлагал созвать конференцию пяти держав и поставить на ее обсуждение польский вопрос, подобно тому, как в Лондоне были приняты решения относительно Бельгии.

Беседа Мезона с Меттернихом была лишь предварительной разведкой, так как французский посол официально предложил Австрии присоединиться к представлению Франции в пользу поляков, которое будет направлено в Петербург. Оно будет содержать предложение сохранить Королевству Польскому то политическое существование, которое установил Венский конгресс, но оно не будет заключать предложения о независимости Польши. О предложении Франции Татищев сообщил Нессельроде 26 июля, присоединив к нему ответ австрийского канцлера. По словам Татищева, Меттерних ответил, что «цель, которую преследует его правительство, это — подчинить поляков, что Австрия имела возможность не раз советовать им. Французское предложение, сделанное в менее энергичных тонах, чем можно было предполагать, не должно было дать никакого иного результата, как только чтобы вставить одну фразу в тронную речь при открытии палат и показать видимость согласия с общественным мнением Франции»³⁷.

Предвидя выступление Франции и Англии по польскому вопросу, Меттерних отправил графу Эстергази в Лондон и графу Аппони в Париж инструкции, что отвечать на все предложения по этому вопросу³⁸. Согласно полученным инструкциям, Аппони отверг сделанное Австрии предложение. В беседе с австрийским послом Людовик-Филипп³⁹ выразил еще раз уверенность в том, что соглашение с поляками на основе акта Венского конгресса вполне удовлетворит поляков, на что австрийский посол ответил, что «никакая интервенция не может иметь успеха, что император не согласится ни на какие бы то ни было соглашения с поляками до тех пор, пока поляки не сложат оружие, что державы должны в принципе поддержать».

Себастиани объяснил необходимость выступления распространением холеры, Аппони ответил, что, какой бы характер не имело предполагаемое выступление, оно будет очевидно оскор-

³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 275, лл. 265—267. Депеша Татищева от 6(18).VII 1831 г.

³⁷ Там же, лл. 289—290. Депеша Татищева от 14(26).VII 1831 г.

³⁸ Там же, лл. 304—307. Депеша Татищева от 21.VII (2.VIII) 1831 г.

³⁹ Там же, л. 312.

бительно для России, поэтому он даже предвидит разрыв между двумя государствами, так что результаты получатся совершенно противоположные. Себастиани утверждал, что желание всех держав — «побудить императора Николая прекратить борьбу, которая обезлюживает одну из наиболее богатых его провинций и которая вызывает крайне глубокое раздражение во всей Европе». Себастиани полагал, что «восстание могло быть кончено в течение трех месяцев со времени его начала, но оно тянется до настоящего времени и становится предметом политического спора. Если же наше посредничество не будет принято, мы признаем независимость Польши».

Татищев, сообщая об этой беседе Аппони с Себастиани, полагал, что проект интервенции французского министра не будет иметь серьезных последствий, так как не встретит поддержки даже со стороны Англии, на которую он рассчитывал⁴⁰.

Между тем восстание в Польше близилось к концу. Паскевич готовился к штурму Варшавы, французское посредничество оказалось безуспешным. Восставшая Польша оставалась изолированной. Тогда правительство Адама Чарторьского обратилось за помощью к Австрии. Чарторьский послал для переговоров с Меттернихом своего племянника, графа Андрея Замойского, с предложением выступить в защиту независимости Польши. Меттерних ответил решительным отказом. После этого Замойский пытался добиться вмешательства австрийского императора, но и этот шаг окончился неудачей. Тогда Замойский предложил подчинение, если австрийский император выступит защитником перед русским императором в пользу поляков, на следующих условиях: 1) всеобщая амнистия; 2) сохранение армии и вновь присвоенных воинских чинов; 3) строгое соблюдение условий Венского конгресса; 4) договор между тремя государствами относительно сношений между подданными старого Королевства Польского. Но и это предложение было отвергнуто. О предложениях графа Замойского Меттерних сообщил 11 сентября 1831 г. Фикельмону в Петербург⁴¹.

Меттерних также ответил графу Замойскому письмом, в котором сообщил, что «его апостолическое величество, верное своим принципам и союзным связям и дружбе, которые объединяют его с его величеством императором России и королем

⁴⁰ Там же, лл. 304—307.

⁴¹ *Schiemann T. Kaiser...*, S. 470—472.

польским, не может допустить, чтобы какое-либо из предложений было принято». Чтобы спасти столицу от гибели, а также и население, «самым лучшим средством его защиты является немедленное подчинение».

В связи с падением Варшавы австрийскую границу вновь перешли польские войска под начальством Раморино, Ружицкого и др. Учитывая, что австрийское правительство встретило с полным удовлетворением взятие Варшавы, русское правительство потребовало выдачи польских войск, считая их военнопленными. Одновременно им был поднят вопрос о выдаче бывшего главнокомандующего польской армии генерала Скшинецкого и князя Адама Чарторьского⁴², так как, по данным Татищева, князь Чарторьский предполагает искать убежища в Австрии, поскольку он находился при корпусе Раморино⁴³.

Однако Николай I и его правительство несколько переоценили услужливость венского двора. Николай I был уверен в том, что после взятия Варшавы австрийское правительство выдаст русским властям всех поляков, военных и невоенных, подобно тому, как поступило в этом вопросе прусское правительство. Но его ожидало разочарование.

Отношение австрийского правительства к требованию выдачи польских беженцев было разъяснено Меттернихом в длинной ноте от 12 октября, адресованной Татищеву⁴⁴.

Требования русского правительства выдать корпус Раморино, нашедший убежище в Галиции, а также солдат корпуса Дверницкого Меттерних определил как «абстрактные», поскольку они не были юридически обоснованы. По мнению Меттерниха, поляки, нашедшие убежище в Галиции, не могут быть причислены к категории военнопленных. Они не являются военнопленными «императора России», так как они не находятся в его власти. Равным образом они не могут быть названы пленными Австрии и Пруссии, так как «эти государства не находились в войне с ними». В отношении военнопленных, по мнению Меттерниха, никогда не применялась амнистия. Однако «эти люди, чтобы вернуться на родину, должны быть амнистированы». Они не военнопленные; их можно квалифицировать только как «мятежников, нашедших убежище на иностранной территории».

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 276, л. 66. Депеша Татищева от 30.IX (12.X) 1831 г.

⁴³ Там же, лл. 23, 27. Депеша Татищева от 16(28).IX 1831 г.

⁴⁴ Там же, лл. 62—64. Приложение к депеше Татищева № 206.

«Его величество император России, — пишет Меттерних, — огласил тот принцип, которым он руководствовался в отношении повстанческой армии, взятой целиком. Но то, что относится к военным, разоруженным в Королевстве, не может быть приравнено к тем, кто сложил оружие вне своих границ. Если император не желает рассматривать их как солдат, то они должны знать, на каких условиях они вновь могут стать его подданными. Сказать просто тысячам людей «возвращайтесь в ваши жилища» — не даст ничего; прежде чем принять решение, они пожелают узнать те условия, на которых они могут быть приняты... Император России должен объявить условия людям, которые находятся на нашей территории».

По мнению Меттерниха, чтобы выйти из затруднения, русскому императорскому двору, Австрии и Пруссии, остается только одно: «объявить акт амнистии. В этом случае беглецы разделятся на две группы. В первую войдут раскаявшиеся мятежники — она будет наиболее многочисленной, мирно вернется в свои дома. Другая категория охватит тех лиц, которые не пожелают воспользоваться милосердием императора. Между беженцами, которые откажутся подчиниться, будут одни поляками, другие иностранными авантюристами, как Раморино, Лагермоно, Галлуа и др. Помимо того, среди них будут члены варшавских клубов... их опасно оставить — они будут увеличивать ряды политических разбойников, которых покрывает цивилизованный мир. Из двух зол надо избрать наименьшее. Три монарха должны запретить навсегда вернуться им в их государства».

Меттерних лишь не упомянул, что придворно-аристократические круги сочувствовали польскому восстанию и поэтому не могли допустить, чтобы австрийское правительство дало свое согласие на выдачу поляков — участников восстания независимо от того, являются ли поляки подданными Королевства или русскими подданными, выходцами из Волыни и Подолии.

Что касается вопроса о выдаче Чарторьского, то он не потребовал от Меттерниха никаких юридических обоснований, так как Чарторьский находился вне пределов Австрии. 17 ноября Меттерних сообщил Татищеву, что Чарторьский оставил корпус Раморино, направился к Кракову под именем Георгия Гофмана, затем находился в карантине в Подгуже. Комиссару полиции было поручено установить подлинность его личности, но Чарторьскому удалось скрыться, и все розыски полиции оказались безрезультатными, а данные семейной переписки позволяют утверждать, что Чарторьский удалился в

Швейцарию или Голландию⁴⁵. На этом и кончилось дело о выдаче Чарторьского.

В то же время русское правительство нотой от 12(24) ноября потребовало от австрийского правительства выдачи бывшего главнокомандующего польской армии генерала Сквинецкого. Меттерних отказал в этом требовании, а в ответной ноте от 6 декабря мотивировал свой отказ теми принципами, которыми руководствуется австрийское правительство, чтобы избежать многочисленных затруднений, могущих произойти от польской революции, а именно — «неизменно не входить в обсуждение вопроса о большей или меньшей виновности повстанцев, перешедших на австрийскую территорию, и принять их всех без различия и исключения, к какой бы категории не относил их императорское правительство вообще»⁴⁶.

Что касается генерала Сквинецкого, как и других польских беженцев, которые останутся в Австрии, то они, разумеется, будут поставлены в такие условия, в которых будут не в состоянии использовать свое влияние, чтобы помешать умиротворению Королевства Польского. Как по более высоким соображениям, так и в интересах русского императорского двора принято решение не принуждать никого из беженцев возвращаться в Польшу против своей воли. Трудно также поступить иначе в отношении генерала Сквинецкого и выдать его лично русским властям, так как, согласно его показаниям, он «является родом из Галиции и, следовательно, австрийским подданным, тем более, что между двумя империями не существует договора о выдаче преступников».

Татищев не был удовлетворен ответом Меттерниха. Через два дня, 26 ноября (8 декабря), им была отправлена Меттерниху нота⁴⁷, в которой Татищев счел «своим долгом представить свои соображения относительно мотивов, которые противоположны тем, которые были провозглашены моим правительством». Касаясь замечания Меттерниха, что Сквинецкий родом из Галиции и сохранил австрийское подданство, Татищев напоминает Меттерниху, что Сквинецкий более двадцати лет служил в польской армии и что он на основании трактата 3 мая (21 апреля) 1815 г. избрал своим местопребыванием Королевство. Татищев признает, что юридическое обоснование о

⁴⁵ АВГР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 276, лл. 285—287. Приложения к депеше Татищева от 14(26). XI 1831 г.

⁴⁶ АВГР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 276, лл. 319—321.

⁴⁷ Там же, лл. 322—324.

невыдаче политических преступников дает Австрии право отказать в выдаче их. Но, по его мнению, этот вопрос надо рассматривать с точки зрения последствий такого отказа для обоих государств. Отношения между двумя государствами должны строиться не только на строгом выполнении договоров, но и на обоюдном интересе в подавлении революционных течений в обоих государствах. «Предоставить убежище и обеспеченную безнаказанность в Австрии лицам, которые виновны в политических преступлениях в Российской империи, не будет ли это для будущих беспорядков поощрением повторять подобного рода попытки?»⁴⁸

Отвечая на ноту Меттерниха от 6 декабря. Нессельроде ссылаясь на пример офицеров корпуса Рыбинского, нашедшего убежище в Пруссии, которые подписали декларацию по форме, согласно которой они обязываются «подчиниться и надеяться на милосердие императора и короля и просят его величество воспользоваться амнистией и позволением вернуться на родину». Нессельроде полагал, что эта форма должна быть применена и в отношении корпусов Раморино, Каминского и Ружицкого.

Правительство Николая I ошиблось в своем предположении, что сложный вопрос о выдаче поляков-беженцев можно разрешить лишь переговорами между обоими правительствами. Николай I не находил нужным считаться с общественным мнением Европы, тогда как австрийское правительство, конечно, не забыло о том возмущении, которым была охвачена Европа, когда распространились слухи о его намерении выдать русским властям корпус Дверницкого. Помимо этого, придворно-аристократические круги, поддерживавшие польское восстание, относились отрицательно к требованиям Николая I о выдаче всех, кто имел убежище в Австрии. Меттерних, конечно, не мог с этим не считаться. В силу этого австрийское правительство оказалось менее уступчивым к требованиям России по сравнению с Пруссией. Оно категорически отказало в выдаче русским властям поляков, нашедших убежище в Австрии. Но вместе с тем оно оказало немалые услуги русскому правительству в его стремлении подавить польское восстание, хотя все же в этом случае Австрия была относительно менее активной, чем Пруссия.

⁴⁸ Там же, л. 323.

ВОСПОМИНАНИЯ
О МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(1897—1901 гг.)¹

Я попал в Московский Университет вопреки собственному желанию. Ничто меня с последним не связывало. У меня не было в Москве ни родных, ни знакомых, тогда как в Киеве они имелись. Большая часть моих товарищей также разбрелась по столицам. Говорили мне об упадке Киевского университета и о том, что в Москве преподают такие знаменитости, как В. О. Ключевский, В. И. Герье, П. Г. Виноградов, у которых есть чему поучиться. Пожалуй, последний аргумент в пользу Москвы был наиболее сильным, отчасти содействовавшим прекращению моей оппозиции против Москвы в пользу Киева...

Первые два курса историко-филологического факультета были общими для всех студентов, и только с третьего курса было деление на отделения. Эта система в значительной степени содействовала тому, что я засорил свою голову предметами, в сущности для меня не имевшими никакого значения, но подготовка к которым отнимала немало времени. Экзамены сдавались на первом и втором курсах в дни, назначенные деканом. Несдача одного экзамена влекла за собой оставление на второй год. На третьем курсе не было экзаменов, а на четвертом —

¹ В Архиве АН СССР хранится личный фонд известного советского учено-го-слависта, организатора первых марксистских славистических исследований в Советском Союзе, академика Владимира Ивановича Пичеты (1878—1947). Среди многочисленных и разнообразных материалов этого фонда есть и воспоминания под названием «Моя жизнь до 1905 г.». Эта объемистая рукопись в 246 страниц, состоящая из отдельных листов, исписанных с обеих сторон убористым, трудно разбираемым почерком, написана в 1931 г.

Содержание рукописи выходит за означенные в заглавии хронологические рамки. По сути дела в мемуарах рассказывается о жизни и деятельности В. И. Пичеты до Великой Октябрьской социалистической революции. Воспоминания были написаны за очень короткий срок в 1931 г. Публикуемые ниже отрывки касаются периода учебы В. И. Пичеты в Московском университете с 1897 по 1901 г. В публикации произведены некоторые сокращения авторского текста, обозначенные отточиями. Публикацию подготовила Л. И. Уткина.

студент получал выпускное свидетельство, дававшее ему право держать где бы то ни было государственный экзамен по всем предметам исторического образования с включением латинских и греческих исторических авторов. Подготовка к подобному экзамену требовала немало сил и здоровья и, в сущности, надо признать ее бесполезною, но, очевидно, эти экзамены считали необходимыми, раз на последних двух курсах не было экзаменов.

Вместе с юристами I курса студенты-историки слушали и политическую экономию. Большое количество приват-доцентов, читавших необязательные курсы или объявивших необязательные семинарские занятия, имело для студентов громадное значение, ибо на этих лекциях и практических занятиях, где было мало студентов, можно было многому научиться и увеличить свой исторический кругозор. При той системе университетского формализма, которая царила в это время в университете, единственно живыми были приват-доцентские курсы. Приват-доценты были обязаны прочитать в год известное количество лекций под угрозой лишения приват-доцентского звания в случае невыполнения этого обязательства...

На вопрос, что собой представлял Московский университет, лучшим ответом будет характеристика профессорской братии, оценка ее с точки зрения рядовой братии...

Начну с В. О. Ключевского. О последнем много писалось и большей частью в панегирическом тоне. Достаточно воспоминаний Кизеветтера, вышедших в Праге в 1926 г. Для московских историков, вышедших из школы Ключевского, за исключением М. Н. Покровского, Ключевский был богом, к которому нельзя было подходить с нечистыми помыслами. Я не читал ни одной статьи Ключевского, не был знаком с его «Боярской Думой», когда на втором курсе в Большой Словесной аудитории я слушал лекции Ключевского.

Обычно его посещали только студенты II курса, но когда Ключевский доходил до характеристики «чудес», сидевших на русском престоле, то набиралось народу видимо-невидимо. Очевидно, «чудеса» очень интересовали студентов в той плоскости, в какой они характеризовались Ключевским. Свой курс русской истории он читал в течение 4 часов в неделю [есть] год, но он никогда его не доводил до конца, а в 1899 г. в связи с февральско-мартовскими университетскими волнениями было прочитано еще меньше. В значительной части университетский курс Ключевского был очень близок к тому студенческому изданию, которое имелось у нас на руках. Может быть, Ключевский создал свой изданный курс в более позднее время, но в

мое время ни в таком виде, ни в таком размере он не читался. Я слушал Ключевского с большим увлечением. Это было действительно художественное чтение по запискам «дьяка, поседелого в приказах».

Вспоминается мне лекция, которая вызвала овации со стороны студентов, и запомнилась мне фраза, обращенная к нам, студентам, сказанная с обычной, свойственной Ключевскому насмешкой: «Благодарю Вас за Ваше отношение к моим лекциям, но я могу ответить на Ваше приветствие словами великого Гете, перед которым я ничто: «Я рад иметь нравственную связь с аудиторией, но я никогда бы не желал, чтобы она выражалась подобным образом». Эта милая реплика была ушатом холодной воды на наши разгоряченные головы, и после этого мы молча покидали аудиторию...

Я столкнулся с Ключевским на четвертом курсе, когда он читал курс историографии: хронология и метрология и должен был вести практические занятия по Русской Правде. Я записал полностью его в высшей степени оригинальный и интересный курс, но на практических занятиях я ничему не научился. Ключевский не учил нас работать над памятником и не вводил нас в лабораторию научной работы, а занимался толкованием Русской Правды, ее статей, отдельных слов и выражений. Это было интересно, ново, полезно для студентов IV курса. Много было тогда отлично усвоено, но это были лекции, а не практические занятия. Мы не учились работать на семинаре Ключевского, ибо не пробовали своих научных сил под руководством такого мастера, каким был В. О. Ключевский ... В сущности, если бы мои занятия по русской истории ограничились бы только слушанием лекций В. О. Ключевского, то мои знания были бы весьма ограничены, независимо от моих самостоятельных занятий по русской истории. Но недостаток в знаниях был восполнен целым рядом приват-доцентских курсов, прослушанных мною, а также активным участием в приват-доцентских семинариях по русской истории. В сущности, приват-доценты знакомили нас с русской историей.

Так, я на третьем курсе слушал курс М. К. Любавского: «История литовско-русского государства до Люблинской унии включительно». Впоследствии, в 1910 г., в переработанном виде вышли его «Очерки истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно». Разница между первым курсом и «Очерками» была громадная. Слушателей у Любавского было двое. На четвертом курсе я занимался на семинарии у Любавского по Литовскому статуту 1529 г. Надо сказать, что

Любавский был прекрасный преподаватель, и занятия под его руководством мне дали много в отношении метода работы над источником и его использования. Но лектор Любавский был плохой и сухой. Это особенно чувствовалось в его лекциях по истории западных славян. Собственно Любавский знакомил с внешней политической историей с точки зрения историко-юридической школы. Этот курс, составленный по польским и чешским пособиям, был, кажется, в 1911 г. напечатан. И все-таки из всех курсов по истории славян это был наиболее удовлетворяющий требованиям тогдашней истории. В нем не было великорусского шовинизма. Читал Любавский и курс исторической географии России, курс любопытный и интересный относительно государственной политики... Конечно, Украина была для Любавского Малороссией, а Белоруссия — Западным краем. Этого требовала та государственная точка зрения, которая была положена в основу его курса. Все курсы Любавского были очень богато насыщены конкретным материалом, а дальше описания Любавский не шел, какой бы то ни было синтез был недоступен Любавскому. Вопросы экономические, как это полагается всем представителям историко-юридической школы, блестяще им игнорировались. Курсы Любавского дали мне много фактического материала...

Большое впечатление производили на многочисленную аудиторию лекции А. А. Кизеветтера, читавшего приват-доцент[ский] курс по истории крестьянской реформы. Особенное для меня имело значение то, что К[изеветтер] давал очень яркую картину состояния дореформенного крестьянства, приводя при этом обильное количество стат[истических] данных, тщательно записанных на бумажечки и внимательно предоставляемых мне для переписки дома.

Этот курс был очень интересен, хотя был весь проникнут интеллигентски-либеральным настроением, как я мог потом его оценить. Блестящее внешнее устное изложение, снабженное широкими обобщениями, производило на меня очень сильное впечатление и послужило толчком для моих самостоя[тельных] занятий крест[ьянским] вопросом. Впоследствии, когда я уже в 1910 г. познакомился с его курсом лекций по русской истории XIX в., они мне показались уже мало интересными: слишком уж тенденциозно проводилась господствующая либеральная точка зрения...

Я должен отметить отдельно появление в университете Н. А. Рожкова и его приват-доцентские курсы и практические занятия. Я слушал два курса Рожкова: «Русская история с

социологической точки зрения» и «История крепостного права» и принимал участие в его семинарии по истории крепостного права.

Рожков был удивительный человек, подкупавший своей простотой, внимательностью, обходительностью. Его лекции были для нас, студентов, известным откровением, поскольку они были проникнуты единым материалистично-механическим мировоззрением, что бросалось особенно в глаза ввиду преобладания историко-юридической школы и эклектического историко-философского мировоззрения Ключевского. Конечно, в настоящий момент я по-иному оцениваю эти механико-материалистические курсы, но в 1900 г. они считались марксистскими, и их чтение в университете, а потом [появление] в печати, в журнале «Мир Божий» отдельно, были событием первостепенной научной важности, хотя его коллеги по кафедре несколько иронически относились [к автору] не признавая за ним известные добрые личные качества... Нас не пугали ошибки, Николай Александрович Рожков мягко и спокойно их показывал, никак и ничем не задевая нашего молодого самолюбия.

Еще надо сказать о двух приват-доцентах: М. М. Богословском и М. В. Довнар-Запольском. Свой первый доцентский курс Богословский посвятил реформам Петра Великого, изучению которого Богословский посвятил много трудов и энергии. Богословский был прекрасный лектор, спокойно и удивительно ясно излагавший свой предмет. Он, в сущности, познакомил нас со своей диссертацией об «Областной реформе 1719 г.» Весь курс лекций был прочитан в повышенном тоне в отношении личности Петра и его государственного дела...

Довнар-Запольский читал специальный курс об эпохе Александра I, впоследствии дополненный и переработанный в виде отдельной книги. Это был очень интересный, живо прочтенный курс, введивший в историю XIX в. На другой год Довнар-Запольский вел практические занятия по народному хозяйству XVII в., что было новостью, и Довнар-Запольский объявлял себя примыкающим к марксизму. Я принимал участие в его семинарии, и темой моего реферата были «Экономические идеи Юрия Крижанича и состояние народного хозяйства в Московском государстве во второй половине XVII в.». Моя работа получила полное одобрение со стороны Довнар-Запольского. Вообще, последний и Рожков приохотили меня и заинтересовали вопросами, касающимися народного хозяйства. В этом отношении оба они оказали большое влияние на характер и содержание моих научных интересов...

Приват-доценты были представителями разных политичес[ких] взглядов и убеждений, начиная от правого Любавского и кончая социал-демокр[атом] Рожковым. При всей разнице в историко-фил[ософских] взглядах приват-доцентура своими лекциями и в особенности практическими занятиями имела для студентов старших курсов громадное значение. Они учили работать по источникам, и я должен признать, что многим обязан Любавскому, Рожкову и Довнар-Запольскому как руководителям семинарских занятий.

Перехожу ко всеобщей истории. На первом курсе мне пришлось столкнуться с В. И. Герье, о котором среди студентов шла слава как о вздорном человеке и жестоком экзаменаторе, но очень знающем профессоре... На первом курсе Герье читал «Римскую историю». Курс состоял из двух частей — Критической историографии от Нибура до Момзена и изложения истории государственного строя Рима в связи с отдельными событиями внешнего и внутреннего характера. По сравнению со старыми курсами это было все очень сокращено, но в то же время в области изучения римской анналистики было сделано немало дополнений безусловно интересных, впоследствии изданных студентами отдельно в виде литографированного издания...

На втором курсе Герье должен был читать «Новую историю». Герье правильно поступил, отказавшись от чтения курса лекций по всей новой истории, так как это привело бы только к конспективному изложению. Вместо этого Герье читал курс французской революции, доведя последний до конца эпохи террора, так как начавшиеся в феврале 1899 г. студенческие волнения вызвали прекращение лекций в университете. Курс Герье был прсчитан в духе Тэна и содержал только одну политическую историю...

Несомненно большое влияние на меня оказал П. Г. Виноградов, о котором я также немало слышал. По манере держать себя и читать лекции Виноградов резко отличался от Герье. Последний был красив в отношении приемов чтения, но потом выяснилось, что, в сущности, это только одна внешность. П. Г. Виноградов оказывался не таким страшилищем, каким он мог показаться студенту при своем эффектном появлении на кафедре.

П. Г. Виноградов читал обычно два курса: «Историю Греции. кончая Пелопоннесской войной», и «Историю средних веков». Лектор он был блестящий, и его лекции, при всем их историко-юридическом построении, были очень интересны и давали

студентам много, тем более, что они были знакомы со специальными работами по обеим дисциплинам. Я видел несколько редакций его лекций по «Истории средних веков» и могу сказать что они все отличаются одна от другой. В каждый курс Виноградов вносил очень много. Так, в курсе, прочитанном студентам первого курса в 1897 г., Виноградов отвел очень много места феодализму. С работами Виноградова о феодализме я имел возможность ознакомиться подробнее позже. На первом и втором курсах у нас не было никаких обязательных семинариев. Виноградов объявил необязательные семинарии по обоим курсам, и я дерзнул принять в них участие. Для моей научной работы я взял тему «Римский город в IV в.», причем в основу был положен Кодекс Феодосия, XIII глава, а для общей части — книга Фюстель де Куланжа. Это была проба моих знаний. Признаться, я легко овладел латинским текстом, но на чтение 200 страниц Фюстель де Куланжа я потратил около месяца. В общей сложности я работал больше двух месяцев, и Виноградов одобрително отнесся к моей работе, несмотря на обилие недостатков. И на этом ему спасибо!

На втором курсе я написал ему же работу на тему: «Политический строй в комедиях Аристофана», и она тоже была одобрена. Я занимался по всеобщей истории, отнюдь не собираясь специализироваться в области последней, хотя я никогда не бросал занятий по всеобщей истории и старался быть в курсе исторической литературы не только русской, но отчасти и иностранной, главным образом французской.

На семинариях Виноградова рефераты не читались. Студенты не принимали участия в обсуждении тем. Обычно Виноградов два академических часа давал свое заключение, прочитывая очень интересную лекцию, особенно полезную для того, кто писал реферат.

На 4-м курсе Виноградов вел обязательный семинарий по греческой истории. В основу были положены «Дейвнософисты» Афиняя, Политии — Аристотеля. Я представил большую работу и очень был польщен замечанием, что из меня может выработаться научный работник. Я пока не думал о специальных занятиях, но известное тяготение к науке я чувствовал.

Мое участие в семинариях было для меня очень положительным фактором. Я как-то прочел свою работу о Римском городе и все время улыбался и удивлялся, как мог Виноградов признать эту работу достаточно удовлетворительной. Это было возможно только благодаря удивительной снисходительности такого, казалось, недоступного человека, каким был П. Г. Виноградов по

своему внешнему виду, а не внутреннему содержанию. Я очень внимательно следил за всеми работами Виноградова. Очень была полезна для меня его «Хрестоматия по истории средних веков», 4 тома, в сущности, приуроченная к его учебнику по истории средних веков. Она мне дала много фактических знаний по истории средних веков, которой я, кажется, занимался с наибольшей любовью и интересом.

На третьем курсе мне пришлось слушать небольшое количество лекций М. С. Корелина, о котором мне было известно, что он сразу получил степень доктора всеобщей истории, представив на соискание ученой степени большую двухтомную работу «Ранний итальянский гуманизм и его историография»... Как лектор Корелин был прост, ясен и доступен. Он не гонялся за фразеологией, каким-нибудь «сногшибательным словечком», как это было свойственно достопочтенному Виноградову. В этом отношении Корелин являлся продолжателем традиций Герье. М. С. Корелин объявил и семинарий по истории итальянского гуманизма. Я хотел поработать над перепиской Петрарки, но не удалось, так как за болезнью [Корелина] семинарий должен был прекратиться...

Место Корелина занял молодой профессор Р. Ю. Виппер, также ученик Герье, но от него отошедший и идеологически с ним разошедшийся. Он написал большую работу о «Церкви и государстве в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма», за что получил степень доктора всеобщей истории. Это громадное, богатое фактическим материалом исследование получило должную оценку в тогдашней научной критике. Рассказывали, что Виппер написал немного раньше диссертацию на какую-то другую тему. Но случилось большое несчастье — пожар, во время которого сгорела вся библиотека и приготовленная к печати диссертация. Виппер был вынужден снова ехать за границу, где и была написана им диссертация, наименование которой было приведено выше. Виппер — светлое явление. Он дал много университетской жизни. К сожалению, я слушал только два курса, которые были начаты Корелиным, разницу с которым в отношении методологическом и историко-философском почувствовали и оценили на первой же лекции.

Р. Ю. Виппер, живой, необыкновенно вежливый и простой в отношении студентов, был превосходным, блестящим лектором, и притом необыкновенно простой. Ясность, отчетливость и точность составляли основные его качества. Его аудитория была полной. Понятно [слово неразборчиво. — Л. У.] история Англии XIX в. в изложении Виппера представала перед нами совсем

в ином освещении. В истории мы увидели борьбу классов с приматом экономики, что резко расходилось с другими представителями исторической науки, [такими] как Герье, Кареев. Его семинарии по истории общественной политической мысли XIX в. были блестящими и по рефератам, и по мастерским резюме, которыми обычно заканчивался разбор того или другого реферата. Нет ничего удивительного в том, что он стал любимцем студентов. Его лекции издавались, и каждый из нас подробно записал их. Виппер в общем читал довольно медленно, и записать его было нетрудно. Каждая лекция давала много материала для обобщений и рассуждений, не говоря уже о богатом фактическом материале. В этом была его сила вообще, а также влияние на студентов.

Приходилось слушать иногда и лекции С. Ф. Фортунатова по истории Англии, Франции XIX в., в которых он давал в сущности только одну историю конституционного развития, с которой я был уже знаком, и потому для меня лекции Фортунатова не представляли никакого интереса...

Таковы были представители [университетской профессуры] по всеобщей истории во время моего студенчества. Я должен признать, что тот интерес к изучению всеобщей истории, в особенности французской революции с ее доисторией, к которой я всегда проявлял интерес в течение своей научной деятельности, укоренился во мне в связи с моим пребыванием в Московском университете...

С большим интересом я слушал лекции-беседы А. Н. Веселовского по истории западноевропейской литературы, которые он читал для студентов II курса. Это был очень полезный курс, дававший нам много интересного, тем более что в гимназии мы не были знакомы с западноевропейской литературой. А. Н. Веселовский никогда не готовился к лекциям — отсюда его частые отступления во время лекций. Видимо, материал для лекций подбирался во время лекции, но это нисколько не уменьшало своеобразной прелести его лекций.

Не могу еще не вспомнить добрейшего и учнейшего К. Ю. Брауна, у которого я в течение двух лет занимался итальянским языком и под руководством которого одолевал не только прозу, но и поэзию эпохи Возрождения. Почему я принялся за изучение итальянского языка параллельно с немецким, не знаю, но в будущем знание итальянского языка пригодилось для моих научных занятий.

На четвертом курсе мы совместно с юристами слушали политическую экономию, которую читал А. И. Чупров, общий люби-

мец студентов, известный своими народническими взглядами. Нелегко было слушать лекции на 4 курсе, когда большинство из нас было знакомо с лекциями Чупрова, а он из года в год их повторял. Обычно на первой лекции у Чупрова собиралось громадное количество слушателей, но потом посторонние уходили, и оставались только юристы. Историки почти не посещали, ибо бесполезно было терять время, когда читаемое профессором было знакомо.

Очень я интересовался историей русского права и сначала собрался посещать читавших его профессоров: Д. Я. Самоквасова, Мрочек-Дроздовского и приват-доцента Числова, читавших отдельные части курса, но, прослушав немного всех этих трех бездарностей, я бросил их посещать, найдя более целесообразным обратиться к курсам Владимирского-Буданова и В. И. Сергеевича, других тогда еще не было. Надо признать, что последние дали много, а для меня и для моего дальнейшего исторического, вернее историко-юридического, образования имели большое значение. Я чувствовал, что историк должен быть и историком-юристом. Этим и объясняются мои занятия по истории русского права, чтение ряда историко-юридических работ...

Интересной стороной университетской жизни были диспуты-защиты диссертаций. Я их с удовольствием посещал, а уж впоследствии записал два диспута Яковлева и Готье и напечатал в «Голосе минувшего» и «Московском Историческом журнале». Диспуты собирали очень много публики. Это было очень любопытно, тем более, что после революции 1905 г. на диспутах, кроме студентов и профессоров и небольшой группы знакомых, посторонних лиц почти не бывало. Безусловно, диспуты были событием общественного характера, крайне важным в эпоху той реакции, в которую погрузилась дворянская Россия в конце XIX и начале XX в. На диспутах искали живого слова, живой мысли, ибо где-нибудь в другом месте их нельзя было высказать. Жаль, что диспутов никто не стенографировал. Все же часто споры были интересны, в особенности если я шел на диспут не только как на зрелище, а на своего рода ученое заседание, где я бы хотел выслушать мнения ученых лиц относительно известной мне книги. Обычно я посещал диспуты на историко-филологическом факультете и отчасти на юридическом. Детали о многих диспутах улетучились, но все же кое-что осталось. Как бы то ни было присутствие на диспутах было для меня во многих отношениях полезно, тем более, что официальные оппоненты не всегда только любезничали и говорили дис-

путанту разные комплименты, а выступали с серьезными интересными замечаниями...

Один диспут, имевший громадное общественно-политическое значение, был связан с защитой диссертации М. И. Туган-Барановского. Докторская диссертация М. И. Туган-Барановского была написана на боевую тему «Русские фабрики в прошлом и настоящем». Сама книга становилась тем интереснее, что автор в то время причислял себя к марксистам. Перед диспутом книга Туган-Барановского была мною основательно проштудирована. В студенческой среде перед диспутом было большое волнение, и все ждали диспута с нетерпением. Одним народникам, идеалистам надо было, чтобы книга в своей историко-философской и методологической основе была бы уничтожена, и все возлагали большую в этом отношении надежду на столпов народнической экономической теории А. И. Чупрова и Каблукова. Марксисты считали, что диспут должен окончиться посрамлением народников и торжеством марксизма. К назначенному часу актовый зал был переполнен. Часть студентов встретила [диспутанта] бурными аплодисментами, но три четверти зала молчали и были не на его стороне. Но диспутант [принес] сугубое разочарование народникам и победу марксистам, и для распространения в студенческой среде марксистской теории [его выступление] имело громадное значение. В сущности, возражения так называемых официальных оппонентов были просты, случайны и, как выяснилось, в вопросах о экономической методологии не было сказано ни слова, и когда диспут окончился, ибо, надо признать, своими спокойными, уверенными ответами на возражения Туган-Барановский произвел сильное впечатление на учащих, то провозглашение Туган-Барановского доктором политической экономии было встречено громом аплодисментов всего зала, который продолжал рукоплескать, когда диспутант проходил через весь зал к выходу. Студенчество еще ожидало разноса книги в «Русском Богатстве». Впоследствии в нем появилась статья, кажется Мякотина, притом слабая и совершенно неубедительная. Не помню, отвечал ли Туган-Барановский или нет...

Я хорошо помню диспут Н. А. Котляревского, защищавшего диссертацию на тему «Мировая скорбь». Актовый зал был полон, и преобладало не студенчество: театральный мир, литераторы, журналисты, адвокаты, представители московской интеллигенции. Н. А. Котляревский был блестящим оратором, и его вступительное слово, в котором он подводил итоги своим изучениям «мировой скорби», произвело сильное впечатление. На диспуте царил все время атмосфера уюта, ласки и добро-

желательства. Н. И. Стороженко, одна сплошная доброта, и А. Н. Веселовский дали общую оценку книге, ограничившись отдельными замечаниями. И его оппонент В. И. Герье поблагодарил автора за снисходительное отношение к Руссо, [заявив], что он с удовольствием присудил бы ему степень магистра всеобщей истории. Эта атмосфера взаимного любования была расстроена выступлением молодого В. М. Фриче (1899), который подошел к книге с идеологической точки зрения. Надо отметить, что «большой барин» Котляревский сначала отнесся довольно пренебрежительно к выступлению Фриче, почти не слушал его и даже разговаривал с кем-то с факультета. Но все-таки возражения Фриче, в основе марксистские, были так сильны, что Котляревскому пришлось уже защищать идеологическую сторону своей книги, что он и делал крайне разухабисто и самоуверенно. Профессорская братия была очень недовольна выступлением Фриче, но ничего нельзя было поделать: на диспуте царила свобода слова. Часть студенчества очень горячо аплодировала В. М. Фриче, когда последний решил внести известный диссонанс в идеалистическую атмосферу диспута.

Другой диспут, который происходил в том году, был диспут молодого философа кн. С. Н. Трубецкого, защищавшего диссертацию на степень доктора философии и представившего исследование «Учение о Логосе Филена Александрийского», вызвавшее, разумеется, резкую критику в официальной духовной печати. Актовый зал был наполнен представителями московского дворянства. Французская речь была преобладающей. Очень интересно было вступительное слово С. Н. Трубецкого, этого представителя неохристианской философии. Для своего времени речь была довольно смелой, ибо Трубецкой в конце своей речи сказал, что, не скрывая своих религиозных убеждений, он должен признать, что божественность Христа недоказуема. Он высказал, что учение о Логосе четвертого Евангелиста выводилось из учения Филена Александрийского. Ничего подобного мне не приходилось ни читать, ни слышать. Святоści «канонических книг» был нанесен удар, что прекрасно понимало присутствовавшее на диспуте духовенство, хотя Трубецкой, в сущности, не сказал ничего нового по сравнению с тем, что было уже сказано представителями немецкой тюрбингенской богословской школы...

Очень интересен был диспут Н. А. Рожкова, выступившего с книгой «Сельское хозяйство в Московском государстве XVI в.». Диссертация лежала у Ключевского дома. Весь основной материал были Писцовые книги, к данным которых Н. А. Рожков отнесся с известной большой доверчивостью и недостаточной

критикой, на что в особенности напирал Ключевский. Возражения Ключевского были ценны и остроумны и очень непросты в смысле формулировок. Впоследствии Ключевский все свои возражения напечатал в своем заключительном отзыве на книгу Рожкова, представленную последним на получение премии, кажется Карпова. Другим оппонентом был, если не ошибаюсь, М. М. Богословский, но его замечания не представляли никакого интереса. Вся диссертация Рожкова, его терминология, была новинкой в русской исторической литературе и, конечно, была неприемлема с методологической точки зрения представителей историко-юридической школы. Как слушатель приват-доцентских курсов Рожкова и участник его семинария, я был знаком с его книгой, а главное, благодаря этой диссертации по-новому объяснялись первоначальные процессы развития крепостного права, подводилась та бытовая — неэкономическая база, о которой не было и речи у Ключевского, хотя весь процесс зарождения крепостного права объяснялся экономической задолженностью.

Наконец, в конце мая 1901 г., за несколько дней до последнего экзамена, состоялся диспут М. К. Любавского, представившего огромную диссертацию о «Литовско-русском сейме». Теперь мне ясны все недостатки этой работы, несмотря на большие ее достоинства, но в мои студенческие годы она мне казалась образцовой. Безусловно, для историографии по изучению Великого Княжества Литовского все труды Любавского имеют громадное значение, поскольку им пущен в оборот новый материал, известный под именем «Литовская Метрика». Ввиду конца учебного года диспут был малочислен. Преобладали профессор и товарищи, друзья М. К. Любавского. Возражения Ключевского, как неспециалиста в этой области, не представляли никакого интереса, хотя и были выслушаны в величайшей тишине, но и тут Ключевскому удалось бросить, как всегда, несколько едких замечаний по адресу диспутанта, показав ему, что в книге имеется кое-что известное, что только увеличивает объем книги. После возражений Ключевского часть публики ушла, а в сущности наступила наиболее интересная часть диспута — возражения М. В. Довнар-Запольского, также работавшего в области изучения истории Великого Княжества Литовского. М. В. Довнар-Запольский сделал ряд ценных замечаний фактического характера, с которыми надо было считаться. Все замечания были им напечатаны в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1901 год, кажется, в июльской книге. Неприятно было то, что присутствовавшие доценты, не симпа-

тизировавшие Довнар-Запольскому, не слушали последнего и разговаривали друг с другом. Да и сам диспутант, покорный, когда возражал Ключевский, и раболепный в своих ответах В. О. Ключевскому, становился настойчивым и грубовато-резким, когда приходилось возражать, быть может, на спорные, но, во всяком случае, не голословные, а фактического характера замечания. Правда, между Любавским и Довнар-Запольским создались уже в это время весьма неприязненные отношения, их источника я не знаю, но могу констатировать, что Довнар-Запольский был на диспуте очень застенчивым, корректным и спокойным, выдержавшим грубовато-насмешливый тон Любавского, совершенно ничем не оправданный...

Все эти диспуты и ученые заседания, которые я изредка посещал, были в моей духовной и научной жизни явлением безусловно положительного характера. Я постепенно рос, стал ко всему относиться критически и особенно стал интересоваться вопросами общественно-политического характера и западно-европейским конституционным правом.

Список научных трудов академика В. И. Пичеты см.: *Асафьева Н. М., Пичета А. П. Библиография трудов В. И. Пичеты.* — УЗИС, 1949, т. 1.

Посмертно вышли следующие работы, не вошедшие в указанную библиографию: *Пичета В. И. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.* — УЗИС, 1951, т. 3; *Он же. Феодальное поместье в XV—XVI вв. в Великом Княжестве Литовском.* — УЗИС, 1951, т. 4; *Он же. Литовский статут 1529 г. и его источники.* — УЗИС, 1952, т. 5; *Он же. К истории восстания Костюшко 1794 г.* — УЗИС, 1953, т. 7; *Он же. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве.* М., 1958; *Он же. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития.* М., 1961.

В. И. ПИЧЕТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Владимир Иванович Пичета был первым ректором Белорусского университета (занимал этот пост в 1921—1929 гг.). Это был героический период в жизни как самого Пичеты, так и университета, и Владимир Иванович до последних дней своей жизни обращался к событиям того времени. Деятельность В. И. Пичеты в те годы в Минске была чрезвычайно разнообразной, а жизнь его — до предела напряженной. Ведь ректору университета приходилось не только читать лекции и вести семинарские занятия по тем вопросам, которыми раньше никто не занимался, но и в большой мере организовывать всю работу университета в городе, где не было ни специально приспособленных зданий, ни научной библиотеки, ни оборудованных лабораторий, в общем не было ничего, без чего нормальные занятия в университете казались невыполнимыми, и все это в условиях хозяйственной разрухи после окончания мировой и гражданской войн.

Поэтому, чтобы представить условия, в которых начинал работу новый университет, необходимо кратко остановиться на том, что представлял собой Минск накануне первой мировой войны, а также в 1921 г., т. е. в год открытия университета.

В 1913 г. в Минске было 106673 человека¹, и по числу жителей этот город с 20-х годов XIX в. и в течение более чем столетия устойчиво занимал 20 или 21-е место среди других городов страны. Заметный рост Минска начался с 70-х годов прошлого века, когда он стал узлом железных дорог, но Рижский мир сделал его пограничным городом. Каменные дома и замощенные улицы в 1914 г. оканчивались примерно у современного вокзала на западной стороне и у реки Свислочи — на востоке. Только в

¹ Памятная книжка Минской губернии на 1915 год. Минск, 1915, отд. IV, с. 73.

этом районе города имелось электрическое освещение и водопровод, но канализации не было и там. Остальная часть была застроена почти исключительно деревянными домами, в основном новыми (город быстро рос), окруженными садами. К юго-западу от железной дороги жили главным образом рабочие и служащие Минского железнодорожного узла; там же после создания университета поселилось едва ли не большинство студентов.

С началом первой мировой войны большинство школьных зданий города было использовано под лазареты, школьные библиотеки были закрыты или просто разграблены, та же участь постигла оборудование кабинетов. В результате немецкой и польской оккупации 1918—1920 гг. часть города сгорела, немало домов заустело, население обеднело и изголодалось.

Когда было решено открыть университет, прежде всего возник вопрос — где его разместить. В 1914 г. в Минске имелись две мужские и пять женских гимназий, две прогимназии, два реальных училища, одно коммерческое, духовная семинария, духовные училища, мужское и женское, и только что открытый учительский институт². Часть зданий, в которых располагались эти учебные заведения, и была передана университету. Книги для университетской библиотеки частично поступали из бывших помещичьих имений, частично их получали из разных хранилищ РСФСР. Очень остро стоял вопрос с топливом.

Несмотря на трудные условия жизни и учебы, в университет хлынула огромная по тому времени масса желающих учиться. В течение 1917—1921 гг. выдвигалось несколько проектов устава университета, но реально в 1921 г. он начал работать в составе трех факультетов: медицинского, общественных наук и рабочего. В первые годы существования университета туда поступали (на факультеты медицинский и общественных наук) те, кто окончил гимназии, реальные училища, учительские семинарии, школы второй ступени и высшие начальные училища.

В начале 20-х годов средние школы были ликвидированы и вместо них открыты семилетки, но так как из семилетки поступить в вуз было невозможно, то создали двухгодичные общеобразовательные курсы, после окончания которых можно было поступать в вуз. Многие из окончивших эти курсы поступили потом в университет. Среди новых студентов многие только что вернулись из армии, значительным было число выходцев из

² Памятная книжка..., отд. II, с. 70, 72—77, 84—86.

дёрёвни. Студенческих общежитий университет имел мало, поэтому студенты снимали комнаты на окраинах.

Профессорско-преподавательский состав университета был очень сильный. Для работы были привлечены многие крупные специалисты как по гуманитарным наукам, так и по медицине. Несмотря на тяжелые материальные условия, студенты работали на совесть и выходили из университета, получив основные знания.

В. И. Пичета выделялся не только как официальное лицо (ректор), но и как крупнейший знаток истории и культуры Белоруссии. Он читал лекции и вел семинарские занятия по трем направлениям: истории Белоруссии, истории народного хозяйства России и Белоруссии и истории белорусского права.

Читать курсы по истории Белоруссии, тем более по истории белорусского права или хозяйства, было трудно, так как в то время было распространено мнение, что история бывает только у тех народов, у кого издавна существует государственность, а поскольку Белоруссия до 1919 г. ее не имела, то понятия «история белорусского права» и «история Белоруссии» якобы не имеют основания. Трудность заключалась и в том, что по этим предметам не было литературы и лектору приходилось читать свои курсы, опираясь лишь на личный научный багаж.

Лекции эти читались обычно вечером, так как многие из студентов работали. Обязательным было лишь посещение семинарских занятий, но не лекций, и по количеству слушателей в аудиториях можно было видеть, насколько популярен тот или иной лектор. Семинарские занятия Владимир Иванович вел по тем же предметам, по которым читал лекции, хотя в этом отношении были и отступления. Насколько помню, на семинарах по истории Белоруссии в первые годы существования университета (1921—1923) студенты писали рефераты по работам М. К. Любавского («Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве», «Литовско-русский сейм») и по тем источникам, которые были приложены к этим трудам. Широко изучалась на семинарах и работа самого В. И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве».

Со студентами набора 1924 г., т. е. того, в котором занимался я, Владимир Иванович вел два семинара, в одном из которых изучался первый Литовский статут, а во втором — послевоенные конституции Запада.

Человек очень вспыльчивый, Пичета на занятиях предельно укорщал это свое качество. Изучение Статута начиналось с того,

что участники семинара получали текст источника и по указанию своего руководителя начинали читать какой-либо «артыкул». Читали по очереди в том порядке, в каком сидели за партами, прочитывая каждый по фразе. После прочтения Пичета спрашивал прочитавшего: «О чем тут написано? Скажите в двух словах». Студент, впервые в жизни читавший подобный источник, не всегда понятный по языку, начинал путанно пересказывать его. Пичета прерывал его: «Нет. Скажите в двух словах». После некоторого размышления студент начинал пересказывать более сжато и опять получал запрос: «Нет, Вы скажите в двух словах».

Первые занятия поэтому проходили медленно. К перерыву у того, кто читал и пересказывал, лоб покрывался испариной, но через какое-то время оказалось, что у тех студентов, кто не сбежал от таких трудностей, дело пошло на лад.

После того как мы научились достаточно ясно формулировать содержание параграфа, Владимир Иванович потребовал, чтобы мы записывали его содержание на бумаге, тоже «в двух словах». Такого рода занятия, требующие большого терпения, никогда не вызывали возмущения нашего руководителя: Владимир Иванович учитывал нашу недостаточную подготовку и давал возможность оглядеться, освоиться с материалом, и через какое-то время мы стали справляться с теми задачами, которые он перед нами ставил.

На втором семинаре работали над совершенно иным материалом — недавно принятыми конституциями в государствах Центральной и Западной Европы и т. д. Как правило, при этом предлагалось изучить конституцию двух государств (например, Литвы и Польши, Чехословакии и Австрии) и дать их сравнительную характеристику. Часто одну и ту же тему брали двое студентов. Такой способ вел к оживлению занятий. В конце обсуждения руководитель давал свое заключение.

В ходе семинарских занятий Владимир Иванович делал замечания как по поводу отдельных «артыкулов» Статута, так и относительно общих условий в государстве того времени, когда выработывался этот памятник, и таким образом участники семинара получали на этих занятиях гораздо больше, чем можно было получить, слушая специальный курс. То же было и на семинарах по конституциям, на которых Владимир Иванович кратко характеризовал обстановку в тех странах, о конституциях которых делался в тот день доклад.

Когда через некоторое время мы пригляделись друг к другу, официальный тон у нашего руководителя исчез, и он время от

времени, отвлекаясь от занятий, рассказывал об эпизодах, не совсем относящихся к теме занятий, в частности — о своих поездках за границу. Наиболее любимой темой был рассказ о поездке в Югославию, где он встречался со своей родней по отцу.

С 1925 г., когда произошел первый выпуск, Владимир Иванович начал набирать аспирантов. Из выпусков первых лет в аспирантуру попали Ф. Забелло, А. Бурдзейко, К. Кернажицкий и др. По принятому правилу, аспиранты должны были (сверх общих занятий) приходиться к Владимиру Ивановичу по воскресеньям часов около 11 на квартиру и информировать его о работе, проделанной за неделю. Это был как бы прообраз московских «пичетников». К своим ученикам В. И. Пичета был очень требователен. В числе прочих обязанностей аспирантов было написание рецензий на выходящие труды, прежде всего те, которые тематически были связаны с Белоруссией или Великим Княжеством Литовским. Нередко это были сборники статей в честь того или иного крупнейшего ученого-историка. Часть этих рецензий предназначалась для печати, и Владимир Иванович требовал, чтобы в них в предельно сжатой форме была дана оценка тома, объемом нередко в 60—70 печатных листов.

В январе 1922 г. в Минске было открыто центральное научно-исследовательское учреждение республики — Институт белорусской культуры (Инбелкульт). Реорганизованный в 1924 и 1926 гг. Инбелкульт стал базой для создания в 1929 г. Белорусской Академии наук (сейчас — Академии наук БССР). В. И. Пичета принимал участие в выработке устава Инбелкульта, был его членом, а с момента организации Академии наук стал ее действительным членом, возглавляя работу по истории Белоруссии и истории белорусского права.

Владимир Иванович принимал активное участие в общественной жизни университета. Так, уже через неделю после открытия нового вуза, т. е. 7 ноября 1921 г., когда происходило заседание в связи с четырехлетней годовщиной революции, он выступил с речью. 27 ноября того же года было заседание, посвященное памяти Ф. М. Достоевского; 11 декабря — заседание памяти Н. А. Некрасова. 12 марта 1922 г. В. И. Пичета выступил с докладом «Подготовка русской революции и 9 января 1905 г.» 19 марта 1922 г. университет чествовал Янку Купалу. Очевидно, в Минске это было вообще первое чествование живого поэта. Пичета в своем выступлении сказал, что Купала для белорусской литературы то же, что Шевченко — для украинской и Мицкевич — для польской. Сам поэт прочи-

тал одно из своих последних стихотворений — «Перад будучыняй»³.

Спустя 25 лет, в последние дни жизни Пичеты, я, вспомнив об этом вечере, спросил — какие цели он ставил, организуя такие вечера. В ответ Владимир Иванович сказал, что он хотел сделать университет центром общественной жизни Белоруссии.

В. И. Пичета, выполняя большую организационную, административную и общественную работу, в эти годы много и плодотворно писал.

Если в первые годы своей минской жизни В. И. Пичета публиковал в основном те труды, которые были написаны им еще до революции (например, главы из третьей части «Аграрной реформы Сигизмунда-Августа»), то впоследствии он продолжил исследования, связанные тематически с аграрной реформой середины XVI в.⁴

В целом же В. И. Пичета, живя в Минске, в значительной мере «белоруссизировался», т. е. стал заниматься почти исключительно белорусской тематикой, притом обратился к проблемам, которых раньше в своих трудах не затрагивал, прежде всего к проблемам истории белорусской культуры, не оставляя, однако, и вопросов социально-экономических и историографии, а также обращаясь к истории революционного движения⁵.

Среди работ, посвященных истории культуры, выделяется серия статей, написанных Владимиром Ивановичем в связи с празднованием 400-летия белорусской печати, которое происходило в 1927 г. (фактически это было уже не четырехсотлетие, так как первая книга Франциска Скорины вышла из печати в 1517 г., но в 1917 г. не было возможности отметить юбилей). В сборник, посвященный этому событию, В. И. Пичета дал статьи, в первой из которых рассматривается обстановка в

³ «Труды Белорусского госуд. университета», 1922, № 1, с. 213—214.

⁴ Пичета В. И. Гаспадарскія (вялікакняскія) двары у заходніх валасцях Беларусі пасля рэформы Жыгімонта-Аўгуста.— В кн.: Гістарычна-археалёгічны зборнік, кн. 1. Менск, 1927, с. 99—118; *он же*. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватнаўласніцкіх землях к часу выдання першага Літоўскага статута 1529 г.—«Запіскі аддзелу Гуманітарных навук Інстытуту Беларускае Культуры. Працы Клясы гісторыі», 1928, № 2, с. 375—431 и др.

⁵ Пичета В. И. Новые работы по истории Белоруссии.— «Вестник Народного комиссариата просвещения ССРБ» (Минск), 1921, № 1—2; 1922, № 1—4; *он же*. Очередные вопросы белорусской историографии.— «Вестник Народного комиссариата просвещения ССРБ» (Минск), 1922, № 11—12; *он же*. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Минск, 1927; *он же*. Белорусский язык как фактор национально-культурный. Минск, 1924; и др.

Полоцкой земле в начале XVI в., следующая статья посвящена белорусскому возрождению, в третьей он касается состояния белорусской печати в XVI—XVII вв., затем следует «Скориниана» (Scoriniana — обзор литературы, посвященной Ф. Скорине) ⁶.

Здесь перечислены не все работы, написанные и напечатанные в свое время в Минске, неодинакова и их научная значимость, однако размах этого вида деятельности вызывает изумление.

Недолговременное пребывание В. И. Пичеты в Минске оставило заметный след в истории культуры Белоруссии. В своих работах он осветил ряд вопросов, которых раньше никто не касался, и наметил проблемы, которыми исследователи продолжают заниматься и сейчас. Он оставил в Минске учеников, продолживших его дело. Выражение «учился у Пичеты» или «ученик Пичеты» еще и в наше время является показателем качественной подготовки исследователя. Одной из заслуг В. И. Пичеты было создание университета в Белоруссии.

⁶ Пичета У. Чатырохсотлеце беларускага друку. Менск, 1926, с. 76—113, 132—156, 228—261, 284—327.

**В. И. ПИЧЕТА КАК ИСТОРИК
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
БЕЛОРУССИИ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА
(XV — первая половина XVII в.)**

Изучение развития исторической науки с позиций марксизма-ленинизма является одной из важных задач советской историографии.

Большой интерес представляет творческое наследие Владимира Ивановича Пичеты, крупного советского историка, одного из основоположников белорусской советской исторической науки. Его перу принадлежит целый ряд исследований по истории России, Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Югославии, Болгарии. Одно из центральных мест в творческом наследии В. И. Пичеты занимала история Белоруссии. Из 500 его работ около 150 посвящены социально-экономической и политической истории Белоруссии, истории феодального права, историографии, источниковедению, краеведению и культуре Белоруссии.

Ведущее место в работах В. И. Пичеты по истории Белоруссии занимает аграрная проблема. Здесь внимание ученого более всего привлекает феодальное поместье, аграрная реформа 1557 г., характеристика социальных слоев феодального общества — различных категорий крестьян, групп внутри господствующего класса.

Рассматривая феодальное поместье как определенную форму организации феодального производства, В. И. Пичета стремится осветить такие важные вопросы, как процесс формирования и развития феодального поместья, поместье как хозяйственный организм, значение феодального поместья в складывании крепостнических отношений. С конца 20-х годов по мере усвоения феодальной природы поместья с позиции марксистско-ленинского учения, характеристика Пичетой черт и значения поместья становится более глубокой и содержательной. Так,

¹ Пичета В. И. Эпоха гарадзкое гаспадаркі на Беларусі.— «Польмя», 1925, № 6; он же. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I (до конца XVI в.). Минск, 1927.

работы 1925—1928 гг.¹ раскрывают обусловленность закрепощения крестьян ростом феодального поместья. Важным этапом дальнейшего развития феодального поместья В. И. Пичета считает фольварочно-барщинную организацию феодального производства. В ней он видит главную причину резкого ухудшения положения крестьянства Белоруссии в XVI в. До такого уровня понимания сущности феодального поместья не сумел подняться ни один из предшественников В. И. Пичеты.

В послевоенные годы Пичета рассматривает развитие феодального поместья как одно из следствий эволюции производительных сил и производственных отношений феодального способа производства. Сопоставление работ ученого, освещающих эту тему, позволило установить еще одну важную черту: статьи 20-х годов были насыщены фактическими данными и лишь на втором плане следуют теоретические обобщения. Публикации послевоенных лет серьезно отличаются от прежних работ теоретической глубиной, диалектико-материалистической направленностью всего изложения. Ученый как бы заново прочитал и переосмыслил источники с позиций материалистического понимания исторического процесса. И это сделало богаче, содержательнее его творчество как в обобщениях, так и в частных наблюдениях.

Весьма рельефно отмеченная нами направленность развития творчества В. И. Пичеты выступает в его работах об аграрной реформе 1557 г., сыгравшей роль этапа в социально-экономической истории феодального способа производства в Белоруссии.

С позиций формально-юридической школы буржуазная историография и в этой теме не пошла дальше отдельных частных наблюдений. Не случайно уже в ранних работах В. И. Пичета, оценивая усилия своих предшественников, указывает главным образом на обилие фактического материала и значимость отдельных мыслей, характеризующих то или иное явление, не менявших в целом описательной манеры изложения темы. Историографическая часть публикаций В. И. Пичеты также становилась с годами более зрелой (сравни, например, его оценку взглядов М. В. Довнар-Запольского на волочную реформу в 1917 г. и в 1947 г.).

Сравнение работ В. И. Пичеты о реформе 1557 г. с трудами его предшественников дает основание заключить:

1. Свой первый фундаментальный труд «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» В. И. Пичета создавал, руководствуясь главным образом методологией формально-юридической школы. Но, в отличие от

своих предшественников, он много внимания уделял выяснению предпосылок и причин реформы 1557 г.

2. Под влиянием государственной школы В. И. Пичета видел в аграрной реформе лишь хозяйственную инициативу верховной власти, искавшей средство повышения доходности своих имений для пополнения казны, испытывавшей постоянно острую нужду в денежных средствах.

3. Публикации послевоенных лет выдвигают в качестве ведущей предпосылки реформы 1557 г. рост внутреннего рынка. Пичета подвергает критике объяснение причины реформы 1557 г. растущим интересом к экспорту продуктов сельского хозяйства, считая такой взгляд узким и односторонним.

Сравнительное изучение источниковедческой базы работ В. И. Пичеты, изданных в разные периоды его научно-исследовательской деятельности, дали основание заключить, что, изучая данную проблему, ученый менял свое решение не под влиянием ранее неизвестных ему фактов, а в ходе переосмысления источников с последовательно научной позиции, сформированной на основе марксистско-ленинской методологии.

В. И. Пичета в последних работах правильно осветил социально-экономическую сущность и классовую природу аграрной реформы 1557 г. Он стремился показать влияние аграрной реформы на положение крестьянских масс, а также отношение белорусского крестьянства к аграрной реформе Сигизмунда-Августа. Еще в 1910 г. он подчеркивал, что в результате аграрной реформы экономическое положение крестьянства «только ухудшилось, а свобода ухода сменялась крепостной неволей»².

В работах 1917—1947 гг. В. И. Пичета убедительно доказал, что аграрная реформа 1557 г. привела «к постепенному исчезновению свободного крестьянства», «способствовала слиянию рабов и крепостных крестьян в одном крепостном состоянии», была «средством феодального наступления на крестьянство», нанесла «тяжелый удар крестьянскому землевладению», «повлекла за собой общее обнищание сельского господарского населения», явилась «начальным пунктом в обезземеливании крестьян»; носила «феодално-крепостнический характер», отвечала «классовым интересам землевладельцев»³.

² Пичета В. И. Литовско-Русское государство.— В кн.: Русская история в очерках и статьях, т. II. М., 1910, с. 409.

³ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958, с. 543; *он же*. Гісторыя Беларусі, ч. I. М.—Л., 1924, с. 120; *он же*. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, с. 122—123; История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1939, с. 278;

Характерным свидетельством методологической переориентации В. И. Пичеты с формально-юридических на марксистские позиции является усиление интереса ученого к вопросу об отношении крестьянства к аграрной реформе. Буржуазные историки были единодушны во мнении, что крестьянское население Великого Княжества Литовского восприняло реформу без сколько-нибудь заметного протеста. Проследив развитие этой темы в работах В. И. Пичеты, мы получили основание для вывода, что уже в 1910 г. он не принял этой точки зрения и отметил бегство крестьян как выражение протеста против введения «Устава на волоки». Семь лет спустя, в монографии об аграрной реформе Сигизмунда—Августа он снова отмечает факт недовольства крестьянства, признавая, что оно не достигло уровня организованного протеста, не породило открытых и массовых движений. Но в конце 20-х годов исследование материалов о реформе на территории Бобруйского староства в 30-х годах XVII в. позволило ему дополнить свою позицию новыми данными об упорном сопротивлении и открытой борьбе крестьянства Белоруссии, вызванными осуществлением политики закрепощения на основе реформы 1557 г. Он приходит к выводу, что восстания, поднятые в конце XVI в. казачеством в Восточной Белоруссии, были звеном в цепи событий, отражающих борьбу крестьянских масс против волочной реформы.

Интерес В. И. Пичеты к реакции крестьянства на аграрную реформу был частью его взгляда на социально-экономическое положение крестьян в условиях феодального общества. Учитывая это обстоятельство, мы проследили изучение В. И. Пичетой крестьянства Белоруссии XV — первой половины XVII в.

Различные стороны жизни крестьянства Великого Княжества Литовского в XV — первой половине XVII в. исследовали многие буржуазные историки: Ф. И. Леонтович, М. Ф. Владимирский-Буданов, И. Новицкий, В. Б. Антонович, М. К. Любавский, М. Н. Ясинский, М. В. Довнар-Запольский. Им удалось подметить некоторые юридические отличия в положении отдельных групп крестьянства, установить факт существования различных категорий феодально-зависимого крестьянства: «похожие», «непохожие», «челядь», «данники», «крестьяне-слуги» и др. В зна-

Пичета В. И. Труды Ю. В. Готье по истории Литвы, Белоруссии, Украины и славянских народов.— В кн.: Доклады и сообщения истфака МГУ им. М. В. Ломоносова, вып. 1. М., 1945, с. 18; *он же.* Институт холопства в Великом Княжестве Литовском в XV—XVI вв.—«Исторические записки», 1946, т. 20, с. 58.

чительно меньшей мере они интересовались социально-экономической характеристикой крестьянства. Буржуазные историки полностью игнорировали классовую борьбу крестьян, а крестьянские движения периода феодализма изображались ими как бунты, разбойничьи побеги и т. п.

Изучение трудов ученого по данной проблеме дало основание заключить, что В. И. Пичета положил начало конкретному исследованию истории крестьянских масс Белоруссии в эпоху феодализма, сформулировал ряд наблюдений, сыгравших положительную роль в дальнейшей разработке этой ведущей проблемы белорусскими советскими историками.

Большинство исследователей отмечают, что ученый изучил положение крестьян Белоруссии в эпоху феодализма. Более точной будет мысль, что В. И. Пичета обстоятельно исследовал положение главным образом государственных крестьян в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой в XV — первой половине XVII в.: Но это отнюдь не означает, что свое объяснение исторических судеб крестьянства Белоруссии Пичета ограничил только этой категорией крестьян. Одна из фундаментальных работ В. И. Пичеты — «Юридическое положение сельского населения на частновладельческих землях ко времени издания Литовского статута 1529 г.» убедительно показывает, как широко, с точки зрения объекта исследования, решал он всю проблему.

Плодотворна здесь и методологическая, по существу марксистская, постановка вопроса. В. И. Пичета перешагнул рамки юридических констатаций, предусмотренных самим заглавием труда. Юридические нормы выступают отражением, как пишет Пичета, «политики класса землевладельцев»⁴. Изменения в юридическом положении крестьянства он также объясняет определенной политикой господствующего класса, направленной на усиление эксплуатации крестьянских масс. Понимание этой принципиальной линии развития феодального общества позволило Пичете уже в 1928 г. подняться над уровнем всей прошлой историографии и сформулировать глубоко верный вывод о том, что в условиях феодального общества даже лично свободный крестьянин оказывался феодально зависимым. Именно такой смысл содержит следующее наблюдение В. И. Пичеты: «...солидарная классовая политика землевладельческого класса ставила свободных людей в очень тяжелые условия, выхода из которых для них уже не было... Свободные люди должны были селиться

⁴ Пичета В. И. Белоруссия и Литва..., с. 326.

на землях частных землевладельцев или соглашаться на предложенные ими условия»⁵. А эти последние определялись стремлением «землевладельческого класса... рассматривать свободных людей как тяглых»⁶.

В таком же широком социально-экономическом плане рассмотрел В. И. Пичета и другие группы крестьянства. С прошлой историографией его порой связывает известная приверженность к юридическим экскурсам, поиску юридических дефиниций при характеристике каждой рассматриваемой им категории крестьян. Но вместе с тем Пичета дает убедительную социальную и экономическую характеристику каждой группе.

Примером преодоления формально-юридического подхода является его характеристика социального и экономического облика государственных крестьян. Он считал, что в Великом Княжестве Литовском до половины XVI в. эта категория крестьян была всегда только держателями государственной земли, а отнюдь не собственниками, и «никакого сокращения их прав на землю не происходило во II четверти XVI в.»⁷.

Больше всего внимания Пичета уделил челяди невольной, «непохожим», закупам. Изучению этих категорий крестьян он посвятил наиболее крупные свои труды.

Изучение этой темы привело его к выводу: «Борьба за свободные руки, борьба за крепостного крестьянина как новую форму рабочей силы, обязанную в еще большей мере удовлетворить потребности фольварочного хозяйства, только начинавшего разворачиваться,— вот что составляло главное содержание социально-экономических отношений между классом землевладельцев и сельским населением»⁸. Такого понимания сущности всей проблемы В. И. Пичета достиг, преодолев методологическую позицию старой школы исторического исследования. На этом пути Пичета достиг более глубокой, чем у его предшественников, характеристики социального и экономического положения челяди, раскрыл ее эволюцию как процесс превращения в крепостных крестьян, вызванный развитием фольварочно-барщинной системы хозяйства.

Характеризуя положение «непохожих» людей, В. И. Пичета обращает особое внимание на развитие крепостного права на территории Белоруссии. В некоторых работах 1910—1920 гг.

⁵ Пичета В. И. Белоруссия и Литва..., с. 327.

⁶ Там же.

⁷ Пичета В. И. Аграрная реформа..., с. 167.

⁸ Пичета В. И. Белоруссия и Литва..., с. 379.

В. И. Пичета в качестве важных факторов возникновения крепостного права выдвигал задолженность крестьян феодалам, а также принцип давности. Но уже в 1927 г. В. И. Пичета становится на правильную исходную позицию, а в 1939 г. уже в качестве главных факторов генезиса крепостного права называет развитие крупного землевладения и внеэкономическое принуждение.

По мнению В. И. Пичеты, высказанному в 1946 г., развитие фольварочного хозяйства в феодальных владениях после реформы Сигизмунда-Августа требовало увеличения барщинного труда, что привело к слиянию «челяди невольной» с крепостным крестьянством»⁹.

Можно заметить, что мысль В. И. Пичеты развивалась в направлении той характеристики, которую К. Маркс дал процессу закрепощения. В первом томе «Капитала» он писал: «...барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины»¹⁰. Белоруссия являлась примером именно такого развития феодальных отношений. Эту направленность и раскрыл В. И. Пичета.

В своей характеристике «непохожих» людей В. И. Пичета исходил из определяющей роли в судьбах крестьянства процесса развития крепостнических отношений в Белоруссии. Исследования В. И. Пичеты внесли ряд новых черт в характеристику «тяглых» людей, созданную до него буржуазными историками. Это особенно отчетливо видно на примере оценки хозяйственной роли «тяглых», причин перехода крестьян в разряд «тяглых» и в аргументации роста феодального гнета и роли политики господствующего класса в формировании этой категории крестьян. Весь социально-экономический аспект рассмотрения данного вопроса впервые был положен в основу исследования В. И. Пичетой — и в этом одна из самых важных его заслуг.

Первым в белорусской советской историографии В. И. Пичета выяснил экономические предпосылки возникновения института закупов и наметил пути его всестороннего изучения. По мнению В. И. Пичеты, одной из предпосылок закупничества была материальная необеспеченность широких групп населения Белоруссии. В. И. Пичета исследовал социальный состав закупов, показал их правовое и хозяйственное положение, характер займа закупов. Ученый пришел к выводу, что наличие катего-

⁹ Пичета В. И. Институт холопства..., с. 65.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 248.

рии закупок соответствовало интересам господствующего класса Белоруссии и было связано с развитием феодального поместья.

В. И. Пичета проследил и некоторые черты социально-экономического положения «похожих» крестьян в феодальном обществе. В его трудах показан относительный и временный характер так называемой свободы этой категории крестьян, ее зависимость от интересов господствующего класса.

В характеристике класса феодалов предшественники В. И. Пичеты (М. К. Любавский, М. В. Довнар-Запольский, Ф. И. Леонтович, И. И. Лаппо и др.) — буржуазные историки — смогли дать более или менее подробное описание отдельных черт, присущих феодальному сословию. Так, М. К. Любавский установил факт роста прав и привилегий боярства и шляхетства, но не видел причин этого явления и ограничился лишь его констатацией. Предметом исследований И. И. Лаппо являлось одно лишь шляхетство, привилегии которого в эпоху Люблинской унии получили юридическую санкцию. Подобного рода ограниченность, непонимание взаимосвязи явлений присущи и другим историкам государственной школы.

С именем В. И. Пичеты связан новый этап в изучении господствующего класса Великого Княжества Литовского.

В работах Пичеты дана обстоятельная характеристика верхушечной группы господствующего класса. Она построена на учете решающего значения роста феодального землевладения, феодального иммунитета и развития феодального государства. В исследованиях конца 30—40-х годов В. И. Пичета выдвигает роль классовых интересов в качестве главного фактора, определявшего сближение литовских, белорусских, украинских и польских феодалов на различных этапах истории Великого Княжества Литовского. Пичета сумел сравнительно быстро критически преодолеть влияние старых взглядов дореволюционной историографии. Его работы отчетливо раскрывают классовую природу феодальной верхушки, ее социальный облик и политические позиции.

Введение в научный оборот новых исторических источников, а главное — марксистско-ленинский подход к изучению источников, использованных его предшественниками, позволили В. И. Пичете проследить с научных позиций происхождение шляхетского сословия, вскрыть сущность противоречий между группами феодалов. Ученый в работах 30—40-х годов одним из первых пришел к выводу, что возникновение и развитие шляхетского землевладения вызывалось не волей великого князя ли-

товского, а экономическим и политическим развитием страны. По мнению В. И. Пичеты, с конца XIV в. начинается медленный процесс консолидации шляхетского сословия, а в конце XV в. началось обособление шляхетства. Он считал, что оформление шляхетского сословия было неизбежным этапом в развитии феодального общества.

В. И. Ленин писал, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹¹. Анализ творческого наследия В. И. Пичеты показывает активное преодоление ученых взглядов и методологии старой дореволюционной школы и усвоение марксистско-ленинской теории исторического процесса. На этом пути в течение трех десятилетий В. И. Пичета заложил основы научной трактовки социально-экономического развития Белоруссии в XV — первой половине XVII в., т. е. в период развития феодального общества.

Труды В. И. Пичеты по истории Белоруссии — составная часть белорусской советской историографии. Они благотворно повлияли на развитие научно-исследовательской работы в области социально-экономической истории Белоруссии в эпоху феодализма, будили мысль, способствовали созданию обширной монографической литературы. Многие из вопросов, поставленных в работах В. И. Пичеты и не решенных им, успешно решаются в исследованиях современных белорусских, украинских и литовских историков.

Исследования В. И. Пичетой социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма (XV — первая половина XVII в.) представляют серьезный вклад в советскую историческую науку.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

Г. Э. Санчук

В. И. ПИЧЕТА И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В советской исторической науке изучение истории Чехословакии заняло почетное место. Большой круг специалистов занят разработкой разных проблем истории этой страны. Созданы многочисленные монографические исследования, написана многотомная история Чехословакии¹. Эти успехи производят тем большее впечатление, если учесть, что к моменту создания основных советских славяноведческих центров в 1939 г.² изучение истории Чехословакии с марксистских позиций, по существу, отсутствовало.

В организации начального этапа изучения истории Чехословакии с новых позиций первостепенная роль принадлежит, несомненно, В. И. Пичете — первому руководителю Сектора славяноведения в Институте истории АН СССР, основателю и первому заведующему кафедрой истории южных и западных славян в МГУ, одному из организаторов Института славяноведения в 1947 г.³

Благодаря научному руководству В. И. Пичеты изучение истории Чехословакии стало с самого начала одним из ведущих направлений в советском славяноведении⁴. Большую научную помощь в организации научных исследований, в научной разра-

¹ Двадцать пять лет деятельности Института славяноведения. М., 1971, с. 121—124; История Чехословакии, т. I. М., 1956, с. 19; т. II. М., 1962; т. III, М., 1965.

² *Королюк В. Д. и др.* Советское славяноведение. М., 1963.

³ См. с. 16 настоящего издания.

⁴ *Пичета В. И., Миллер И. С.* Работа кафедры истории западных и южных славян МГУ. — «Исторический журнал», 1941, № 2, с. 148. *В. К.* Пять лет кафедры славяноведения исторического факультета МГУ. — «Исторический журнал», 1944, № 10—11; *Пичета В. И.* Сектор славяноведения Ин-та истории АН СССР. — «Вопросы истории», 1946, № 10.

ботке истории Чехословакии в тот период оказал выдающийся чешский ученый и общественный деятель Зденек Неедлы⁵.

Научное руководство историческими исследованиями в области славяноведения, осуществленное В. И. Пичетой, обеспечило правильное определение главных направлений в изучении истории Чехословакии, соотнесение их с другими вопросами славистики. Организацию этих исследований, а также подготовку научных кадров для осуществления поставленных задач В. И. Пичета взял на себя.

Для разработки проблем истории Чехословакии имели большое значение три обстоятельства: 1. Организация преподавания истории Чехословакии и подготовка кадров по этой дисциплине в МГУ; 2. Работа аспирантского семинара под руководством академика В. И. Пичеты; 3. Научные исследования по истории Чехословакии в Секторе славяноведения Института истории АН СССР, а затем — в Институте славяноведения АН СССР.

На кафедре истории южных и западных славян, созданной в МГУ в 1939 г., с самого начала стали читаться курсы по истории Чехии, Словакии, Чехословакии⁶. Уже в 1940 г. окончили университет по специальности «История Чехословакии» пять студентов. Особенно были отмечены авторы дипломных работ «Чехия и польское восстание 1863 г.» и «Чехословацкие легионы в России и подготовка антисоветского мятежа»⁷.

В. И. Пичета много сделал для привлечения студентов к работе над вопросами истории славянских народов. Уже в годы, непосредственно предшествующие войне, кафедра истории западных и южных славян на своих расширенных заседаниях слушала доклады по вопросам истории Чехии и Словакии в средние века и истории Чехословакии в новейшее время (сообщения проф. Н. П. Грацианского, З. Неедлы и др.).

С отъездом Зденека Неедлы на родину (в 1946 г.) руководство изучением истории Чехословакии на кафедре целиком перешло к В. И. Пичете, который большое внимание уделил организации спецсеминаров по истории Чехии в средние века и в XIX—XX вв., особенно курсу источниковедения и историографии по истории Чехословакии, а также обеспечению знания чешско-

⁵ Риколь Б. М. Зденек Неедлы в Московском университете.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964, с. 219; Корольюк В. Д. Московский период жизни Зденека Неедлы и развитие советского славяноведения.— Там же, с. 209, 213; Пичета В. И. Сектор славяноведения..., с. 152.

⁶ Пичета В. И., Миллер И. С. Работы кафедры истории западных и южных славян в МГУ.— «Исторический журнал», 1941, № 12, с. 149.

⁷ Пичета В. И., Миллер И. С. Работы кафедры..., с. 149.

го языка студентами, специализирующимися по истории Чехословакии. Для решения этих вопросов привлекались аспиранты и молодые научные сотрудники, специализировавшиеся по истории Чехословакии. Преподавательская деятельность В. И. Пичеты обеспечила уже к 1947 г. подготовку значительного количества аспирантов, приступивших к написанию кандидатских диссертаций по истории Чехословакии (К. И. Козырина, Н. Д. Ратнер, Г. Э. Санчук, А. К. Целовальникова, И. И. Удальцов). Сам В. И. Пичета приступил к разработке курса по источниковедению и историографии истории Чехословакии и к формированию авторского коллектива для написания первого марксистского очерка по истории Чехии силами научных сотрудников Сектора славяноведения, занятых на кафедре.

Деятельность кафедры имела положительные последствия для организации исследовательской работы: уже в 1947 г. в Институт славяноведения оказалось возможным включить в качестве научных сотрудников по истории Чехословакии целую группу молодых специалистов.

Научные успехи кафедры в значительной степени были обусловлены органической связью ее работы с деятельностью Сектора славяноведения Института истории АН СССР, а затем — с Институтом славяноведения АН СССР. Одним из проявлений этой совместной работы был семинар аспирантов-славистов под руководством академика В. И. Пичеты, которому сам Владимир Иванович придавал большое значение и отдавал много сил и времени. Семинар собирался еженедельно, по пятницам, на квартире В. И. Пичеты (Обыденский пер., д. 2) и стал известен среди аспирантов и научных сотрудников как «пичетник»⁸. Семинар работал с 1943 г. до мая 1947 г.

Первое заседание состоялось 27 ноября 1943 г., на нем присутствовали пять аспирантов⁹. В. И. Пичета сделал большой вступительный доклад о задачах семинара. Особенное внимание он обратил на необходимость сохранения и развития лучших традиций русской историографии. Владимир Иванович особенно подчеркнул значение выработки правильных приемов научного критического исследования источников на основе марксистской методологии, обратил внимание на необходимость широкой исторической эрудиции и выработки навыков свободной ориентировки в новейшей литературе.

⁸ Королюк В. Д. В. И. Пичета. — «Вопросы истории», 1970, № 8, с. 103.

⁹ С. С. Гринберг, В. Д. Королюк, Г. Э. Санчук, Ц. С. Телицина-Бобиньская, А. К. Целовальникова. Сведения о работе семинара даны на основании моих записей того времени. — Г. С.

Семинар В. И. Пичеты собирался регулярно и постоянно пополнялся новыми слушателями и участниками. Особенно следует отметить активную деятельность в нем В. Д. Королюка, И. М. Белявской, И. И. Удальцова, И. С. Достян, Н. Д. Ратнер, М. А. Бирмана, К. И. Козыриной, Ф. А. Грекула и др. Каждый участник семинара, в том числе и сам В. И. Пичета, представлял доклад, который подвергался всестороннему анализу с точки зрения работы над источниками и методологического подхода к проблеме. Особое впечатление оставили доклады В. И. Пичеты «О принципах периодизации истории Польши», Ц. С. Бобинской «О деятельности Мицкевича», серия докладов В. Д. Королюка на тему «Петр I и Польша», И. М. Белявской «Герцен и польский вопрос», И. И. Удальцова «Проблема образования Чехословакии в историографии».

За период работы семинара каждый сделал несколько докладов¹⁰. В связи с темой данного сообщения следует сказать о значении семинара для разработки вопросов по истории Чехословакии. Большое внимание было обращено на историю Чехии в средние века, на проблемы чешского возрождения и национального движения в XIX—XX вв. Впоследствии доклады, сделанные на этом семинаре, послужили основой научных работ их авторов¹¹. Семинар содействовал большой активизации работы аспирантов-славистов. Определенным итогом его работы явилась аспирантская сессия Сектора Института славяноведения, на которой был заслушан ряд докладов участников семинара, в том числе и доклады по истории Чехии^{11а}.

¹⁰ Последнее заседание семинара состоялось 6.V 1947 г. Владимир Иванович был тяжело болен, но заседание не отменил, а вскоре руководителя семинара не стало (В. И. Пичета умер 22.VI 1947 г.).

¹¹ *Королюк В. Д.* Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского.— КСИС, 1960, № 29; *Санчук Г. Э.* Хроника Козьмы Пражского (вводная статья и комментарий). М., 1965; *он же.* «Majestas Carolina».— «Ученые записки Инта славяноведения АН СССР», 1947, № 1; *Целовальникова А. К.* Возникновение капитализма и национальное возрождение в Чехии.— В кн.: История Чехии. М., 1947; *Ратнер Н. Д.* Чехия в 1860—1914 гг.— Там же. *Удальцов И. И.* Мировая война и образование Чехословакии.— Там же.

^{11а} Научная сессия аспирантов-славистов состоялась в Институте истории АН СССР I.VII 1944 г. и 8.VII 1944 г. На ней присутствовали и выступали в обсуждении докладов В. И. Пичета и З. Р. Неедлы. Были заслушаны доклады участников семинара В. И. Пичеты: Королюка В. Д. «К спору о документе 1086 г. в Хронике Козьмы Пражского», Санчука Г. Э. «Хроника Козьмы Пражского», Грекула Ф. А. «Россия и Молдавия в XII в.», Бобинской Ц. «Аграрный вопрос и взгляды Сташица», Белявской И. М. «Бакунин и польский вопрос», Франича И. П. «Россия и южные славяне до начала I мировой войны».

Для разработки проблем, связанных с историей Чехословакии, имели значение поставленные В. И. Пичетой вопросы этногенеза славян, образования раннефеодальной государственности на территории Чехословакии, продолжение разработки истории гусизма, чешского национального возрождения в XIX в., проблема образования Чехословакии. Результаты разработки проблемы этногенеза нашли отражение в работах члена-кор. АН СССР А. Д. Удальцова¹² и акад. Н. С. Державина¹³.

Наблюдения советских историков по вопросу этногенеза славян помогли В. И. Пичете кратко изложить вопрос о древнейшем периоде истории Чехии¹⁴. Большое значение для разработки раннефеодальной государственности имел выход в свет работы академика Б. Д. Грекова «Киевская Русь» (М., 1946). На заседании Сектора славяноведения Института истории АН СССР сделал несколько докладов о проблеме образования раннефеодального русского государства проф. С. В. Юшков. Обсуждение концепции Юшкова и его полемика с Б. Д. Грековым вызвали большой интерес и содействовали активизации работы над историей раннефеодального государства в Чехии. В. И. Пичета непосредственно занялся этой проблемой, которая вскоре нашла отражение в его очерке по истории раннефеодальной Чехии¹⁵.

Владимир Иванович проявлял большой интерес к разработке проблем гусизма. Свои взгляды по этому вопросу он сформулировал в рецензии на книгу З. Неядлы «Гус и его время». Он указал на необходимость разработки истории гуситского движения на новой теоретической основе, в свете марксистско-ленинского понимания исторического процесса¹⁶. Особое значение В. И. Пичета придавал разработке вопроса о социально-экономических и политических предпосылках гусизма, о движущих силах гуситского движения и его последствиях. Историей Чехии накануне и в период гусизма занимались под руководством В. И. Пичеты, Г. Э. Санчук и Б. М. Руколь¹⁷, а также

¹² Удальцов А. Д. Проблема происхождения славян в свете современной археологии.— «Вопросы истории», 1949, № 2.

¹³ Державин Н. С. История Болгарии, т. I. М., 1944.

¹⁴ История Чехии. М., 1947, с. 3—10.

¹⁵ Пичета В. И. Феодалная Чехия.— В кн.: История Чехии. М., 1947.

¹⁶ Пичета В. И. Рец. на кн.: Z. Nejedlý. Hus a jeho doba.— «Вопросы истории», 1947, № 10, с. 142.

¹⁷ Санчук Г. Э. Возрождение Чехии при Карле I. Чехия накануне гуситского движения.— В кн.: История Чехии; Руколь Б. М. Реформация в Чехии.— Там же; Резонов П. И. Социально-политические взгляды таборитов на первом этапе движения. Канд. дис. М., 1947; Озолин А. И. Пражане и табо-

молодые исследователи диссертанты-заочники А. И. Озолин и П. И. Резонов.

Борьба чешского народа против феодальной агрессии нашла освещение в специальном сборнике¹⁸. Историю Чехии в новый и новейший период разрабатывал И. И. Удальцов¹⁹.

Первостепенными задачами В. И. Пичета считал создание общего очерка по истории Чехословакии, изучение проблем революции 1848 г. в Чехии, истории формирования рабочего класса в Чехии и Словакии, гуситского движения, национально освободительного движения в Чехии и Словакии в XIX в.²⁰

В. И. Пичета увидел только начальные месяцы существования Института славяноведения; тем не менее он успел претворить в жизнь свой план создания первого марксистского очерка по истории Чехии²¹. «История Чехии» встретила положительный отклик. Рецензенты отмечали, что «создан первоначальный эскиз марксистской истории Чехии. Для окончательной его отделки потребуются еще исследование ряда вопросов, тщательная работа над систематизацией изложения материала. Основной путь трактовки чешской истории этой книгой намечен... Большая и важная заслуга авторов и редактора уже в том, что они поставили целый ряд узловых вопросов чешской истории. Советское славяноведение сделало первую попытку создания общего очерка истории отдельной славянской страны»²².

Только на основании опыта по написанию «Истории Чехии», привлекая новые научные силы, Институт славяноведения смог в последующем приступить к написанию многотомной «Истории Чехословакии»²³. В этом был главный итог научной и организаторской деятельности В. И. Пичеты в области исследования Чехословакии.

риты. Канд. дис. М., 1948. Позднее эта тема вошла в его монографии (см.: Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962; он же. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973).

¹⁸ Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944.

¹⁹ Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951. Ср.: Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. Сб. докладов. Перевод с чешского под ред. и со вступит. статьей И. И. Удальцова. М., 1951.

²⁰ Пичета В. И. Сектор славяноведения АН СССР.— «Вопросы истории», 1946, № 10, с. 154.

²¹ История Чехии. Под ред. акад. В. И. Пичеты.

²² Никитин С. А., Миллер И. С. История Чехии.— «Вопросы истории», 1948, № 6, с. 111.

²³ История Чехословакии, т. I. М., (1956); т. II (1962); т. III (1965).

ИСТОРИЯ СЕРБИИ В РАБОТАХ В. И. ПИЧЕТЫ

Чрезвычайно богатое и разностороннее научное наследство акад. В. И. Пичеты достаточно хорошо известно советским и зарубежным специалистам; в числе трудов Владимира Ивановича мы находим многочисленные и весьма ценные работы по истории России, Белоруссии, Литвы, Украины, Польши, Чехии, русско-славянских связей¹. Наряду с ними В. И. Пичета опубликовал целый ряд интересных работ, посвященных истории южнославянских народов, в особенности Сербии и Хорватии². В связи с тем, что в статье С. А. Никитина уже дана общая характеристика этих работ В. И. Пичеты по истории зарубежных славянских стран, мы остановимся лишь на одном конкретном вопросе — на том, какое освещение находила в трудах выдающегося советского слависта история Сербии.

По нашему мнению, не вызывает никаких сомнений тот факт, что уже выбор молодым Владимиром Ивановичем для своей кандидатской работы темы о сочинениях Юрия Крижанича (в 1901 г.) говорил о его глубоком интересе к прошлому южнославянских народов, к многовековым политическим и культурным связям южных славян и России³. Можно предположить, что бурные события на Балканах (1908—1913 гг.), подъем национально-освободительного движения югославянских народов, аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, Балканские войны 1912—1913 гг. лишь укрепили интерес В. И. Пичеты к этим проблемам. Вполне понятно, что живой интерес к положе-

¹ Бахрушин С. В. В. И. Пичета как историк СССР.— УЗИС, 1949, т. I; Ткаченко Н. М. Работы академика В. И. Пичеты по истории Украины.— Там же.

² Никитин С. А. Деятельность В. И. Пичеты в области славяноведения.— УЗИС, 1949, т. I, с. 21—24; Королук В. Д. Рукописное наследство академика В. И. Пичеты.— Там же, с. 33.

³ Никитин С. А. Деятельность..., с. 21.

нию и истории южных славян в известной мере находил отражение и в тех работах, которые были опубликованы Владимиром Ивановичем в эти годы, еще до начала первой мировой войны (в частности, по истории внешней политики России в начале XIX в.), но в действительности первой его работой, специально подготовленной и посвященной зарубежным славянским странам, был его «Исторический очерк славянства» (М., 1914).

Этот популярный очерк, изданный вместе с кратким обзором Ч. М. Йоксимовича «Состав современного славянства» (с. 168—184 в этой книге), действительно был тогда, в начале ожесточенных сражений мировой войны, «важным и нужным произведением»⁴. Показательно, что и в этой первой своей работе по славянской проблематике В. И. Пичета не считал возможным ограничиться лишь кратким изложением судеб западных и южных славян; его очерк включает и сжатый обзор восточнославянской истории (прошлого России и отдельно-украинского народа). Если же при этом добавить, что в очерке В. И. Пичета отвел специальные разделы Польше и Чехии, Болгарии и Хорватии, привел краткие сведения по истории полабских и балтийских славян, словаков и словенцев, то нельзя не признать, что даже и теперь очерк этот фактически не может считаться устаревшим, как только мы будем оценивать его замысел, широту охвата (и в смысле территории, и применительно к хронологии), увлекательный и живой стиль изложения.

Вместе с тем анализ научного содержания этого очерка, как нам кажется, не может подтвердить уже высказанной в литературе точки зрения, что «этот очерк не претендовал на особую глубину. Сам объем работы не давал возможности сколько-нибудь широко развернуться. В этой работе Владимир Иванович касался преимущественно политической истории славян и затрагивал сторону социально-экономических отношений лишь в минимальном объеме»⁵. Действительно, в своем предисловии В. И. Пичета оговаривается, что дает лишь «краткую характеристику основных моментов политической истории», вследствие чего «социальная история затронута лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания внешних исторических судеб славянства»⁶. Между тем в работе он четко проводил линию на показ роли классов и сословий в истории славянских государств, даже специально выделяя в связи с этим отдельные параграфы

⁴ Там же, с. 22.

⁵ Там же.

⁶ Пичета В. И. Исторический очерк славянства. М., 1914, с. 1.

(например, для Польши — «усиление можновладства», «рост значения шляхетства», для России — «сословная монархия»). Именно эта сторона изложения способствовала также тому, что очерк этот мы можем считать весьма удачным, талантливым произведением Владимира Ивановича на новую для него, но давно интересовавшую и волновавшую тему. Это наглядно видно и на примере сербских разделов данного очерка.

Вовсе не случайно, разумеется, что истории Сербии в своем очерке В. И. Пичета уделил больше места (42 стр. из 167, тогда как, например, русской истории — начиная с эпохи Киевской Руси и до начала XX в. — отведена 31 стр.). Правда, при этом следует учитывать также, что раздел «Сербь» посвящен не только историческим судьбам самой Сербии, но в небольшой мере также и Боснии, Герцеговине, Воеводине и Черногории. Впрочем, эти земли современной Югославии фигурируют здесь лишь в кратких упоминаниях, поскольку основное внимание автора (в частности, с конца XVIII в.) приковано к событиям в Белградском пашалыке, где в результате I и II сербских восстаний возникло вначале автономное, а затем самостоятельное Сербское государство.

Естественно, выяснение того круга исторических источников и литературы, которыми мог воспользоваться при подготовке этого раздела В. И. Пичета или действительно воспользовался, весьма затруднительно, поскольку характер такого научно-популярного труда не дает нам возможности достаточно полно изучить творческую лабораторию автора. Сам Пичета лишь один раз упоминает (на с. 65 — при оценке политического курса сербского князя Александра Карагеоргиевича) «современного сербского историка Станоевича», имея, как мы установили, в виду его «Историю сербского народа», где им была дана такая оценка политики Александра Карагеоргиевича⁷. Однако было бы совершенно неправильно считать сербский раздел очерка В. И. Пичеты простым пересказом книги С. Станоевича.

Владимир Иванович, подготавливая данную главу, несомненно пользовался обширным кругом изданий по истории Сербии, среди которых, вероятно, была и «История сербов» К. Иречка, и работы русских славистов — Т. Д. Флоринского, Ф. Ф. Зигеля, А. Л. Погодина («История Сербии» Погодина вышла в свет в 1909 г.), и труды сербских историков. Свидетельством творческого подхода В. И. Пичеты даже к такой, казалось бы, будничной и не слишком важной задаче — написанию популярной

⁷ Станоевић С. Историја српскога народа. Београд, 1910, с. 292.

книжки для широкого круга русских читателей — являются прослеживаемые здесь факты, говорящие об использовании разнообразной литературы, об отборе и глубоком осмыслении главных линий внешнеполитической и внутривосточной истории сербов.

В качестве одного из примеров мы можем привести хотя бы то обстоятельство, что хронологическая сетка событий политической истории Сербского государства Неманичей (в частности, в конце XII и начале XIII в.) в изложении В. И. Пичеты не совпадает с теми датами, которые приводятся в книге С. Станоевича (как известно, хронология некоторых важных событий той поры в науке определяется лишь приблизительно, и существуют определенные расхождения в датировке правления некоторых Неманичей и т. д.)⁸. Вместе с тем здесь необходимо сказать и о показе социальных сил развития, устремлений господствующих классов и сословий той эпохи, поскольку этот вопрос уже затрагивался в литературе. Попытаемся рассмотреть его на материале XII—XIV вв., когда Сербия, освободившись от византийской гегемонии, достигает наибольшего могущества на Балканах.

Свой рассказ об этой эпохе сербского средневековья, начинающейся образованием «династического государства Неманей», Пичета открывает верной оценкой политического ослабления сербских княжеств XII в., раздробленности сербских земель, причину чего он видит в том, что «сепаратизм всецело овладел сербскими жупанами и родовой старейшиной»⁹. Тот факт, что Пичета старается показать роль сербской феодальной знати и значение ее позиции для смен правителей и других перемен внутривосточного положения, выгодно отличает его изложение от повествования современных ему историков — А. Л. Погодина и С. Станоевича. Так, например, Владимир Иванович указывает, что в 30-х годах XIII в. борьба братьев Неманичей (Радослава и Владислава) протекала «при деятельном участии *земельной аристократии*»¹⁰, и такое определение феодальной верхушки, на наш взгляд, гораздо удачнее, нежели глухие и неопределенные упоминания С. Станоевича («оппозиция» и «недовольные»)¹¹ или даже констатация А. Л. Погодина, что Владислав I был выдвинут «партией вельмож, властителей»¹². Заметим,

⁸ Например, даты правления Немани, Стефана Первовенчанного и др.

⁹ Пичета В. И. Исторический очерк..., с. 43.

¹⁰ Там же, с. 47.

¹¹ Станоевич С. История..., с. 114.

¹² Погодин А. Л. История Сербии. СПб., 1909, с. 49.

что Погодин слишком нечетко определяет конкретное содержание той власти и мощи, которой пользовалась сербская феодальная знать; если обратиться к предыдущему его рассказу, то о властителях мы узнаем лишь, что они претендуют на участие в управлении государством (о земельных владениях феодалов здесь вообще ничего не говорится)¹³.

Разумеется, не всегда повествование В. И. Пичеты о феодальном Сербском государстве так подробно и свежо. Так, период правления Уроша I, достаточно обстоятельно обрисованный Погодиным, он сокращает до минимума, сводя его к династической расправе с сыном Драгутином. Но затем при оценке событий конца XIII и начала XIV в. повествование вновь оживает, приобретает большую полноту и интересные детали. «Политика Милутина вызвала недовольство духовенства», — пишет Пичета, ссылаясь на контакты Милутина с римскими папами (этот тезис нам представляется весьма интересным и плодотворным). «Недовольна была и *крупная знать*. Выразителями их недовольства явился его сын Стефан», получивший затем название Дечанский¹⁴. Показательно, что Пичета отмечает, что коронация Стефана Дечанского (6 января 1322 г.) является результатом «соглашения с властелями» и победы над другими претендентами¹⁵; примечательно, что об этой коронации и ее дате вовсе не говорится в работах Погодина и Станоевича.

Вполне понятно, что В. И. Пичета, опираясь на подробную разработку проблем политической, социально-экономической и правовой истории Сербии в середине XIV в. (во время правления Стефана Душана) в русской историографии, дал весьма интересную трактовку этого периода, которая по своему значению не уступает лучшим характеристикам эпохи в литературе XX в. В особенности важно его внимание к социально-экономическим проблемам, стремление раскрыть причины внутренней слабости громадного Сербо-Греческого царства. «Покоряя чуждые сербству (т. е. византийские. — *Е. Н.*) области, Душану приходилось считаться с развитым иммунитетным светским и духовным землевладением. Он не только сохранил и укрепил все прежние права и привилегии, но наделил (феодалов. — *Е. Н.*) еще большими и вообще содействовал *феодализации* землевладения. Такой же процесс давным-давно совершался и внутри собственно сербских земель»¹⁶. Не менее любопытно и то обстоя-

¹³ Погодин А. Л. История Сербии. СПб., 1909, с. 30—31.

¹⁴ Пичета В. И. Исторический очерк..., с. 48.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 50.

ятельство, что Пичета здесь, в отличие от других авторов, вовсе не связывает распад Сербского царства с вступлением на престол «слабого» сына «сильного царя», как, например, делает С. Станоевич¹⁷.

Разумеется, в данной связи было бы возможно остановиться и на других вопросах, затронутых в «Историческом очерке славянства», однако нам необходимо перейти к другой работе Владимира Ивановича, также посвященной истории Сербии, но уже 70-х и 80-х годов XIX в. Естественно, она примыкает по своей тематике к соответствующим страницам очерка, но позволяет более судить о политических взглядах Пичеты по славянскому вопросу. Речь идет о публикации в либерально-народническом журнале «Голос минувшего» писем М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову, предисловие к которой написал Пичета.

В предисловии, посвященном положению в Сербии в 1880—1882 гг., он дает четкую оценку позиции русских славянофилов конца 70-х годов. Они выступали за освобождение славянства от турецкого и австрийского ига, но славяне, по их мнению, должны были находиться под влиянием царской России. В. И. Пичета подчеркивает, что славянофилам той поры, вроде Черняева и Кулаковского, «не нравился демократизм сербской интеллигенции, ее западничество и рационализм»¹⁸. Как нам представляется, это предисловие позволяет достаточно полно судить о политических симпатиях Владимира Ивановича, о его взглядах на будущность славянских народов после первой мировой войны, о его выступлении за национальную независимость Сербии и других югославянских стран.

Можно думать, что эти же взгляды руководили В. И. Пичетой и при написании двух следующих работ по сербской проблематике — статьи «Исторические судьбы Сербии» (в «Экскурсионном вестнике» за 1915 г.) и брошюры «Сербия», изданной в 1917 г., уже после Февральской революции, в серии «Свобода и братство народов»¹⁹.

Поскольку эти работы в известной мере уже нашли отражение в литературе, мы можем остановиться лишь на некоторых моментах изложения отдельной брошюры В. И. Пичеты. Разумеется, текст брошюры во многом сходен с очерком, о котором мы говорили выше; это проявляется и в трактовке основных

¹⁷ Станоевић С. Историја..., с. 142—143.

¹⁸ «Голос минувшего», 1915, № 9, с. 234.

¹⁹ Никитин С. А. Деятельность..., с. 22.

направлений и событий истории, это заметно и в трактовке национального вопроса. Показательно, например, что в этой брошюре, посвященной Сербии, автор говорит немного и о хорватах (с. 3, 12), о Боснии и Герцеговине, о Черногории и Старой Сербии (с. 10, 11). Следует подчеркнуть также и верную оценку внутривосточного положения Сербского государства Неманичей, которое «не отличалось внутренней крепостью и сплоченностью», где господствовали крупные землевладельцы, а «свободное крестьянство почти исчезло», в целом же экономическое положение крестьянства ухудшилось²⁰.

Надо отметить, что эти проблемы социально-экономической истории феодальной Сербии (естественно, преимущественно в XIV в., по материалам Законника царя Стефана Душана и другим источникам той эпохи) весьма занимали Владимира Ивановича в эти предреволюционные годы и, вероятно, в начале 1917 г. Результатом этих занятий явилась статья «Экономическая история Сербии», написанная для тома 38 7-го издания Энциклопедического словаря братьев Гранат. В пользу такой датировки говорит тот факт, что в статье А. Л. Погодина («О политической истории Сербии») библиография завершается работами 1914—1916 гг., а сам том был выпущен до конца 1917 г.²¹

Статья «Экономическая история Сербии», которая незаслуженно забыта, представляет большой интерес как одна из первых попыток специальной разработки проблем социально-экономического развития сербских земель (в средние века и в новое время) в русской славистике. Достаточно вспомнить, что известные работы Ф. Ф. Зигеля, Т. Д. Флоринского, А. Л. Погодина, А. А. Майкова, В. В. Макушева являлись либо исследованием правовых проблем и памятников сербского средневековья либо венецианских документов той эпохи (как это было у Макушева) или же, наконец, сводились к обзору, довольно сжато, основных линий развития. Все это в свою очередь затрудняло задачу В. И. Пичеты, который, стремясь подчеркнуть специфику сербских земель, начал свою статью с раздела «Землевание в Сербии. Средние века. Задружное землевладение».

В этом первом разделе автор дает достаточно полную характеристику так называемой задруги и форм задружного землевладения. Следует особо подчеркнуть, что Владимир Иванович, не снабдивший свою статью библиографией, тем не менее вво-

²⁰ Пичета В. И. Сербия. Пг.—М., 1917, с. 3.

²¹ БСЭ, 2-е изд., т. 12; ср.: УЗИС, 1949, т. I, с. 41 (с датировкой этого тома 1922 г.).

дит нас в суть ожесточенной полемики о происхождении и сущности задруги, он называет ученых, которые участвовали в этой длительной дискуссии (С. Новакович, Я. Пейскер), справедливо указывает на слабые места в их построениях, связывавших задругу с фискальной системой Римской империи. Указывая, что задруги существовали в Сербии еще в конце XIX в., Пичета затем переходит к подробной характеристике задруги по материалам Законника Душана (стб. 352).

Завершая эту характеристику оценкой крестьянских повинностей в пользу феодальных землевладельцев (в частности, по статье 68 Законника), автор закономерно переходит к рассмотрению баштинного и проиарного землевладения (стб. 352—354). Здесь Пичета связывает баштину в средневековой Сербии с общественной дифференциацией, с возникновением «земельной аристократии» (напомним, что этот же термин он употребляет, как мы отмечали выше, и в своем очерке 1914 г.), перечисляет разные виды баштины: государственную, княжескую, духовную (т. е. церковную) и светскую.

Отметим весьма удачное определение источников роста церковной и монастырской земельной собственности: «Церковная баштина всецело связана с жупанскими и княжескими пожалованиями» (стб. 353; разумеется, в данном случае нужно учитывать и обильные пожалования сербских королей и царей). Далее в этом разделе дана краткая оценка земельным отношениям в сербских землях после турецкого завоевания (стб. 354—355), а после этого автор анализирует экономическое состояние Сербии в средние века и новое время (стб. 356—362), сообщая основные сведения об отраслях хозяйства, о развитии внешней торговли и товарно-денежных отношений.

Разумеется, в этом случае, как и при анализе его очерка 1914 г., достаточно трудно установить круг источников и литературы, которыми пользовался Владимир Иванович. Вероятно, мы должны сказать о привлечении автором обширного круга изданий русских и зарубежных ученых, а из источников на первом месте, конечно, стоит Законник Душана. Заметим, кстати, что Владимир Иванович, как показывают его ссылки на соответствующие статьи этого законодательного памятника, использовал издание Законника, подготовленное сербским буржуазным историком С. Новаковичем (1898).

И в последние годы жизни Владимира Ивановича его пристальный интерес к истории народов Югославии, к прошлому Сербии несколько не ослабевал. Об этом можно судить и по тем наброскам, которые остались в его архиве, и по тем последним

его работам, которые посвящены этой тематике. Это не только статьи и рецензии по средневековой истории, но и ряд работ по истории XIX—XX вв.²² Так, уже посмертно, в 1947 г., была напечатана его рецензия на книгу сербского этнографа Т. Р. Джорджевича «Сербия сто лет назад»²³. Эта рецензия еще раз свидетельствует о том, насколько широки и разносторонни были научные интересы В. И. Пичеты, насколько глубоким и творческим было обращение его не только к различным вопросам истории народов СССР, истории западных славян, но и к прошлому столь близко интересовавших его народов Югославии, прежде всего к истории Сербии.

Как показывает изучение работ Владимира Ивановича по истории Сербии, он был талантливым исследователем, который умело сочетал задачи обобщения, синтеза, охватывающего многовековые эпохи существования славянских народов, и конкретного четкого анализа, основанного на тщательном изучении тех материалов, которые сохранились и от средневековой Сербии, и от времен возрождения Сербского государства в XIX в.

²² УЗИС, т. 1, с. 33, 52—53.

²³ «Вопросы истории», 1947, № 7, с. 131—133. Ср.: там же (с. 126—128) его рец. на кн. Г. Новака «Прошлое Далмации».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Владимир Иванович остался в моей памяти идущим в кокетливо, немножко со лба и набекрень надетой шляпе, лихо размахивающим тросточкой, с лукавой улыбкой, излучающей доброжелательство. Даже внешне он был в прекрасном стиле русского прогрессивного либерального профессора начала XX в., принадлежал ведь к поколению Грековых и Косминских, к поколению лучшей, передовой части русской дореволюционной интеллигенции, к тем блестящим молодым ученым, которые пошли с революцией и долгие годы были украшением советских университетов.

Будучи еще очень молодыми, мы наверняка недооценивали энтузиазм и энергию, с которой Владимир Иванович после лет невзгод и ведь уже немолодой взялся в 1939—1940 гг. за воссоздание славяноведения в Московском университете. Сначала создал он кафедру «западных и южных славян» в МГУ, где собрал вокруг себя группу учеников, немного позже принял за организацию Сектора славяноведения в Академии наук. Было что-то глубоко волнующее в том, что во время, когда моя родина — Польша — была погружена в черную ночь фашистской оккупации, лишена школ, университетов и обмена мыслями между учеными, когда все профессора университета, в котором я теперь работаю, были заточены в концлагерь, в Московском университете возник живой, активный центр исследования истории Польши. Тем более, что как раз «мой» профессор работал в этой области.

Владимир Иванович не только проявлял интерес к истории Польши, но и глубокую симпатию к польскому народу, к польской науке и ученым. Это делало работу под его руководством особенно радующей. Он был знатоком не только польской истории, но и классической польской историографии и ее знания

требовал от учеников. С удовольствием вспоминал он свои личные встречи с польскими историками, в частности, с видным польским историком-марксистом и, как он добавлял, элегантно и изящно женщиной — Наталией Гонсеровской. Он о ней много и тепло рассказывал, так что после войны я встретила с ней, как со старой знакомой.

Я работала у Владимира Ивановича по истории Польши XVIII и XIX вв., и мне кажется, что в это время его личный научный интерес переключался с более ранних эпох на эти столетия. Он нашел неизвестные польским историкам источники о Тадеуше Костюшко и говорил о них с увлечением. Привлекали его внимание и правовые и государственные отношения Королевства Польского (1815—1830) с Александром I как конституционным королем. Он имел по этому вопросу собственное, отличное от концепций других ученых мнение и любил его защищать и оспаривать, как вообще любил споры со своими учениками. Помню, мы часами спорили с ним по упомянутому вопросу. Владимир Иванович считал, что государственно-правовой строй и обстоятельства возникновения Королевства Польского после Венского конгресса содержали много неиспользованных возможностей для дальнейшего развития польской государственности, я с ним не соглашалась, и мы дружески переругивались на какой-то бульварной скамейке.

Владимир Иванович вел эти дискуссии на основе паритета, на равных правах сторон, рассматривая собеседника как полноправного партнера. Он очень серьезно относился к мнениям молодых аспирантов, поэтому эти разговоры и были особенно хороши. Будучи требовательным учителем, он одновременно серьезно воспринимал наши первые научные попытки, был полон любопытства к нашим мыслям, любил давать полную самостоятельность в работе, щедро оделял своим доверием и, полный умной снисходительности, больше хвалил, чем критиковал.

Владимир Иванович обе группы своих учеников (МГУ и Академии наук) объединил в один общий аспирантский семинар, который собирался раз в неделю, по пятницам, в его квартире. Потчующие супругой Владимира Ивановича чаем с вареньем и подбадриваемые ее милой улыбкой, мы переходили в другой угол огромного кабинета, размещаясь на невероятно емком кожаном черном диване. За письменным столом напротив восседал суровый и доброжелательный профессор. Эти семинары носили у пичетинского племени название пичетников. Здесь заслушивались наши доклады, главы кандидатских, вокруг которых шли бурные дискуссии. Владимир Иванович прислуши-

вался с полузакрытыми глазами, казалось, что он дремлет. Но не тут-то было! Стоило докладчику несколько оплошать, и куда девалась дремота! Из-под прикрытых век и лохматых бровей стрелял быстрый насмешливый взгляд, и оратор был пригвожден.

Семинары В. И. Пичеты были замечательной школой обмена научной мыслью. На этом черном кожаном диване и окрепла «могучая кучка» первого послевоенного поколения славяноведов. Отсюда вышли И. М. Белявская, В. Д. Королюк, И. С. Миллер, Г. Э. Санчук и др.

Черный диван играл также немалую роль во время кандидатских экзаменов. Тогда за письменным столом оказывался подследственный аспирант, а по углам дивана восседали два строгих профессора-экзаменатора — В. И. Пичета и З. Неудлы. Их серебристые шевелюры под говор отвечающего аспиранта, как два одуванчика, склонялись все ниже, и сдающему начинало казаться, что он развивает свою тему в одиночестве. Его самодисциплина слабела, вот, очевидно, он сказал что-то путанное, ибо оба одуванчика мгновенно поднимались и профессора останавливали оратора критическими возгласами.

Владимир Иванович был для нас не только учителем, но и прекрасным другом. Он умел быть твердым и неуступчивым, если нужно было похлопотать или отстоять своего ученика. Эти черты характера профессора, его верность данному слову и заботу я имела возможность лично проверить.

Помню, как во главе группы моих коллег-пичетинцев Владимир Иванович провожал меня весной 1945 г. в Польшу. Он был в сердцах. В шляпе набекрень, грозно размахивая тросточкой, он тащил в вагон мой большой мешок с книгами, который железнодорожники не разрешали провозить в пассажирском купе. Рассерженный Владимир Иванович тащил мешок, громко и категорически изрекая приподнятым голосом, что эти книги мне будут необходимы для работы в польском университете. У него был настолько внушительный и авторитетный профессорский вид, что никто не посмел его остановить и книги были водружены в купе.

Потом были письма, полные любопытства и интереса к моей жизни и работе. Я ему послала свою очень маленькую книжечку — эссе о декабристах. Владимир Иванович отнесся к ней как к научному факту. Он ее хвалил, очевидно, чтобы не «сглазить», щедро и доброжелательно. Это было очень теплое письмо, и оно было последним. Дней десять спустя после его получения пришло известие о его смерти.

МИНУЛО 30 С ЛИШНИМ ЛЕТ

(Воспоминания о профессоре
Владимире Ивановиче Пичете)

Это было давно, но помнится четко, до мелочей.

1943 год, ранняя весна. Я оказалась в Москве по вызову Научно-исследовательского института шинной промышленности, возвратившегося в Москву из эвакуации, где в небольшом поселке Хромпике, недалеко от Свердловска, куда забросила меня судьба в то трудное военное время, мне удалось получить в Институте работу по научно-технической информации, присмотреться к жизни и труду дружного советского коллектива, сблизиться со славными, чуткими людьми.

Первым делом надо было наладить связь с польскими товарищами по работе в Варшаве, а затем — в Белостоке, связь, расторгнутую после 22 июня 1941 г.

Из Саратова переехала в Москву редакция полумесячника «Nowe Widnokręgi» («Новые Горизонты»). По инициативе руководящего звена польских коммунистов в СССР — Ванды Василевской, Альфреда Лямпе и др. был организован Союз Польских Патриотов. На Кузнецком Мосту, в большом темном здании, начинала работу редакция еженедельника «Wolna Polska» («Свободная Польша»), органа СПП.

По вызову СПП для работы в польской редакции Иноиздата приехал из Свердловска с семьей Генрих Вольпе, из Средней Азии — Станислав Скшешевский с женой. Намечалось организовать Комитет по делам польских детей в СССР. Соответствующее постановление Совнаркома от 30 июня 1943 г. явилось правовой основой плодотворной деятельности Компольдета (Комитет по делам польских детей).

Комитет по делам польских детей в СССР был непосредственно подчинен Наркомату народного просвещения РСФСР, но действовал на основах полной автономии: строил детдома и школы, вел набор кадров в польские учреждения, организовывал курсы и конференции, собственный педагогический надзор

и контроль за работой, разрабатывал собственные учебные планы, программы и учебники не только на родном польском языке, но и с учетом польской национальной культуры и исторических традиций польского народа. Все это благодаря великодушной и щедрой помощи советских властей как в центре, так и на местах. Польские дети, военные сироты и полусироты, бездомные и одинокие, нашли дом и опеку, врачебную помощь и школу, детский коллектив и сердечную заботу воспитателей.

Укомплектовав кадры польскими и советскими педагогами, Компольшет с половины июля 1943 г. развернул работу. По отделу программ и учебников мы отчитывались публично в польской периодической печати: о школьной программе по истории Польши в статье в «Новых Горизонтах» («Nauka historii w polskiej szkole w ZSSR».—«Nowe Widokregi», 5.IX 1943), об изданных и разрабатываемых программах и учебниках — в «Свободной Польше» («Podręczniki i programy szkolne».—«Wolna Polska», 16.X 1943).

Хотелось бы процитировать хотя бы некоторые отрывки из этих статей, чтобы напомнить исключительный климат тех давно прошедших, но незабываемых дней.

«В СССР возникает польская школа...».

«Нельзя переоценить тот факт, что на пятом году войны с Гитлером, в тысячах километрах от родины, в среде дружеской, но иноязычной, в то самое время, когда в Польше школьное дело разрушено, польская национальность, язык, культура неслыханно преследуются и истребляются, а польское государство не существует,— здесь, в СССР, польский ребенок сможет беспрепятственно учиться отечественной истории на польском языке».

«...Мы, поколение 1939—1943 гг., живем в период, насыщенный историей. Мы горько, на собственном опыте убедились, куда ведет незнание истории или же ее ошибочная оценка. Мы знаем, что за такую ошибку приходится расплачиваться: единичному человеку — жизнью, целому народу — пепелищем веками накопленного достояния. Мы, поляки, осознали эту историческую истину, пожалуй, даже чересчур основательно».

«...История вокруг нас, мы чувствуем ее дыхание, ощущаем биение ее пульса...»

«Мы слышали ее шаги, лихорадочные и тревожные, когда в ноябре 1941 г. орды современных гуннов подошли почти вплотную к Москве и проклятый топор фашизма замахнулся над последней свободной столицей Европы. Мы видели, как возвысилась она, словно гордый памятник из бронзы, когда Сталинград,

устояв вопреки логике числа и насилия, вырвал из руин, из пламени, из пекла победу, уничтожающую врага. Мы ощущали, как шумит вихрь столетий в каменных крыльях Ники Самофракийской, Ники победы, когда Ленинград в кольце блокады, голода и холода выстоял благодаря героизму своих защитников, стойкости стариков, женщин, детей, миллионов безымянных героев».

Вместе с историей Польши мы считали необходимым учить в польских школах историю СССР, ибо «молодой поляк должен понять, какие огромные коренные перемены произошли в государственном устройстве, в быту, в культуре русского народа и насколько это новое советское «сегодня» далеко отстоит от царского «вчера». От того «вчера», которое рыло между нами пропасть, в то время как советское «сегодня» — это словно мост над ущельем, мост соседской дружбы и братской помощи».

Компюльдетовский коллектив работал усердно — 23 октября 1943 г. был уже отпечатан и разослан «Учебный план классов I—IV начальной школы для польских детей на 1943—1944 учебный год»; за ним последовал «учебный план для V—VII классов» и особо разработанные обширные программы по польскому языку, по географии Польши, а затем — целый ряд учебников, в том числе польские переводы некоторых советских, таких, как учебник проф. А. В. Мишулина по древней, проф. Е. А. Косминского — по средневековой истории. Книги для чтения по польскому языку, польская грамматика, учебник географии Польши были подготовлены польскими авторами и изданы Учпедгизом со специально подобранным иллюстрационным польским материалом. В одном только 1944 г. Учпедгиз издал 13 польских учебников.

Учебник истории Польши мы все же не решились писать. Изложить отечественную историю по-новому, как историю польских народных масс, с переоценкой многих традиционных установок — для этого требовалось время и коллектив польских историков. И того, и другого нам не хватало. Поэтому было решено вместо учебника подготовить обширную программу по истории Польши.

Систематический курс истории в польских школах до 1939 г., в том числе и в элитарной полной средней школе (лицее), традиционно кончался на январском восстании 1863—1864 гг. История современности была введена в учебную программу последних классов и лицей, и неполной средней школы (гимназии) лишь с половины 1930-х годов. Это был политически недвусмысленно направленный, сжатый курс соответственно подобранных сведений и оценок, какие требовались по программе так назы-

ваемого «гражданского воспитания» («wychowanie obywatelskie»), на котором в свою очередь сказалось влияние «Heimkunde» гитлеровской школьной системы.

Для нашей компольдетовской программы впервые пришлось разработать школьный курс истории XX в., включив сюда историю польского рабочего движения, революции 1905—1907 гг., польского участия в войне 1914—1918 гг., места и роли польского вопроса в международной политике того времени, революций 1917 г. в России (Февральской и Октябрьской), революционной волны 1918—1919 гг. в Европе, участия поляков на фронтах второй мировой войны. Дело трудное и ответственное. Руководство Компольдета не решалось утвердить разработанную нами программу без высококвалифицированной и вполне авторитетной консультации.

За такой консультацией оно и обратилось к В. И. Пичете, руководителю Сектора славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедры истории западных и южных славян в МГУ.

Владимир Иванович лично принял участие в утверждении проекта названной программы. Помню торжественное заседание в помещении Комитета (Армянский пер., д. № 5). Помню зал заседаний, сотрудников Компольдета, его руководителя д-ра Станислава Скушешевского, впоследствии первого министра просвещения Народной Польши, всех за длинным столом, покрытым зеленым сукном, и В. И. Пичету, высокого и уже несколько сутулого, худощавого и седого, с бледным, изможденным годами лицом, мягкой, доброй улыбкой и внимательным взглядом светлых глаз из-за очков. Помню его обстоятельное выступление, четкий анализ программы, критические замечания, правда, немногочисленные и высказанные исключительно доброжелательно и деликатно, а также общую положительную оценку текста программы.

Эта встреча, выступление Владимира Ивановича, бескорыстная помощь, оказанная крупным советским ученым польской школе в СССР, глубокий интерес, с каким В. И. Пичета отнесся к нам и нашей работе, не забываются. Этим воспоминанием мне хотелось поделиться именно в книге, посвященной его памяти.

После обсуждения брошюры «Проект программы по истории Польши для III—IV и VI—VII классов школ для польских детей в СССР (на польском языке)» программа была подписана к печати в июле 1944 г.

Это не была моя первая встреча с Владимиром Ивановичем. С 18 ноября 1943 г. я работала по совместительству младшим

научным сотрудником Института истории АН СССР. Мне как историку очень хотелось соприкоснуться на работе с советскими коллегами, с людьми, выросшими в социалистической стране. Жаль было не использовать такую исключительную возможность.

Пасмурным ноябрьским утром 1943 г. я отправилась в Институт истории узнать, имеются ли такие возможности. Благодаря счастливой случайности мой вопрос слышала Анна Михайловна Панкратова, находившаяся как раз в канцелярии Института. Она куда-то спешила и просила проводить ее. На ходу, на улице, она расспросила, кем я работала в Польше, что печатала, что делаю в Москве, записала мою фамилию и адрес. Спустя немного времени меня известили, что я зачислена в штат сотрудников Института. Кажется, с января 1944 г. я была направлена в Сектор, которым руководил В. И. Пичета. С тех пор я участвовала в работе и еженедельных заседаниях Сектора славяноведения Института истории АН СССР.

Сектор этот был особый, совершенно исключительный. В его состав вместе с несколькими советскими товарищами были включены историки из тех национальных групп, в большинстве коммунистических, которых заставила эмигрировать гитлеровская оккупация родины. Советский Союз предоставил беженцам не только бытовые условия, но и возможность стать в ряды борцов против фашизма. Историки из Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, мы встречались еженедельно, готовили доклады, совместно их обсуждали. К сожалению, из всех сотоварищей по Сектору запомнилась лишь одна фамилия — крупного чешского историка, проф. З. Нееды, после войны видного члена чехословацкого правительства и президента Чехословацкой Академии наук.

Этот многонациональный Сектор в военной Москве — предвестник на небольшом участке исторической науки того дружеского сотрудничества наций, которому положила начало победа Советского Союза, связан теснейшим образом с именем В. И. Пичеты. Он руководил этим своеобразным историческим коллективом с огромным тактом, чутко прислушивался к нашим высказываниям, терпеливо, с максимальным вниманием относился к каждому участнику этих занятий. Сам он говорил мало, тихим голосом, ставил вопросы всегда глубоко правильные, высказывался изредка и тогда уж горячо, с глубоким убеждением, и всегда попадал в точку. Темы работ Владимир Иванович подобрал согласно научной специальности каждого из нас, учитывая нашу работу и вне Института, потребности наших

национальных групп, их печати, издательств, учреждений. Часто темы касались традиции содружества прогрессивных кругов и совместной борьбы революционных сил русского общества и наших наций. Так, например, мы узнали многое о Юзефате Огрызко, управляющем делами вдовы уральского миллионера Демидова, и о финансировании Огрызкой, горячим польским патриотом и человеком большой культуры, петербургского издания «*Volumina legum*» — ценного памятника польской государственности и культуры. На Секторе же мне была представлена возможность обсуждения тезисов подготовляемой мною для Библиотечки СПП научно-популярной книжки о Иоахиме Лелевеле. Оценки и советы Владимира Ивановича, высказываемые им с какой-то прямо стеснительной скромностью, были для нас всегда действенной и большой помощью.

Этот маленький интернационал историков, дружно работающих под руководством проф. Пичеты в те трудные военные годы, кажется мне сегодня, в перспективе 30 с лишним лет, весомым вкладом в послевоенное развитие марксистской историографии в странах социалистического лагеря.

Как-то по ходу работы проф. Пичета пригласил меня навестить его на дому. Жил он в районе Остоженки, очаровательных тихих улочек и полных зелени переулков, в старом большом доме, на втором этаже. Из темной передней меня пригласили войти в комнату направо. Комната была большая, окно и балконная дверь были залиты солнцем. У окна под прямым углом стоял большой, темного дерева письменный стол, за ним, у стены, высились под потолок полки, тесно уставленные книжками. В левом углу комнаты, за перегородкой, была спальня, а рядом с входной дверью стоял комплект мягкой мебели — обычная в то военное время обстановка.

Владимир Иванович сидел у письменного стола и работал. Он выслушал меня, как всегда терпеливо и внимательно, поставил несколько дополнительных вопросов, а затем изложил свое мнение. Короткий разговор помог мне по-иному, глубже и правильнее осмыслить мою тему.

Таким он мне и запомнился — весь в солнце, с клоком седых волос на высоком лбу, с внимательным взглядом усталых глаз и приветливой улыбкой — умный и удивительно скромный, чуткий и добрый человек и как бы стесняющийся показать свои большие знания, свою многостороннюю эрудицию крупный советский ученый.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПИЧЕТА
(Из воспоминаний дочери)

Свои воспоминания об отце я хочу начать с воспоминаний о его семье — отце и матери, братьях и сестрах.

Я хорошо помню своего деда Ивана Христофоровича (Иован, сын Ристана Пичеты): его колоритная фигура герцоговинеца оставила у меня неизгладимое впечатление. Помню высокого роста старца, могучего сложения, с великолепной белоснежной бородой, с длинными белыми волосами и с необыкновенно добрыми, умными глазами, так напоминающими глаза Владимира Ивановича. Дед мой был человек необычной судьбы. Он родился в 1844 г. в главном городе Герцеговины — Мостаре, в простой многодетной патриархальной семье честных, трудолюбивых людей. Отец его был малограмотным, а мать была совсем неграмотной. Они жили в тяжелых условиях турецкого произвола, когда, как пишет в своих воспоминаниях Иван Христофорович, «жизнь каждого серба висела на волоске и тюрьмы были переполнены невинно осужденными»¹.

Когда в Сараево было открыто русское консульство, тогдашний консул А. Ф. Гильфердинг предложил отобрать из учеников мостарской школы наиболее способных юношей для обучения их на казенный счет в России. Иван Христофорович оказался одним из первых в числе рекомендованных учеников. В 1858 г. состоялся отъезд 14-летнего мальчика в далекую Россию.

Получив духовное образование за казенный счет и сменив в 1869 г. турецкое подданство на русское, Иван Христофорович всю свою жизнь посвятил учебно-преподавательской деятельности. 35 лет он служил по духовно-учебному ведомству в должности преподавателя и ректора Полтавской и Витебской духовных семинарий.

¹ Пичета И. Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинеца. Харьков, 1911, с. 9.

Как патриот своей Родины, он остро переживал невзгоды своего поработанного народа. Иногда он посещал г. Мостар, участвовал в сборе денежных средств в России для оказания материальной помощи деятелям сербского национально-освободительного движения. Иван Христофорович был чрезвычайно честным, справедливым и добрым человеком, духовно богато одаренным и очень образованным, о чем свидетельствуют его литературные труды ².

Владимир Иванович, хотя и не разделял религиозных убеждений и политических взглядов своего отца, очень его любил и ценил, унаследовал многие черты его характера, в том числе — кипучий темперамент и необыкновенную трудоспособность.

Иван Христофорович, по его собственным словам, обращенным к своим воспитанникам, очень любил «аккуратность и серьезность в занятиях, правду в словах, честность в действиях, доброспорядочность и благовоспитанность» ³. Таким он был сам и в таких правилах воспитывал своих учеников и своих детей. По свидетельству коллег, Иван Христофорович был человек долга и труда, энергичный, полный кипучей деятельности; необыкновенно исполнительный и строгий по отношению к себе, он умел быть снисходительным и сердечным по отношению к своим подчиненным ⁴. По воспоминаниям тех же сослуживцев, Иван Христофорович, являясь ректором Полтавской семинарии, совершенно забывал о себе, не щадил ни сил своих, ни здоровья, принося иногда в жертву даже благополучие своей многочисленной семьи.

Иван Христофорович был глубоко признателен России за помощь славянским народам в их национально-освободительной борьбе. Он, однако, не понял реакционной сути российского самодержавия. Из-за расхождений в политических взглядах у Владимира Ивановича часто происходили столкновения с отцом, иногда доходившие до полного разрыва.

Я помню Ивана Христофоровича, когда он служил настоятелем кладбищенской церкви в Харькове. Дед очень любил внуков, и они были частыми гостями в его доме, в том числе и я. Время, проведенное в его доме, было самым светлым воспоминанием моего детства.

Иван Христофорович умер в Харькове в 1920 г.

² Павловский И. Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губ. с половины XVIII в. Изд. Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912, с. 152—153.

³ Пичета И. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству. Харьков, 1913, с. 21.

⁴ Там же, с. 218.

Мать моего отца — Мария Григорьевна (в девичестве Григоренко) — была дочерью чиновника казенной палаты, украинка по национальности. Она умерла в 1911 г. Бабушку я не помню, но отец очень любил свою мать и часто ее вспоминал.

В семье было восемь детей: пять сыновей и три дочери. Семья жила в Полтаве, а затем в Харькове. Старший брат Владимира Ивановича — Константин — родился в 1869 г. По свидетельству отца, это был талантливый, одаренный юноша. Умер он молодым от туберкулеза.

Второй брат отца — Александр — медик, по специальности хирург. Был женат, имел дочь Милицу, опекуном которой после ранней смерти сына от туберкулеза стал дедушка. Третий брат Владимира Ивановича — Георгий — получил высшее юридическое образование. Он имел двух сыновей, из которых старший — Алексей — умер в 1974 г. Второй сын до последнего времени жил в Полтаве.

Младший брат отца — Василий — (умер в 1919 г.) юрист по образованию, был талантливым художником. Я его хорошо помню, поскольку он вместе с женой жил некоторое время в Москве. Это был красивый юноша, ярко выраженного южного типа. Он постоянно нуждался и часто обращался за помощью к старшему брату, который его очень любил. Деньги он всегда получал безотказно, хотя Владимиру Ивановичу и самому приходилось трудно.

Сестер отца я помню довольно хорошо, так как нас, детей, отправляли на лето под Полтаву, где я и брат жили вместе с нашими двоюродными братьями и сестрами под присмотром теток. Сестер у отца было три. Старшую — Любовь Ивановну — Владимир Иванович очень любил. Она рано (18 лет) вышла замуж и имела двух детей — Веру и Надежду, которые живы до настоящего времени. Любовь Ивановна была веселая, умная, энергичная женщина. Она умерла в 1943 г. в возрасте 73 лет.

Вторая сестра моего отца — Софья Ивановна — училась в Полтавской Мариинской гимназии, работала учительницей начальной школы и народных училищ.

Третья сестра отца — Елена. Я ее хорошо помню. Это была очень изящная, красивая женщина. Мужем ее был преподаватель средней школы Н. Соколовский. Они имели двух детей — дочь Екатерину и сына Юрия. Оба живут в настоящее время в Ростове-на-Дону.

Таковы скудные сведения, которые мне известны о семье отца. Это объясняется тем, что Владимиру Ивановичу с семьей жил

в Москве с 1905 г., а его отец, мать, братья и сестры жили на Украине.

Годы учения отца в Московском университете (1897—1901) были нелегкими, так как Иван Христофорович не имел возможности материально обеспечивать сына, поэтому последний был вынужден прибегать к частным урокам.

На последнем курсе университета, на квартире проф. М. К. Любавского отец познакомился с моей матерью — своей первой женой. Вот как описывает моя мать в своих воспоминаниях этот период жизни отца: «То были годы мрачной реакции — преддверия революции 1905 года. Россия глухо волновалась; глубоко волновалось и студенчество — авангард ее молодой жизни. Университет был закрыт. Группа студентов-историков занималась на квартире моего родственника М. К. Любавского (мужа моей сестры). Там я познакомилась со студентом В. И. Пичетой. Он жил в студенческом общежитии. Преданный науке, Владимир Иванович упорно и напряженно занимался и был грозой юного студенчества, с опаской обходившего его комнату, откуда временами выскакивал грозный студент, требующий спокойной обстановки для своих занятий. Он торопился окончить университет, чтобы скорее начать самостоятельную жизнь и облегчить заботы отца, обремененного большим семейством. Владимир Иванович обратил свое внимание на меня как на девушку, борющуюся с семейным гнетом и живо отзывавшуюся на все политические события своего времени... Общность взглядов и духовная близость привели к тому, что мы решили соединить свои жизни»⁵.

Таким образом, в 1902 г. моя мать Мария Валерьяновна Зызыкина стала женой Владимира Ивановича. От этого брака у моих родителей было трое детей: сын Владимир и дочери Ксения и Вера.

Моя мать, русская по национальности, вышла из купеческой семьи. Она родилась 25 октября 1879 г., умерла в 1954 г. в возрасте 75 лет. Это была высокая, красивая женщина, с тонкими, благородными чертами лица, духовно богато одаренная. Несмотря на то, что дети и хозяйство отнимали много времени, моя мать всегда стремилась к самоусовершенствованию и знаниям. Стремясь получить высшее образование, она с двумя маленькими детьми (сыну было 7 лет, а дочери — 5) отправилась в Швейцарию, в г. Лозанну, где поступила в Лозаннский университет на литературный факультет, который окончила с отличием в 1913 г.

⁵ Мемуары моей матери хранятся в Архиве АН СССР (фонд академика В. И. Пичеты).

Мария Валериановна превосходно знала французский язык. Ее перу принадлежат переводы на русский язык романа Пьера Лоти «Исландские рыбаки» и пьесы Метерлинка «Сестра Беатриче». К сожалению, моя мать и отец вскоре разошлись. Вся дальнейшая жизнь моей матери начиная с 1914 г. была посвящена педагогической работе в школе.

В 1919 г. отец женился вторично на дочери священника Александре Петровне Соборовой, с которой прожил до конца дней. От второго брака детей не было.

Мой отец после окончания Московского университета с дипломом 1 степени и блестящей защитой кандидатской работы о Юрии Крижаниче, определившей его дальнейший интерес к истории славянских народов, был вынужден начать свою преподавательскую деятельность в провинции. По предложению попечителя Киевского учебного округа отец был назначен на должность преподавателя словесности в Коростышевской учительской семинарии.

Опять привожу воспоминания матери об этом периоде жизни отца: «Коростышев — глухое местечко в черте оседлости между Киевом и Житомиром. И мы поехали на юг в сосновые леса Киевской губ., на живописные берега реки Тетерева. Мы окунулись в самую гущу жизни, окруженные чрезвычайно бедным населением, вся жизнь которого — яркая страница общественного и политического гнета русского самодержавия. В Коростышеве Владимир Иванович прослужил 2 года, пользуясь любовью учеников — будущих педагогов, живо отзываясь на все интересы молодежи.

Ученики-юноши жили на частных квартирах. Воспитателю вменялось в обязанность следить за их жизнью и вне стен учебного заведения, причем директор Николайчик — типичный реакционный чиновник царской России — требовал, чтобы надзор носил чисто полицейский характер. Отсюда неизбежные столкновения Владимира Ивановича с начальством, так как он считал возможным только самые дружеские отношения с молодежью. Начались серьезные неприятности с Николайчиком, что привело к уходу Владимира Ивановича из учительской семинарии».

Из Коростышева отец с семьей (в Коростышеве родился сын Владимир) переехал в Екатеринослав (ныне Днепропетровск) и поступил на службу в качестве воспитателя в Коммерческое училище, где директором был Снявский. Сослуживцами отца были молодые педагоги: И. М. Соловьев из Московского университета, с которым отец сохранял дружбу в течение всей жизни, Н. Л. Бродский — сослуживец по Екатеринославской женской

гимназии, будущий известный литературовед, который стал моим крестным отцом и с которым отец также до конца своей жизни сохранял дружеские отношения. Кроме того, его сослуживцами были Морачевский из Киевского университета и Иогансон из Петербургского.

Моя мать, вспоминая этот период жизни, пишет о том, какой большой популярностью пользовался отец среди учащейся молодежи и как уже тогда, в период бурной общественной жизни, включился в революционный поток. Он был знаком с Владимиром Петровичем и Михаилом Петровичем Потемкиными, будущими крупными деятелями Советской России.

В своих воспоминаниях о жизни в Екатеринославе моя мать приводит такой примечательный факт из жизни отца (он тогда преподавал в мужской гимназии): «Когда до Екатеринослава дошла весть об убийстве великого князя Сергея Александровича, то педагоги-реакционеры, высказывая свое возмущение по этому поводу, всячески стремились спровоцировать Владимира Ивановича на резкие высказывания. Владимир Иванович со свойственным ему жаром, возбужденный провокаторскими разговорами, не замедлил ответить: «Собаке — собачья смерть». Это произвело в учительской целый переполох. Как и надо было ожидать, последовал донос. Владимир Иванович был вызван для объяснений к директору гимназии. Произошел серьезный разговор. Затем донос дошел до попечителя Одесского учебного округа. Положение было настолько серьезным, что надо было немедленно уезжать из Екатеринослава». Матери пришлось срочно уехать в Москву и искать среди знакомых помощи. А. Е. Грузинский предложил Владимиру Ивановичу место преподавателя словесности в Школе живописи и ваяния. После этого семья переехала в Москву.

Отъезд Владимира Ивановича из Екатеринослава, по словам моей матери, был бурным: «Его провожали все его многочисленные ученики и их родители. У вокзала был наряд конной полиции. Так окончился большой этап жизни Владимира Ивановича. Один из немногих в провинции, стал одним из многих в Москве; пришлось постепенно привыкать к более скромному положению; но он скоро поднял голову и вышел на широкую дорогу жизни со всеми ее превратностями и неизменной борьбой».

С переездом в Москву начались педагогическая работа в средней и высшей школах и подготовка к научной деятельности.

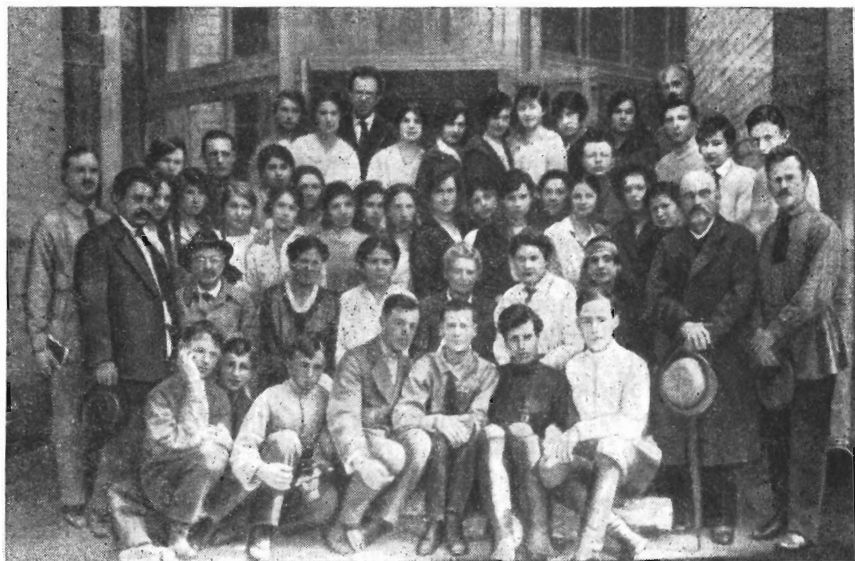
Хотя до Октябрьской революции отец не принимал участия в революционных событиях, однако он принадлежал к тому разряду левых педагогов, которые вели упорную борьбу со всякого

рода реакционными явлениями в жизни высшей школы в Москве. От отца я знаю, что когда он преподавал на Пречистинских курсах для рабочих (1906—1907), то по причине неблагонадежности был отстранен от работы директором народных училищ Московской губернии. Отец читал много лекций в провинции на курсах для народных учителей. Но и эта его деятельность была запрещена. Уже будучи приват-доцентом Московского университета, отец был вынужден в феврале 1911 г. вместе с другими профессорами и доцентами уйти из университета, так как не считал для себя возможным работать в тех условиях, в какие был поставлен университет в тяжелые реакционные годы, когда во главе Министерства народного просвещения находился Л. А. Кассо. В 1911 г. Владимир Иванович был организатором торжественного чествования, посвященного памяти Т. Шевченко, и должен был выступать с докладом, который, однако, был запрещен московским градоначальником. В том же году отец выступил с докладом на торжественном заседании, посвященном памяти А. И. Герцена. После его доклада заседание было закрыто и был составлен соответствующий протокол. К счастью, на этот раз дело обошлось без репрессий.

В период жизни в Екатеринославе Владимир Иванович был единственным из педагогов, принявшим участие в митинге протеста против избиения полицией учащейся молодежи в г. Курске. В том же Екатеринославе он публично отказался присутствовать на панихиде по убитому великому князю Сергею Александровичу, за что в виде наказания ему было предложено переехать в Бессарабию для обучения молдаван и валахов русскому языку. Однако Владимир Иванович туда не поехал.

Великая Октябрьская революция застала отца преподавателем Высших женских курсов и в Практической академии коммерческих наук.

В отличие от многих интеллигентов того времени, Великую Октябрьскую революцию отец принял сразу и безоговорочно. Ему как историку был ясен ход исторических событий, он понимал ее значение для народа и для будущих судеб России. Очень хорошо помню дни революционных боев на Остоженке, где мы тогда жили в доме № 35, в небольшой трехкомнатной квартире. Помню, с каким энтузиазмом отец приветствовал победу Октября. Некоторые сослуживцы отца говорили про него, что он «продался большевикам», и при встрече даже перестали с ним здороваться. Когда в июле 1918 г. Деникин подходил к Москве, когда московская интеллигенция боялась скомпрометировать себя работой на «советской службе», Владимир Иванович не

*Выпуск средней школы № 158
(бывшая частная гимназия Н. П. Хвостовой, 1921 г.)*

прекращал преподавательской деятельности и поступил на службу в Центральные архивы в качестве главного инспектора.

В 1920 г., уже будучи профессором Московского университета, отец стал преподавателем всеобщей истории в 158-й единой трудовой школе (бывшей гимназии Хвостовой), где учились я и мой брат. Это он сделал для того, чтобы быть ближе к подрастающему поколению. Преподавательский состав в школе был незаурядным: среди лучших и любимейших педагогов помню известного пушкиноведа Ивана Никаноровича Розанова, преподававшего русскую литературу, проф. Баева, известного лингвиста, проф. А. М. Пешковского, проф. Мендельсона, латиниста М. М. Покровского.

Ученики очень любили уроки отца и боялись вызвать его недовольство плохим знанием предмета: отец отличался большой требовательностью. Обычно уроки отца были первыми. Я приходила в школу вместе с отцом и старалась войти в класс несколько раньше его, чтобы успеть сказать классу, в каком настроении отец: если у отца было хорошее настроение, все вздыхали с облегчением. Когда настроение у отца было плохим, класс зами-

рал в ожидании «разгона», и «разгон» действительно наступал. Обычно он не шадил прежде всего меня. К домашним заданиям своих детей относился чрезвычайно придирчиво, никогда не предупреждал ни меня, ни брата, что он будет спрашивать заданные уроки. Интересно, что когда мы кончили школу, то по всем предметам были выпускные экзамены, не было только экзаменов по предмету отца. Отец был принципиально против экзаменов, так как считал, что если ученики хорошо учились в течение года (по предмету отца все учились хорошо) — экзамены излишни.

Отец очень любил преподавание в средней школе, любил подрастающее поколение и считал, что каждый будущий ученый должен пройти через преподавание в средней школе. Он также придавал большое значение знанию иностранных языков, которые необходимы каждому ученику, чтобы иметь возможность пользоваться первоисточниками. Благодаря отцу и хорошей постановке преподавания иностранных языков в школе, мой брат и я хорошо владели несколькими иностранными языками.

В тот период, когда в нашей школе преподавал отец, всем особенно запомнилась экскурсия класса в Ростов Ярославский, организованная отцом вместе с И. Н. Розановым. Остались незабываемыми впечатления от старинных церквей, от перезвона колоколов и от прогулки на лодках по огромному озеру, прогулки, кстати сказать, довольно рискованной, ибо мало кто из нас умел грести, не говоря уже о наших совершенно беспомощных в этом отношении преподавателях.

Для своих учеников — будущих ученых — отец был не только научным руководителем, но и другом, и воспитателем. В учениках он воспитывал любовь к науке, высокие нравственные качества, требовательность к себе и другим. Отец интересовался жизнью своих учеников, близко принимал к сердцу все их беды и невзгоды. Он жил интересами молодежи и оставил заметный след в жизни многих своих учеников. Среди ученых у отца не было особенно близких друзей. Он многих уважал, ценил как ученых, поддерживал широкие научные связи, но по-настоящему любил только молодежь. Вероятно, именно поэтому он и сохранил до старости молодость души. Будучи сам человеком неутомимого общественного темперамента и неутомимого труда, он воспитывал любовь к труду и в своих учениках.

Отец не умел отдыхать ничего не делая. Он никогда не расставался с книгой и при всей своей занятости успевал прочитывать огромное количество книг по искусству и литературе, а в часы досуга читал и приключенческую литературу.

Отец был очень добрым и отзывчивым человеком, многим помогал материально, но никогда не афишировал своих добрых дел. Так, например, он взял на попечение дочь своей ученицы Маргариту Галлах, когда ее родители погибли во время Великой Отечественной войны. Девочка смогла закончить школу и начать самостоятельную жизнь, когда отца уже не было в живых. Она на всю жизнь сохранила благодарность к отцу не только за материальную поддержку, но и за душевную теплоту, за его отеческую заботу о ней, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве переписка его с девочкой.

Как и все истинные ученые, отец был очень скромным человеком — скромным в общении с людьми, скромным в быту. У отца не было ни культа вещей, ни культа денег, ни культа в еде; он довольствовался самой простой пищей, преимущественно вегетарианской. Украинский борщ и пшенная или гречневая каша были его любимыми блюдами. Правда, отец очень любил быть хорошо одетым и не допускал небрежности в одежде. Он стремился быть элегантным и умел им быть, когда позволяли обстоятельства. Его слабостью были галстуки. Он считал, что это — самая важная часть мужского туалета, и, действительно, умел выбирать их с большим вкусом. Отец неизменно ходил с тросточкой. На улице был очень рассеян и только благодаря бдительности водителей автомашин не попадал в беду. Во внешнем облике отца было много артистичного. Это был обаятельный человек, а когда был «в ударе», то был просто неотразим.

Отец очень любил животных. Когда он жил в Минске, там была хозяйская собачка, которая привязалась к нему, что скрашивало его одиночество. Был у отца и любимый кот Чича, доставшийся ему от чешского ученого З. Р. Неedly: уезжая на родину, он подарил его отцу. Когда отец работал за письменным столом, кот сидел у него за пазухой или лежал под электролампой.

У отца было трое детей, которых он горячо любил; он тяжело пережил смерть младшей дочери Веры, умершей в младенчестве, и смерть сына Владимира, трагически погибшего в 1934 г. в расцвете творческих сил. Сын Владимир родился 15 мая 1903 г., когда семья жила в Коростышеве. Это был обаятельный, умный и способный юноша, внешне очень похожий на мать. Он отличался миролюбивым характером, редко с кем ссорился, любил отца и мать, был любим своими товарищами и педагогами. После окончания школы поступил в Московский университет на химическое отделение физико-математического факультета. В 1926 г., окончив университет, был оставлен штатным аспирантом научно-

исследовательского Института химии при физико-математическом факультете Московского государственного университета. Профессора оставили о нем как о преподавателе физической химии превосходные отзывы. Наряду с преподавательской деятельностью Владимир Владимирович занимался научной работой. Некоторые из его научных работ были опубликованы⁶. Одновременно с преподаванием и научной работой Владимир Владимирович вел большую общественную работу, зарекомендовав себя с наилучшей стороны. Он был страстным туристом. У меня сохранился его очерк о путешествии по Военно-Осетинской дороге в 1929 г. Очерк написан превосходно, чувствуется наблюдательность и интерес к истории края.

В период жизни в Екатеринославе в 1905 г. родилась дочь Ксения⁷. Она, как и ее брат, окончила 158-ю трудовую школу в 1922 г. В том же году поступила в Московский государственный университет на факультет общественных наук, отделение литературы и языка (западный цикл). Окончила университет в 1927 г. В течение 36 лет работала в области научно-технической информации.

Очень важен в жизни отца период его жизни в Минске, когда он был ректором Белорусского государственного университета. Это был период напряженного творческого труда и большой общественной деятельности. В связи со своим назначением в 1921 г. на пост ректора БГУ отцу пришлось фактически переселиться из Москвы в Минск, отказаться от работы в Главном архивном управлении, где он принимал самое активное участие в организации архивного дела в РСФСР, а в 1924 г. оставить кафедру в Московском государственном университете. В Минск отец уехал один. Его жена оставалась в Москве. Дочь переехала к матери, а сын после женитьбы вернулся в Москву. Периодически отец приезжал в Москву. Как это всегда было в жизни отца, личным благополучием пришлось пожертвовать ради общего дела.

Несмотря на то что работа в качестве ректора новосозданного университета отнимала большую часть времени, отец много занимался научной работой. Когда в 1922 г. в Москве открылся Исследовательский исторический институт, отец стал сначала его штатным сотрудником, а затем внештатным, так как по основной работе он был связан с Минском.

⁶ Пичета В. В. Анодная поляризация гладкой и платинированной платины.— «Журнал общей химии», 1931, вып. 3—4, т. I; *Шпитальский С. И., Пичета В. В.* Экспериментальное исследование процессов при электрохимической поляризации платины.— «Журнал Русского физико-химического общества при Ленинградском университете за 1928 г.», вып. 8, т. IV.

⁷ Автор настоящих воспоминаний.

В Минске отец занимал квартиру, состоящую из трех больших комнат. Он был окружен вниманием и заботой хозяев — чужих людей, которые его полюбили и заботились о нем, как о родном, стараясь всячески облегчить его трудную жизнь. В 1927 г. я несколько месяцев жила с отцом в Минске и была свидетельницей его огромной, напряженной работы в качестве ректора и профессора БГУ. Несмотря на большую занятость, отец находил время для того, чтобы изредка пойти со мной в гости. В гости мы обычно попадали в 10—11 часов вечера, ибо другого времени у отца не было. Минская профессура была очень гостеприимна. Многие были рады видеть отца у себя дома. Отец был не только очень интересным собеседником, но и обаятельным человеком, которого нельзя было не любить. Из товарищей отца того времени помню проф. В. В. Якушкина, с которым отец поддерживал хорошие, товарищеские отношения.

Недолгую жизнь с отцом в Минске я вспоминаю как один из лучших периодов своей жизни.

Хотя и редко, но мы с отцом посещали театр, который он очень любил. Посещение театра для отца было большим праздником, но время для этого выкраивалось с большим трудом. Период жизни отца в Минске был нелегким. Работа в качестве ректора БГУ была сопряжена с большими трудностями. Были недоброжелатели, были и враждебные элементы, с которыми отец вел непримиримую борьбу. Неприятности бывали часто, и когда они случались, отец приходил домой мрачный и молчал. В таких случаях я знала, что спрашивать его ни о чем не следует. Обычно я узнавала о случившемся от своих знакомых, связанных с БГУ. Отец всегда удивлялся моей способности не спрашивать его о причинах дурного настроения и очень это ценил.

На посту ректора БГУ отец был чрезвычайно демократичен. К нему можно было запросто обратиться со своими нуждами. Он был любим студентством не только за интересные, увлекательные лекции, но и за душевные качества. Он всегда проявлял внимание к младшему обслуживающему персоналу, вникал в их трудности, старался помочь. За это его любили и уважали.

В период жизни в Минске отец изучил белорусский язык настолько хорошо, что мог публично выступать с лекциями и писать научные работы. От преподавательского состава он также требовал владения белорусским языком.

Помимо ректорства, преподавательской и научной работы, которые требовали огромного напряжения всех творческих сил, отец выполнял колоссальную общественную работу. Можно бы-

ло только поражаться его неистощимой энергии. Он был членом ЦИК БССР в течение девяти лет, состоял членом Минского горсовета, был членом Съезда Советов Белоруссии, президентом Общества безбожников в БГУ.

Отец оставался в должности ректора БГУ восемь лет (1921—1929 г.), а профессора — девять лет (до 1930 г.).

Период с 1931 по 1935 г. — самый тяжелый в жизни отца: он был вынужден прервать свою педагогическую деятельность и жить в Вятке. Там он жил один, оторванный от семьи и любимого дела. Однако даже в тех тяжелых условиях, при отсутствии необходимых книг и материалов он продолжал заниматься научной работой и сумел быть нужным и полезным.

В 1934 г. отец переехал в Воронеж, где преподавал в качестве профессора русскую историю в Педагогическом институте. В 1935 г. возвратился в Москву, и снова началась его педагогическая, лекционная и научная работа.

Годы Великой Отечественной войны были трудными для отца, как и для всех советских граждан. Отец активно проводит лекционную деятельность. В своих лекциях он неустанно выступает с разоблачением фашизма. Во время налетов вражеской авиации на Москву он никогда не уходил в бомбоубежище. Обычно после бессонной ночи он рано утром шел пешком с Метростроевской на Арбат, где я жила с матерью, чтобы убедиться в том, что мы живы. Телефонной связи в то время не было.

Когда отцу было предложено эвакуироваться в Ташкент, он настоял на том, чтобы я и моя мать ехали вместе с ним. Пришлось согласиться: отец отказывался уезжать без меня, а оставаться в Москве было невозможно.

Итак, мы все вместе поехали в неизвестность, в далекий Ташкент. Ехали больше месяца. Когда эшелон останавливался на какой-нибудь станции, я брала чайник и вместе с другими бежала за кипятком, иногда через несколько железнодорожных путей. Отец всегда очень беспокоился, что я не успею вернуться в поезд до его отправления, и перестал отпускать меня одну: всегда сопровождал меня или ожидал около вагона. В вагоне, да и во всем эшелоне, было много знакомых. С нами ехал цвет советской интеллигенции — ученые, писатели: Ушаковы, Виппер, Бродские и многие другие. Это облегчало тяжелый, далекий путь.

В Ташкент мы приехали ночью. Нас встретили официальные лица, которым было поручено разместить приехавших. Сначала нас поселили в пустующем помещении школы. Там мы прожили больше месяца. Затем для приехавших ученых и писателей выделили отдельное здание на Пушкинской улице. Часть профес-

суры с семьями и научные работники были размещены в здании балетной школы Тамары Ханум. Отец настоял на том, чтобы меня с матерью поселили вместе с ним. Нам выделили две комнаты рядом. В одной жил отец с женой, в другой — я с матерью. В этом же здании разместились и члены Академии наук БССР: президент Академии наук Горин, вице-президент Липатов и научные сотрудники. Рядом с нами жила семья К. М. Колас, с которой отец находился в очень дружеских отношениях. Кроме того, в одном доме с нами жили с семьями С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин, Р. Ю. Виппер, В. В. Струве, Д. Н. Ушаков, А. В. Горинов, Е. А. Косминский, Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский и многие другие. Насколько я помню, отец больше всего поддерживал дружеские отношения с Ю. В. Готье и С. К. Богоявленским. В редкие часы досуга они были постоянными партнерами отца по преферансу. Отец очень любил Д. Н. Ушакова и всю его семью. Со старшей дочерью Ушакова Верой я училась в школе.

В период жизни в Ташкенте отец много времени уделял изучению узбекского языка и весьма в этом преуспел.

Отца приглашали читать лекции в различные военные учреждения. За период жизни в Ташкенте им было прочитано свыше 200 лекций в различных частях Советской Армии и в госпиталях. Лекции, разумеется, читались безвозмездно. За эту деятельность в период Великой Отечественной войны отец был удостоен в 1945 г. Почетной грамоты, выданной Среднеазиатским Военным округом, а также грамот Республиканского Союза деятелей Высшей школы Узбекской ССР и Центрального союза деятелей Высшей школы. Кроме того, в 1943 г. он был удостоен звания заслуженного деятеля Узбекской ССР.

Находясь в эвакуации, отец на несколько месяцев уезжал в Москву, где его присутствия требовала созданная им кафедра истории южных и западных славян.

В 1943 г. мы вернулись в Москву, где начался последний период в жизни отца, полный напряженного творческого труда. Умер отец в 1947 г. в расцвете своих творческих сил. Несмотря на возраст, он был полон творческих планов и самозабвенно работал до последнего вздоха. Уже будучи в больнице и зная, что он тяжело болен, отец торопился дать отзывы на работы, которые были у него на руках.

*

В Архиве Академии наук СССР находится большой личный и научный архив отца, в котором будущий биограф сможет получить разнообразные сведения о его жизни и деятельности.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ
(Из архива И. М. Белявской)

Общеизвестна выдающаяся роль, которую сыграл замечательный советский историк академик Владимир Иванович Пичета в становлении и развитии советского славяноведения как одной из отраслей советской исторической науки. Большинство его научных работ¹, посвященных истории Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии, Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии, Югославии, были первыми марксистскими исследованиями в области славяноведения, занявшего по праву видное место в советской исторической науке.

Но в становлении советского славяноведения не меньшую роль играла самоотверженная и неустанная работа В. И. Пичеты по подготовке кадров первых советских славистов. Одним из важнейших центров этой работы стала основанная им в 1939 г. в Московском университете первая в СССР кафедра истории южных и западных славян, которую он возглавлял до смерти.

Великолепный лектор, блестящий педагог, он был строгим и добрым, требовательным и заботливым учителем и воспитателем. Он обладал удивительным даром вовремя поддержать своих учеников, направить их работу, тактично подсказать им путь поисков и методы исследования, указать на их промахи и ошибки, сделать самый строгий разбор неудовлетворяющей его работы так, что у раскритикованного не только не опускались руки, а, наоборот, хотелось работать больше и лучше. Он имел замечательный дар создавать на всех своих занятиях обстановку подлинно творческих дискуссий и споров. Особенно ярко выступало это качество на проводившихся у него с 1943 г. на квартире знаменитых «пичетниках».

И еще одно замечательное свойство работы В. И. Пичеты с учениками, которое нельзя не отметить. Любую из обсуждаемых проблем, будь это семинарская работа студента, глава из дипломной или кандидатской диссертации, статья, публикация или доклад, он рассматривал в органичной связи с общими историческими процессами, с задачами советской исторической науки, с жизнью страны, с борьбой за новое социалистическое общество.

¹ Список научных работ В. И. Пичеты насчитывает 482 названия. См.: «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», 1949, № 1, с. 35—54.

Он уважал и любил своих учеников, думал о них и заботился, любил их большой, строгой и доброй любовью. И они любили своего учителя.

Роль В. И. Пичеты в подготовке молодых славистов, отношения между учителем и его учениками и раскрывают в какой-то степени документы, сохранившиеся в личном архиве И. М. Белявской, профессора кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (1913—1975). Студентка первого набора истфака МГУ в 1934 г., она стала первой студенткой, которая специализировалась по этой кафедре, а затем и первой аспиранткой только что основанной (В. И. Пичетой) кафедры истории южных и западных славян. В 1944 г. она начала на ней свою преподавательскую работу и работала здесь 31 год.

Конечно, документы, сохранившиеся в ее архиве, отнюдь не дают и не могут дать сколько-нибудь полной картины отношений между учителем и его учениками. Но и в этих немногих сохранившихся документах проблема «учителя и учеников» наполняется ярким и конкретным содержанием.

Первую группу документов составляют телеграмма и письмо В. И. Пичеты от 4 августа 1943 г., его представление в деканат истфака в декабре 1943 г.; отрывки из писем И. М. Белявской 1944 г. и ее письмо в больницу, когда в состоянии В. И. Пичеты наступило кратковременное улучшение и врачам показалось, что на этот раз смерть отступила; заметки к речи памяти учителя в июне 1947 г.

Особенно важно письмо В. И. Пичеты. Только что отгремели бои Курской битвы, а он сам только недавно вернулся из эвакуации в Москву. И в дни начала августа 1943 г. он пишет письмо своей ученице в маленький заводской городок на Южном Урале, куда она в 1941 г. была эвакуирована с маленькими детьми. За строками письма, как живой, встает ученый-патриот, учитель, воспитатель. Он полон творческих замыслов и торопится снова собрать вместе своих учеников и вместе с ними работать и работать. За строками письма видишь и жизненный путь ученого, начавшийся на рубеже XIX—XX вв.

В письмах И. М. Белявской и документах, составляющих второй раздел, за каждым словом встает отношение учеников к своему учителю, к его роли в их личной жизни, в жизни кафедры, факультета, в развитии советского славяноведения и всей советской исторической науки. Документы второй группы — статьи коллег и учеников В. И. Пичеты разных поколений, опубликованные в специальном номере стенгазеты факультета, посвященном памяти В. И. Пичеты в июне 1947 г. Их авторами были М. Н. Тихомиров, А. В. Арциховский, И. М. Белявская, аспирант В. Г. Карасев (ныне д. и. н., зав. кафедрой Истории южных и западных славян), Г. Э. Санчук (ныне к. и. н., ст. научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, специалист по средневековой истории), А. А. Никольская (преподаватель, занималась историей Болгарии), студенты А. Н. Киршевская (к. и. н., специалист по истории Болгарии), Т. Г. Свистунова (к. и. н., доцент Орловского пединститута), А. И. Носова, И. Т. Шаповалова (преподаватели средней школы). Статьи уче-

ников В. И. Пичеты воссоздают черты их учителя и друга, которые были им наиболее дороги, близки, памятливы.

Последний из документов — тоже статья из стенгазеты истфака МГУ, но написана она почти четверть века спустя после смерти В. И. Пичеты, к тридцатилетию кафедры истории южных и западных славян. Статья примечательна тем, что и четверть века спустя она пронизана теми же чувствами любви, уважения, благодарности к учителю, гордостью тем, что были учениками большого ученого.

Документы 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12 публикуются по рукописным оригиналам: 7, 13, 14, 15 — по машинописным оригиналам, а 5 — по черновому автографу.

Документы 2, 7—14 находятся в Архиве АН СССР, а документы 1, 3, 6 — в мемориальной библиотеке И. М. Белявской в Гомельском Государственном университете.

В статьях М. Н. Тихомирова, А. В. Арциховского, А. Н. Қиршевой, Т. Г. Свистуновой, И. Т. Шаповаловой, А. И. Носовой отсутствуют заголовки, и под какими заглавиями они были опубликованы в стенгазете — неизвестно. Статьи из стенгазеты публикуются в том порядке, в котором были помещены в стенгазете. Статья И. М. Белявской была помещена в стенгазете без подписи. В ее статье использована, местами дословно, биографическая справка, составленная В. И. Пичетой в связи с выдвижением его кандидатуры в академики, и характеристики В. И. Пичеты, составленные и подписанные в 1945—1946 гг. деканами истфака МГУ С. П. Толстовым и М. Н. Тихомировым и и. о. декана Г. А. Новицким. Оригиналы всех этих документов также хранились в архиве И. М. Белявской, а сейчас переданы в Архив АН СССР.

І. Письма и другие материалы В. И. Пичеты и И. М. Белявской 1943—1947 гг.

1. Телеграмма В. И. Пичеты.

8 августа 1943 г.

Срочная. Медногорск Чкаловской обл. ул. Горького 16 кв. 4.
Сердечно благодарю за письмо. Вас вызываю. Деканат. Пичета

2. Письмо В. И. Пичеты

Москва. 8.VIII 43 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Ирина Михайловна!

Из нашей столицы примите мой привет. Мы все хотим Вас скорее видеть среди нас. Так хочется всем вместе работать. Приезжайте, лишь только получите пропуск, и принимайтесь за диссертацию. Пусть из моего старого Университета выйдет квали-

фицированный славист. Вы будете первой, и это отметит будущий историк...

Я в Москве с половины июня. Радость охватила меня, когда я стал ощущать под ногами московские камни и дышать московским воздухом. Я много работал в Ташкенте, но был объят великим восторгом, когда мой поезд двинулся на север... я [еще] охвачен научными фантазиями и хочу много работать. Силы еще найду, голова как будто работает неплохо.

Для меня вся моя жизненная целеустремленность выражалась в научном труде, и ему я посвятил всю свою кончающуюся жизнь, но я всегда науку связывал с общественностью, которая часто вдохновляла меня и поддерживала мои силы, когда было несладко.

Я горжусь тем, что Военный округ в Ташкенте отметил мою лекторскую деятельность «Почетной грамотой». Ведь я прочел в военных частях почти 150 лекций независимо от времени года, часа и расстояния...

Скажу Вам прямо: я испытывал такую же радость, общаясь с красноармейцами, как мать испытывает радость, когда ее дети возвращаются домой после долгой отлучки. Мне отраднее сознавать, что я был чем-то полезен нашим великим бойцам.

Я вместе с пушечным салютом нашим героям салютовал им в комнате поднятой рукой... и моей... горячей ненавистью к немцам...

Мой жизненный путь кончается, но не хочу подводить итоги. Это ведь старость, а ее еще не ощущаю, хотя мне 65 лет. Хочу работать и дописать исследование о «Польском восстании 1830—31 г.» Пусть это будет моей лебединой песней. Пусть другие, молодые, близкие мне запоют новые научные песни, и пусть они будут услышаны и за пределами нашего Великого Союза...

Приезжайте! Скоро будем встречать зарю нашей полной победы над фашистами!

Скоро много радостных песен создадут великие, талантливые славянские народы... Я не поэт и моя песня не будет никогда и никем пропета, но мой голос счастья и восторга сольется с песнями освобожденных от гитлеризма народов.

Ваш В. Пичета

3. Представление В. И. Пичеты в деканат истфака МГУ

29.XII 1943 г.

Ирина Михайловна Тышкевич-Белявская — аспирантка по истории западных славян, в течение двух лет аспирантуры пре-

красно сдала аспирантский минимум, показала себя вдумчивым исследователем, хорошо владеющим марксистско-ленинским методом. Ныне тов. Белявская приступает к работе над диссертацией. Я с удовольствием останусь ее руководителем, чтобы дать родному Университету собственного слависта.

В. Пичета

4. Из писем И. М. Белявской мужу на фронт

1.III 1944 г.

...Наконец-то с Влад[имиром] Иван[овичем] установили тему — «Русская общественность и польский вопрос в половине XIX в.» Материал есть. Тема никем не поднималась, и, как говорит В. И., все будет создано нами. Заманчиво, но не знаю «сумею ли быть человеком, что надо» в этом отношении. Груздем уже назвалась и сделаю все возможное, чтобы работа получилась. Если работа не получится, то повешусь на университетской ограде в назидание будущим поколениям бездарностей.

Владимир Иванович чудесный старик, много знает, многое видел. Хочет иметь своего ученика, который был бы и его душой... Хочет, чтобы заменил его новый молодой историк. Мне он дает срок до сентября, а там вы — доцент Московского университета.

В моих интересах закончить работу над диссертацией быстрее, но доцент университета, заместитель Владимира Ивановича из меня не выйдет. Поеду лучше в провинциальный университет. Но об этом рано...

14.IX 1944 г.

...Зачисляюсь в штат как ст. преподаватель, пока на $\frac{1}{2}$ ставки — до окончания аспирантуры. Семинар вести хорошо, конечно, и тем более по теме диссертации. Это — отчеканятся мысли, положения, содержание диссертации, отбросится лишнее, почувствуется слабое и т. п.

Владимир Иванович настойчиво проводит свою линию выдвижения молодых, заботится в буквальном смысле слова о своих «питомцах»...

5. Письмо И. М. Белявской В. И. Пичете в больницу.

Июнь 1947 г.

Здравствуйте, дорогой, родной Владимир Иванович!

Мы все безумно рады, что Вам стало лучше, что никакая серьезная опасность Вам не грозит. Как это хорошо, дорогой Вы

наш Владимир Иванович, Вы себе и не представляете! Хотя, конечно, все это Вы себе хорошо представляете и знаете, что Ваши истинные и верные друзья много пережили, пока дождались этой доброй весточки. Все мы слезно просим Вас терпеливо поддаться лечению врачей, чтобы скорее поправиться, серьезно отдохнуть и снова прийти и вступить в свои славянские владения...

Люд славянский горячо любит Вас и ждет... О делах на кафедре не беспокойтесь, Владимир Иванович, все будет сделано и все будет в порядке. Экзамены по славянам идут уже несколько дней. Поступили согласно Вашему требованию и желанию — экзаменуем вдвоем. Даже Г. стал исправляться и что-то требовать, хотя все это ему не по нутру. II курс трепещет и дрожит. Неуды ставим без сожаления, а отлично очень редко. Курс славян у каждого из них на языке. Сидят, занимаются и твердят, что это у них самый трудный курс. Как бы там ни было, подобная линия требований достигла своего — уважения к предмету и к требованиям кафедры. Теперь они долго попомнят славян. С защитой дипломных работ поступаем так, как Вы распорядились. Вот, каковы у нас дела, дорогой Владимир Иванович.

В общем сейчас наступила славянская эпопея — кабинет переполнен, вся славянская литература пошла в ход.

Боюсь наскучить и утомить Вас. Все факультетские передают Вам самые сердечные приветы и наилучшие пожелания. Мих[аил] Ник[олаевич] Тихомиров желает Вам скорейшего выздоровления и доброго здоровья, а я крепко жму Вашу мужественную руку, которая так много сделала доброго и полезного людям и науке.

Ваша Ир. Белявская

Р. С. Если Вам вся эта писанина будет в тягость, Вы просто скажите и никто Вам не будет докучать. Нам просто хотелось написать Вам и сказать, что все эти дни мы с Вами. Не утомляйте себя ответом. Ваше доброе слово дойдет до нас и так. И. Б.

6. И. М. Белявская. Заметки к речи памяти В. И. Пичеты.

Июнь, 1947 г.

Моральные качества советского человека — патриотизм, любовь к труду, гуманизм.

Создатель кафедры и изучения славян в университете.

УЧЕНЫЙ — универсализм всестороннего историка, эрудиция — труд и труд...

ЛЮБИЛ свое дело, любил славянские народы, с увлечением романтика работал.

Когда думаешь о В. И., невольно вспоминаешь изумительные по глубине мысли слова Белинского: «У всякого человека своя история, а в каждой истории свои критические моменты; и о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как он действовал, каким он являлся в эти моменты, когда на весах судьбы лежали и его жизнь, и честь, и счастье. И чем человек выше, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее». ТАК И В ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА

В 1911 г., когда черная реакция и полиция господствовали в университете, когда на весах судьбы лежала честь молодого русского ученого, В. И. Пичета в знак протеста оставляет университет...

В 1918 г., когда молодая Советская Россия вела упорную борьбу с контрреволюцией, с саботажем чиновников, учителей, профессоров, борьбу за жизнь и счастье трудящегося человека, — Вл. Ив. мы видим за университетской кафедрой, читающим лекции перед студенческой аудиторией.

Затем годы социалистического строительства — годы и годы большой и неутомимой работы — научной, организационной, преподавательской. Сколько в эти годы создано работ, сколько выращено молодых историков, создана первая кафедра истории западных и южных славян. Институт славяноведения.

В годы Отечественной войны — патриотизм, неутомимая работа, большие научные планы в эвакуации и в холодной московской квартире зимой 1943—1944 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Он любил нас и верил в нас. А что самое большое может сделать человек — оправдать его любовь и веру в него. Нам продолжать начатое им дело. Пусть это будет не так талантливо и значительно, пусть... главное, чтобы множилось и плодилось, чтоб завет В. И., высказанный им еще летом 1943 года: «Пусть другие, молодые, близкие мне заложат новые научные планы и пусть они будут услышаны и за пределами нашего Великого Союза», — стал делом нашей жизни. Это и будет лучшим памятником для нашего Владимира Ивановича.

II. Статьи из стенгазеты истфака МГУ,
посвященные памяти В. И. Пичеты. Июнь 1947 г.

7. *И. М. Белявская*

Московский университет, исторический факультет, кафедра истории западных и южных славян понесли огромную утрату. Не стало Владимира Ивановича Пичеты. Трудно примириться с мыслью, что Владимира Ивановича нет в живых, что никогда не зазвучит уже его голос с кафедры Московского университета.

Весь жизненный путь Владимира Ивановича Пичеты от студенческой скамьи и начала научной и преподавательской деятельности связан с Московским университетом. Жизнь Владимира Ивановича — это непрерывный, кропотливый труд честного русского ученого, беззаветно преданного служению любимой науке и своему народу. Логическим завершением его жизни было вступление в ряды нашей славной коммунистической партии. В лице Владимира Ивановича Пичеты наша страна потеряла выдающегося ученого-историка, крупнейшего в СССР специалиста по истории славянских народов, человека большой, благородной души и высокой принципиальности.

Владимир Иванович Пичета родился в 1878 г. После окончания гимназии он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который блестяще окончил в 1901 г. Вскоре он начал читать в университете лекции в качестве приват-доцента. В черные дни университета, когда полицейские стояли у его дверей, Владимир Иванович Пичета вместе с группой передовых русских ученых оставил Московский университет и продолжил свою научную и преподавательскую деятельность, работая на Высших женских курсах, в Народном университете и гимназии.

С первых дней Советской власти Владимир Иванович деятельно трудился на поприще советской науки и образования. Много труда и энергии вложил Владимир Иванович в дело создания Белорусского Государственного университета, ректором которого он был в течение десяти лет. В Белорусском университете он вел большую работу как научную, так и по подготовке кадров. Он положил начало научному изучению истории Белоруссии и создал в Белорусском университете историческую школу. Основные кадры историков Белоруссии подготовлены им.

С 1938 г. Владимир Иванович возобновил свою работу в Московском университете. В этот последний период его жизни вся его деятельность неразрывно связана с возрождением славяноведения в Московском университете и развитием советского сла-

вяноведения. По инициативе Владимира Ивановича в 1939 г. на историческом факультете университета создается кафедра истории южных и западных славян, которой он руководил до самой смерти. Он организовал научное изучение истории славянских народов в Московском университете и Институте славяноведения АН СССР. Много заботливого и чуткого внимания уделил Владимир Иванович подготовке кадров историков-славистов, выпускников в Московском университете из числа студентов и аспирантов. Они получили от своего учителя должное направление для принципиально нового подхода к изучению основных проблем славяноведения на основе марксистской методологии и использования научных методов исторического исследования.

Многогранна и велика научная деятельность В. И. Пичеты. В течение своей многолетней научной деятельности он написал свыше 280 научных работ. Его основные труды относятся к истории СССР, Литвы, Белоруссии, Украины, истории южных и западных славян. Беспредельно широк диапазон его научных замыслов и трудов. Его перу принадлежат работы об аграрных отношениях XVI—XVII вв. в Литве, Белоруссии и Польше, о происхождении белорусского и украинского народов, об их борьбе за независимость, о крестьянском и рабочем движении в Белоруссии, Украине и Польше. Много работ В. И. Пичеты посвящено истории Польши, Чехии, Сербии. Им написана большая работа по истории Польши X—XIX вв., работы по истории Польши, о польском вопросе в европейской дипломатии XVIII—XIX вв., о борьбе славянских народов с немецкой агрессией и многие другие. Ряд его работ посвящен истории славянских народов в новейшее время. Только за последние годы В. И. Пичета написал более двухсот отзывов на кандидатские и докторские диссертации. Эта многообразная и большая научная деятельность высоко оценена нашим правительством и научной общественностью. В. И. Пичета удостоен высоких правительственных наград. С 1928 г. он действительный член АН БССР, с 1939 г. — член-корреспондент АН СССР, с 1943 г. — заслуженный деятель науки Узбекской ССР, с 1946 г. — академик.

Вся жизнь и деятельность В. И. Пичеты — это неутомимое творческое горение, прерванное неумолимой смертью. Владимир Иванович умер на боевом посту. Еще в самое последнее время он выступил с рядом больших, ярких и смелых докладов по вопросу о славянстве в революции 1848 г., об этногенезе славян, о задачах советского славяноведения, разрабатывал план создания учебника по истории южных и западных славян. Даже в

больнице, за несколько дней до смерти, он диктовал отзыв на очередную кандидатскую диссертацию...

Светлая память о замечательном ученом, любимом учителе, человеке большого сердца будет вечно жить в наших сердцах. Она зовет нас продолжать и развивать то дело, которому отдал всю свою жизнь Владимир Иванович Пичета.

8. *М. Н. Тихомиров*

Владимир Иванович Пичета принадлежал к старшему поколению профессоров Московского университета. Большая часть его жизни была связана с Университетом. В нем он получил образование, в нем он преподавал и в последние годы своей жизни заведовал кафедрой истории южных и западных славян. Владимир Иванович сочетал в себе талант большого исследователя и педагога. Его лекции, его выступления всегда были интересны и живы, всегда слушались с неослабным вниманием. Владимир Иванович тщательно заботился о выращивании новых молодых кадров. Он не жалел своего времени и внимательно читал дипломные и семинарские работы нашего студенчества. Ему принадлежит честь создания и укрепления кафедры истории южных и западных славян, непрерывно растущей на наших глазах. Заслуги Владимира Ивановича перед советским славяноведением чрезвычайно велики.

Он жил и работал для Родины, для советского народа и не щадил себя, не жалел своих сил, своего досуга, а порой и сна. От нас ушел замечательный человек, большой ученый, талантливый профессор, прекрасный общественник, хороший товарищ и добрый, отзывчивый человек.

Наш долг перед покойным продолжать и укреплять начатое им дело. Прощайте, дорогой Владимир Иванович.

9. *А. В. Арциховский*

Еще долго будем мы думать о Владимире Ивановиче, еще долго будем вспоминать прекрасные черты этого замечательного человека. Но сейчас, под первым впечатлением тяжелой утраты, особенно вспоминаются почему-то два свойства: широта эрудиции и благожелательность. Он знал все разделы истории, интересовался всеми эпохами, по самым разнообразным проблемам высказывал веские и продуманные суждения. Он обладал блестящей научной культурой и соединил универсализм разностороннего историка с исследовательским талантом. И отношение к

товарищам по науке было у него редкое: в каждом он видел лучшие его качества, очень многим помогал и содействовал, чужим успехам радовался, своими учениками гордился.

Пустота, которая образовалась с его уходом, будет долго ощущаться и чем дальше, тем больше.

10. *В. Г. Карасев*

Жизнь и смерть — эти слова всегда трудно примирить в нашем сознании, но Владимир Иванович и смерть — это даже вместе произнести невозможно.

Широк и многогранен был Владимир Иванович. Но одна черта его большого характера во всей его деятельности ученого, общественного и педагога выступает особенно ярко — сильное и острое чувство нового, умение заметить это драгоценное чувство, помочь ему развиться и окрепнуть. В его богатом и отзывчивом сердце для каждого из его учеников находились теплые, сердечные, ободряющие слова, вселяющие бодрость и веру в свои силы. Мало сказать, что Владимир Иванович был ученым-новатором, он был будителем. Последнее слово лучше всего отвечает образу этого Большого Человека. Как сейчас стоит он перед нами на кафедре, живой, одухотворенный, будитель всего лучшего, что есть в человеке. Владимир Иванович умел, как никто, завлечь своих слушателей силой своего необыкновенного творческого вдохновения. Человек с большим темпераментом, вся жизнь которого была каким-то чудесным, ярким горением, полным замыслов и творческих дерзаний. Таким был в жизни и таким останется навсегда и будет жить в наших сердцах светлое имя Владимира Ивановича.

11. *Г. Э. Санчук*

Трудно смириться с тем, что нет нашего дорогого друга, учителя, наставника — Владимира Ивановича, — с этим смириться нельзя.

Большой ученый, человек исключительной души и горячего любящего сердца, он согревал всех окружающих его учеников своей любовью и страстью к науке, буквально отцовским отношением к своим ученикам, поддерживал их в трудные минуты. Его колоссальная научная эрудиция и беспредельность научных и культурных интересов вместе с оптимизмом и молодостью, которые светились в его глазах, его истинный гуманизм, соединенный с высокой принципиальностью и прямоотой, делали его идеа-

лом для тех, кому выпала высокая честь и счастье учиться у Владимира Ивановича и испытать на себе заботу его благородного сердца.

Для каждого ученика имя Владимира Ивановича — это часть собственной жизни, это первые незабываемые опыты научной работы, это период счастливого подъема сил и радостных перспектив. Трудно смириться с тем, что его ученики-аспиранты лишатся своих «пятниц» — этих незабываемых «пичетников», — долго затягивавшихся вечеров, с горячим обсуждением рефератов и выступлением участников, вечеров страстных споров и беспощадной взаимной критики.

Дорогой, милый, незабываемый друг, учитель, отец — Вы удостоили нас верой в наши силы, раскрыли перед нами перспективы развития нашей прекрасной науки — марксистского славяноведения. Вы вселили в нас бодрость и преданность общему делу. Вы согрели нас своим горячим сердцем и большой любовью к полякам, чехам, болгарам, сербам, хорватам и словенцам. Вы подали пример самоотверженного служения науке. Этот пример, связанный с Вашим обликом, вечно будет жить в нашем сердце.

12. *А. Н. Киршевская*

От нас ушел ученый-большевик, друг молодежи в настоящем, хорошем смысле этого слова, чуткий и внимательный наставник.

Тяжела боль утраты. Сознание не мирится с тем, что мы никогда больше не увидим нашего Владимира Ивановича, не услышим его ярких содержательных лекций, его задушевных бесед...

Влюбленный в науку славяноведения, Владимир Иванович с подлинным жаром отдавал ей все свои творческие силы, не разделяя дела на «маленькие» и «большие». И глубокие научные изыскания, и кропотливый труд педагога, подобный не всегда благодарному труду золотоискателя, промывающего горы песка для получения крупинки золота, — все это имело в его глазах равную ценность, если служило одной цели — развитию советской науки.

Непривычно и странно говорить о Владимире Ивановиче в прошедшем времени, — ведь он весь в настоящем, в стремлении в будущее. Его жизнь до краев наполнена кипучей разносторонней деятельностью, дня не хватает, и Владимир Иванович иногда «прихватывает у завтрашнего», засиживаясь за рабочим столом

до рассвета. Обширные творческие планы наслаиваются один на другой, и не хватает уже не суток, а месяцев. Для отдыха времени нет, но зато есть время для шуток, для трогательной заботы о других, для удивительного подчас внимания к мелочам.

Юношески-живой, партийно-страстный в своих оценках — таким навсегда сохранится Владимир Иванович в памяти всех, кому выпало счастье хоть немного общаться с ним.

13. *Т. Г. Свистунова, И. М. Шаповалова, А. И. Носова*

Смерть унесла нашего родного учителя, самого большого и близкого друга. Трудно выразить словами всю тяжесть утраты...

В течение трех лет мы работали под его непосредственным руководством. Владимир Иванович не только крупный специалист, но и необыкновенно чуткий, кропотливый педагог. Это качество мы особенно ценили. Навсегда останутся в памяти у нас дни семинарских занятий, на которых мы или спорили, или с необычайным вниманием и интересом слушали замечания Владимира Ивановича по нашим семинарским работам. Кто мог лучше Владимира Ивановича понять студента, прийти на помощь в трудную минуту, ободрить, вселить уверенность в успехе начатой работы.

Мы гордимся своим учителем. Образ Владимира Ивановича будет всегда с нами. Он будет служить нам живым примером в учебе, труде и в дружбе.

14. *А. А. Никольская*

Владимир Иванович всегда стремился к тому, чтобы в поле зрения советской славистики вошли все славянские народы. Он неоднократно указывал на необходимость и важность изучения истории Хорватии и Словении. В 1947/48 учебном году он собирался читать спецкурс по истории Словении, а в учебный план кафедры включил словенский язык.

Не хочется верить, что Владимир Иванович ушел от нас навсегда. Как живой стоит он перед глазами — всегда бодрый, жизнерадостный, готовый помочь в трудностях. Невольно вспоминается замечательная черта его характера — его научная щедрость. При выборе специальности и тем его учениками он всегда в первую очередь руководствовался необходимостью научной разработки тех или иных вопросов, причем умел видеть далеко вперед, а также учитывать личные склонности и научные интересы своих учеников. Он не ограничивал их в выборе тем и

не связывал их со своими работами, что является ярким свидетельством его огромнейших знаний и чуткого отношения к научным запросам своих учеников, в сердцах которых всегда будет жить вечно его светлый образ.

III. Статья в стенгазете истфака МГУ, посвященная 30-летию кафедры истории южных и западных славян, 1969 г.

В. И. ПИЧЕТА

15. И. М. Белявская

«Для меня вся моя жизненная целеустремленность выразилась в научном труде, и ему я посвятил всю свою кончающуюся жизнь. Но я всегда науку соединял с общественной деятельностью, которая часто вдохновляла и поддерживала мои силы, когда было трудно».

Из письма В. И. Пичеты от 8 августа 1943 г.

Руководителем и основателем кафедры истории южных и западных славян в МГУ был академик Владимир Иванович Пичета (1878—1947), крупнейший специалист по истории славянских народов.

Обладая блестящей научной культурой и эрудицией, большим талантом исследователя и разносторонностью знаний, В. И. Пичета создал десятки научных работ, посвященных различным проблемам исторического развития России, Белоруссии, Литвы, Польши и Чехии. Достаточно сказать, что список опубликованных им научных работ включает около 500 монографий, статей, рецензий, заметок и т. д. Естественным и необходимым продолжением научно-исследовательской работы для В. И. Пичеты было преподавание, которое он вел всю свою жизнь: сначала в Московском университете, из которого он ушел в 1911 г. в знак протеста против реакционной политики царского министра просвещения Кассо и в который он вернулся профессором в 1918 г. В 20-е гг. Пичета — профессор и ректор Белорусского университета. А с 1938 г. и до самой смерти — он снова профессор МГУ.

Тематика лекционных курсов и семинарских занятий, проведенных В. И. Пичетой в МГУ в пору руководства им кафедрой истории зарубежных славянских народов (1939—1947), отличалась разнообразием и новизной. Он читал общий курс по исто-

рии зарубежных славянских народов, специальные курсы по истории Польши в средневековье и новое время, по истории Литвы, Белоруссии и др.

В. И. Пичета привлекал на кафедру крупных знатоков и исследователей разных периодов и проблем истории зарубежного славянства. Среди привлеченных им видное место занимал известный чешский ученый и общественный деятель З. Р. Неedly (1878—1962) — профессор МГУ в 1939—1945 гг. З. Р. Неedly вел на кафедре преподавательскую и исследовательскую работу по истории Чехословакии и руководил подготовкой аспирантов по истории этой страны. Большую роль в исследовании проблем русско-славянских связей и отношений, в постановке и обсуждении этих проблем на кафедре истории славян сыграли выдающиеся советские ученые Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров. Они положили начало сравнительному анализу и сопоставлению памятников древнеславянского права и древнеславянской письменности. Все это обеспечило развитие специализации на кафедре и поставило ее работу на подлинно научные основы. В этих же целях, с первых лет работы кафедры, для студентов и аспирантов была введена широкая языковая подготовка.

В подготовке и формировании кадров историков-славистов большую роль сыграл созданный и руководимый в 1943—1947 гг. В. И. Пичетой семинар, который его участники называли «пичетником». Здесь они выступали с сообщениями о результатах своих изысканий, об основных положениях и выводах написанных ими разделов диссертаций, о новых источниках и архивных документах, привлеченных ими для исследования избранной проблемы. На этих семинарах, проходивших на квартире В. И. Пичеты, царил деловая, дружеская атмосфера, происходило творческое, свободное обсуждение написанных работ и изучаемых проблем. В этом семинаре молодые историки-слависты учились трудному сложному и вместе с тем такому интересному и захватывающему мастерству исторического исследования. Без преувеличения можно сказать, что значительная часть московских историков-славистов послевоенного времени вышла из этого семинара: В. Д. Королюк, И. С. Миллер, И. И. Удальцов, Г. Э. Санчук, Н. Д. Ратнер, И. М. Белявская, Ф. И. Грекул и др.

Отмечая тот большой вклад, который внес В. И. Пичета в развитие советского славяноведения, следует сказать, что дело, начатое им в Московском университете тридцать лет тому назад, росло и ширилось из года в год. Все сделанное В. И. Пичетой осталось нам, его ученикам и последователям, осталось людям. В этом и его жизнь, и его бессмертие.

И. Х. ПИЧЕТА
(1844—1920)

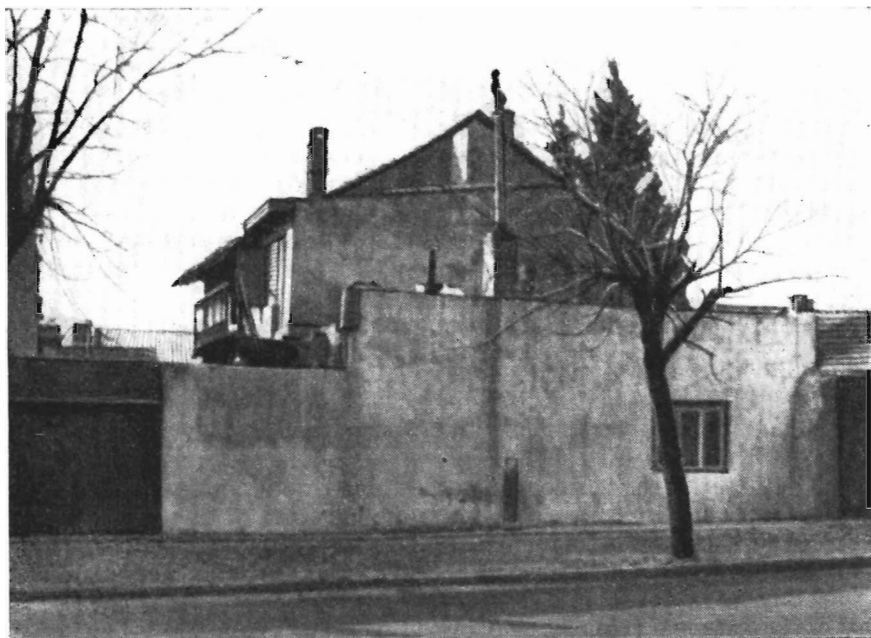
Иован Пичета — герцеговинец из Мостара, или Иоанн Христофорович Пичета, как он именовался в России, почти не известен исследователям русско-сербских отношений. Между тем его жизненный путь мог бы послужить яркой иллюстрацией к истории многогранных русско-сербских связей второй половины XIX в. Однако до сих пор это имя упоминалось лишь в связи с тем, что Иоанн Христофорович был отцом академика Владимира Ивановича Пичеты — известного советского историка, зачинателя и организатора историко-славистических исследований в СССР. «Он оказал на сына глубокое моральное влияние, — пишет о И. Пичете В. Д. Королюк. — Всю жизнь Владимир Иванович хранил о нем благодарную память и глубоко уважал его как умного, необычайно проницательного человека»¹. Несколько больше об Иоанне Христофоровиче мы узнаем из воспоминаний его внучки — Ксении Владимировны Пичеты². Но и этого явно недостаточно, чтобы составить представление о жизни герцеговинского эмигранта в России.

На основании сохранившихся материалов автор настоящей статьи попытался кратко осветить жизнь и деятельность Иоанна Христофоровича Пичеты с тем, чтобы обратить внимание исследователей на весьма важные, но мало известные науке источники. Первое место среди этих последних несомненно занимают мемуары протоиерея Иоанна Пичеты. Они были опубликованы в журнале «Вера и разум» за 1911—1913 гг. и тогда же тремя оттисками вышли отдельно.

Для историка-слависта наибольший интерес представляет первый оттиск — «Факты и воспоминания из школьной жизни

¹ Королюк В. Д. Владимир Иванович Пичета (опыт творческого портрета). — «Вопросы истории», 1970, № 8, с. 75.

² См. ее воспоминания в настоящем сборнике.

*Дом семьи Пичета в городе Мостаре (Югославия).
Фото 1976 г.*

герцеговинца»³. В этом выпуске описывается жизнь маленького Йована в Мостаре, его семья, первые годы учебы в мостарской школе, экономическое и политическое положение Герцеговины в середине прошлого столетия, отъезд в Россию, обучение в Одесской духовной семинарии и Киевской духовной академии, которую сербский воспитанник из Мостара блестяще окончил в 1867 г.

Йован Пичета родился 9 сентября 1844 г. в семье православных сербов в г. Мостаре. Отца звали Ристаном⁴, мать — Марией. Отец «едва разбирал славянскую печать»⁵, мать была со-

³ Пичета Ј. Протојерей. Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. Харьков, 1911.

⁴ От имени Ристан было образовано русское отчество Иоанна Пичеты — Христофорович.

⁵ Пичета Ј. Протојерей..., с. 5.

всем неграмотной. «По состоянию своему, — пишет в мемуарах И. Пичета, — родители мои принадлежали к среднему классу городских обывателей, имели собственный домик⁶ с небольшим огородом при нем, в котором росло большое тутовое дерево для занятия шелководством, а за городом — порядочный виноградник»⁷.

Ристан Пичета был серебряных дел мастером и вел небольшую торговлю в Гацко. В семье было 7 детей. Наиболее известными стали двое — старший сын Бошко и средний Йован. Первый после смерти отца в 1861 г. сделался главной опорой семьи⁸, второй весной 1858 г., 14 лет от роду, был отправлен на учебу в далекую Россию, которой суждено было стать его второй родиной.

Бошко относился к числу незаурядных людей. Вот что пишет о нем брат Йован в своих мемуарах: «Он был неутомим в предприятиях, пренебрегал усталостью и большую часть первой половины своей труженической жизни провел в разъездах, верхом на лошади, по горам и долинам округов Невесинья, Гацко, Пивы и Дробняка, подвергаясь опасностям от диких зверей, а еще больше от диких людей, каковыми были тогда герцеговинские турецкие главари — «аги» и «беги» — и их оравы из самых отчаянных головорезов»⁹. (И это, заметим, несмотря на неправильное от рождения развитие правой ноги. — В. К.).

В другом месте Йован Пичета сообщает еще более интересные сведения о своем старшем брате. «По правде сказать, — замечает он, — и сам брат был человек отчаянный, смотревший прямо в глаза смерти. Он не боялся встречи с недобрыми людьми, рассуждая по-своему, что они не из стали, а из мяса, как и сам. С некоторыми православными «четниками» и руководителями восстаний он был очень знаком, с иными стоял в «побратимстве» и снабжал их разными припасами, не исключая и пороха»¹⁰.

Из воспроизведенных отрывков следует, что Бошко занимался торговлей, принимал участие в национально-освободительной борьбе герцеговинского народа против османского ига, по-видимому, был знаком с Лукой Вукаловичем и имел дело с вождями боснийско-герцеговинского восстания 1875—1878 гг.

⁶ Этот домик, построенный в 50-х годах прошлого столетия, сохранился до сих пор. См. фото.

⁷ Пичета И. Протоіерей..., с. 6.

⁸ Два других его брата умерли рано: Илья — в 1863 г., Трифон — в 1867 г.

⁹ Пичета И. Протоіерей..., с. 6.

¹⁰ Там же, с. 7.

У Бошко Пичеты, умершего в 1909 г., было два сына — Ристо и Илья. Сын Ристо — Светозар и его дочь Снежана, взявшие фамилию от имени своего деда и прадеда (Бошковици), живут в настоящее время в г. Мостаре¹¹.

Судьба Йована Пичеты сложилась иначе. Он учился в основанной в 1854 г. мостарской школе, когда учителями в ней были известные деятели боснийско-герцеговинского возрождения Никифор Дучич и Серафим Перович. Весной 1857 г. школу посетил первый русский консул в Боснии и Герцеговине А. Ф. Гильфердинг вместе с секретарем сараевского консульства А. С. Иониным. По словам Гильфердинга, это было «лучшее из православных училищ в Герцеговине и Боснии»¹². Российские дипломаты предложили отобрать из учеников мостарской школы 3—4 наиболее способных для обучения за казенный счет в России. В их числе оказался и Йован Пичета. Вместе со своими товарищами Николаем Биличем и Серафимом Говедарицей в сопровождении иеромонаха Прокопия Чокорило 3 мая 1858 г. 14-летний Йован отбыл из Мостара в Сараево, где к ним присоединился учащийся сараевской школы Остич. Из Сараева караван из шести лошадей с тремя вооруженными проводниками отправился в Сербию через пограничный пункт Любовия. От Белграда до Одессы сербские учащиеся добирались на пароходах. Их путешествие длилось месяц и 25 дней.

Вскоре после Крымской войны, в январе 1857 г., русский царь утвердил определение св. синода о ежегодном ассигновании 11 025 руб. на воспитание юношей с Ближнего Востока в русских духовно-учебных заведениях. В 1857 г. их обучалось 20, в 1858 г. — 57 человек. В Киевской и Херсонской духовных семинариях для этой цели были открыты особые пансионаты. В пансионе при Херсонской семинарии Й. Пичета пробыл 5 лет и 3 месяца. Он подробно описывает в своих мемуарах устройство пансионата, состав его учащихся, учебный процесс, дает характеристику наставникам. Первым воспитателем в пансионе непродолжительное время был известный болгарский революционер Г. С. Раковский. Мемуарист говорит о причастности Одесского болгарского настоятельства к жизни пансионата, о близости его воспитанников к национально-освободительному движению южнославянских народов. При воспитателе Левицком, пи-

¹¹ За сообщение этих данных и фотографии дома Пичеты в Мостаре и их семейного склепа на кладбище приношу благодарность профессору Сараевского университета д-ру Марку Шуничу.

¹² Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник, составленный А. Гильфердингом. СПб., 1859, с. 48.

шет он, «появился в пансионате авантюрист Вранешевич, титуловавший себя гарибальдийцем и действительно так подписывался под напечатанными в газете И. С. Аксакова «День» письмами... Затем откуда-то взялся какой-то Секулич, приятель Вранешевича, выдававший себя за австрийского эмигранта. Оба они выставляли себя какими-то страдальцами за славянское дело...»¹³

Скептический тон, а порой и отрицательные отзывы, например о Г. С. Раковском, В. Пелагиче и др., не должны нас удивлять в устах официального представителя российского духовенства, получившего за свою ревностную и безупречную службу по учебно-духовному ведомству дворянский титул. И тем не менее не только тогда, в молодые годы, но и позднее, вплоть до своей смерти, И. Х. Пичета неизменно словом и делом поддерживал борьбу южнославянских народов за свободу и независимость. Он иногда даже критиковал официальную политику царского самодержавия. Так, говоря о закрытии российского консульства в Мостаре в канун восстания 1875 г., он замечает: «В самом деле, чем объяснить, как не полным индифферентизмом и крайней неадекватностью русских политических агентов, то прискорбное обстоятельство, что накануне герцеговинского восстания (1875 г. — В. К.) упраздняется консульство в Мостаре?»¹⁴

Архивные документы о годах учебы И. Пичеты в России свидетельствуют, с одной стороны, о больших успехах его после отъезда из Мостара, о его трудолюбии и несомненных способностях, с другой — о неистребимом интересе к судьбе своей родины, к политическому положению Герцеговины. «Я, кажется, — замечает он в мемуарах, — больше других увлекался политическими статьями в «Голосе» и «Петербургских ведомостях»¹⁵. Чтобы не порвать связи с родиной он несколько раз посещал Мостар — в 1862 г. на средства Азиатского департамента, а в 1870, 1873 и 1879 гг. — на собственные деньги.

После 5-летнего пребывания в Одессе в 1864 г. И. Пичета прибыл в Киев и в мае месяце был зачислен студентом XXIII академического курса. «На моем курсе, — писал он, — сначала было 5 иностранцев: два серба — я и Билич, македонец Ковачевич и болгарин Добранович, обучавшийся в белградской семинарии, и сириец Никифор Мусей... а через два года был еще при-

¹³ Пичета И. Протоиерей..., с. 47.

¹⁴ Пичета И. Протоиерей. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству. Харьков, 1912 (далее — отсюда 2), с. 64.

¹⁵ Пичета И. Протоиерей..., с. 66.

нят прямо в старшее отделение студент Венского университета из венгерских сербов Милан Костич»¹⁶. Четыре года учебы в академии оказались определяющими не только для формирования взглядов серба из Мостара, но и в его личной судьбе. На последнем курсе он женился на дочери чиновника киевской казенной палаты Марии Григоренко, украинке по национальности. По новому уставу духовных заведений России, утвержденному царем 14 мая 1867 г., И. Пичета как иностранец, воспитывавшийся на казенный счет, получил возможность без службы в течение определенного срока в России сразу после окончания учебного заведения вернуться к себе на родину.

Вместе со своим земляком Биличем, удостоенным, как и он, после окончания академии ученой степени кандидата, они решили немедленно ехать в Сербию, чтобы затем вернуться к себе на родину в Герцеговину.

Описание И. Пичетой своего пребывания в Белграде в августе 1867 г. в силу ряда обстоятельств приобретает ныне очень важное значение. Остановимся на этом подробнее. Дело в том, что исследователи жизни и деятельности выдающегося сербского революционного демократа Светозара Марковича до сих пор не могли найти ответ на вопрос: где он провел свои каникулы летом 1867 г. в бытность студентом Петербургского института инженеров путей сообщения. Оказывается, мемуары И. Пичеты являются единственным источником, в котором содержится исчерпывающий ответ на интересующий уже несколько десятилетий специалистов вопрос. В своих мемуарах И. Пичета пишет о том, как «с великою тугою душевною», покинув 22 июля мать русских городов — Киев, через Волынскую губернию, Радзивилов, Броды и Львов на дилижансе, затем от Кракова до Вены по железной дороге, а от Вены на пароходах по Дунаю он прибыл в Белград на Преображенье, т. е. 6(18) августа 1867 г. в день открытия второго съезда Объединенной сербской молодежи или Омладины. «В числе присутствующих на открытии «скупщины» и внесших себя в списки «омладинцев» был и я, прибывший утром того же дня в Белград со многими «омладинцами» из «приека», т. е. с левой стороны Савы и Дуная — из Венгрии. Оживление было необыкновенное. От «скупщины» ожидали чего-то особенного. Надеялись, что она примирит враждующие литературные лагеря, восстановит согласие между инакомыслящими и воздействует на кого нужно быть энергичнее для осуществления заветных желаний сербского народа. Словоохотливость и

¹⁶ Пичета И. Протоіерей..., с. 56.

неуместное политиканство приехавших «омладинцев», от которого правительство сербское в связи с тем, что еще могло быть высказано, не могло ожидать ничего хорошего, побудило его в самый день открытия «омладинской скупщины» объявить ее закрытою. Все очень волновались и не щадили слов по адресу правительства, дерзнувшего наложить запрет на «скупщину». Но против рожна никто не осмелился идти. Дня через два-три приехжие гости разъехались...»¹⁷

Эта характеристика II съезда Омладины одним из ее участников представляет несомненный научный интерес. Во время пребывания в Белграде Й. Пичета встречался со многими известными людьми тогдашней Сербии: премьер-министром И. Гарашаниным, митрополитом Михаилом, профессорами Великой школы П. Сретковичем и А. Васильевичем, питомцем Киевской духовной академии, своим известным земляком М. Любибратичем, одним из сподвижников знаменитого воеводы Луки Вукаловича, «познакомился с болгарским деятелем Л. Каравеловым, старшим братом немало нашумевшего в Болгарии питомца Московского университета П. Каравелова, и с горе-человеком В. Пелагичем, обучавшимся в каких-то учебных заведениях в Москве...»¹⁸.

Далее Й. Пичета сообщает интереснейшие сведения о встречах со Светозаром Марковичем, его братом Ефремом и другими сербскими революционерами, например, Й. Дречем. «Там же в Белграде, — пишет он, — я еще познакомился со студентом Института путей сообщения Светозаром Марковичем и его братом Ефремом, артиллерийским офицером. С первым мне довелось через месяц встретиться в Петербурге и неоднократно беседовать о разных материях. Или он был крайне осторожен со мною, или еще не увлекся крайними учениями, но мне казался во всех отношениях скромным молодым человеком, а между тем по возвращении на родину он стал во главе сербских социалистов и немало наделал хлопот правительству. Брат его Ефрем был солидный офицер, отличившийся во время войны Сербии с Турцией, но заподозрен был в заговоре против короля Милана и осужден на тяжелое тюремное заключение (в действительности по настоянию Милана Ефрем был расстрелян. — В. К.), доведшее его жену до покушения на жизнь безрассудного правителя несчастной страны»¹⁹.

¹⁷ Пичета *Ј. Протоіерей...*, оттиск 2, с. 2—3.

¹⁸ Там же, с. 3.

¹⁹ Пичета *Ј. Протоіерей...*, оттиск 2, с. 3—4. Любопытную характеристику дает мемуарист В. Джорджевичу: «Мимходом познакомился и с будущим

В атмосфере патриотического подъема и политических страстей, господствовавших в те дни в Белграде, никто не избегал обуявшего всех увлечения великосербской идеей, в том числе и И. Пичета. Он решает немедленно ехать на родину. Добился приема у самого Ильи Гарашанина, тогдашнего премьер-министра и министра иностранных дел Сербии, с целью получения сербского паспорта. Холодный и рассудительный Гарашанин сумел убедить молодого мостарца в том, что сербский паспорт не спасет его от произвола турецких властей в Герцеговине, и посоветовал вернуться в Россию, где он сможет принести большую пользу своему народу, чем у себя на родине. И. Пичета внял совету сербского государственного деятеля и 29 августа покинул Белград. 4 сентября 1867 г. он прибыл в Петербург и остановился в ночлежном доме при сербской кухмистерской.

Здесь он встретился со своим товарищем по мостарской школе И. Дречем, студентом медико-хирургической академии, студентом университета Д. Дучичем, родным братом его наставника в мостарской школе Никифора Дучича, слушателями русских военных академий Д. Джуричем и Савой Груичем. У последнего он затем жил на квартире до конца своего пребывания в Петербурге. Характеризуя своего земляка и товарища И. Дреча как лучшего и способнейшего ученика мостарской школы, увезенного А. Ф. Гильфердингом в Петербург, И. Пичета недоумевает, почему он до окончания курса выбыл из академии и некоторое время не имел определенных занятий. Теперь известно, что И. Дреч, Г. Филипович и И. Лепава были отозваны из России С. Марковичем для подготовки восстания в Боснии и Герцеговине в 1872 г.²⁰

За время пребывания в Петербурге И. Пичета «неоднократно встречался и с вышеупомянутым знакомым по Белграду, путейцем Светозаром Марковичем, и несколько раз навестил зем-

приспешником короля Милана Владаном Джорджевичем, игравшим заметную роль в приеме гостей из «омладинцев» и распределении их по квартирам. Он уже успел заявить о себе как о прогрессивно-политиканствующем деятеле, выступал с рефератами на «омладинских скупщинах и отборах», порисовался и пошумел на Славянском съезде в Москве (1867) по случаю Всероссийской этнографической выставки. Беседовал с недавно скончавшимся поэтом Лазарем Костичем, братом моего академического товарища Милана Костича, и многими другими». — Там же, с. 4.

²⁰ Карасев В. Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. — «Ученые записки Ин-та славяноведения», 1966, т. XXX; В. Н. Кондратьева. Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 году (по русским архивным материалам). — Там же, 1964, т. XXVIII.

ляка Луку Иванишевича²¹, обучавшегося в одной из петербургских гимназий. Из этого юноши выработался выдающийся учебный деятель, устроившийся в Париже и приобретший там популярность в среде постоянных и временных русских обывателей»²².

Пробыв две недели в Петербурге, И. Пичета с рекомендацией директора Азиатского департамента П. Н. Стремоухова 19 сентября 1867 г. отбыл в Николаев для занятия места учителя или воспитателя в Южнославянском пансионате при тамошней гимназии, находившейся под управлением болгарина Ф. Н. Минкова. В Николаеве он узнал, что в полтавской семинарии освобождена должность преподавателя церковной истории, на которую он был рекомендован начальством Киевской духовной академии. «Я сделался преподавателем духовной семинарии, — пишет он, — и обывателем Полтавы, которая стала для меня второю, а для моих детей и действительно родиною. Здесь я прослужил 20 лет с лишним в должности преподавателя семинарии (с 23-го декабря 1867 г. по март 1888 г.) и 12 лет в должности ректора ее (с 26 августа 1890 г. по 15 августа 1902 г.)»²³.

Помимо церковной истории, И. Х. Пичета преподавал в средних учебных заведениях Полтавы географию. Это был прирожденный педагог, высокоодаренный, с широким кругозором, неустанно работавший над совершенствованием своего мастерства. «Я любил свою науку до увлечения... а в особенности у славянских народов», — вспоминал он²⁴. Один из ревизоров св. синода, проверявший Полтавскую духовную семинарию, так отзывался о нем: «Учитель церковной истории Пичета, родом герцеговинец, но обрусившийся вполне, принадлежит к лучшим наставникам семинарии... Отчетливый живой язык, картинность изложения и какая-то задушевность составляют видные достоинства его преподавания; при всем этом он очень скромн, отличается кротостью, мягкостью обращения и в то же время требователен»²⁵.

Хотя высокий царский чиновник считал И. Х. Пичета «обрусившимся вполне», сам он думал иначе: «Поступая на должность преподавателя полтавской духовной семинарии, — писал он, — я не расставался с мыслью, что по наступлении благоприятных

²¹ См. о нем: *Карасев В. Г.* Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974, с. 61—62.

²² *Пичета И.* Протоіерей..., оттиск 2, с. 7.

²³ Там же, с. 11.

²⁴ Там же, с. 47.

²⁵ Там же, с. 46.

обстоятельств возвращусь на родину и посвящу себя там просветительской деятельности»²⁶.

Он оставался турецким подданным до появления в семье первого ребенка. 25 июля 1869 г. родился сын Константин, и он вынужден был перейти в русское подданство. Но и это важное событие, по его словам, «решающего влияния на мое окончательное обрусение не имело»²⁷. Поездки на родину в 1870 и 1873 гг. убедили его в том, что никаких изменений к лучшему там не произошло. И. Х. Пичета, лично знавший всех русских консулов в Мостаре, — Безобразова, Илларионова, Кудрявцева и Славолюбова — больше всего критиковал последнего. «При нем, — говорит он, — консульство в Мостаре было упряднено как ненужное, а между тем через несколько месяцев началось восстание в Невесинье, приведшее славную русскую рать до Константинополя и доведшее русскую дипломатию из высших Славолюбовых до Берлинского конгресса»²⁸. Посетив последний раз отечество в 1879 г., И. Х. Пичета окончательно убедился в том, что «дорогая родина попала из огня в полымя и что навсегда нужно простаться с нею»²⁹. Только после этого начался, по его собственному признанию, процесс быстрого обрусения, «без всяких помышлений возвратиться когда-либо в землю отцов своих»³⁰.

Как уже отмечалось выше, И. Х. Пичета был прирожденный педагог. Он мечтал иногда стать инспектором в народных училищах, но никогда не думал о священническом сане. Между тем по настоянию высшего духовного начальства в 1888 г. он был назначен ректором Витебской духовной семинарии, а через два с половиной года — Полтавской. Эта должность требовала рукоположения в священники. И. Х. Пичета был возведен в сан протоиерея.

Вторая книжка мемуаров И. Х. Пичеты заканчивается назначением его на пост ректора Полтавской духовной семинарии в августе 1890 г., а третья и последняя — целиком посвящена описанию многотрудной деятельности на этом посту до 1902 г.³¹

²⁶ Пичета И. Протоиерей..., с. 63.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, 65.

²⁹ Там же, с. 66. Свои впечатления о Герцеговине и Боснии под властью Австро-Венгрии он изложил в корреспонденции из Мостара, напечатанной в сокращенном виде в одном из сентябрьских номеров «С.-Петербургских ведомостей» за 1879 г.

³⁰ Там же, с. 66.

³¹ Пичета И. Протоиерей. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству. Харьков, 1913, оттиск 3.

Она представляет бoльший интерес для отечественных историков, чем для историков-славистов. Хотел этого автор мемуаров или нет, но само собою получилось так, что, стремясь к подробному описанию своей деятельности в Полтаве, он нарисовал яркую картину распространения революционных идей на рубеже двух столетий не только в городе, но и среди учащкхся духовной семинарии. Представляют несомненный интерес свидетельства мемуариста об известном попе Гапоне, воспитаннике полтавской духовной семинарии.

Три выпуска мемуаров И. Х. Пичеты дают в руки исследователя прекрасный материал, чтобы составить представление об их авторе как о педагоге и воспитателе, с одной стороны, и как человеке, искусно владевшем не только словом, но и пером, — с другой³². В трех выпусках мемуаров содержится много четких, ясных, необыкновенно глубоких, и что удивительнее всего, совершенно не повторяющих друг друга характеристик различных деятелей и личностей, больших и малых, начиная от какого-нибудь ученика семинарии и кончая Победоносцевым. Все это свидетельствует о незаурядном писательском таланте автора мемуаров.

Родившись в культурно отсталой среде (население Мостара в середине прошлого столетия было почти сплошь неграмотным), И. Х. Пичета на протяжении всей своей жизни чувствовал неистребимую тягу к образованию и просвещению простого народа. В мемуарах в уста одного из своих сослуживцев он вложил слова, которые прежде всего отражают его собственные взгляды и умонастроения: «Кто не знает, что понимание в истинном смысле воспитания юношества дело настолько важное, сложное и трудное, что оно составляет идеал для самых культурных обществ»³³. Иоанн Христофорович не уставал повторять, что «народное образование — святое дело»³⁴. Характерна в этом отно-

³² Помимо мемуаров, перу И. Х. Пичеты принадлежит значительное количество больших и малых печатных работ по истории церкви у южных славян и в России, о развитии просвещения у тех и других, о первоучителях славянских Кирилле и Мефодии и др. Далеко не полный список их см.: *Павловский И. Ф.* Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII в. Издание Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912, с. 152—153; Указатель статей, помещенных в неофициальной части полтавских епархиальных ведомостей за 25 лет, с 1863 по 1888 год. Составил законоучитель Полтавского института благородных девиц протоиерей Петр Мазанов. Полтава, 1888.

Литературные труды И. Х. Пичеты заслуживают специального изучения.

³³ *Пичета И.* Протоиерей..., оттиск 3, с. 216.

³⁴ Там же, с. 157.

шении его оценка деятельности полтавского митрополита Иллариона: «Высшее делание и славу его,— писал он о владыке,— составляют церковные школы, особенно женские»³⁵. Поэтому нет ничего удивительного в том, что И. Пичета стал летописцем учебных заведений Полтавы и Полтавщины, много писал о сербских школах в Герцеговине, о развитии просвещения в России по духовному ведомству и Министерству народного просвещения.

Природа наделила И. Х. Пичету не только могучими силами духа и тела, но и большим талантом педагога. Любовь к профессии педагога и воспитателя была настолько сильно развита в этой энергичной личности, а чувство долга было так высоко, что «каторжной службе» ректора, постановке учебного процесса и делу воспитания в семинарии он отдавал всего себя без остатка: «Благо собственной многочисленной семьи давно уже отодвинуто было на задний план, а личное благополучие никогда не имело в виду мною; все приносилось в жертву семинарии»³⁶.

Чтобы составить представление о педагогических принципах И. Х. Пичеты приведем две цитаты из его произведений. «Всем и каждому из нас известно, что формализм в деле воспитания крайне вреден и приводит к отрицательным результатам»³⁷,— писал он в мемуарах. «Добрая метода учения,— читаем мы в его статье «Несколько слов о преобразовании духовно-учебных заведений при императоре Александре I»,— состоит в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума в воспитанниках; а посему пространные изъяснения, где профессору тщатся более показывать свой ум, нежели возбуждать ум слушателей, доброй методе противны. Лучший наставник есть не тот, кто блистательно сам говорит и изъясняет, но тот, кто заставляет учащихся размышлять и изъяснять. Все методы учения должны быть основаны на собственных упражнениях юношества. Учитель должен только помогать развитию ума. Дело профессора не в том состоит, чтобы дать урок, но в том, чтобы урок был принят, чтобы он пустил, так сказать, свой корень в уме слушателя»³⁸.

В свете всего сказанного не приходится удивляться тому, что с выходом на пенсию в 1902 г. И. Х. Пичета остался на посту председателя епархиального училищного совета.

³⁵ Пичета И. Протоіерей..., с. 219.

³⁶ Там же, с. 181.

³⁷ Там же, с. 172.

³⁸ «Полтавские епархиальные ведомости. Часть неофициальная», 1878, № 9, с. 459—460.

Завершая краткий очерк о жизни и деятельности отца известного советского историка Владимира Ивановича Пичеты, необходимо коснуться вопроса взаимоотношений сына с отцом.

На основании известных нам теперь фактов можно заключить, что Владимир Иванович унаследовал от отца любовь к истории, ее изучению и преподаванию, талант исследователя. Но вот личные взаимоотношения между сыном и отцом в свете воспоминаний Владимира Ивановича «Моя жизнь до 1905 г.», хранящихся в Архиве АН СССР, не вполне соответствуют установленным в литературе представлениям. «Мой отец,— пишет академик В. И. Пичета,— человек больших способностей и большого умственного дарования, отличался суровостью своего характера... и деспотическими наклонностями...»³⁹ И в другом месте: «...и только к старости ставшим удивительно мягким и нежным. Эти новые его качества испытали на себе его внуки и внучки, в том числе и мои дети».

Владимир Иванович говорит и о том, что он всегда брялся своего отца, большого и сильного человека, постоянно с ним боролся. Он не находил в своем характере черт, которые бы роднили его с отцом, и постоянно подчеркивал, что все лучшее в себе он унаследовал от матери, о которой говорил и писал с благоговением. «Моя мать, Мария Григорьевна,— читаем мы в воспоминаниях,— кроткая, нежная, покорная, в детстве болевшая туберкулезом, была полной противоположностью отцу». Думается, что характер взаимоотношений сына и отца вполне объясним теми жизненными, личностными и общественными отношениями, в которых жила семья Иоанна Христофоровича в Витебске и Полтаве; обстоятельствами и временем, когда писались мемуары отца (после смерти жены в 1911 г., когда Иоанн Христофорович служил настоятелем кладбищенской церкви в Харькове) и воспоминания сына, которые создавались в 1931—1932 гг., в самый критический период его жизни.

Ко всему сказанному о И. Х. Пичете, о его личных и деловых качествах, которые позволяют уяснить отношения отца с сыном, следует добавить одну существенную деталь, на которую обращает внимание в своих воспоминаниях Владимир Иванович. Речь идет о судьбе первенца Иоанна Христофоровича и Марии Григорьевны, их сыне Константине, человеке необыкновенного дарования, студенте юридического факультета Киевского университета, умершем от туберкулеза 25 ноября 1889 г. в возрасте

³⁹ За возможность использовать в настоящей статье воспоминания В. И. Пичеты «Моя жизнь до 1905 г.» приношу мою благодарность Уткиной Л. И.

20 лет. Он был общим любимцем семьи, в том числе и младшего брата Владимира. Вот что последний вспоминал о нем: «Наделенный большими способностями, превосходно изучивший несколько новых языков (и свободно писавший на латыни и древнегреческом языке,— добавим мы от себя.— В. К.), блестящий математик, имел полное право быть любимцем семьи. Когда я, первоклассник, стал старшим сыном в семье, я не мог быть даже его тенью, отсюда зародилось то нерасположение ко мне со стороны отца...»

Теперь, с дистанции в сто лет со времени рождения академика Пичеты, мы можем сказать, что Владимир Иванович был не совсем прав в оценке своего отца и его роли в чисто семейном и общественном отношениях. В своих воспоминаниях он написал замечательные, удивительно емкие по смыслу и значению слова: «Я остался верен вскормившей меня земле и воспитавшему меня народу». Думается, мы не погрешим против истины, если скажем, что немалая заслуга в этом и его отца — Иоанна Христофоровича Пичеты.

Ниже воспроизводится письмо И. Х. Пичеты своему племяннику Ристо (сыну Бошко) из Полтавы от 9 августа 1898 г., которое нам любезно предоставила его внучка — Ксения Владимировна Пичета.

Полтава, 9 августа 1898 г.

Дорогой мой племянник Ристо!

Спасибо тебе за письмо и приглашение на свадебное веселье. От всего сердца желал бы принять участие в твоей и общесемейной радости и лично благословить тебя и твою любезную супругу Катерину. Но из-за невозможности быть вместе с Вами... я призываю на Вас божье благословение с усердной молитвой, чтобы господь бог хранил Вас в добром здравии, сниспослал Вам мир, любовь и счастье. По русскому обычаю в молитвенную память посылаю Вам св. икону, которую я сам лично освятил и которую Вы, надеюсь, беспрепятственно получите по почте. Но чтобы Вы имели обо мне представление посылаю Вам свою прошлогоднюю фотокарточку, на которой я довольно похож на себя. Одновременно посылаю Вам фотокарточку моей дочери Елены для передачи моей милой сестре Ангелине. Скажи ей, что ее племянница, а твоя двоюродная сестра, немного меньше меня ростом.

За длительное время после нашего последнего свидания многое изменилось в нашей жизни, а между тем мы мало что знаем об этом. В своем письме ты ни о ком ничего не пишешь, а я был бы очень рад получить весточку о брате и сестрах. Поэтому прошу тебя, если еще надумаешь взяться за перо, чтобы написать мне, не забудь известить меня о здоровье и житье-бытье дорогого брата Бошко и всего нашего дома, а также милых сестер Ристы и Ангелины с их семьями.

О себе и своей семье могу сказать следующее: я и жена моя на здоровье пока не жалуемся, насколько это, разумеется, возможно говорить о людях, которым уже минуло 50 лет. Слава богу, дети наши также здоровы. Софья учительствует в здешнем женском училище. Елена помогает матери и братьям по их наукам; Владимир еще в прошлом году окончил гимназию и учится в Московском университете; Георгий перешел в VII класс гимназии, Александр — в V, а Василия готовим в I-ый. Люба живет в Витебской губернии в городе Велиже, где ее муж занимается хорошей должностью с окладом 2000 рублей в год. У них две дочери: Надежда 5 лет и Вера трех лет; в сентябре ожидаем их приезда в Полтаву.

Мои служебные дела идут хорошо. По правде сказать, трудно выполнять разнообразные обязанности — ректора семинарии, в которой обучается более 500 юношей, председателя епархиального училищного Совета и братства Св. Макария, в ведении которых находится свыше 1000 церковных школ, епархиального цензора и т. п., но слава богу, на здоровье пока не жалуюсь, а высшее начальство мою работу ценит. 6-го мая в день рождения царя за отличное несение службы, я награжден орденом Св. Владимира 3-ей степени. Это одна из самых больших наград и для высшего духовенства. 4-ая степень этого ордена, который я получил еще три года тому назад, дает право на потомственное дворянство. Я и мои дети занесены в родословную книгу дворянства Полтавской губернии.

Сердечно поздравляю Вас всех, особенно брата Бошко и сестер с их семьями, и каждого из помнящих меня друзей. Остаюсь с благими пожеланиями и любовью твоей дядя

*Протоиерей Йован Пичета*⁴⁰

⁴⁰ Письмо представляет собой черновую рукопись И. Х. Пичеты на двух листах почтовой бумаги. Письмо написано на сербскохорватском языке черными чернилами, кириллицей. Перевод сделан В. Г. Карасевым.

ФРАНКСКИЕ ПОГРАНИЧНЫЕ МАРКИ И ИХ СОСЕДИ — ЧЕХИ И МОРАВЫ В IX в.

Когда на восток от Франкской державы славяне стали создавать свои первые государства (IX в.), собственно франкская территория была отделена от основных центров западных славян полосой пограничных земель, отличавшихся особым режимом управления и известных под названиями пограничных марок (*pagus, limes, terminus, confinium*), а позже еще и территорией, на которой славянские поселения находились еще на такой стадии, когда там не было сложившихся государственных институтов.

Обе указанные зоны (полоса пограничных марок и полоса славянских поселений, не создавших государственную форму) были в своеобразных отношениях и друг с другом и со славянами, жившими восточнее их, т. е. с Чехией и Моравией.

Франкские пограничные марки в Средней Европе возникли главным образом на славянской территории к западу и югу от границы ЧССР.

С течением времени эти марки все больше распространялись на территории славян пока не дошли, очевидно, не ранее конца IX — начала X в., до границ современной Чехословакии (во всяком случае, на некоторых ее участках). Таким образом, западнославянская территория последовательно вовлекалась в сферу франкского правления, превращаясь сначала в марку, а затем в обычную территорию соответствующих политических образований немецких феодалов, хотя славянский элемент продолжал здесь существовать еще в течение определенного периода.

Для государственных образований, возникающих в IX в. в Чехии и Моравии, зона марок представляла реальную угрозу. Вначале эта угроза была косвенной и отдаленной, пока марки не поглотили всех славянских поселений, расположенных на запад и на юг от Чехии и Моравии. После этого угроза стала близкой и непосредственной. Следует иметь в виду, что славянское население, расположенное между собственно чехо-моравской обла-

стью и собственно Франкским государством, нашло в себе силы на протяжении VII и VIII вв. противостоять угрозе с запада, как авары в течение почти всего VIII в. противостояли этой угрозе с юга и юго-запада.

Казалось, что в VII в. на территории, расположенной на запад и юго-запад от Чехии, создаются, наконец, условия для более длительной западнославянской организации, которая смогла бы послужить основой для государства¹. Однако франкский натиск с запада и аварский с юго-востока устранил (по всей видимости, в конце VII в.) возможность такого развития.

Компактное славянское население на юг от среднего течения р. Лавы, на запад от р. Салы, на юг и юго-запад от Смрчин и на юго-запад от Шумавы, продолжало существовать и в VIII в. далее². Более северные ветви этих славян, населявшие отчасти и территорию бывших германских племен гермундуров и наристов (варистов), были, по-видимому, близки сорбам, а более южные, преемственно связанные со славянским населением в среднем Подунавье, — позднейшим чехам, морavam и словакам³.

Для славян, живших на юг от современной Чехии, по направлению к Дунаю, как это теперь достоверно установлено, в латинских источниках употреблялось наименование *Boehaimi*⁴. Весьма вероятно, что сами они — да и те, которые были расположены севернее, в современной Баварии, — именовали себя *Wojtāpné* или *Wojtōwé*⁵. Вероятно, уже в VIII в. часть из них приняла христианство. Особенно это относится к западной ветви славян, наиболее близкой к франкам, которая приняла христианство

¹ Подробнее см.: *Vaněček V. Souvislost Velké Moravy se slovanským svazem Samovym.* — «Právněhistorické studie», Praha, 1963, d. XI, s. 211—225.

² Больше всего сведений, хотя и не всегда достоверных, об этих славянах собрал Войтех Кентжинский: *Kętrzyński W. O słowianach mieszkających niegdyś między Renem a Labą, Salą i czeską granicą.* — «Rozprawy Akad. Umiejętności. Wyd. hist. filoz.», Kraków, 1901, ser. II, t. XV, s. 1—142.

Из новейшей литературы по этому вопросу см.: *Eisner J. Devínska Nová Ves. Bratislava, 1952, s. 210; Havlík L. Slovanské raně feudální národnosti.* — «Slovanský přehled», Praha, 1974, s. 44—56; *он же. První slovanské státy.* — «Slovanské historické studie», Praha, 1974, X, s. 5—48.

³ *Váně Z. Slované v Bavorsku podle archeologických dokladů.* — In: *Vznik a počátky Slovanů, d. II.* Praha, 1960, s. 183—208; *Havlík L. Staří Slované v Dolních Rakousích.* — In: *Cas. Spol. přátel starož.* Praha, 1956, s. 168; *Vaněček V. Prvních 1000 let.* Praha, 1949, s. 32, 43.

⁴ Это следует из известного сообщения о событиях 791 г. (*Abel S., Simson B. Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen, Bd II.* Berlin, 1883, S. 18), когда франкское войско, возвращаясь из похода против аваров, шло по северной стороне Дуная. — «per *Boehaimos*».

⁵ К такому заключению приводит соображение, что местное название *Wojtāpnū*, засвидетельствованное в Чехии (*Profous A. Místní jména v Cechách,*

еще в период деятельности Бонифация⁶. Некоторые из этих славян были обращены в христианство во времена Карла Великого⁷, и лишь наиболее восточные из них приняли христианство в IX в.

На грани VIII и IX вв. был предпринят решающий шаг к тому, чтобы все эти славяне были включены во Франкское государство, чтобы франкская государственная власть, таким образом, окончательно приблизилась к западным и южным границам позднейшего чешского государства. Все это удалось осуществить прежде всего с помощью основания новых пограничных марок.

Прекращение с конца VIII в. дальнейшего проникновения славян на запад облегчило деятельность пограничных франкских марок. Славян, осевших на поселениях, очевидно, ничто больше не побуждало к новым миграциям⁸. Основание франкских марок в этих преимущественно славянских землях (здесь были и другие этнические группы, особенно в Подунавье, например авары) не означало, конечно, что славянский элемент был здесь сразу истреблен. Он существовал еще долго даже и там, где на смену прежним маркам пришло раннефеодальное государство⁹.

d. I. Praha, 1942, s. 109), едва ли может происходить от наименования жителей собственно Чехии; более вероятно, что подобно тому, как это было и в других аналогичных случаях, термин этот означал людей, переселенных вследствие каких-либо обстоятельств (например, в качестве пленных) из других областей, некогда называвшихся *Wojtsko* или подобным образом. Имея в виду такие названия, как *Woebaim*, *Woemani* и т. д., засвидетельствованные в источниках для чешских славян за пределами Чешских гор, вполне естественно и область баварских славян отнести к старой области *Wojtsko* Подунавья, которое некогда было чешским. Полагаю, что названия *Wojtané* и *Wojtové* (или *Wojmici*) обозначали лишь тех из чешских славян, живших за Чешскими горами, которые не имели другого собственного названия, кроме производимого от территории. Это обстоятельство было, очевидно, связано с тем, что лишь за одним исключением (о нем см. ниже) они не дошли до более высокой политической организации (княжества).

⁶ *Meitzen A. Siedlung und Agrarwesen*, Bd II. Leipzig, 1895, S. 406. О деятельности Бонифация (ум. 754 г.). см.: *Schieffer Th. Winfrid-Bonifatius und die chrilische Grundlegung Europas*. Freiburg, 1954; *Sankt Bonifatius*. Fulda 1954, S. 686.

⁷ *Dahn F. Könige der Germanen*, Bd VIII, T. 3. Leipzig, 1899, S. 36.

⁸ *Vznik a ročátky Slovanů*, d. III. Praha, 1960, s. 302, pozn. 12.

⁹ Для баварской области, причем, видимо, для обоих берегов Дуная, о наличии славянского элемента свидетельствуют данные Раффельштеттинского устава 903—906 гг. В этом документе славяне из области франкской государственной власти в юридическом и экономическом отношении именуются баварцами (*mají status Bavorů*).

Успешное развитие франкских пограничных марок, в задачу которых входило расширение влияния западных феодалов на восток и юго-восток, получило особенно благоприятные условия в связи с ликвидацией в 791—796 гг. аваров, представлявших угрозу для франков во времена Карла Великого. Карл нанес удар также и баварцам во главе с Тассило, которого поддерживали авары.

Вслед за этим началось формирование франкской границы с аварами, чехами и моравами, которое завершилось к середине IX в.¹⁰ созданием Восточной марки (*Marchia orientalis*). Историческая и историко-правовая немецкая историография установила для IX в. севернее и восточнее Баварии времен Тассило следующие марки: Восточную, Чешскую, Аварскую и Паннонскую. Эти марки некогда носили общее наименование баварских.

Еще далее на север находился комплекс тюрингских марок¹¹. Свои названия эти пограничные территории получали или по области, которую они должны были защищать, или по территории и народу, против которых они были направлены¹². И если агрессия против моравов исходила главным образом со стороны Восточной марки, то против *Behaim'ов* (или *Voeman'ов*) и чешских княжеств в собственно Чехии выступала главным образом пограничная территория на север от Регенсбурга. На этой территории некоторые ученые усматривают Чешскую марку¹³.

В IX в. Франкское государство расширялось по направлению к Чехии и Моравии, вследствие того, что соответствующие пограничные земли (марки) все глубже проникали в области, которые хотя и были населены чешскими и моравскими славяна-

¹⁰ *Rieger B. Říské dějiny rakouské. Praha, 1899, s. 22—24.*

¹¹ *Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd III, T. 2. Leipzig, 1883, S. 370—371.* О юго-восточных марках Франкской империи см. также: *Lipp M. Das fränkische Gränzsystem. Breslau, 1892, S. 42.*

¹² *Dahn F. Könige..., Bd VIII, T. 3, S. 91.*

¹³ По мнению других ученых, просто «*pagus Nortgare*». Об этой пограничной марке, учрежденной против чехов очевидно уже в 788 г. и вероятнее всего, в результате событий 805—806 гг. см.: *Lipp M. Das fränkische...* Как выяснил Г. Вайц (*Waltz G. Deutsche..., Bd III, T. 2, S. 374*), маркграф, в ведении которого находилось пограничье с чехами, пребывал при Каролингах в Регенсбурге и Форхгейме. Последующие сведения о баварской «Северной области», или *Nordgau*, о ее протяженности от Дуная на север вплоть до отрогов Сморчин и на восток до Шумавы см. в кн.: *Gengler G. Die altbayerischen Reichsquellen. Erlangen—Leipzig, 1869, S. 38—39.*

ми, однако не входило в состав территории, образующей современную Чехословакию¹⁴.

Таким образом, уже сам факт существования франкских марок на землях, расположенных между пограничьем, совпадающим с современной границей Чехословакии и Франкской империей Каролингов, говорит о том, что территория собственно Чехии или Моравии (или часть ее) была объектом притязаний Франкского государства. Пограничные марки являлись областями с особым военным и административным режимом, располагали собственной организацией, своеобразии которой состояло в том, что в данном случае власть Франкского государства не кончалась. Пограничные марки представляли собой территориально наиболее удаленную и притом весьма нерегулярную сферу франкской государственной власти. За ними находились уже иноземные государства или иноземные «варварские» образования.

О своеобразии политического устройства марок можно судить уже по тому факту, что обычно здесь сохранялись туземные князья, подчиненные, правда, франкскому начальнику марки, но располагающие «определенной степенью политической самостоятельности»¹⁵. Во всяком случае, пограничная марка еще долгое время не являлась территорией, полностью включенной во Франкское государство, и тем более ассимилированной¹⁶.

Правители марок (*custodes limitis*) располагали широкими полномочиями, которые иногда использовались и для проведения самостоятельной внешней политики, не всегда согласованной с политикой правящих кругов Франкского государства¹⁷. В этом пограничье обе стороны использовали любой предлог для вмешательства во внутренние распри друг друга, независи-

¹⁴ *Doeberl M.* Die Markgrafschaft und die Markgrafen auf dem Bayerische Nordgau. Berlin, 1894. Ср.: *Hirsch H.* Zur Entwicklung der böhmisch-österreichisch-deutschen Grenzen.— In: Jahrbuch des Vereins für Geschichte der Deutschen im Böhmen, Bd I. Praha, 1926, s. 21.

¹⁵ *Lipp M.* Das fränkische..., S. 71.

¹⁶ *Dahn F.* Könige..., Bd VIII, T. 2, S. 12—14.

¹⁷ *Lipp M.* Das fränkische..., S. 76. Ср.: *Dahn F.* Könige..., Bd VIII, T. 2, S. 12, 13, 14. Ср. также: VIII, 3, 1899, S. 91. Примером может служить Арбо (*Aribo*), управлявший Восточной маркой в период несовершеннолетия наследников Вилема и Ангельшалка,— известных правителей в Моравии 870—871 гг. Граф Арбо, не желая отдать марку наследникам, решил опереться на Святополка и заключил с ним в 884 г. союзный договор: Арбо дал Святополку своего сына в качестве заложника (*Annales Fuldenses. Monumenta Germaniae historica. Seria Scriptorum in usum scholarum* (далее — MGSS in us. schol.). Hannover, 1891, p. 399.

мо от того, были ли эти распри династическими, должностными или какими-либо другими¹⁸.

Сказанное о пограничных марках на востоке Франкской державы в IX в. не дает основания говорить о франкской власти на территории позднейшего Чешского государства. Эта картина имеет значение и с точки зрения как общей, так и конкретной характеристики некоторых мест источников, относящихся к истории Моравии и Чехии в IX в.

Как мы уже видели, одна из особенностей пограничных марок состояла в том, что протяженность их изменялась. Обязанностью правителей марок являлось, разумеется, расширение марок за счет территорий соседних «варваров», что вело к почти непрерывным войнам, поэтому проблема «государственной границы», «политической границы», «имперской границы» представляется в данном случае весьма своеобразной.

Для того чтобы избежать недоразумений, необходимо постоянно иметь в виду, что области, в которых франкская власть соприкасалась с властью соседей, не являлись еще обычной государственной территорией, а представляли собой пограничную марку, для которой характерны были особое положение, особый внутренний режим, своеобразные внешние отношения. К этим областям не применимы обычные критерии — представление о строгой и постоянной линии границы. Марка являлась областью, не имевшей определенной границы по отношению к соседу, иными словами, она была переменной контактной зоной, протяженность и характер которой зависел от самых различных политических и юридических обстоятельств.

К этому следует добавить, что в отношении многих соседей на востоке Франкского государства в IX в. нельзя еще говорить о сложившихся государствах, и поэтому постановка вопроса о «государственных границах» представляется и с этой точки зрения неправомерной, поскольку такая постановка — результат двойного смещения (двойного анахронизма) в наших представлениях.

Правильная оценка существа и функции франкских марок служит ориентиром при выяснении вопроса о франкской границе с чехами. Как явствует из источников начала IX в., рубеж этот проходил далеко на западе от Чехии. Речь идет, очевидно, о линии укреплений, от Линца через Регенсбург, Нюрнберг и Бамберг по направлению к Эрфурту. От нее впоследствии

¹⁸ Об этом свидетельствуют «Фульдские анналы, 898—899 гг.» (MGSS in us. schol., p. 413—414).

пошло ответвление на северо-восток в виде *Limes Sorabicus*¹⁹. В начале IX в. надзор за этой зоной осуществлял граф Аудульф. Его главными опорными пунктами являлись Форхгейм, Пфреймт (Бреемберг) и Регенсбург²⁰. Согласно сообщениям, относящимся к концу 805 г., пункты эти были наиболее выгодными военными, мытными и контрольными постами, которые следили за тем, чтобы к славянам, жившим на восточной границе, из Франкского государства (не только в Чехию) не доставлялось оружие²¹.

Область, расположенная далее на восток, являлась «*partes Beheim*». Название это происходило от основного ядра всей обширной славянской области — от собственно Чехии, на западной территории которой в начале IX в. происходила упорнейшая борьба между чехами и франкскими завоевателями. В эту область, где в то время проявлялась концентрация нежелательной для франков славянской власти, Карл Великий предпринял два неудачных похода. Целью этих походов было, несомненно, вторжение в собственно Чехию. О первом из походов (805 г.) мы располагаем сообщением из анналов, в котором заключено, по-видимому, и древнейшее употребление названия чехов²². Эта территория подверглась также и атакам со стороны славян. Они шли из глубокого тыла. Именно их, очевидно, и имеет в виду распоряжение Карла Великого относительно мер по защите государства около 807 г. Упоминание о защите «*partes Beheim*» следует понимать здесь в смысле защиты области, расположенной на запад от современной Чехии, а слова «*circa Sorabis patria defendenda*» означают область, расположенную на запад от сарбов²³.

Территория собственно Чехии (т. е. Чехии, известной в период средневековья) была в течение первых двух третей IX в. слишком удалена от Франкской державы, чтобы можно было говорить о ее вхождении в империю Каролингов. К последней тогда еще не относилась даже область, расположенная между Тюрингией, Баварией (в узком смысле) и Чехией. Об этом сви-

¹⁹ *Kadlec K. Początki kultury słowiańskiej.*— In: *Encyklopedia Polska*, t. IV-2. Kraków, 1912, s. 26.

²⁰ *Abel S., Simson B. Jahrbücher...*, Bd II, S. 325, 326, 550. Форхгейм (Forchheim), согласно представлениям авторов анналов второй половины IX в., находился не в Баварии. Об этом свидетельствуют «Фульдские анналы» за 874 и 879 гг. (MGSS in us. schol., p. 388, 392).

²¹ *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, T. I. Ed. G. Friedrich. Praha, 1907, p. 1, N 1 (далее — *Friedrich G. Codex...*).

²² *Chronicon Moisiacense*, MGH, Src. I, S. 307.

²³ *Friedrich G. Codex...*, p. 2, N 2.

детельствует известие 840 г. о бегстве Людовика, сына императора, на восток и о преследовании его императором²⁴.

Если бы упомянутая здесь «*Sclavogum tegga*» была Чехией, то мы имели бы прямое указание на то, что Чехия находилась вне Франкского государства. Правда, более правдоподобным является мнение, что эта «*Sclavogum tegga*», проход через которую Людовик должен был, как указывают другие источники²⁵, дорого оплатить, еще не представляла собой Чехии, а была областью, расположенной между Тюрингией и ее марками, — с одной стороны, и Чехией и Баварией — с другой. А это еще более подтверждает взгляд на Чехию как страну, которая полностью находилась вне Франкской державы.

На основании сказанного мы получаем и ключ для интерпретации сообщения о разделении Франкского государства в 817 г. В нем сказано, что народ под названием «*Beheimi*» был придан Людовику Немецкому²⁶. В связи со сказанным выше я полагаю, что в данном случае речь шла лишь о современной австрийской или баварской области, представлявшей южную часть «*Beheimi*» в широком смысле. Политические претензии на эту территорию Франкское государство действительно могло предъявлять уже в начале IX в.: оно могло рассматривать эту территорию (неизвестно, с каким ограничением в направлении на север) как часть своей державы.

На этом же основании можем поставить вопрос: не относятся ли и другие сведения о «*Воетан*»'ах середины IX в. к славянам, находившимся западнее и южнее Чехии, а не к славянам, населявшим собственно Чехию? Заметим, что уже В. Червинка, анализируя сообщение Фульдских анналов о крещении 14 чешских князей в 845 г. в Баварии, высказал определенные сомнения. Он заметил, что в данном случае речь могла идти и о беженцах, никогда уже не вернувшихся в Чехию²⁷. Историки, стремясь извлечь из указанного сообщения больше, чем говорит источник, добавляли к сообщению анналов собственные домыслы, которые искажали значение события в целом. Они проявили явную тенденциозность, стремясь усмотреть в этом сообщении доказательство раннего присоединения Чехии к христианскому Франкскому государству. На самом деле, как нам представляет-

²⁴ Rued. Fuld. Ann. MGH, Script. I, p. 362. В. Новотный искажил смысл этих сведений, используя аргументы, которые не выдерживали критики уже в его время (*Novotný V. České dějiny*, d. I. Praha, 1912, s. 283).

²⁵ *Annales Bertiniani* (MGSS in us. schol., I, p. 437).

²⁶ *Friedrich G. Codex...*, p. 3, N 3.

²⁷ *Cervínka W. Slované na Moravě*. Brno, 1925, s. 332.

ся, сам факт пребывания Людовика в Регенсбурге в момент крещения (13 января 845 г.) сомнителен²⁸. Заметим, что нигде не сообщается о том, чтобы именно Регенсбург являлся местом, в котором происходило крещение. На это обстоятельство уже указывалось неоднократно. Наконец, наиболее вероятным является то, что в данном случае речь шла о предводителях, живших за пределами Чешских гор, а не о князьях из собственно Чехии. Славяне, находившиеся в сфере влияния тогдашней Франкской державы, жившие в отдаленных восточных районах Франкского государства, в середине IX в., далеко не все еще приняли христианство, и одной из весьма важных политических задач правителей пограничных марок являлась именно задача распространения и закрепления здесь христианства.

Тем более вероятным становится и то, что во время событий 855 г., о которых лишь мельком говорит баварская грамота²⁹, вообще не могло быть речи о походе в собственно Чехию; это была лишь одна из акций, направленных на христианизацию славянского населения в пограничной зоне самой Франкской империи. И если в грамоте говорится, что ранней весной этого года Людовик Немецкий «*misit aciem Baiouvariorum in Poemarios, quorum ductor Ernst comes exstitit episcopis simul comitantibus*», то едва ли можно подразумевать под этим военный поход за границу. Всей ситуации более соответствует другое предположение: речь шла о кратковременной акции, в основном внутриполитической, которую предпринял по приказу короля и совместно с духовенством местный пограничный князь.

То же самое относится и к области, именуемой «*Воетан*», где за шесть лет до этого потерпели поражение франки, о чем единодушно свидетельствует ряд сообщений Франкских анналов³⁰. И в данном случае мы имеем дело, как я полагаю, скорее

²⁸ См. факты в кн.: *Dümmler E. Geschichte des ostfränkische Reiches*, Bd I. Leipzig, 1887, S. 285.

²⁹ *Friedrich G. Codex...*, p. 5, N 7.

Подробности сообщает Дюмлер (*Dümmler E. Geschichte...*, S. 388).— Там же, с. 311, см. о трудностях, с которыми встречалась церковь при распространении христианства в областях на восток от р. Рейн.

³⁰ *Annales Fuldenses* (MGSS in us. schol., p. 366); ср.: *Annales Bertiniani*.— *Ibidem*, S. 144. Ср.: *Annales Xant. Ibidem*, II, p. 229.

Сообщение под 856 г., согласно которому Людовик «*per Voemanos transiens nonnullos ex eorum ducibus in deditionem accepit*» (*Monumenta Germaniae historica. Seria Scriptorum* (MGSS). Ed. G. H. Pertz. Hannover, 1826, p. 370), следует, очевидно, отнести к территории северной Баварии, которая не была еще полностью подчинена. Область на юго-восток от современной Чехии или по крайней мере часть современной южной Чехии и являлась, очевидно, «*Воетан*», против которых был направлен франк-

всего, с событиями, происходившими в областях, расположенных вне самой Чехии, с событиями, которые имели место у славян, населенных на запад от Чехии, на территории, где франкская власть только еще начинала утверждаться.

Было бы, конечно, бессмысленно относить все упоминания о «Воеп"ах» рассматриваемого периода исключительно к чешским славянам, за пределами Чешских гор. Однако следует иметь в виду, что при описываемых обстоятельствах не всегда речь идет исключительно лишь о славянах, пребывавших в самой современной Чехии. Результаты археологических исследований последнего времени³¹ дают основание еще больше сомневаться в том, чтобы под названием «Воепан» имелось в виду лишь население Чехии в узком смысле, т. е. Чехии позднейшего Средневековья.

Так же следует поступить и при интерпретации сведений о моравях того времени. Моравы в IX в. жили не только на территории собственно современной Моравии, они пребывали также и на территории франко-моравской пограничной зоны, в области современной Австрии. Именно к этому району следует отнести события, именуемые Цибулкой «аферой Албгиса». Он допускает ошибку, которую впрочем, совершают и другие, когда утверждают, что Албгис бежал якобы «в Моравию». Источник, однако, ясно говорит, что Албгис похитил чужую жену и бежал «ad extremos fines regni», а совсем не в Моравию³². Слова «ad extremos fines regni» имеют тот же смысл, что и слова, которые мы находим у Регинона (891 г.): «Arnolfus rex in Baiuvariorum extremitatibus morabatur insipientiam Sclavorum reprimens»³³. В обоих случаях речь идет о пограничных зонах, в которых, как мы уже сказали, в большом количестве жили славяне — отчасти чехи, отчасти мораване. Эти зоны во многих отношениях составляли трудную проблему для франкских феодалов.

Цибулка совершенно правильно переведит приведенные слова, как «в наиболее крайние районы (Восточнофранкского) королевства или Франкской империи». При этом он справедливо добавляет: «Следовательно, он не бежал за границу». Однако отсюда делается совсем неправильный вывод, что еще 3 ок-

ский поход 857 г. (MGH. Scr. I, p. 370). Упоминание в Фульдских анналах 900 г., «reg Voeuanniam» (MGH, Scr. I, p. 415) относится к старой области на юг от современной Чехии или, по крайней мере, к современной южной Чехии.

³¹ Vznik a počátky Slovanů, d. III. Praha, 1960, s. 302.

³² Cibulka J. Velkomoravský kostel v Modrě. Brno, 1958, s. 279—285. Текст см.: Friedrich G. Codex..., p. 4, Nr 5.

³³ MGSS, t. I, p. 101.

тября 852 г. Майнцский церковный синод рассматривал Моравию Моймира как «часть империи». Цибульку, как и других авторов, ввели в заблуждение слова «*gentis Maraensium*». Они не обратили внимания, что эта «gens» могла жить в пограничной области, которой владели франки, и что в данном случае совсем не обязательно речь должна была идти о соседнем Моравском государстве Ростислава.

В историографии большие споры и различные домыслы вызвало сообщение анналов, в котором говорится о «*rudis adhuc christianitas gentis Maraensium*» и о районе, который определяется словами «*ad extremos fines regni*». Эта единственно правильная и исторически возможная трактовка заставляет нас отказаться от приурочивания слов «*rudis adhuc christianitas*» к Моравскому государству Ростислава. О нем здесь нет упоминаний. И все то, что известно нам из других источников о государстве Моймира, заставляет нас быть максимально осторожными. Едва ли собственно Моравия являлась христианской в большей мере, чем пограничная марка. Христианство начало пускаться в Моравию лишь первые корни и притом сопровождалось явными политическими затруднениями.

Ни собственно Чехия, т. е. главная составная часть некогда существовавшей территории *Voiohem* в широком смысле, ни собственно Моравия не входили в состав империи Каролингов IX в. Ни та ни другая не входили также и в Восточнофранкское королевство. Вместе с тем было много предпосылок к тому, чтобы Чехия и Моравия находились в теснейших сношениях с наиболее восточными областями франков, а это обстоятельство уже в IX в. было чревато далеко идущими последствиями.

Одним из важнейших звеньев, связывавших Франкское государство с территорией, населенной чехами и моравами, являлось славянское население, жившее в восточной пограничной полосе Франкского государства и в IX в. еще преобладавшее в чешско-моравско-франкском пограничье. Ввиду отсутствия прямых сведений о внутренних отношениях в этот период в самой Чехии и Моравии представляется возможным использовать в определенной степени те данные, которые существуют об упомянутых пограничных областях. Полагаем, что эти сведения можно использовать для характеристики положения Южной Чехии и Южной Моравии.

В IX в. баварскую Восточную марку и Моравию разделяли лишь водные рубежи. Неприязнь между ними, особенно во второй половине IX в., была выражена особенно явно. Вместе с тем, однако, объективные условия создавали здесь предпосылку

для оживленных экономических и культурных контактов. Все это требовало установления особого режима в правовых отношениях.

Для последней четверти IX в. характерна грамота IX в., 888 г., франкского короля Арнульфа, ряд сведений которой, как я полагаю, можно отнести непосредственно к соседней Моравии Святополка³⁴. Так, например, в этой грамоте сообщается о двух видах зависимого населения: а) о зависимых людях раннефеодального периода, которые лишь по названию были свободными; б) об отроках, или несвободных людях. Это сообщение важно для характеристики юридических отношений собственно Моравии именно потому, что в нем речь идет об областях, население которых в значительной мере оставалось славянским.

Характерно, что в грамоте имеется упоминание о сооружении укрепленного пограничного пункта (*urbs*), причем с явно оборонными целями.

Наконец, в той же грамоте содержится и указание на правовое положение: соседнее Моравское государство (*Moravogum regnum*)³⁵ рассматривается в качестве самостоятельной юридической области. Дело в том, что иски, которые потерпевшее лицо из Моравии хотело предъявить и решения по которым не может добиться господин истца, источник выделяет в разряд дел, находящихся в компетенции самого маркграфа (*comes terminalis*)³⁶.

Это постановление свидетельствует об интенсивных контактах между населением марки и собственно Моравии. Вместе с тем из этого сообщения явствует, что отношения в моравско-франкском пограничье отличались непрочностью: господин истца не всегда мог добиться решения дела. Местные феодалы, очевидно, неохотно решали вопросы и по небольшим делам, если речь шла об истцах из соседнего Моравского государства, поскольку в тех случаях, когда моравская сторона не была согласна с вынесенным решением, вставала угроза самосуда со стороны моравян.

Следует заметить, что известие, которое содержится в письме-жалобе баварских епископов от 900 г.³⁷, где говорится о

³⁴ *Friedrich G. Codex...*, N 28, где и приведена выдержка из текста.

³⁵ Термин «*regnum*» имел разные значения. Для этого периода он, очевидно, не всегда был адекватен королевству, но означал и владения франкских графов. Часто в это понятие входила территория, на которую распространялась власть суверенного государя. В последнем случае под этим термином следует понимать соседнее государство.

³⁶ *Dahn E. Könige...*, Bd IX, T. 2. Leipzig, 1905, S. 66.

³⁷ *Friedrich G. Codex...*, p. 30, N 30.

юрисдикции, которой якобы пользовались некогда франкские маркграфы на территории Моравии, можно рассматривать лишь как недоразумение или как намеренное искажение текста.

Правильное понимание отношений, сложившихся в пограничных марках, дает нам возможность сделать первый набросок хотя бы приблизительной картины юридического положения именно тех групп чехов и моравян, которые в течение IX в. оказались в рамках Франкского государства, однако не на собственно имперской территории, а в одной из пограничных зон. Следует постоянно иметь в виду различие, которое существовало между положением славянских феодалов, которые здесь жили, и положением массы славянского населения. К феодалам относились главы различных мелких и более значительных групп славянского населения, оказавшиеся вместе со своими людьми во власти франкского государя или кого-либо из баварских феодалов.

В некоторых из указанных районов жившие там славяне, очевидно, не достигли (до включения их в сферу действия франкской государственной власти) уровня более высокого, чем стадия градских общин (*hradovych obci*). Как только эти славяне оказывались в сфере влияния пограничных марок, они лишались условий самостоятельного развития, направленного к формированию собственного раннефеодального общества. Созданная до этого собственная общественная организация во главе с князьями сохранялась при наличии благоприятных условий. Там же, где до этого дело не дошло, а также там, где франкская власть не могла мириться с такой организацией (например, в тех случаях, когда князья оказывали сопротивление), славяне оставались на уровне градской. Франкская власть включала их в свое государственное устройство нередко в виде *decanie*.

Подтверждение этому мы находим на примере баварской области под 777 г. в связи с основанием монастыря Кремсмюнстера на левом берегу р. Энж. Здесь говорится о славянском жупане «*jordap*» (*zupan*). Это очень ценное свидетельство остатков славянской общественной организации.

В начале IX в. в южных областях старого *Voioheta* уровня высшей догосударственной организации (княжеств) достигли, очевидно, прежде всего славяне, занимавшие территорию между Дунаем, современной чехословацкой границей и р. Хубой (позднейшая Австрия). Произошло это в связи с развитием процесса государственности, который протекал в Южной Чехии. В других местах на рубеже VIII—IX вв. существовала, видимо,

общественная организация на более низком уровне, не обеспечивавшая успешного отпора франкам и баварцам.

Сведения, которые собрал Кентжинский, свидетельствуют о том, что славянское население, жившее на востоке Франкского государства, первоначально было компактным. Это население, с середины VIII в. постоянно редевшее, оказывалось уже в определенных правовых отношениях к земле и к феодалу независимо от того, был ли последний славянским господином, франкским феодалом или представителем церковного института. Еще долгое время после того, как эти области стали рассматриваться частью Франкского государства и в них стало преобладать неславянское население, в хозяйственных записях сведения о феодальных подданных заносятся вместе с указанием на их этническую принадлежность, а славянские подданные особо выделяются как «Sclavi» по сравнению с саксами и франками. Здесь, вероятно, речь шла не столько об указании народности, языка и пр., сколько о фиксации юридического положения. Достаточно было употребить термин «славянин», чтобы было указано на определенное отношение к земле и к господину. Представляется несомненным, что в VIII—IX вв. в областях, расположенных на запад от Чехии, среди сельских непосредственных производителей, господствовали славянские обычаи. Новейшие исследователи пишут о том, что славяне — сюда относятся, очевидно, и чехи за линией Чешских гор — оставили среди баварцев определенные реликты своих старых порядков и обычаев.

Славяноведению и медиевистике нашего времени предстоит дать детальную картину жизни и культуры тех славян, которые жили западнее Чехии и Моравии. Задача эта нелегкая, но она тем более важна, что разрешение ее может разъяснить многие остающиеся еще неясными факты из истории чехов и словаков в IX в.

Полное освещение проблемы образования Чешского государства Пшемислидов и судьбы так называемой Великой Моравии невозможно без решения указанного комплекса вопросов.

Перевел с чешского Санчук Г. Э.

ПОЛАБСКИЕ СЛАВЯНЕ И ГЕРМАНИЯ

В 20—30-е годы X в.

Значительное укрепление международного положения полабских славян в конце IX — начале X в. в условиях кризиса Восточнофранкского государства¹, выступление на арене международных отношений Центральной Европы венгров и их успехи в борьбе с молодым Немецким государством², возникновение раннефеодального Чешского государства и коалиции его с полабскими славянами и венграми в борьбе с германскими феодалами³ осложнили положение Германии. Только перемирие с венграми, купленное ценой установления податного отношения⁴, дало Генриху I несколько лет передышки, спасло Германию от решительного поражения и позволило использовать несколько лет для выработки нового плана действия.

Генрих I использовал перемирие с венграми для укрепления своего положения внутри вновь образовавшейся державы, для усиления ее военной мощи. Это было достигнуто в первую очередь путем строительства системы крепостей — градов⁵, путем укрепления и защиты церквей и монастырей и размещения значительных контингентов войска в крепостях-градах на границе с полабскими славянами⁶. Важное значение для практического

¹ *Bartmuß H.* Die Geburt des ersten deutschen Staates. Berlin, 1966, S. 178; ср.: *Deutsche Geschichte in drei Bänden*, Bd I. Berlin, 1967, S. 156.

² *Holtzmann R.* Geschichte der sächsischen Kaiserzeit. 3. Aufl. Berlin, 1955, S. 84.

³ *Санчук Г. Э.* Германско-чешские отношения I-й половины X века.— *Сов. славяновед.*, 1976, № 2, с. 47.

⁴ *Widukind.* Res gestae Saxoniarum Liber, I, cap. 32 — *Корвейский Видукинд.* — Деяния саксов. М., 1976, с. 80.

⁵ *Erdmann C.* Die Burgenordnung Heinrichs I.—«*Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters*», 1943, N 6; *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974, с. 243.

⁶ *Widukind.* Res gestae..., I, 35.

осуществления этой программы внутри страны имели съезды саксонских феодалов, собранные Генрихом I в г. Вормсе и г. Ингельгейме: на этих съездах были разработаны меры по укреплению саксонских сил как главной ударной силы всего государства⁷.

Укреплению внутренней гегемонии Саксонии в раннефеодальном немецком государстве, усилению его военного могущества содействовало включение в него Лотарингии (925 г.)⁸. Еще при отце Генриха I был установлен особый «надзор» за границей с полабскими славянами, а саксонский герцог Оттон Светлый получил прозвище «стража тюрингской границы». Генрих I усилил этот «надзор» и постоянное наблюдение за восточной границей⁹. Он организовал особые гарнизоны, которые нередко формировались из авантюристов и уголовных элементов. Об этом дает основание судить состав гарнизонов главной пограничной крепости Мерзебурга¹⁰, которой был поручен надзор за границей с полабскими славянами.

Укрепление крепостей, укомплектование их специально подобранным гарнизоном, обеспечение их вооружением и довольствием резко усилили оборонную и, главное — наступательную возможность государства¹¹. За этой важной мерой последовало впервые формирование отрядов панцирной конницы, предназначенных для наступательных действий. Перемирие с венграми (924 г.)¹², осуществление мер по усилению военной мощи государства на основе общего роста экономики дали возможность выработать и начать осуществление нового стратегического плана в восточной политике за счет пограничных восточных (славянских) областей обеспечить практическое осуществление широкой программы Саксонской династии, ее борьбу за гегемонию над соседними полабскими племенами и Чехией.

О начальном этапе осуществления этого плана позволяют судить события, начавшиеся в 929 г. Пользуясь перемирием с венграми и мобилизовав необходимые силы, Генрих I выступил

⁷ *Lintzel M.* Die Beschlüsse der deutschen Hoftage 911—956. Berlin, 1924, S. 1, ff.

⁸ *Holtzmann R.* Geschichte..., S. 97, ff.

⁹ *Widukind.* Res gestae..., I, 36, p. 83.

¹⁰ Там же, II, 3, с. 89.

¹¹ *Bütner H.* Zur Bergenbauordnung Heinrich. I.—«Blätter für den deutsche Landesgeschichte», 1956, N 92, S. 1, ff. Ср.: *Gebhardt B.* Handbuch der deutschen Geschichte. Stuttgart, 1954. См. там новейшую библиографию вопроса.

¹² Историки различно датируют перемирие с венграми: одни относят его к 924 г., другие — к 926. См.: *Labuda G.* Fragmenty dziejów słowianszczyzny zachodniej, I. Poznań, 1960, s. 250.

против постоянных потенциальных союзников венгров — полабских славян и Чехии. Особенно опасной была активизация полабских славян, с которыми Генрих I не смог совладать еще до перемирия с венграми¹³, опасен был союз одного из сорбских племен — доленчан с венграми¹⁴. Генрих I нанес первый и решающий удар по двум племенам сорбского союза: по племенам стодорян с их главным градом Бранибором и по племени доленчан с их градом Ганой. «И после того, как [Генрих] приучил своих жителей к такому положению и порядку, он обрушился на тех славян, которые называются говолянами и, измучив их многими сражениями, наконец, среди лютой зимы разбил на льду лагерь, овладел [затем] градом по названию Бранибор, добившись этого с помощью голода, оружия и холода»¹⁵. О походе на стодорян (говолян) и взятии Бранибора других сведений нет, но описанный Видукиндо́м факт не вызывает сомнения и подтверждается тем же хронистом еще раз, когда он затем говорит о пленении князя стодорян Тугомира, сыгравшего впоследствии предательскую роль в истории полабских славян¹⁶.

Действия Генриха I против стодорян были продиктованы, судя по сложившейся обстановке на восточной границе, двумя обстоятельствами. Стодоряне были союзниками Чехии¹⁷. Чешское княжество граничило с полабскими племенами (стодорянами и милчанами), и союз последних с чехами становился опасным для Генриха I. В случае подчинения стодорян последний имел в виду не только расстроить опасную вражескую коалицию, но и создать себе прочный источник дохода в виде постоянной дати, взимавшейся с подчиненных полабских племен. Об этом позволяет говорить позднейшая привилегия Мейсенскому епископству, согласно которой окружающие племена (в том числе и стодоряне) вносили епископу подать натурой (мед, мех, хлеб, серебро) и поставляли невольников¹⁸.

Подчинив стодорян, Генрих I сразу выступил против гломачей (доленчан). «Овладев, вслед за этим градом, всей областью [стодорян] он [Генрих] отправился против земли гломачей, войну с которыми завещал ему когда-то его отец: осадив град по

¹³ Поход 921 г. против полабов закончился поражением. Об этом сообщает Continuator Reginonis, anno 921.— In: Reginonis chronicon cum continuatione Treverensi. F. Kurze (Ed.), 1890.

¹⁴ Wid. I, 35. См. Видукинд с. 82.

¹⁵ Widukind. Res gestae..., I, 35, p. 83.

¹⁶ Там же, II, 21, с. 96.

¹⁷ Санчук Г. Э. Германо-чешские отношения..., с. 50.

¹⁸ На это обратил внимание Г. Лабуда. См.: Labuda G. Fragmenty..., S. 220 nast. Там же указание на источники.

названию Гана, он взял его, наконец, на 20 день. Добыча, захваченная в городе, была роздана войнам, все взрослые были убиты, дети и женщины отданы в рабство»¹⁹. Видукинд не дает датировки похода на Бранибор, указывая лишь, что поход на гломачей последовал непосредственно за походом на стодорян. Если учесть, что за подчинением Ганы последовал поход Генриха I на Чехию, дата которого (929) известна²⁰, то поход на Бранибор и Гану следует отнести к 928—929 гг.²¹

О походе Генриха I на Прагу в 929 г. хронист Видукинд говорит очень кратко, при этом соответствующее место «Деяний саксов» сбивчиво и синтаксически неясно, что, возможно, является результатом разных редакций первоначального текста. Лапидарность и неясность некоторых фраз послужили основанием для различного толкования сообщения о пражском походе Генриха I²². Наиболее логичным и соответствующим всему контексту Хроники представляется следующее толкование: после похода на гломачей (доленчан) (928—929) Генрих I пошел на Прагу, и там ему подчинился чешский князь Вацлав²³. Вслед за этим Генрих I наложил на чехов подать и после этого вернулся в Саксонию²⁴. Вацлав, о котором ходили различные чудодейственные толки²⁵ и у которого был брат Болеслав²⁶, сохранял верность Генриху I до конца своей жизни²⁷.

Заключительным актом восточного похода Генриха I была его победа над полабскими славянами у града Ленцен²⁸. Эту битву Видукинд описал подробно, рассказав о действиях военачальников саксов Бернарде и Титмаре²⁹. Согласно хронисту, в битве у града Ленцен приняли участие «все варварские народы», а сама битва была следствием наступления Генриха I на ротарей, которые «коварно захватили град Валислав»³⁰.

Битва у Ленцена кончилась полным поражением этой группы полабских славян. Хронист сообщает, что по слухам того времени, в битве погибло громадное количество «варваров» —

¹⁹ *Widukind. Res gestae...*, I, 35, p. 82.

²⁰ *Continuator Reginonis, anno 929.*

²¹ *Labuda G. Fragmenty...*, S. 253.

²² *Санчук Г. Э. Германо-чешские отношения...*, с. 52.

²³ *Widukind. Res. gestae...*, I, 35, p. 82.

²⁴ *Labuda G. Fragmenty...*, s. 255.

²⁵ *Widukind. Res. gestae...*, I, 35, p. 82.

²⁶ Там же, I, 35, с. 82.

²⁷ Там же.

²⁸ *Annales Quaedlingburgensis, anno 929.*— In: *Monumenta Germaniae historica. Seria Scriptores* (далее — M G H SS), t. III. Hannover, 1819.

²⁹ *Widukind. Res. gestae...*, I, 36, p. 83.

³⁰ Там же. Валислав некоторые переводят как Валеслебен.

до 200 000³¹. Число погибших славян, в сообщении Видукинда, проверить трудно, оно могло быть преувеличено воинственным идеологом восточной экспансии³², однако оно безусловно свидетельствует о том значении, которое придавали этому событию в то время. Другие источники, содержащие сведения о битве у Ленцена, дают возможность уточнить лишь дату этой битвы. Она произошла в 929 г.³³

Можно сделать коррективу и к той мотивировке, которую дает Видукинд выступлению Генриха I против ротарей (их коварный захват града Валислава). Очевидно, нападение ротарей на этот град произошло не после пражского похода Генриха I, а в ходе общей акции последнего против ротарей, доленчан и чехов. Видукинд дело представляет так, что ротари захватили град Валислав после того, как «все славяне были покорены», а репрессии Генриха I хронист объясняет тем, что ротари были коварными и неверными³⁴. Мотивировка Видукинда вызывает сомнение, так как о полном подчинении полабских славян в это время говорить нельзя, их подчинение относится к позднему времени.

Последствия войны 928—929 гг. и особенно битвы у Ленцена (929) для западных славян были тяжелыми: последовало подчинение ряда племен сорбского союза (стодорян, гломачей), племени ротарей и лютицкого союза и, наконец, наложение подати на Чехию. Следствием победы над сорбскими племенами было основание крепости (града) Мейсен (Мишна), которая стала одним из главных плацдармов дальнейшего наступления немецких феодалов на полабских славян³⁵.

Успешное завершение войны 928—929 гг. позволило расширить «имперскую программу» в восточной политике Саксонской династии в 30-е годы: последовало подчинение племени мильчан³⁶, походы против Лужиц³⁷ и ободритов³⁸; среди которых был даже крещен один ободритский князь.

³¹ *Widukind. Res gestae...* I, 36, p. 84.

³² Санчук Г. Э. Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального Немецкого государства.— В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.

³³ *Annales Quaedlingburgensis, anno 929.*— MGHSS, t. III.

³⁴ *Widukind. Res gestae...* I, 36, p. 83.

³⁵ Kronika Thietmara. Z tekstu jacińskiego przetłumaczył, wstępem poprzedził i komentarzem opatrzył M. Z. Jedlicki. Poznań, 1953.

³⁶ *Annales Hildesheimenses, anno 932.*— Monumenta Germaniae. Seria historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum (далее — MGSS in us. schol.). t. 8, Leipzig, 1878.

³⁷ *Annales Corbeienses, anno 934.*— MGHSS, t. IV.

³⁸ *Annales Augienses, anno 931.* См. MGHSS t. I. Hannover, 1826.

Завоевание территории многих полабославянских племен, наложение подати на Чехию сопровождалось усиленным процессом феодализации в самой Германии. Феодальный способ эксплуатации насаждался в подчиненных областях. Укрепление старых и строительство новых градов имело не только военное значение. В мирный период эти грады играли роль центров феодального управления и были средством укрепления феодального способа производства, в этих градах размещался значительный контингент «сельских воинов» («*agrarii milites*»), о чем сообщает хронист³⁹. «*Agrarii milites*» пополняли отборные военные отряды, а в мирное время обрабатывали в окрестностях крепости землю и создавали значительные запасы продовольствия на случай осады. Они несли военную службу в крепостях и обучались постоянно военному искусству⁴⁰. Из этих «*agrarii milites*» стала формироваться затем та панцирная конница, которая сыграла решающую роль не только в войне со славянами, но и в последующих битвах с венгерской конницей.

Крепости как феодальные центры стали важнейшим средством закрепощения подчиненного населения, средством укрепления и расширения феодального способа производства в завоеванных славянских областях⁴¹.

В ходе захвата славянских земель происходило увеличение феодального землевладения господствующей династии и немецких феодалов, феодализация славянских крестьян была ускорена. Часть завоеванной земли король раздавал своим «*agrarii milites*», грады стали опорными пунктами феодальной эксплуатации и источником дохода королевской казны.

Укрепление феодального порядка не только в самой Германии, но и в завоеванных славянских областях, создание значительного военного потенциала по мере роста «державы» («империи») обусловили новое соотношение сил между Германией и ее главным внешним врагом — венграми. В 933 г. Генрих I смог позволить себе отказать венграм в уплате подати. Когда в ответ на это венгры вторглись в Саксонию и Тюрингию, то они были обращены в бегство панцирной конницей Генриха I. В битве у Риаде (близ Унструма) в 933 г. венгры были разбиты⁴².

Сама битва по своему масштабу была незначительной, но она имела большое политическое значение. Это была первая победа над самым опасным внешним врагом, она укрепила авто-

³⁹ *Widukind. Res gestae...*, I, 35, p. 82.

⁴⁰ *Schäfer D. S. Die agrarii milites des Widukindi.* Berlin, 1905.

⁴¹ *Deutsche Geschichte...*, Bd I. S. 199—202.

⁴² *Widukind. Res gestae...*, I, 38, p. 84.

ритет короля из Саксонской династии и содействовала распространению его влияния на соседние народы и тем самым создавала реальную основу для закрепления «имперской» концепции, согласно которой саксонский государь выступал в качестве повелителя («императора») над другими народами⁴³. Именно это событие дало основание хронисту назвать Генриха I «императором», хотя тот не был коронован в таком звании. Вслед за победой над Венгрией последовала победа над датчанами. Под предлогом возмездия за морские походы датчан против фризлов Генрих I в 934 г. вторгся в страну датчан и подчинил их⁴⁴.

Король датчан вынужден был уплатить подать и принять христианство⁴⁵. На датской территории была восстановлена Датская марка, а гамбургский архиепископ получил право вести миссию у датчан и шведов⁴⁶. Продвижение саксонских феодалов в землях полабских славян, успехи их политики по отношению к Чехии, отражение венгерской опасности и расширение территории собственного государства за счет датских областей — все это служило основой формирования «державы», состоящей уже из различных этнических элементов, а также гегемонии Саксонии в средней Европе. Решающим в установлении этой гегемонии оказался финал длительного соперничества Саксонии с Баварией в области внешней политики.

Баварский герцог, стремясь создать себе опору в борьбе с Саксонией, пытался проводить самостоятельную итальянскую политику. Во время решающих для Саксонии событий на восточной границе баварский герцог Арнульф в 934 г. предпринял итальянский поход, используя свои дружественные отношения с Лангобардией и стремясь закрепить на юге свои позиции в противовес успехам Саксонии на востоке⁴⁷. Хотя итальянский поход баварского герцога закончился неудачно, он, однако, сделал для Саксонской династии очевидной реальную угрозу враждебной баварско-лангобардской коалиции и антисаксонского союза. Успехи в восточной политике позволили Генриху I в противовес баварскому герцогу выдвинуть свои претензии на Италию. Как мы видели, это нашло выражение в приобретении так называемого «Святого копья» у верхнебургундского герцога, о чем свидетельствует Лиутпранд Кременский⁴⁸. Сколь далеко

⁴³ *Widukind. Res gestae...*, I, 38, p. 78.

⁴⁴ *Annales Corbeienses, anno 934.*— MGSS, т. IV.

⁴⁵ *Widukind. Res gestae...*, I, 40, p. 86.

⁴⁶ *Adami Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae.* Ed. B. Schmeidler. Hannover — Leipzig, 1917.

⁴⁷ *Annales Corbeienses, anno 934.*— HGHEE, t. III.

⁴⁸ *Liutprandi antipodosis II, 39.*— MGSS in us. schol. Hannover, 1915, p. 48.

шли итальянские планы Генриха I, позволяет судить сообщение Видукинда о том, что Генрих I приступил к подготовке похода на Рим и лишь болезнь и кончина короля помешали осуществить этот замысел⁴⁹.

Восточные походы Генриха I в 928—934 гг. привели к подчинению полабских племен, к зависимости Чехии. Главной формой зависимости на этой стадии была подать. Подать платили: гломачи (доленчане), мильчане, лужичане, стодоряне, укеры, ротары, ободриты⁵⁰.

Из сообщений Видукинда можем судить о форме управления непосредственно подчиненных областей в этот начальный период: завоеванные области отдавались под надзор пограничных графов (*comes*). Первыми графами были Бернард и Титмар⁵¹. Среди подчиненных племен и народов начинает создаваться территориальная организация, основанная на системе градских областей.

При Генрихе I начинает возникать и другая форма зависимости — религиозная, при этом христианизация выполняет здесь непосредственно политическую функцию: принятие христианской религии влечет за собой безусловное политическое подчинение немецкому королю. Впервые такая форма зависимости была использована по отношению к одному из ободритских князей и датчанам. Уже вскоре после смерти Генриха I — в 937 г. — на территории Лужиц и стодорян, в Магдебурге, монастырь св. Маврикия начинает приобретать значение миссийного центра.

Восточная политика саксонских феодалов в период усиления гегемонии Саксонии (919—936) ознаменовалась крупными событиями, имевшими большие последствия для германо-славянских отношений. Генриху I удалось расстроить полабо-чешский союз, а затем чешско-венгерский и полабо-венгерский. Зависимость Чехии от Германии ослабила сопротивление полабских славян. Разобщенность полабских славян, явившаяся результатом неравномерного экономического и политического развития, содействовала успешному осуществлению политики Генриха I на востоке. Пользуясь разобщенностью полабских славян и отрывом их от главного их союзника — Чехии, Генрих I по очереди подчинил значительное количество полабских племен.

Успехи военной политики усилили Саксонию и создали материальные и политические предпосылки для формирования ее

⁴⁹ *Widukind. Res gestae...*, I, 40, p. 86.

⁵⁰ *Labuda G. Fragmenty...*, s. 262.

⁵¹ *Widukind. Res gestae...*, I, 36, p. 83.

обширной имперской программы, обращенной на юг, на Италию, на завоевание Рима.

В ходе наступления немецких феодалов на западных славян в 20—30-е годы X в. начали формироваться разные формы подчинения и зависимости. В последние годы правления Генриха I создается система постоянного надзора за зависимыми и подчиненными землями. Так, после успешного похода Генриха I в Чехию в 929 г., завершившегося признанием со стороны чешского князя своей зависимости от немецкого короля, последний поручил постоянный надзор за Чехией баварскому герцогу. Этот надзор за Чехией не смог, однако, развиваться в административную систему, так как Чешское княжество сумело противостоять натиску Саксонской династии и в последовавшей вскоре германо-чешской войне сумело на длительный срок освободиться от зависимости⁵².

Иначе произошло с племенами полабских славян. При Генрихе I для надзора за ними были созданы «легаты». Впервые о такой должности для земли племени ротарей сообщает Видукин: во время похода на Чехию в 929 г. Генрих I поручил войну с племенным союзом велетов графу Бернарду и ему же как легату дана была в подчинение область одного из племен этого союза — ротарей. В помощь этому графу был дан еще граф Титмар⁵³. Назначение легата для области ротарей, судя по контексту Хроники Видукина, последовало после победы у Ленцена. Область, подчиненная легату Титмару, как полагают некоторые историки, находилась в северной Тюрингии⁵⁴.

Властью легата располагал также граф Зигфрид, сидевший в Мерзебурге и обязанный вести надзор за землей сорбов и гломачей⁵⁵. Должность легата была аналогична, очевидно, каролингской имперской должности *missus*, о которой историки хорошо осведомлены. Саксонский легат осуществлял надзор и опеку за подчиненной областью с целью своевременного противодействия неповиновению и вражескому вторжению. Система легации стала переходной формой управления землями подчиненных полабских славян⁵⁶. За ней последовало образование марок, о которых говорят источники, относящиеся уже ко времени Оттона I (936—972). Эта новая форма надзора и управления подчиненной (завоеванной) землей известна с первых лет прав-

⁵² Санчук Г. Э. Германо-чешские отношения..., с. 53.

⁵³ *Widukind. Res gestae...*, I, 36, p. 83.

⁵⁴ Санчук Г. Э. Германо-чешские отношения..., с. 53.

⁵⁵ *Widukind. Res gestae...*, II, 3, p. 89.

⁵⁶ См. Видукинд, с. 83.

ления Оттона I. Уже в первый год своего правления — в 936 г. — Оттон I поручил графу Герману Биллунгу, представителю знатного саксонского рода, наступление на велетский союз⁵⁷. Герман Биллунг стал одним из главных проводников восточной политики Оттона I⁵⁸.

В следующем году (937) после смерти Мерзебургского графа Зигфрида Оттон I назначил правителем марки (маркграфом), расположенной на средней Лабе и р. Сале, «нового человека» — Геро⁵⁹, который до этого был одним из мелких графов южнее Магдебурга. Наряду с Германом Биллунгом Геро стал играть большую роль в политике по отношению к славянам⁶⁰. Характерной чертой марок, создаваемых при Оттоне I, было то, что марка, включавшая подчиненную территорию, имела главную опору на территории пограничного, расположенного в Германии графства, а власть графа, стоящего во главе марки (маркграфа), простиралась за пределы такого пограничного саксонского графства и охватывала территорию подчиненной славянской земли.

В этом состояло отличие саксонских марок от марок Каролингского периода, когда марка, как правило, возникала на территории, принадлежавшей Франкской империи. При Оттоне I и его преемниках марки стали возникать на границе Саксонии и включать в себя как саксонскую, так и славянскую землю. В результате создания системы марок получилось разделение собственной территории Германии и территории марок: если этнической и политической границей Саксонской державы при Оттоне I были р. Лаба и р. Сала, то восточная граница марок шла далеко на востоке, достигая берегов Балтики, р. Одер и водораздела между реками Бобром, Квисой и Нисой Лужицкой⁶¹.

Марки стали новой формой восточной политики королей Саксонской династии. Наиболее существенным при этом стало стремление к органическому включению зависимых славянских областей в состав «державы» («империи»): если до Оттона I восточную политику проводили мелкие графы, то при Оттоне I наступление на славянские земли было поручено объединенной силе двух маркграфов: Герману Биллунгу и Геро. Наступил новый этап в немецко-полабских отношениях.

⁵⁷ *Widukind, Res gestae...*, II, 4, p. 90.

⁵⁸ *Корвейский Видукинд. Деяния саксов*, с. 47; *Неусыхин А. И. Проблемы...*, с. 239.

⁵⁹ *Widukind. Res. gestae...*, II, 9, p. 91.

⁶⁰ *Lüpke S. Die Markgrafen der sächsischen Ostmarken in der Zeit von Gero bis zum Beginn des Investiturstretes (940—1075)*. Halle, 1937.

⁶¹ *Holtzmann R. Geschichte...*, S. 361.

КНЯЗЬЯ И ПРЕЛАТЫ ГЕРМАНИИ В БОРЬБЕ С ГУСИЗМОМ

В буржуазной исторической литературе вопрос об откликах на гуситское движение в различных странах Европы занимает небольшое место. В исследованиях прогрессивных буржуазных ученых иногда приводятся важные конкретные данные об этом¹, однако анализ классово-природы сторонников и врагов гусизма обычно отсутствует.

По вопросу распространения гусизма в Европе в 1954 г. в Праге была созвана международная конференция, а затем был издан сборник статей². О гуситских откликах в Германии писал советский историк Смирин М. М.³ Историки ГДР опубликовали ряд статей об откликах гусизма среди широких масс крестьянства и горожан Германской империи⁴.

Анализ политики феодального класса Германии в отношении гусизма позволит читателю правильно оценить концепции буржуазных ученых в данном вопросе, сопоставить позицию князей и прелатов с отношением к гуситскому движению массы горожан и крестьянства и, следовательно, лучше понять историческое значение антифеодальной борьбы чешского народа.

В рассматриваемой нами теме следует выделить три основных вопроса: 1. Политика феодального класса Германии в отношении гусизма на территории империи; 2. Политика прелатов и князей применительно к Чехии; 3. Тактика феодальной Германии в отношении Польши.

Большую опасность гуситской идеологии и возможности ее

¹ Haupt H. *Husitische Propaganda in Deutschland*. — «Historische Taschenbuch», 6 Folge und 7 Jahrgang. Leipzig, 1888; Bezold F. V. *König Sigmund und die Reichskriege gegen die Husiten*, I—III. München, 1872.

² *Mezinárodní hlas husitství*. Praha, 1958.

³ Смирин М. М. Революционные отклики гуситских войн в Германии. — «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1951, т. VIII, № 4.

⁴ Озолин А. И. Историка ГДР о гуситском революционном движении. — В кн.: *Историографический сборник*, т. 5. Саратов, 1974.

распространения в Европе, и прежде всего в Германии, немецкие князья, прелаты и император Сигизмунд усмотрели в выступлениях и трудах Яна Гуса и его предшественников. В это время внутри империи были широко распространены различные формы и виды оппозиции феодализму — мистика, ереси. Имели место городские волнения.

Давние экономические, политические, культурные связи Германской империи с Чехией также создавали благоприятные предпосылки для проникновения гуситской идеологии в Германию. В Пражском университете учились и работали многие немцы. В связи с основанием университетов в Германии и Австрии (в 1385 г. — в Вене, в 1386 — в Гейдельберге, в 1388 — в Кельне, в 1392 — в Эрфурте, в 1409 г. — в Лейпциге) значительная часть немецкого студенчества и профессуры, обучавшаяся или работавшая в Пражском университете и хорошо знакомая с учением Гуса и его предшественников, вернулась в Германию⁵. В начале XV в. некоторые видные представители антифеодальной оппозиции империи переехали в Чехию, например, Петр и Николай Дрезденские.

Ближайший соратник и единомышленник Гуса — Иероним Пражский — привез в 1401 г. в Прагу списки нескольких произведений Д. Уиклифа, перевел некоторые его произведения на чешский язык. Иероним Пражский был одно время профессором Гейдельбергского, Кельнского и Венского университетов и пропагандировал там учение Уиклифа и Гуса.

В связи с дальнейшим обострением социальных противоречий, ростом антифеодального движения, вылившегося в мощные антифеодальные народные восстания, — выступления Дольчино, затем Чомпи в Италии, Пражское восстание и Жакерия во Франции, восстание Уотта Тайлера в Англии, зарождение гусизма — Римская курия, короли и магнаты стран католической Европы созвали Констанцкий собор (1414—1418). На Соборе должны были быть осуждены учения Д. Уиклифа и Я. Гуса и приняты меры для организации борьбы с еретическими движениями, и прежде всего — с гуситским движением. Прелаты и магнаты католических стран Европы решительно осудили учение Яна Гуса и его деятельность⁶. Немецкая феодальная делегация, император

⁵ *Simek J. V. Studenti z Čech, Moravy a Slezska na německých universitách v XV—XVIII st.—«Casopis českého musea», 1905, s. 2; 1906, s. 3—4.*

⁶ См. выступления архиепископа Англии, епископов Камбре, Арагона и др. на Соборе: *Documenta Mag. Joannis Hus. F. Palacký, (Ed.), Praha, 1869, p. 523—526, 527—529; Fontes rerum Bohemicarum, t. VIII, Praha, 1932, p. 180, 184, 200—201, 285, 293 и др.*

Сигизмунд, выдавший Гусу охранную грамоту, гарантировавшую ему сохранение жизни, вместе с Римской курией и Собором осудили Гуса на смерть.

Еще во время деятельности Констанцкого собора светские и церковные магнаты, Римская курия и император Сигизмунд объединили свои усилия в борьбе против гуситов. 26 июля 1416 г. Констанцкий собор в письме к панам и городам в Чехии призывал их ликвидировать гуситскую ересь. 2 сентября 1415 г. Собор направил специальное обращение к духовенству Праги и Пращского диоцеза с новым призывом подавить гуситское движение в чешских землях⁷. Император Сигизмунд в письмах прелатам и магнатам Чехии, к своему брату Вацлаву IV в 1416—1418 гг. полностью оправдывал варварскую расправу Собора над Гусом, писал, что «святой Собор идет хорошим и правильным путем», призывал короля и феодальную верхушку Чехии остаться верными Римской церкви и ликвидировать гуситское движение. Уже в то время Сигизмунд прямо угрожал чешским дворянам, сторонникам гусизма, крестовым походом, если они не откажутся от гусизма⁸.

Враждебность прелатов и магнатов империи гусизму как выражению антифеодальной оппозиции проявилась в полной мере в годы народного вооруженного восстания в Чехии (1419—1437). Деятельность реакционного феодально-католического лагеря развивалась по нескольким направлениям. Господствующий класс феодалов империи предпринял прежде всего целый ряд мер, которые должны были воспрепятствовать проникновению идей гусизма и революционной практики гуситов, особенно таборитов, в Германию. С этой целью Римская курия предписывает ряд установлений для всей католической церкви, в том числе и для Германской империи. Прелаты Германии и Австрии приняли на синодах 1418 г. (в Австрии), 1419 г. (в Бафари) специальные решения, в которых строжайше запрещалось распространение идей гусизма и предписывалось карать сторонников гусизма смертью или изгонять из империи и конфисковывать их имущество.

1 марта 1420 г. папа Мартин V издал буллу против гусизма и начал готовить крестовый поход против гуситской Чехии⁹. Князья и прелаты Германии потребовали, чтобы все население

⁷ Documenta..., p. 568—572, 578—580.

⁸ Archiv Český, t. I. V Praze, 1840, s. 6, 7—9, 10—12.

⁹ Documenta..., p. 568 ff.

империи беспрекословно выполняло требования папской буллы. Некоторые города империи подвергались интердикту (Регенбург в 1421 г.). Организован был целый ряд судебных процессов над немцами — сторонниками гусизма, выступавшими в землях империи. За пропаганду гуситского учения или приверженность к нему были осуждены на смерть Ульрих Грюнследер, Петр из Дрездена, Иоганн Дрендорф, Петр Турнов и др.¹⁰

Рейхстаги империи запретили всем жителям страны какие бы то ни было контакты с Чехией, особенно продажу чехам-еретикам продовольствия и оружия. Однако положение внутри Германии становилось все более напряженным. В 1428 г. имели место волнения и восстания в Магдебурге, Майнце, Кельне, Трире, Бамберге. В 1431 г. вспыхнуло крестьянское восстание в окрестностях Вормса¹¹.

Князья и прелаты империи предприняли самые решительные меры для устранения внутренних усобиц между самими феодалами — светскими и церковными магнатами — в целях консолидации господствующего класса в борьбе с антифеодальными идеями и выступлениями. Вопрос о восстании вормских крестьян специально обсуждался на съезде Швабского союза городов и на совещании руководителей Базельского собора. Заключались мирные соглашения между недавно враждовавшими князьями, принимались решения, свидетельствующие о единстве высшего духовенства и светских магнатов¹².

Феодалный господствующий класс империи уделял большое внимание городам, стремясь втянуть их в активную борьбу с гуситским движением. Заключались союзы или подписывались акты о мирных взаимоотношениях между имперскими городами и магнатами, между церковью и городами. В связи с волнениями в городах прелаты были вынуждены пойти на некоторые уступки горожанам Варцбурга, Магдебурга, Майнца (70-е годы XV в.)¹³. Организованы были временные объединения магнатов, прелатов

¹⁰ *Haupt H.* *Husitische...*, S. 247, 253.

¹¹ *Windeckes Eberhardt.* *Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters des Kaiser Sigmunds.* Berlin, 1893, S. 238—246, 274, 327, 371—373, 380, 385—398, 440—446, 461, 465. Немецкие и австрийские хроники того времени содержат ряд фактов такого рода: *Chronik des Burkard Zink.* 1368—1468; Buch I; *Die Chroniker der deutschen Städte*, Bd V. *Die Chroniken der Schwäbischen Städte.* Augsburg, Bd II. Leipzig, 1866, S. 26—27, 45, 47.

¹² *Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund*, Bd VIII, Abt. II. Gotha, 1883, S. 28—36, 474; Bd X, 1 Hälfte (1431—1432). Gotha, 1900, S. 245.

¹³ *Windeckes E.* *Op. cit.*, S. 327, 380, 388—393; *Die Chroniken der deutschen Städte.* Leipzig, Bd VII.

и крупнейших городов империи. Заключались союзы между городами для борьбы с гусизмом¹⁴.

Наконец, значительное место было уделено и вопросам идеологической борьбы с гусизмом. Писались всякого рода трактаты, произносились проповеди, в которых правоверные идеологи католицизма, верные слуги господствующего класса пытались опровергнуть важнейшие идеи гусизма, опорочить Яна Гуса и его единомышленников и продолжателей, идеологов гуситского движения.

Вершиной всей этой реакционной деятельности князей и прелатов, патрициата городов было провозглашение и организация крестовых походов против гуситской Чехии с целью насильственного подавления гуситского движения. Феодальный класс Германии и в это время постоянно подчеркивал, что Чехия — это составная часть империи, и напрягал все силы, чтобы сделать чешские земли частью империи¹⁵. Крестовые походы в Чехию, в которых ведущая роль принадлежала именно немецким князьям, прелатам и Сигизмунду, являлись продолжением давней политики феодальной Германии — политики Дранг нах Остен.

Большое значение магнаты и прелаты Германии, возглавляемые императором Сигизмундом, придавали организации антигуситских сил внутри Чешского королевства, прежде всего в собственно Чехии. Они опасались, и не без основания, что антифеодальные идеи гуситов и их практика широко распространятся в империи.

Убедительным свидетельством такой антигуситской тактики являются письма императора Сигизмунда, обращения немецких князей, прелатов и Римской курии к чешским панам и духовенству с призывом объединиться против гуситов¹⁶. Деятельность прелатов и магнатов Германии по сплочению антигуситских сил в Чехии реализовалась в различных формах, вплоть до прямого вмешательства. Примером такого рода могут служить данные обширной переписки Сигизмунда с крупнейшим магнатом Чехии — паном Ольдржихом Рожмбергским¹⁷. А также всемерная поддержка создания в Чехии всякого рода ландфридов — объ-

¹⁴ Deutsche Reichstagakten..., Bd X, 1 Hälfte (1431—1432). Gotha, 1900, S. 245; Bd VIII, Abt. II, S. 37—38, 49—50.

¹⁵ Deutsche Reichstagakten..., Bd VIII, S. 7, 126.

¹⁶ Urkundische Beiträge zur Geschichte des Russitenkrieges in den Jahren 1419—1436. Bd 1—2. Palacký, (Ed.), Praha, 1872—1873.

¹⁷ Listarz a listinař Oldřicha z Rozmborka, t. I. B. Rynesova (ed.). Praha, 1929.

единений реакционных сил для борьбы с гуситами, например пльзеньского ландфрида.

Князья и прелаты Германии привлекали чешских панов и высшее духовенство к активной деятельности по углублению противоречий в лагере сторонников гусизма, к организации окончательного раскола среди гуситов, к привлечению умеренных гуситов на сторону Сигизмунда, к соглашению с Римской курией. Чешские паны и прелаты участвовали в гуситских сеймах, в переговорах императора и князей Германии и Римской курии с гуситами, например, в период Базельского собора. Они заключали перемирия с гуситами, даже с таборитами. Некоторые из них признали четыре пражские статьи, разрешили даже в своих владениях причащение под двумя видами, богослужение на родном чешском языке.

Общность классовых интересов немецких и чешских феодалов способствовала тому, что эти реакционные силы добились заметных положительных результатов в осуществлении своих антинародных планов. Их деятельность ускорила процесс раскола среди гуситов, привела к временному сплочению сил феодально-католической реакции. Им удалось привлечь на свою сторону значительную часть городской верхушки чешских городов, в результате чего некоторые крупные города Чехии в годы народного восстания остались в руках антигуситских сил.

Наряду с различными формами физического воздействия на гуситов (крестовые походы, деятельность ландфридов внутри Чехии) паны и прелаты Чехии много внимания уделяли идеологической борьбе против сторонников гусизма. Были написаны многие трактаты с целью опорочить гуситское движение, запугать массу крестьян и горожан всякого рода измышлениями о гуситах.

Князья и прелаты Германии прилагали все усилия к тому, чтобы поднять и организовать против гуситской Чехии все другие католические страны. Главной задачей для них в этом отношении являлась борьба за Польшу и Литву. В Польшу, как и в Германию, идеи гусизма проникали задолго до вооруженного восстания гуситов в Чехии, чему способствовали давние экономические, политические, культурные связи. Масса чешского населения, Ян Гус с большим сочувствием следили за освободительной борьбой польского народа против агрессии немецких князей, Тевтонского ордена.

В Польше XIV—начала XV в. значительно обострились социальные противоречия между феодалами и массой крестьянства и горожан, усилилась оппозиция католической церкви, появи-

лись сторонники соборного движения (Павел Влодковиц). Еретические выступления сопровождались волнениями в городах¹⁸. Наряду с социальной, антифеодальной стороной гуситской идеологии в польских землях получили больший отклик национальные мотивы, отражавшие стремления польского народа к воссоединению польских земель, к ликвидации агрессии Тевтонского ордена.

Политика Сигизмунда, немецких князей и прелатов в отношении Польши в годы гуситского движения являлась продолжением их давнего захватнического курса — Дранг нах Остен. Прежде всего они старались не допустить сближения гуситской Чехии с Польшей и Литвой. Когда в 1420—1421 гг. чешские гуситы предложили чешскую корону либо королю Владиславу, либо Витовту, великому князю литовскому, эти государи отказались от предложения чехов, во-первых, потому, что паны, прелаты, патрициат городов Польши были крайне напуганы антифеодальным характером гуситского движения, во-вторых, под прямым давлением князей Германии, Сигизмунда и Римской курии¹⁹.

Князья и высшее духовенство Германии, с одной стороны, использовали Орден для нажима на Польшу, а с другой — поддерживали Орден в его притязаниях на польско-литовские земли. В 1421 г. Сигизмунд писал руководителям Ордена, что если Владислав и Витовт захотят оказать помощь чешским гуситам, его Орден должен совершить вооруженное нападение на Польшу и Литву²⁰. В 1423 г. Сигизмунд заключил с Польшей Кежмарский договор, по условиям которого польский и литовский государи отказались от поддержки Чехии и обязались направить против нее свои войска. Из Чехии был отозван Зигмунт Корибутович, призванный ранее на чешский престол одной из борющихся партий.

Заметное место в антигуситской деятельности немецких магнатов занял вопрос о западных польских землях, в том числе Силезии, бывшей тогда в составе владений чешских королей Люксембургов. В конце XIV — первой трети XV в. Сигизмунд несколько раз выдвигал проекты раздела Польши, вовлекая в эти реакционные планы почти всех князей Силезии²¹. Защищая

¹⁸ Codex diplomaticus Silesiae, Bd XI. Breslau, 1882.

¹⁹ Scriptores rerum Silesiacarum, Bd VI. Breslau, 1871, p. 4, 5, 9.

²⁰ Deutsche Reichstakakten..., Bd VIII, S. 51, 64—66, 76—78.

²¹ Ibid., S. 65, 80—81; Scriptores rerum Silesiacarum, Bd VI, p. 10—12, 26—30, 30—34.

свои классовые интересы, крупные феодалы Польши во главе со Сбигневом Олесницким выступили против гуситов. В 1420 г. католическое духовенство страны приняло «статуты Тромбы», направленные на упрочение позиций католической церкви в Польше и искоренение гуситской ереси в польских землях. В 1424 г. король Владислав издал Велонский эдикт против гуситов и их сторонников²².

В обстановке продолжавшихся агрессивных акций Ордена, его вторжений в польско-литовские земли польское правительство было вынуждено заключить соглашение с чешскими гуситами против Ордена, и в 1433 г. польские и чешские войска совместными силами нанесли Ордену тяжелое поражение. Таким образом, господствующему феодальному классу Германии не удалось полностью оторвать Польшу и Литву от гуситской Чехии. В заключение отметим, что позиция феодального класса Германии была бесспорно враждебной к гусизму как к крупнейшему антифеодальному движению.

Совершенно иным было отношение к гуситам широких народных масс Германии — крестьянства, плебса и бюргерства городов, которые сочувственно отнеслись к важнейшим положениям учения гуситов, нередко примыкали к гуситам и еще более активно включались в антифеодальную борьбу в империи, да и в чешских землях. Следовательно, гуситское движение способствовало активизации антифеодальных выступлений в Германии, особенно оппозиции против официальной католической церкви.

²² Ruch husycki w Polsce. Wrocław, 1953; *Melaczyńska E.* Ruch husycki w Czechach i w Polsce. Warszawa, 1959. Об откликах на гуситское движение в Польше см.: *Озолин А. И.* Гуситское движение в исторической литературе народно-демократической Польши.— В кн.: Историкографический сборник, т. 2. Саратов, 1965.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ В XV в.

Цель настоящего сообщения дать исторический комментарий к двум записям «Книги данин» Казимира IV. Записи эти пока не привлекали внимание исследователей международных отношений в Восточной Европе, а между тем они содержат интересный материал и по истории Рязанской земли в XV в. и особенно по истории литовско-рязанских отношений.

Первая из этих записей заключает в «Книге данин» реестр пожалований во Мстиславле. Содержание ее следующее: «Князю Федору Пронскому селищо во Мъстиславли. Пан Петраш. Сам великий князь»¹. Время пожалования может быть приблизительно установлено благодаря сообщению, что пожалованные земли находились «во Мъстиславли». При вступлении на престол Казимир Ягеллончик передал Мстиславль его старому владельцу — князю Юрию Лингвеневичу. Однако в том же году князь Юрий принял участие в попытке смоленских горожан «отложиться» от Великого Княжества Литовского и, потерпев неудачу, бежал в Москву². В Мстиславле появились великокняжеские наместники. Вскоре (не позднее августа 1443 г.) Юрий Лингвеневиц вернул себе свою вотчину³, но владел ею и на этот раз недолго. Летом 1444 г. разразился новый конфликт⁴, приведший к повторной конфискации Мстиславского княжества. Еще весной 1446 г. комтур Рагеты ходатайствовал перед Казимиром о возвращении мстиславскому князю его родовых владений^{5а}. Когда

¹ Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. 27. СПб., 1910, стб. 27.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 436; ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стб. 68.

³ Акты Западной России, т. I. СПб., 1846, № 43 — грамота Юрия Лингвеневица, которая дана «в Мстиславлю лета 6951».

⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3. Л., 1929, с. 439—440; *Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiellonów*, t. I. Warszawa, 1930, s. 242.

^{5а} *Kolankowski L. Dzieje...*, t. I, s. 247.

ссора была улажена,— точно неизвестно, но произошло это не позднее весны 1448 г., когда на польско-литовском съезде в Люблине Юрий Лингвеневиц выступал как один из главных представителей Великого Княжества⁵. Мстиславль был ему возвращен, он владел им до своей смерти и передал детям. Таким образом, распоряжаться землями в Мстиславле Казимир Ягеллончик мог лишь в промежутке между 1440—1443 г. либо между 1444—1448 гг.

При более близком рассмотрении записи сразу же бросается в глаза одно обстоятельство: князь Пронский — представитель одной из ветвей рязанского княжеского рода, самостоятельной династии, владения которой лежали за пределами Великого Княжества Литовского. Почему же он получает пожалования от литовского великого князя Казимира? Для ответа на этот вопрос надо сделать краткий экскурс в историю Рязанской земли конца XIV — первых десятилетий XV в.

В это время Рязанская земля складывалась из двух княжеств с центрами в Переяславле-Рязанском и Пронске, которые время от времени вступали в борьбу между собою за главенствующую роль в своей «земле». Как выяснил еще А. Е. Пресняков, в конце XIV — начале XV в. оба княжества были совершенно самостоятельными «великими княжениями»⁶. О сильной позиции тогдашнего пронского князя Ивана Владимировича красноречиво свидетельствует тот факт, что великий князь московский Василий Дмитриевич нашел нужным в 1416 г. женить своего сына и наследника Ивана на его дочери⁷.

Вскоре, однако, наступили важные изменения. Их отметил уже А. Е. Пресняков, анализируя московско-рязанский договор 1434 г. Так, договор обеспечивал права рязанского великого князя Ивана Федоровича в отношении «отчины своей княженья Рязанского, Переяславля и Проньска и всех волостей Переяславских и Проньских»⁸. Включение в этом тексте пронских земель в состав владений Ивана Федоровича позволило А. Е. Преснякову высказать предположение, что Иван Федорович подчинил своей власти пронских князей⁹. Неотмеченная А. Е. Пресняковым деталь договора подтверждает правильность его предполо-

⁵ *Dlugosz J. Opera omnia*, t. XIV. Kraków, 1878, s. 45.

⁶ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918, с. 248—250.

⁷ ПСРЛ, т. XV. М., 1965, стб. 487.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950 (далее — ДидГ), № 33, с. 84.

⁹ Пресняков А. Е. Образование..., с. 254.

жения и позволяет понять, в чем именно заключались перемены: в договоре пронский князь назван не «великим», как в более раннем договоре 1402 г., а просто «князем»¹⁰. Очевидно, пронское «великое княжение» было ликвидировано, и пронские князья были вынуждены подчиниться верховной власти рязанского великого князя. Отсутствующее в договоре 1402 г. упоминание о «братье» пронского князя позволяет предполагать, что к моменту составления договора 1434 г. княжеский стол в Пронске перешел к трем сыновьям Ивана Владимировича — Федору, Ивану и Андрею. Правильность приведенной выше реконструкции подтверждается существованием грамоты «князя» Федора Ивановича своему «дяде» Григорию Ивановичу на земли по р. Кишне, которую, по соображениям издателя — И. А. Голубцова, следует датировать 1430—1440 гг. XV в.¹¹

Несомненно, что этот князь Федор Иванович и князь Федор Пронский «Книги данин» — одно и то же лицо. В свое время А. Е. Пресняков констатировал, что «летописные своды не дают никаких сведений о последних десятилетиях Пронского княжества», и вынужден был заключить, что «по таким данным нельзя определить, когда и при каких обстоятельствах пронские князья утратили самостоятельное княжение»¹². Нельзя с уверенностью ответить на этот вопрос и теперь. Однако запись в «Книге данин» позволяет наметить важную веху в этом отношении. Появление (не позднее 1448 г.) в Литве старшего из пронских князей позволяет предполагать, что в результате неизвестного нам конфликта он потерял родовые «вотчины» и вынужден был искать спасения за пределами Рязанской земли.

Дальнейшая судьба потомков князя Федора — дворян великого князя литовского второй половины XV — первых десятилетий XVI в. полностью подтверждает правильность этого предположения¹³.

Одновременно с изменением политической структуры Рязанской земли изменялся характер ее взаимоотношений с Великим Княжеством Литовским. В 1427 г. во время путешествия великого князя литовского Витовта на восточную границу своих земель оба «великих князя» — рязанский и пронский — заключили с

¹⁰ ДиДГ, с. 85. «А со князем есми с пронским и с его братьею любовь взял».

¹¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. III. М., 1964, № 356.

¹² Пресняков А. Е. Образование..., с. 254—255.

¹³ О потомках Федора в Великом княжестве Литовском см.: Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895, s. 398—399.

ним договоры, по которым признали себя «слугами» — вассалами Витовта и обязались «быти... с ним за один на всяком» (в том числе и против внука Витовта — великого князя московского Василия Васильевича) и не заключать ни с кем соглашений «без воли» великого князя литовского¹⁴. Однако когда после смерти Витовта в 1430 г. между претендентами на литовский великокняжеский трон началась длительная феодальная война, перемысль-рязанский великий князь Иван Федорович перестал считаться с условиями этих соглашений и стал искать сближения с Москвой. Заключенный им в 1434 г. договор о союзе с московским великим князем Юрием Дмитриевичем предусматривал, что в случае заключения какого-либо соглашения с новым литовским князем Свидригайлом в нем должно быть записано, что рязанский князь «один человек» с великим князем московским¹⁵.

После окончания феодальной войны в Великом Княжестве Литовском и избрания великого князя литовского Казимира Ягеллончика на польский трон, что, несомненно, укрепило международное положение княжества, Казимир при деятельной поддержке литовского панства в конце 40-х годов XV в. «активизирует свою восточную политику в духе принципов Витовта»¹⁶. В начале 40-х годов были обновлены старые соглашения Витовта с новосильскими и одоевскими князьями¹⁷. К середине 40-х годов относятся первые попытки установления литовского протектората над Новгородом. Затем последовал поход литовских войск на Тверскую землю и заключение соглашения, воспроизводившего «докончание» тверского князя с Витовтом 1427 г.¹⁸

С этими попытками восстановить положение, существовавшее на восточной границе при Витовте, следует связывать и наступившее во второй половине 40-х годов обострение литовско-рязанских отношений. Свидетельством такого обострения может служить статья московско-рязанского договора 1447 г., не имеющая аналогий в более ранних московско-рязанских соглашениях: «А поидет на тебя (рязанского князя.— Б. Ф.) князь велики литовски, и мне князю великому Василью поити самому тебя боронити»¹⁹. Это свидетельство о рязанско-литовском конфликте

¹⁴ ДиДГ, № 25, 26. О датировке договоров см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства, вторая половина XV в. М., 1952, с. 39.

¹⁵ ДиДГ, № 38, с. 84.

¹⁶ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 42.

¹⁷ ДиДГ, № 39.

¹⁸ ДиДГ, № 54; *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 42, 43.

¹⁹ ДиДГ, № 47, с. 143.

интересно сопоставить с некоторыми сведениями из раздела о Рязани московско-литовского договора от 31 августа 1448 г.²⁰, где отмечалось как вполне реальная возможность, что рязанский князь может «згрубить» Казимиру. Из договора 1447 г. также видно, что защиты от литовского великого князя в Рязани искали в Москве, но эта возможность была в значительной мере устранена благодаря московско-литовскому договору 1448 г.

Постановления последнего неоднократно разбирались исследователями²¹. Для нас важно отметить, что та часть постановлений, которая касалась Рязани, была явным успехом литовской политики, поскольку главный возможный союзник Рязани — великий князь московский — обязался, с некоторыми несущественными оговорками, сохранять нейтралитет в случае конфликта между Рязанью и Литвой и «не гневаться», если рязанский князь Иван Федорович захочет «служити» Казимиру. Последнее обстоятельство позволяет понять и цели литовской политики по отношению к Рязанской земле и причину конфликта, связанную, несомненно, с попытками литовского правительства восстановить существовавшую при Витовте вассальную зависимость рязанского князя от Литвы.

Интересующая нас запись в «Книге данин» вносит в эту картину весьма важный штрих: именно в годы возникновения в Литве широких планов в отношении Рязанской земли здесь появился беглый пронский князь, которого Казимир наделил землями на пограничье. Проявленное к нему внимание, возможно, свидетельствует о том, что программа восстановления положения, существовавшего при Витовте, предусматривала не только подчинение Рязанской земли Литве, но и ее новый раздел на два равноправных и, следовательно, более слабых и менее способных противостоять литовскому давлению княжества. Во всяком случае, поддерживая притязания «законного» пронского князя на его вотчину, можно было при нейтралитете Москвы добиться от великого князя рязанского Ивана Федоровича весьма важных политических уступок. В свете этого понятно, насколько сложным оказалось положение Рязанской земли к концу 40-х годов XV в.

²⁰ ДиДГ, № 53, с. 162. Обоснование приведенной здесь датировки договора см.: *Kolankowski L. Dzieje...*, t. I, s. 263—264.

²¹ *Пресняков А. Е. Образование...*, с. 253, 413, и др.; *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 44, 46; *Skopińska Z. Traktat 1451 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy a Moskwy w latach 1440—1453.* — In: *Ateneum wileńskie*, t. V. Wilno, 1928.

Осуществлению планов Казимира помешала новая вспышка феодальной войны в Великом Княжестве Литовском. Претендент на великокняжеский трон Михаил Сигизмундович нашел поддержку в татарской орде Сеид-Ахмата и к лету 1449 г. сумел укрепиться на Левобережной Украине и овладеть Киевом. Восстание было подавлено лишь когда Михаил Сигизмундович в августе 1449 г. попал в плен к войскам татарского царевича Якуба, присланного на помощь Казимиру Василием Темным²². В этих условиях Казимир IV, несомненно, не смог оказывать давление на рязанского князя, а то обстоятельство, что Михаил Сигизмундович оказался в московском плену, также ограничивало свободу действий литовского правительства.

Однако после смерти Михаила Сигизмундовича в начале 1452 г. и окончательной стабилизации положения в Великом Княжестве во внешней политике этого государства намечается новый поворот к экспансии, которую готовы были проводить, даже не считаясь с московско-литовским договором. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в нарушение договора Казимир IV принял и наделил землями князей — противников Василия Темного²³, а в 1458—1459 гг. литовское правительство послало в Новгород королевского наместника, хотя по московско-литовскому договору Новгород признавался «в стороне» Василия II²⁴.

Нам ничего не известно о литовско-рязанских отношениях в эти годы²⁵, но представляется весьма вероятным, что литовское правительство предпринимало определенные попытки к реализации своих планов относительно Рязани. Такое предположение позволяет объяснить, почему скончавшийся в 1456 г. великий князь Иван Федорович передал своего восьмилетнего сына «на соблюдение» Василию Темному, который сразу же послал в Рязань своих наместников²⁶. Передавая сына под «опеку» московского великого князя, Иван Федорович, по-видимому, рассчитывал, что тот сумеет защитить владения его сына от притязаний Литвы и поддержанных ею пронских родичей.

О новом этапе литовской политики по отношению к Рязани позволяет судить вторая запись в «Книге данин», к рассмотре-

²² Об этих событиях см.: *Kopystiański A. Książę Michał Zygmuntowicz. — «Kwartalnik historyczny», 1906, Nr. 1—2, s. 149, 159; Kolankowski L. Dzieje..., t. I, s. 259—264.*

²³ *Базилевич К. В. Внешняя политика..., с. 44, 45.*

²⁴ *Kolankowski L. Dzieje..., t. I, s. 308—309.*

²⁵ Привлеченный К. В. Базилевичем для характеристики литовско-рязанских отношений документ 1456 г. относится в действительности к 1486 г. (*Базилевич К. В. Внешняя политика..., с. 46*).

²⁶ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 275.

нию которой мы и переходим. Содержание ее следующее: «Князю Юрию Пронскому дано село в Комоности, што пан Римовид держал, у хлебокормленье. А просили князь бискуп и вся рада панове. Дан у Городне, марта 21, индик (т) а 12. Сам»²⁷.

Юрий Пронский — сын упоминавшегося выше князя Федора — был наделен землей из владений некоего пана Римовида. Но не один он получил подобное пожалование. В «Книге данин» начала XVI в. упоминается бывшее владение князя Дмитрия Пронского — «Римовидовский дворец»²⁸. Дмитрий Пронский — двоюродный брат князя Юрия, сын третьего сына Ивана Владимировича — Андрея Сухорука²⁹. Два двоюродных брата были наделены землями из владений одного лица. Этот факт говорит о том, что эти пожалования были скорее всего одновременными. Из упоминания в записи о том, что о владении Юрия Пронского землями ходатайствовала вся великокняжеская рада, ясно, что этим пожалованиям придавалось большое значение.

В записи пожалование Юрию Пронскому датировано 12 индиктом, который в правление Казимира IV приходился на 1449, 1464, 1479 гг. 1449 г. следует исключить, так как сам отец Юрия — Федор появился в Литве лишь в 40-х годах, а значительной фигурой, о которой специально ходатайствовала бы рада, Юрий, конечно, мог стать лишь после смерти отца. Ю. Вольф отнес пожалование к 1479 г.³⁰, но ошибочность этой датировки была показана уже М. В. Довнар-Запольским³¹. В момент пожалования, в марте, король был в Гродно, а в марте 1479 г. Казимир IV находился в Польше³². Остается, таким образом, одна дата — март 1464 г., которая хорошо согласуется со сведениями о местопребывании Казимира IV в это время: на рождество он прибыл из Польши в Гродно, а пасху праздновал в Бресте³³.

Планы литовских политиков станут понятными, если установленную нами дату сопоставить с другой, близко стоящей: в январе 1464 г. Иван III отпустил на великокняжеский стол в Рязань достигшего совершеннолетия рязанского князя Василия

²⁷ РИБ, т. 27, стб. 24.

²⁸ Там же, стб. 701.

²⁹ Его появление в литовских материалах — довод за то, что в 40-х годах XV в. Иван Федорович выгнал из Рязанской земли всю семью пронских князей.

³⁰ *Wolff J. Kniaziowie...*, s. 398.

³¹ Документы Московского архива министерства юстиции, т. I. М., 1897, с. 11.

³² *Diugosz J. Opera omnia*, t. XIV, s. 681, 685, 690.

³³ Там же, с. 385—386.

Ивановича³⁴. Правда, установившаяся в предшествующие годы связь между Рязанью и Москвой была скреплена браком нового рязанского князя с сестрой Ивана III Анной, однако произошедшее все же выделение Рязанского княжества из состава земель, находившихся под непосредственной властью московского великого князя, создавало известные предпосылки для активизации Великого княжества в данном районе, и это обстоятельство было, как видим, сразу же учтено литовской радой, снова обратившей внимание на пронских князей как возможный козырь в политической борьбе за Рязань.

И в следующие годы литовское правительство не отказывалось от планов установления контроля над Рязанской землей. Так, в 1472 г. при выдаче Казимиру IV ярлыка на русские земли крымским ханом Менгли-Гиреем литовские представители постарались, чтобы в их число были включены и «резанские города»³⁵.

Однако при сложившемся в Восточной Европе во второй половине XV в. соотношении сил нереальными оказались и расчеты литовской рады на подчинение Рязанской земли Великому Княжеству, и надежды пронских князей на то, что с помощью Литвы им удастся вернуться в свою «вотчину».

³⁴ ПСРЛ, т. XXV, с. 278.

³⁵ *Kolankowski L. Dzieje...*, t. 1, s. 327.

К ВОПРОСУ О ДЕДИЧАХ-РЕЗЕШАХ
И РЕЗЕШКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ
В МОЛДАВИИ

Социальный термин «резеш», служивший для наименования разряда свободных крестьян-общинников средневековой Молдавии, в исторической, юридической и филологической литературе трактуется по-разному; существует пять известных нам точек зрения о происхождении термина «резеш». Одни ученые считали, что этот термин — славянской этимологии¹. Другие утверждали, что понятие «резеш» — латинского происхождения, хотя выводили его от различных слов и их корней². Третьи полагали, что выше-названный термин польского происхождения³. Четвертые придерживались мнения, что слово «резеш» заимствовано из венгерского языка⁴. Пятые высказывали предположение, что термин

¹ Кодрян Г. П. Бессарабия. Историко-географический очерк. Кишинев, 1901, с. 41; Берг Л. С. Бессарабия. Страна — люди — хозяйство. Пг., 1918, с. 104, примеч.; Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 169; Hasdeu B. P. Cuvinte din bătrâni. București, 1878, p. 37; Densușeanu O. Graiul nostru. — In: Grai și suflet, an IV. București, 1930, p. 409; Costăchel V. A. Despre problema obștiilor agrare în sec. XIV—XV. — «Studii», 1951, N 1, p. 99—101.

² Орбинский Р. Очерк развития производительных сил Бессарабии. СПб., 1885, с. 2, примеч.; Шимановский М. В. О резешах и резешском владении. Одесса, 1898, с. 40, примеч.; Борецкий-Бергфельд Н. П. История Румынии. СПб., 1909, с. 38; Грекул Ф. А. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961, с. 132; Iorga N. Geschichte des rumänischen Volkes, Bd I. Golta, 1905, S. 333—334; Longinescu S. G. Pravila lui Vasile Lupu și Prosper Farinaccius, românistul italian. București, 1909, p. 104—106; Gigulea G. Cu privire la răzeși. — In: Dacoromania, t. I, Cluj, 1921, p. 496.

³ Nandriș G. Răzeș. — «Revista filologică», 1927, N 3, p. 327—328; Критику взглядов Г. Нандриша см.: Minea I. Despre răzăși. — «Revista istorică», 1928, N 2, p. 94—95.

⁴ Rosetti R. Cronica Vascanilor. — «Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice», Seria II, t. XXIX. București, 1907, p. 6—7; idem. Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova. București, 1907, p. 169; Gore D. S. Răzeșii. — In: Viața românească, an. XII, t. 42; București, 1920, p. 106; Filitti I. C. Proprietarii solului în trecutul principatelor române. — «Analele Academiei Române. Me-

«резеш» мог быть произведен от тюркского или арабского слова *ерзеш*⁵.

Из изложенных мнений наиболее убедительным и правильным, поддающимся научному обоснованию, является то, которое считает термин «резеш» латинской этимологии. К этому заключению мы пришли в результате анализа молдавских, валашских и других средневековых источников, сравнивая адекватные по смыслу и значению социальные термины: «деди», «дедини», «дедичи», «наследници», «моштяны», «мошинаши», «мошняны», «резеши», «heredes», «haeredes», «haeres», «coredes», «gedes».

Как известно, валашские свободные крестьяне-общинники, мошняны в документах, написанных на славянском языке, именовались деди, дедини, наследници⁶. Это значит, что они в пределах села-общины владели своими дединами (долями земли) на наследственном праве, являясь наследниками по деду. Так как по-молдавски и румынски слова «моштенире» и «ередитате» означают наследство («мошнян», «моштян», «моштенитор» и «ереде» — наследник), а валашский термин «мошнян»⁷ или «мошинаш»⁸ иногда просачивался и в молдавские источники, заменяя термин «резеш» или слово наследник, то несомненно, что: 1) молдавский резеш идентичен валашскому дедину-мошняну-наследнику; 2) наименование «резеш» восходит к адекватному социальному термину «heredes»⁹, что в аутентичном переводе с латинского языка на славянский означает «дедичь»¹⁰, наследник (по деду), наследственный владетель дедины — *hereditas*¹¹.

Таким образом, термином «резеш» источники называют социальную категорию сельского трудового населения Молдавии. Это — свободные крестьяне-общинники, еще не попавшие в частновладельческую зависимость от светских и духовных феодалов, подчиненные непосредственно Молдавскому феодальному госу-

morile Secțiunii Istorice», Seria III, t. XVI. București, 1934—1935, p. 21—22; *Candrea I. A., Adamescu G.* Dicționarul enciclopedic. București, 1934, p. 1053; *Panaitescu P. P.* Obștea țărănească în Țara Românească și Moldova. București, 1964, p. 36.

⁵ *Philippide A. I.* Originea românilor, t. II. Iași, 1928, p. 378—379.

⁶ *Giurescu C.* Studii de istorie socială. București, 1943, p. 337—339.

⁷ *Carte românească de învățătură.* București, 1961, p. 77, 91, 99.

⁸ *Surete și izvoade,* t. VIII. Iași, 1928, p. 184.

⁹ *История Чехии.* М., 1947, с. 34.

¹⁰ Там же; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, с. 782.

¹¹ *Срезневский И. И.* Материалы..., с. 782—783; *Рубцов Б. Т.* Исследования по аграрной истории Чехии. М., 1963, с. 252, 257, 309, 419.

дарству и несущие в его пользу различные налоги и повинности. По своему социально-экономическому положению и юридическому статусу в феодальном обществе мелкие землевладельцы-крестьяне резешей-дедици в основном приближались к валашским свободным крестьянам-общинникам дединам-наследникам-мошнянам¹², чешским¹³, хорватским¹⁴, польским¹⁵ и другим¹⁶ свободным крестьянам-дедичам. Это говорит об общности и закономерности многовекового естественноисторического пути развития разряда, или категории, свободного крестьянства целого ряда стран Европы.

Между тем вряд ли можно назвать во всей историографии молдавского средневековья более сложный и запутанный вопрос, чем проблема происхождения резешей и резешского землевладения. По словам русского буржуазного исследователя М. В. Шимановского, «ни один вопрос бессарабского местного права не возбуждал, кажется, столько разноречивых и одно другому противоречивых мнений, как вопрос о резешах вообще и резешском владении в частности»¹⁷. Спустя более ста лет со времени возникновения невероятной путаницы и острой дискуссии о резешах и резешском землевладении, Я. С. Гросул, Н. А. Мохов и П. В. Советов пишут: «Проблема резешского и мошнянского землевладения в Молдавии и Валахии является одной из наиболее спорных в историографии»¹⁸; «происхождение их (т. е. резешей.—Ф. Г.) точно не известно, и это явилось источником многочисленных дискуссий»¹⁹, — отмечает В. Я. Гросул.

При всем разнообразии и противоречивости точек зрения отдельных русских, молдавских и иностранных дворянско-буржуазных ученых относительно происхождения резешей и резешского землевладения все же их можно разделить на две основные группы. Первую и наиболее многочисленную группу составляют сторонники так называемой вотчинно-родовой теории (С. Надеждин, А. И. Зашук, А. А. Накко, А. Н. Егунов, Р. Орбинский,

¹² *Panaitescu P. P. Obştea...*, p. 35.

¹³ История Чехии, с. 34; История Чехословакии, т. I. М., 1956, с. 76—77.

¹⁴ *Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии.* М., 1964, с. 194, 313.

¹⁵ *Созин И. В. Были ли на Руси дедици? — «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 189.*

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Шимановский М. В. О резешах...*, с. 3.

¹⁸ *Гросул Я. С., Мохов Н. А., Советов П. В. Современная историография об аграрных отношениях в Молдавии и Валахии периода перехода от феодализма к капитализму.* — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966, с. 35.

¹⁹ *Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия.* М., 1966, с. 83.

К. Ермолинский, Д. Д. Суручан, М. В. Шимановский, Г. П. Корян, С. М. Гроссман, Л. А. Кассо, Н. П. Борецкий-Бергфельд, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. В. Лашков, И. И. Богдан, С. Радович, Р. Росетти, И. Н. Анжелеску, Г. Пану, А. Д. Ксенопол, Д. С. Горе, П. Пони, Г. Нандриш, И. Миня, Д. К. Арион, И. К. Филитти, К. Жюреску и др.)²⁰, которые, как правило, считали резешей потомками обедневших и разорившихся бояр, а резешское доленое землевладение, возникшее в результате дробления и измельчения феодальных вотчин,— боярского происхождения. Общей же чертой для всех рассматриваемых взглядов буржуазных ученых на происхождение резешей и резешского землевладения является их полная методологическая несостоятельность. Дворянско-буржуазная историография, отрицающая исторические права крестьян на землю, много напутала и фальсифицировала при разрешении вопроса о резешах и резешском землевладении. Ко второй группе принадлежат сторонники общинной теории (Д. Кантемир, Н. Бэлческу, Е. Реньо, Б. П. Хашдеу, А. И. Филиппиде, И. Нэдежде и др.)²¹, считавшие, что ре-

²⁰ *Надеждин С.* Права состояния разных классов народонаселения Бессарабской области.— ЖМВД, 1843, № 3, с. 61; *Защук А. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, ч. 1—2. СПб., 1862, с. 220—222; *Rosetti R.* Despre originea și transformările clasei stăpânitoare din Moldova. București, 1906, p. 27; *idem.* Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova. București, 1907, p. 168—170; *idem.* Pentru ce s'au răscolat țărani. București, 1907, p. 11, 42; *idem.* Cum s'a nascut și a dispărut boerimea. București, 1925, p. 29; *Angelescu I. N.* Origina moșnenilor și răzeșilor. Pitești, 1908, p. 27; *idem.* Histoire economique des Roumains, vol. I. Paris, 1919, p. 72; *Panu G.* Cercetări asupra stării țărănilor în veacurile trecute, vol. I. București, 1910, p. 141—142; *Xenopol A. D.* Proprietatea mare și cea mică în trecutul Țărilor Române.— «Viața românească», Iași, 1913, N 2, p. 179, 188; *Istoria românilor din Dacia Traiană*, Ed. a 3^a, vol. VI. București, 1925, p. 49, 107, 161—162, 177—178; *Gora D. S.* Răzeși, p. 173; *Poni P.* Statistica răzeșilor. București, 1921. p. 9; *Nandriș G.* Răzeș.—«Revista filologică». București, 1927, N 3, p. 327—328; *Minea I.* Despre răzeși.—«Revista istorică». București, 1928, N 2, p. 95—96; *Arion D. C.* Formarea proprietății rurale în Muntenia și Moldova.—«Convorbiri literare». București, 1934, N 3, p. 27; *idem.* Cnejii (Chinejii) români. București, 1938, p. 17; *idem.* Vlanii. Clasă socială în vevodațele românești. București, 1940, p. 19; *Filitti I. C.* Proprietatea solului în principatele române până la 1864. București, 1935, p. IX—XV; *Gurescu C.* Studii de istorie socială. București, 1943, p. 240, 284, 288—289.

²¹ *Кантемир Д.* Историческое, географическое и политическое описание Молдавии. М., 1789, с. 287—288; *Bălcescu N.* Opere. București, 1952, p. 66—67; *Regnault E.* Histoire politique et sociale des Prinsipautés Danubiennes. Paris, 1855, p. 51—53; *Hasdeu B. P.* Cuvinte din bătrâni. București, 1878, p. 37—38; *Philippide A. I.* Incercări asupra stării sociale a popurului român în trecut. Iași, 1884, p. 54—55; *Nădejde I.* Formarea marii proprietăți la noi.— In: *Lite-ratură și știință.* București, 1893, p. 149—179.

зеши — это свободные крестьяне-общинники, подчиненные непосредственно Молдавскому феодально-крепостническому государству.

Впоследствии вотчинно-родовая теория была подвергнута обоснованной критике и отброшена, как несоответствующая исторической действительности²². Что же касается общинной теории, то она была критически пересмотрена и значительно развита²³.

До начала 60-х годов проблема эволюции общинной, крупной феодальной и мелкой крестьянской земельной собственности в Молдавии не была предметом острых дискуссий. В русской, молдавской и румынской марксистской историографии проводилась концепция, согласно которой общинная и индивидуальная крестьянская земельная собственность являлась основным резервом и главным источником роста крупного феодального землевладения. Опираясь на наследие классиков марксизма-ленинизма, молдавские и румынские историки-медиевисты убедительно показывали, как на протяжении веков шла концентрация средств производства, прежде всего земли, в руках небольшой кучки феодалов-крепостников, превративших их в предмет личной наживы и орудие жестокой эксплуатации основной массы народа — крестьянства.

В 1961 г. вышла в свет статья яского историка К. Чиходару «Некоторые соображения в связи с феодальной собственностью и положением крестьянства в Молдавии во второй половине XV в.»²⁴, в которой он подверг пересмотру точку зрения своих предшественников о наличии в Молдавии в XV в. значительной прослойки свободных крестьян-общинников, резешей. Чиходару пришел к заключению, что крупное феодальное землевладение к середине XV в. достигло апогея, а молдавский свободный крестьянин стал такой же редкостью, как белая ворона, о чем якобы писал К. Маркс²⁵. Однако, во-первых, как известно, классическое произведение «Марка» принадлежит не Марксу, а Ф. Энгельсу²⁶. Во-вторых, слова Энгельса о том, что «крепостное

²² См.: Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии..., с. 20—23, 32—36, 167—174; Грекул Ф. А. Аграрные отношения..., с. 130—141, 247—267, 307—334.

²³ Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии..., с. 20—23, 32—36, 167—174; Грекул Ф. А. Аграрные отношения..., с. 130—146, 247—267, 307—334.

²⁴ Cihodaru C. Cîteva constatări în legătură cu proprietatea feudală și situația țărănimii din Moldova în a doua jumătate a sec. al XV —lea. — «Sturii și sercetări științifice» (istorie), anul XII, fasc. I, Iași, 1961, p. 31—69.

²⁵ Там же, с. 32.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 327—345.

состояние сделалось отныне всеобщим; свободный крестьянин стал теперь такой же редкостью, как белая ворона»²⁷, относятся не к Молдавии XV столетия, а к Германии после Тридцатилетней войны 1618—1648 гг.²⁸

Румынский же историк П. П. Панаитеску подверг критике точку зрения К. Чиходару, отметив, что он вернулся к старой буржуазной теории Р. Росетти, который полностью «уничтожил» молдавскую сельскую общину к XV в., а свободных крестьян-общинников, резешей, считал потомками разорившегося боярства в результате дробления феодальных вотчин и увеличения числа наследников²⁹.

На этом, по-видимому, полемика между К. Чиходару и П. П. Панаитеску закончилась бы, однако некоторые советские историки пошли гораздо дальше, поставив задачу полного пересмотра концепции эволюции общинной, крупной феодальной и мелкой крестьянской земельной собственности в Молдавии. По словам П. В. Советова, «эту задачу попытались взять на себя советские молдавские авторы докладов о резешском землевладении на Минском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы в 1962 г.»³⁰

Они стремились эклектически соединить и примирить две идеологически противоположные концепции: румынского буржуазного историка-идеалиста Р. Росетти³¹, «образовавшего» в XVI в. «класс резешей», общинное и резешское доленое землевладение из осколков раздробленных феодальных вотчин, и марксистскую концепцию Ф. Энгельса о развитии крупного феодального землевладения из общинной и мелкой крестьянской земельной собственности³². Однако из этого ничего не получилось. Следовательно, только массовый, критически проверенный, в совершенстве усвоенный исторический материал может помочь установить истину. Иначе мы никогда не отличим крестьянина-общинника, дедича-резеша от боярина-эксплуататора, «съжи» от «хижи»³³.

²⁷ Там же, с. 342.

²⁸ Там же, с. 341, 584.

²⁹ *Panaïtescu P. P. Obștea...*, p. 9.

³⁰ *Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 34.*

³¹ *Rosetti R. Pământul...*, p. 138—139, 196, 207, 299.

³² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 327—345, 495—507.

³³ *Советов П. В. Преступления против земельной собственности в Молдавии XV — середины XVII вв.—«Ученые записки Кишиневского госуниверситета», 1960, т. 52, с. 118.*

Важное значение для научного подхода и правильного разрешения дискуссионного вопроса о резешах и резешском землевладении имеют четкие выводы акад. В. И. Пичеты о социально-экономическом и юридическом положении свободных крестьян-общинников, дедичей (heredes) феодальной Чехии XI—XII вв. В. И. Пичета пишет: «По мере развития феодальных отношений происходили глубокие изменения в положении сельского населения, сохранившего еще общинный строй. Свободные люди известны под именем свободников, или дедичей (heredes, liberi). Экономическое положение дедичей было тяжелым. Они зависели непосредственно от князя (т. е. от Чешского феодального государства.— *Ф. Г.*), были обязаны уплачивать особую подать и выполнять ряд трудовых повинностей — чинить мосты, строить дороги, поддерживать укрепления крепостей. Многие из дедичей из-за экономических льгот, которые им предоставляли светские и церковные землевладельцы, епископы и монастыри, оседали на их землях. Юридически они оставались свободными и могли оставить нового владельца после истечения срока договора, но в действительности этого не было...»³⁴

Это наблюдение В. И. Пичеты представляет большой научный интерес не только тем, что знакомит нас с социально-экономическим и правовым положением чешского свободного крестьянства XI—XII вв., но и с соответствующей латинской и славянской социальной терминологией, дающей ключ к решению весьма сложного и дискуссионного вопроса, как этимологии самого термина «резеш» (от латинского heredes, сокращенно gedes), так и социального положения дедичей-резешей и происхождения резешского землевладения из общинной земельной собственности³⁵. Индивидуальное владение резешами землей основывалось на переходе ее по наследству как по мужской, так и по женской линии. Резешская земля, как правило, не подлежала систематическим переделам по требованию сельской общины, а делилась только между наследниками, что сильно дробило крестьянское долевое землевладение. Дедичи-резешы, так же как и частновладельческие зависимые и крепостные крестьяне (соседи-вечины), не были однородны по своему экономическому положению. Среди них можно было встретить и зажиточных, и лиц среднего достатка, и (чаще всего) бедняков.

В. И. Ленин, излагая историю аграрного вопроса в России во второй половине XIX в., затрагивая тему о крестьянском хозяй-

³⁴ История Чехии, с. 34.

³⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 248—249; т. 25, ч. 2, с. 367—368.

стве и о различии между разрядами сельского трудового населения, исторически сложившегося в течение многих веков, коснулся социального положения молдавских резешей, вошедших в состав России в связи с присоединением к ней по Бухарестскому мирному договору 1812 г. Бессарабии. Несмотря на то, что В. И. Ленин писал об аграрных отношениях второй половины XIX в., когда сельская община особенно интенсивно распадалась в результате расслоения молдавской деревни, когда в резешскую среду в значительном числе проникали бояре, дворяне, купцы и мещане, все же он под термином «резеши»³⁶ понимал именно категорию, или разряд, молдавских свободных крестьян-общинников, задавленных «живыми остатками крепостничества»³⁷, а не «лиц разных сословий»³⁸. Таким образом, В. И. Ленин в статье «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» подчеркивает, что молдавские резеши как самостоятельная категория свободных крестьян-общинников исторически сложилась «в течение долгих веков» и частично сохранилась вплоть до начала XX в.³⁹ Согласно официальным статистическим данным департамента земледелия (1905 г.), на крестьянско-резешский двор приходилось в среднем 5,3 дес. земли⁴⁰.

Итак, в средневековой Молдавии, так же как и в других феодальных странах, существовали два основных разряда крестьян, исторически сложившихся в течение долгих веков: во-первых, лично свободные, сословно-неполноправные крестьяне-общинники, дедичи-резеши, зависимые непосредственно от Молдавского феодального государства и несущие в его пользу различные налоги и повинности; во-вторых, крепостные, лично зависимые частновладельческие крестьяне, потерявшие свободу и землю в процессе феодализации страны, а ранее — равноправные члены свободной сельской общины. Крестьяне этой категории именуется в средневековых исторических источниках Молдавии «соседями» — «вечинами». Следовательно, молдавские дедичи-резеши — это не особый «новый класс» или «новообразование» периода «развитого и позднего феодализма», не бояре и не дворяне-куртяне, не «служилые люди» и не «потомки служилых людей молдавских господарей», не «сопомещики» и не «представители разных сословий», как считали многие представители русской, мол-

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 64.

³⁷ Там же, с. 66.

³⁸ Берг Л. С. Бессарабия..., с. 105.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 64.

⁴⁰ Там же.

давской и румынской дворянско-буржуазной и современной зарубежной либерально-буржуазной историографии. Дедичи-резеши — это свободные крестьяне-общинники, земледельцы-пахари, владевшие индивидуально участками (парцеллами-долями) земли, унаследованными ими от своих предков, дедов и прадедов, на что неоспоримо указывает и само их наименование — дедичи-резеши.

Леса, необработанные земли («пустоши»), выгоны, пастбища («имаш»), мирское жнивье («мириштя»), пар, служивший коллективным сельским пастбищем («толоака»), а также водопой оставались общим владением для совместного пользования, являясь не только одним из самых важных источников жизненной силы сельской общины, но и неугасимым очагом острой классовой борьбы, составляющей основную характерную черту всего феодально-крепостнического строя.

К ВОПРОСУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА 1588 г.

Люблинский сейм 1569 г., на котором была одобрена реальная уния Польши и Литвы, принял одновременно постановление об осуществлении максимального сближения правовых систем Польши и Литвы. Исправленный в этом плане Литовский статут, уполномоченные для этого депутаты должны были представить на утверждение королю на ближайшем общем польско-литовском сейме¹. В 1581 г. это постановление было переработано сеймом в соответствии с сохранявшейся внутренней самостоятельностью Великого Княжества Литовского. Сейм принял решение, что сословия Великого Княжества должны Статут «исправить, назначив для этого депутатов, при этом таким образом, чтобы ничто не противоречило тексту унии. А исправление это они должны на ближайший сейм представить на наше утверждение»².

Такая формулировка предрешала сохранение целостной отдельной системы литовского права, ограниченной лишь необходимостью соответствия постановлениям унии. Это, однако, не одобрялось большинством польской шляхты, которая в духе программы экзекуции прав стремилась к унификации государственного строя и права Речи Посполитой. Поэтому конвокационный сейм 1587 г., происходивший в отсутствие литовских послов, принял постановление об общей кодификации права для всей Речи Посполитой³. Это решение было принято в то время, когда редактирование III Литовского статута уже завершалось. Это был вызов, брошенный руководящим политическим кругам Великого

¹ См.: Бардах Ю. Литовские статуты — памятники права периода Возрождения. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 81—83.

² Volumina legum, t. II. Petersburg, 1859, p. 101 (794).

³ Ibid., p. 210 (1020).

Княжества Литовского, стремившимся не только сохранить, но и расширить самостоятельную систему литовского права, в чем они не без основания усматривали важный элемент защиты политической обособленности Литвы в федеративной Речи Посполитой.

Этим определяется значение, которое приобрел вопрос об утверждении вновь избранным польским королем Сигизмундом III Вазой III Литовского статута, подготовленного при активном участии делегатов сеймиков Великого Княжества и обсужденного на генеральных съездах (так называемых конвокациях) Литвы в 1582 и 1584 гг. Делегаты Великого Княжества утверждение Статута поставили условием признания Сигизмунда III великим князем литовским.

В результате 28 января 1588 г. Сигизмунд III издал на коронационном сейме привилей, гласивший, что «панове рады и врядники наши и послы Великого Князьства Литовьского... подали нам ку потверъженью Статут... через депутаты от станов Великого Князьства Литовского и на соймикох поветовых на то обраных и высажонных, поправленный, на сойме елекъцен наше под Варшевою прогледаный, просечы, абыхмо тот Статут... потвердили... указучи нам с конъстытуций и уфал соймовых, жесмы то учинити повиньни».

На этом основании король, благодарный сословиям литовским за избрание его на трон, заботясь об охране и умножении их прав, «с повиньности наше гсподарьское намовивъши се в том с паны радами нашими и зо вьсами станы обоего народу, на сойме вальном коронации наше будучими, тот Статут... стверъжаем... и ку уживанью на вси потомные часы выдаем». Далее Сигизмунд III оговаривал, что «ведьже тот Статут новоправленный зъвязком и списом Унии ни в чом противен быти и ничего шкодити и ублизати не маеть»⁴.

Текст привилея от 28 января 1588 г. допускал различные интерпретации, поскольку, с одной стороны, монарх подчеркивал, что утвердил Статут, будучи обязан сделать это в соответствии с правом, а с другой — ссылаясь на «намову» с панами рады и всеми сословиями (т. е. шляхетскими послами) обоих народов, которая предшествовала утверждению Статута королем. Основываясь на последнем положении в русской литературе — С. А. Бершадским и Ф. И. Леонтовичем — высказывалось

⁴ Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 19. СПб., 1854, с. III—IV; *Lanno И. И.* Литовский Статут 1588 г., кн. II. Каунас, 1938.

мнение, что утверждение Статута 1588 г. последовало на основании постановления коронационного сейма.

Противоположную позицию занял И. И. Лаппо. Он не жалел стараний и места для доказательства того, что Статут III был утвержден королем без предшествующего решения сейма⁵. Он ссылаясь при этом на мнение профессора Варшавского университета Яна Винцентия Бандтке о том, что Статут III «был введен в силу лишь привилеем Сигизмунда III без решения сейма»⁶, и авторитетного исследователя Статута III Станислава Пташицкого, который считал, что «третий Статут был утвержден не в законодательном порядке, как утверждались конституции... а единолично королем после переговоров с чинами обоих народов»⁷. С мнением Лаппо солидаризировался В. И. Пичета, отмечая, что «несомненно Лаппо прав в своем утверждении, что исправленный Статут не был представлен коронационному сейму»⁸.

В связи с трудностями интерпретации указанного привилея от 28 января 1588 г. большинство авторов, в том числе польских, ограничивались констатацией факта утверждения Статута королем без выяснения обоснования этого утверждения. Идя вслед за Леонтовичем, Станислав Кутшеба принял все же, что Статут III, «рассмотренный на элекционном сейме 1587 г., был утвержден коронационным сеймом 28 января 1588 г.»⁹ С этим согласился Стефан Эренкрейц, который критиковал Лаппо не столько за его точку зрения относительно утверждения Статута, сколько за общую тенденциозность, следствием которой была и позиция по рассматриваемому вопросу. Отдавая все же себе отчет в трудности решения вопроса, Эренкрейц высказался за специальное исследование формы утверждения Статута III, резюмируя: «До тех пор остается в силе мнение Леонтовича, принятое

⁵ *Лаппо И. И.* К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 г.— В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 130—171; вновь в статье: *Litevský statut a jeho sankce v r. 1588.*— In: *Sborník věd právnických a státních*, XXII. Praha, 1922, 1, s. 23—56. Широко свою точку зрения Лаппо развил и обосновал в фундаментальном труде «Литовский Статут 1588 г.», кн. I. Исследование, ч. 2. Каунас, 1936, с. 145—256. Там же детальное освещение предшествующей русской и польской литературы (с. 240—256).

⁶ *Bandtkie J. W.* Historia prawa polskiego napisana i wykładana przed rokiem 1830 w byłym Warszawskim Aleksandryjskim Uniwersytecie, Warszawa, 1850, s. 706.

⁷ *Пташицкий С. Л.* К вопросу об изданиях и комментариях Литовского Статута. СПб., 1893; *idem.* Nieco o trzecim Statucie litewskim i normach prawnych po nim na Litwie.— In: *Księga pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera*, t. II. Lwów, 1925, s. 248—249.

⁸ *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, с. 501.

⁹ *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski. II Litwa, wyd. 2-е. Lwów, 1921, s. 160.

Кутшебой»¹⁰. Но сам Кутшеба под воздействием дискуссии занял более осторожную позицию, считая, что «король утвердил новый Статут с согласия сейма»¹¹.

Как обстояло дело в действительности? Следует объективно признать, что много нового в изучаемый вопрос внес, несмотря на тенденциозность, Лаппо. Его выводы заключались в том, что Статут III не только был подготовлен одними литовцами, но и в утверждении его Сигизмундом III польские послы не участвовали. Лаппо обосновывал это политическим контекстом — утверждением Статута взамен за признание Литвой монарха, избранного без ее участия. Он отмечал также, что изданный сразу же после утверждения Статута 1 февраля 1588 г. привилей Сигизмунда III Великому Княжеству Литовскому говорил об участии только литовских сословий в процессе утверждения Статута.

Вот это место: «Ознаймуем, иж рады и рыцерство, послове Великого Князьства Литовского, то собе на сойме коронации наше, за позволеньем всих станов варовали, а мы то им за вечное право мети хочем: напервей, Статут прав Великого Князьства Литовьского... на том сойме коронации наше для потверженья поданый, змоцняем и до уживанья даем... заховываючи им завжды вольную Статуту поправу, веьже так, абы не против списом Унии, яко и тот Статут звязку Унии ничего шкодити не маеть»¹².

Лаппо обращал также внимание на тот факт, что конституция коронационного сейма и его «рецес» (*reces* — перечень дел, отложенных до следующего сейма) не содержат упоминаний о Статуте, что говорит о том, что он не был предметом обсуждения и постановления сейма. Полагаю, что следует согласиться с мнением, что коронационный сейм не принимал решения об утверждении Статута III.

Однако не следует упускать из виду фразу, говорящую о «намовах» монарха с панами рады и сословиями обоих народов. По мнению Лаппо, «намова» означала *consilium*, или совет с сановниками и сенаторами (панами рады), не ограничивающий

¹⁰ *Ehrenkreutz S. Stan badań nad Statutami litewskimi.*— «Ateneum Wileńskie», II, s. 314—319: «nim to nastąpi pogląd Leontowicza, przyjęty przez Kutrzebę, obowiązuje».

¹¹ *Kutrzeba St. Historia źródeł dawnego prawa polskiego.* t. II. Lwów, [1927], s. 77.

¹² Акты Западной России, т. IV, 3; Акты Виленской археографической комиссии, VIII, с. 262—263; ср.: *Launo H. H.* Литовский Статут, 1, ч. 2, с. 232—233.

свободы решения монарха. *Consilium* Лаппо противопоставлял *consensus* — термин, подразумевающий согласие сейма¹³.

В этой связи важно уточнить содержание понятия «намова». Этот термин известен и в политическо-юридическом языке Польши, и в канцелярской терминологии Великого Княжества. Вот в каком контексте применяет его инструкция серадзского сеймика 1592 г., предлагая упорядочение заседаний вального сейма: «Согласование вопросов на сейме, намоленных перед решением, пусть продолжается три дня... А после решения и завершения, пусть никто не осмеливается менять и толковать намоленные дела»¹⁴. «Намова» выступает здесь как обсуждение вопроса на сейме, окончательная редакция решения которого доверяется монарху и канцлеру, после чего оно должно быть еще представлено сейму для утверждения на его заключительном заседании.

А вот текст происходящего из литовской канцелярии «отказа» короля послам Великого Княжества от 23 марта 1600 г.: «Што се дотычет иных судов Речи Посполитое, которые ач намолены суть з позволенем всих станов, але иж конституцею варованы быть не могли для разрознения послов корунных... тогда веспол з паны радами Великого Княжства Литовского письмом то своим место конституции с поданием рук своих и под печатями своими варовали, которые до рук короля его милости отдали, а его корол[евская] милость водлуг листу того заховать се маеть», в соответствии с чем литовским послам был дан текст «отказа» с печатью Великого Княжества¹⁵. И здесь «намова» означала предварительное согласование вопроса на сейме, но без принятия решения, которое не состоялось из-за расхождения мнений коронных послов.

Следовательно, «намова» не означала постановления, а была свидетельством того факта, что вопрос обсуждался на сеймовом форуме. Зная мнение собранных на сейме сословий, король принимал решение сам.

Так, по нашему мнению, обстояло дело на коронационном сейме 1588 г., когда оппозиция польских сенаторов и послов утверждению Статута была нейтрализована угрозой, что в случае отказа утвердить Статут Великое Княжество не признает Сигизмунда III господарем. Это означало бы прямой кризис в польско-литовских отношениях и могло привести даже к расторже-

¹³ *Лаппо И. И.* Литовский Статут, I, ч. 2, с. 210—211.

¹⁴ *Biblioteka Narodowa w Warszawie, BOZ, грв. 1203, к. 70.* В польском оригинале «*namówione*».

¹⁵ ЦГАДА, ф. 389 (Литовская Метрика), кн. 289, л. 110б.

нию унии. В этой конкретной ситуации, как можно полагать, решение было предоставлено королю, что не означало, что польский политический класс одобрял нормы, кодифицированные в Статуте III, и был согласен с формой его утверждения.

Это нашло отражение в современной (издана в 1597 г.) «Польской хронике» Иоахима Бельского, ставящей под сомнение легальность Статута, поскольку он якобы был утвержден после окончания коронационного сейма и без участия сословий Короны Польской. Как писал Бельский, «но, раз это стало уже после коронационного сейма, не знаю, как можно считать его действительным, ибо его без нас состряпали» («ale, że to już po seymie koronacyjnym było, nie wiem jako ma być ważny, więc że go bez nas ukowali»¹⁶).

Возражения не ограничивались публицистикой. Контрнаступление польской стороны отразилось в инструкциях сеймиков последующих лет, дающих возможность оценить масштаб этого контрнаступления и используемые при этом аргументы. Уже в начале 1590 г. некоторые сеймики Короны обязывали своих послов, чтобы утвержденный королем Статут был подвергнут оценке и исправлению делегатами сословий Польской Короны. Инструкция сандомирского сеймика гласила: «Новый литовский статут, в котором содержатся большие погрешности, чтобы не был одобрен, пока его не пересмотрят наши исправители»¹⁷. Почти аналогичным образом люблинский сеймик требовал, чтобы «новый литовский статут... не был одобрен, пока его не пересмотрят наши исправители»¹⁸. Судя по идентичной редакции, между двумя малопольскими сеймиками существовала договоренность по данному вопросу.

Что означал такой пересмотр, уточнял серадзский сеймик, предлагая в своей инструкции, «чтобы вновь изданный статут подвергли цензуре коронных сословий на коронном сейме»¹⁹. Требования сеймиков, чтобы Статут был подвергнут цензуре коронных сословий, основывались на том, что они до сих пор не имели возможности принять решение в отношении его содержания. Это следует из постановления того же серадзского сеймика 1593 г., требовавшего не только цензуры Статута коронными сословиями, но и аннулирования его, как подготовленного и введенного в действие незаконно, в нарушение принципов Люблинской

¹⁶ Цит. по: *Lanno I. I.* Литовский Статут, I, ч. 2, с. 217.

¹⁷ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rps. 1621, k. 715. (Оригиналы текстов на польском языке. Перевод автора).

¹⁸ *Ibid.*, k. 777.

¹⁹ *Ibid.*, k. 730.

унии. Вот это решение: «Статут, подготовленный на частных съездах в Литве в нарушение постановлений унии, чтобы был отменен»²⁰.

Обобщение позиции польских сеймиков дает недатированная запись под названием «Nakrótce zebrane artykuły niemal ze wszystkich województw zgodnie poguczone...» Среди перечисленных в ней вопросов пункт 19 гласит: «Статут Великого Княжества Литовского, изданный в нарушение унии, чтобы был упразднен»²¹.

Еще пять лет спустя, в 1598 г., предсеймовый сеймик Краковского воеводства в Прошовицах предписывал в инструкции посылать, «чтобы новый литовский статут, который не был рассмотрен на сейме, был отменен, а особенно те его части, которые в ущерб Короне»²².

Из приведенных выше инструкций следует, что сеймики рассматривали утверждение Сигизмундом III Статута III без предварительного его рассмотрения и утверждения решением вального сейма как нарушение действующих законов, в особенности акта Люблинской унии, который предписывал в таких вопросах совместные действия сословий Короны и Великого княжества. Точка зрения сеймиков подтверждает положение, что «намова» не означала постановления сейма, а также мнение, что Литовский статут 1588 г. был утвержден королем без постановления коронационного сейма, хотя и обсуждался на сеймовом форуме. Попытки польских сеймиков добиться отмены или пересмотра Статута Великого Княжества были безуспешны: он оставался в силе до 1840 г., что является веским доказательством его значения.

²⁰ Biblioteka Narodowa w Warszawie, BOZ, rps. 1809/I, k. 166^v.

²¹ Ibid., k. 158^v.

²² Akta sejmikowe województwa krakowskiego, t. I (1572—1620), wydał St. Kutrzeba. Kraków, 1932, nr LIV, § 15, s. 227.

РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1655 г.

Занимающий нас сюжет имеет историографические традиции¹, но до сих пор нет специального исследования, а оно важно, ибо позволит лучше понять и русскую политику до начала противоборства со Швецией, и позицию правящего класса Великого Княжества Литовского. Активизация литовской дипломатии с лета 1655 г. объяснялась крайне неудачным для Речи Посполитой ходом войн с Россией и Швецией². В конце июля 1655 г. начались литовско-шведские переговоры, в которых виленские руководители прежде всего старались побудить шведов к военному или дипломатическому противодействию русскому наступлению³.

В подобной обстановке польская дипломатия сочла необходимым завязать контакты с Москвой: 3 августа в Вильно были получены письма Яна Казимира к литовским гетманам с сообщением о капитуляции 25 июля двух великопольских воеводств под Устьем и с предложением заключить мир с русскими на любых

¹ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974, с. 92—95, 109, 139—146, 160—161; Заборовский Л. В. Русская дипломатия и начало Первой Северной войны (январь — октябрь 1655 г.) — «Советское славяноведение», 1973, № 1, с. 47—49; Wisner H. Dysydenci litewscy wobec wybuchu wojny polsko-szwedzkiej (1655—1660). — «Odrodzenie i reformacja w Polsce», t. XV. Warszawa, 1970, s. 129—130; Wasilewski T. Zdrada Janusza Radziwiłła w 1655. r. i jej wyznaniowe motywy. — «Odrodzenie i reformacja w Polsce», t. XVIII. Wrocław, 1973, s. 137. Более ранняя литература отмечена в этих работах.

² Мальцев А. Н. Россия..., с. 76—98; Wimmer J. Przegląd operacji w wojnie polsko-szwedzkiej 1655—1660. — In: Wojna polsko-szwedzka 1655—1660. Warszawa, 1973, s. 138—150.

³ ЦГАДА, ф. Сношения с Курляндией. Дела, 1655 г., № 3, лл. 66—68; ф. Сношения с Польшей. Дела (далее — Польские дела), 1655 г., № 7, лл. 20—21; Akta ugody Kiejdańskiej 1655 roku. Pod. Wł. Koponczyński i K. Lepsy. — «Ateneum Wilenskie», X, Wilno, 1935, s. 174—180, 182; Мальцев А. Н. Россия..., с. 94—95.

условиях⁴. Таким путем король рассчитывал и помешать литовско-шведскому сближению. В обсуждениях 3—5 августа особую активность проявлял епископ виленский Г. Тышкевич. 4 августа он направил командующему казацкими отрядами под Вильно И. Н. Золотаренко письмо о желательности достичь мира, указывая на дипломатическую активность Австрии в этом направлении и предлагая взаимно прекратить боевые действия.⁵ 5 августа⁶ Г. Тышкевич обратился и к русским военачальникам с просьбой о мире.⁷ Эти два письма доставлены по адресу 5 августа⁸, а 7 августа Алексей Михайлович приказал боярам ответить, что войска уже на марше к Вильно и потому единственный выход для литовцев — «добить царю челом».⁹

5 августа литовские руководители подготовили официальное обращение к русским от лица обоих гетманов, епископа виленского, других магнатов и шляхты. В нем ставился вопрос, хотят ли московские власти переговоров, чего желает «вся Литва», содержалась просьба дать ответ и до получения согласия короля провести предварительную встречу для заключения перемирия¹⁰. В тот же день Г. Тышкевич снова написал в русский лагерь, повторяя свои предложения от 4 августа. Но возникли и новые мотивы: желательность совместных действий против «общего неприятеля» (т. е. шведов); идея перемирия сопровождалась обещанием договориться тем временем с Яном Казимиром об окончательном соглашении¹¹.

6 августа было отправлено общее письмо — попало к русским на следующий день¹². В тот момент, однако, московские политики считали мирные переговоры несвоевременными, поэтому 8 августа царь дал указание боярам ответить, что литовцам не следует больше обращаться по вопросу о перемирии и переговорах, а если они хотят мира, то им надо со всем княжеством податься «под царскую руку»¹³. Правда, после взятия Вильно намечалось направить царскую грамоту ко всем литовским деятелям с предложением «добить челом», но в резко изменившейся

⁴ *Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. Pamiętnik lekarza króla Władysława IV, Wrocław, 1968, s. 232, 234.* Здесь и далее даты даны по новому стилю.

⁵ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 4—6; *Мальцев А. Н. Россия...*, с. 92.

⁶ Видимо, в ночь с 4 на 5 августа.

⁷ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 2—3.

⁸ *Мальцев А. Н. Россия...*, с. 92.

⁹ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 20—32.

¹⁰ Там же, лл. 34—39.

¹¹ Там же, лл. 7—9.

¹² *Vorbek-Lettow M. Skarbnica...*, s. 234—235.

¹³ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 53—65.

тогда обстановке это намерение не осуществилось¹⁴. На этом русско-литовские связи прервались.

В первой половине августа 1655 г. русское правительство ориентировалось на план занятия Белоруссии и Литвы. Поэтому его не заинтересовала идея мирных переговоров и перемирия. Московские руководители желали перехода княжества в русское подданство и рассчитывали достичь этой цели путем войны. Не исключено, что мирным контактам помешали боевые действия.

Нелегко оценить литовскую политику в конце июля — начале августа 1655 г. из-за малочисленности и неясности сохранившихся источников. Оказавшись между двух огней, без всякой помощи из коронных земель, литовские феодалы могли обеспечить безопасность княжества, своих владений и тем более вернуть потерянное не военными средствами, а лишь политическими, причем соглашение со шведами казалось более подходящим и насчитывало немало сторонников¹⁵. Переговоры со шведами имели ясно выраженную антирусскую направленность. Можно ли, однако, расценить начавшиеся по указанию Яна Казимира контакты с русскими как простую попытку литовской стороны выиграть время? Из изложенного выше этого не следует. Видимо, надежнее был другой возможный вариант политического курса княжества, ориентирующийся на договоренность с Москвой. Он отвечал интересам большей части литовских феодалов, конечно, при условии сохранения их владений, прав, религии и т. д. мог получить и более широкую поддержку¹⁶. Проводниками этого курса стали, вероятно, менее шведофильские, чем биржанские Радзивиллы, группы и деятели вроде Г. Тышкевича. Позиция епископа виленского была сложна: в июле писали о его желании сговориться со шведами¹⁷, но в середине августа он отказался подписать Кейданское соглашение¹⁸.

Среди аргументов, оправдывающих последний шаг, был высказан один, позволяющий лучше понять действия и самого Г. Тышкевича и иных близких ему по образу мыслей лиц: неуве-

¹⁴ Там же, лл. 69—73. Проект грамоты не датирован, составлен, видимо, после 10 августа. Бояре не сумели, очевидно, переслать литовцам ответ в духе царских грамот от 7 и 8 августа, так как начались бои непосредственно за Вильно.

¹⁵ *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg* (далее — UA), Bd 7. Berlin, 1877, S. 370—371; *Kubala L. Wojna moskiewska R. 1654—1655.*— *Szkice historyczne*, ser. 3. Kraków, 1910, s. 283—288, 428; *Wisner H. Dysydenci...*, s. 127—128, 132—134.

¹⁶ *Мальцев А. Н. Россия...*, с. 92—93.

¹⁷ UA, Bd 7, S. 370—371.

¹⁸ *Akta ugody...*, s. 186—187.

ренность в том, захотят и смогут ли шведы выполнить главное условие литовской программы действий, т. е. задержать дальнейшее продвижение царских армий и тем или иным способом оттеснить их из границ княжества. В подобных условиях естественно было поискать и другой путь: вступить в контакты с русскими, интересам которых противоречили шведские успехи. Стержнем литовских предложений стала мысль о заключении перемирия с русскими, несомненно выгодного для княжества в тот момент¹⁹, с последующими мирными переговорами при санкции короля и, может быть, австрийском посредничестве; выдвигалась и идея совместных акций против шведов.

18 августа близ Кейдан были выработаны условия перехода княжества в шведское подданство, подписанные, однако, только сравнительно небольшой группой лиц²⁰. Во второй декаде августа — начале сентября 1655 г. шведские и литовские военачальники постарались дипломатически приостановить наступление царских войск в Литве²¹. Видимо, гетманы обратились по этому делу непосредственно к русским воеводам²². Это и послужило толчком к возобновлению русско-литовских контактов. Московская сторона уже была готова в тот момент к переговорам, понимая опасность для России возможной литовско-шведской и тем более польско-шведской унии²³. Вопрос был сочтен настолько важным, что доложен царю, и «з доклада великого государя нашего» выработана программа действий планируемой миссии. 24 августа послана грамота боярам с распоряжением направить от их имени к гетманам дворянина В. Н. Лихарева. 27 и 28 августа даны «верующие» и указ²⁴. Посланец прибыл к гетманам 30 августа, вручил им грамоту и «речь говорил» 31 августа, в тот же день имел с ними беседы порознь.

Судя по его высказываниям главным в московской программе было предложение перейти в русское подданство. В случае

¹⁹ Wisner H. Dysydenci..., s. 129—130.

²⁰ Akta ugody..., s. 180—184, 187—200; *Vorbek-Lettow M. Skarbnica...*, s. 252—253; *Wasilewski T. Zdrada...*, s. 137—138.

²¹ Польские дела, 1655 г., № 4, лл. 98—99; ЦГАДА, ф. Сношения со Швецией. Дела (далее — Шведские дела), 1655 г., № 1, лл. 135—136 об.; № 3, лл. 113—119, 171, 174—176; № 8, лл. 7—19, 25—26.

²² Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 66—67, 110.

²³ *Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy... Księga pamiętnicza wydarzeń zaszych na Litwie 1654—1668. Kraków, 1875 (далее—Medeksza S.)*, s. 15, 23.

²⁴ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 68, 74—75. Другие материалы о посольстве: Там же, лл. 76—110; ЦГАДА, ф. Сношения с Польшей. Книги (далее — Польские книги), № 85, лл. 1—22; *Medeksza S.*, s. 15—18; *Vorbek-Lettow M. Skarbnica...*, s. 252.

согласия гарантировалось сохранение всех прежних должностей, владений, вольностей, религии и «жалование многое и милость», что распространялось и на шляхту, переходившую вместе с гетманами, которые могли при желании послать представителя в царскую ставку для более детальных обсуждений.

При переговорах выявилось определенное различие позиций обоих литовских гетманов и стоявших за ними группировок. Я. Радзивилл напомнил, что он писал ранее боярам (т. е. 5 августа), дабы провести переговоры и завершить их прочным договором; «хотели мы быть в подданстве у царя, — продолжал гетман, — но нам не ответили, поэтому и пришлось подчиниться шведам». Князь обещал обсудить предложение с В. Госевским и др. Польный гетман выдвинул конкретную идею: пусть царь возьмет нужное ему из земель Речи Посполитой, но зато примет ее послов, заключит с ней мир, не затрагивая единства Короны и Литвы. 3 сентября В. Н. Лихарев разговаривал с «ближним человеком» Я. Радзивилла маршалком вилкомирским Я. Меженским. Последний сказал, что гетманы писали боярам 5 августа о мирном договоре, «а может то быть, штоб и в подданстве быть, видя бессилие польского короля», но эта попытка не удалась, тогда и подчинились шведам; «а коли б де государева милость о таком деле застала пораняея, штоб быть... в подданстве ино бы всякое добро договорилися»²⁵. Таким образом, и представители радзивилловской группировки считали возможным и желательным договориться с русскими, но полагали, что время для этого сейчас менее благоприятно, чем в начале августа.

4 сентября посланец беседовал с Я. Радзивиллом, который вспомнил, что еще зимой писал стольнику Ю. И. Ромодановскому о заключении мира. В. Н. Лихарев возразил, что он не писал о подданстве, а если желали мира, то следовало созвать посольский съезд при австрийском посредничестве²⁶, — новый мотив в русской политике, прежде не звучавший. Гетман отметил, что не может теперь «отстать» от Карла X. 5 сентября последовала вторая встреча с В. Госевским, сообщившим важные вещи: Я. Радзивилл «приклонился к шведу, а панство де многое с ним не хотят к шведу», в том числе и сам польный гетман, который поддерживает Яна Казимира и желает русско-польского перемирия и мира между двумя странами на основе территориальных уступок из владений Речи Посполитой²⁷. В. Госевский гово-

²⁵ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 90—91.

²⁶ Там же, л. 98.

²⁷ Там же, л. 104; Польские книги, № 85, л. 17—17 об.

рил об антирусских планах шведов, о целесообразности русско-польской лиги против них. Беседа 7 сентября с обоими гетманами не дала ничего нового, назавтра В. Н. Лихарев получил отпускную аудиенцию и пустился в обратный путь, 11 сентября он был уже в русском лагере.

Анализ материалов посольства В. Н. Лихарева показывает, что в 20-х числа августа 1655 г. происходит изменение русской политики по сравнению с началом месяца, объясняемое желанием помешать успехам Швеции и боязнью ее соглашения с Литвой либо в целом с Речью Посполитой. Правда, в центр программы была поставлена, как и раньше, идея перехода княжества в русское подданство, с гарантией неприкосновенности всей литовской социально-политической структуры. Но налицо и новое: интерес к мысли о мирном урегулировании с Речью Посполитой при условии существенных территориальных приращений за ее счет.

Литовские предложения остались прежними: военное перемирие, мирные переговоры между царем и королем, возможность объединенной антишведской акции, но дополнялись важным пунктом об уступке русским земель. Они не были единой программой: Я. Радзивилл и его сторонники держались прошведского курса, а группировка В. Госевского больше склонялась к соглашению с Москвой. Но, видимо, имелись и объединяющие моменты: первые два пункта отвечали общим интересам, виленский воевода не считал договор со шведами окончательным, если бы пришла помощь от короля из Короны²⁸. Очевидно, это и стало базой для совместной дипломатической акции: вместе с В. Н. Лихаревым для продолжения переговоров с русскими поехал от обоих гетманов В. Орда²⁹. Одновременно В. Госевский направил с неофициальной миссией своего представителя С. Медекшу.

К сожалению, почти не сохранилось данных о целях, ходе и результатах их встреч с боярами³⁰. Известно, что С. Медекша привез какие-то статьи или «проект», содержание которых было очень благожелательно принято московской стороной³¹. По его сообщению, 13 сентября В. Н. Лихарев, ездивший в царский стан,

²⁸ *Kottubai E. Zycie Janusza Radziwiłła...* Wilno, 1859, s. 388.

²⁹ Верительные грамоты от 7 сентября. Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 111, 112, 116—117. См. и Шведские дела, 1655 г., № 6, лл. 122—123.

³⁰ Отправившись в путь 8 сентября, вечером 10 сентября прибыли к русскому обозу, а 15 сентября дипломатическая миссия отправилась в обратный путь.— Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 124—125, 146—148; *Medeksza S.*, s. 13—21.

³¹ Польские дела 1655 г., № 10, лл. 216—226; *Medeksza S.*, s. 20.

передал, что Алексей Михайлович хочет мира с королем и примет его послов³². Сходные сведения имел и В. Орда, в беседах с которым проявились и антишведские настроения русских³³. Ответом на приезд литовских представителей стало посольство постельничего Ф. М. Большого-Ртищева к В. Госевскому и «ко всей шляхте»³⁴. Оно исходило из прежних задач, в том числе противоядия агрессивным намерениям шведских феодалов и их сближению с Литвой и Польшей, но учитывало новую обстановку, когда планы широкой военной активности были оставлены. Русские приняли во внимание, что ориентация княжества еще не определена и что есть реальные силы в Литве, не склонные к прошведской линии. Предложения группировки В. Госевского, в том числе идея территориальных компенсаций³⁵, расценивались царскими дипломатами как отвечающие русским интересам. Какой же курс намечался? К сожалению, по данному посольству, как и по ряду других, не сохранились прямые свидетельства, поэтому ответ приходится извлекать из косвенных данных. Первое, это согласие России на мир с Речью Посполитой и готовность принять гонца от Яна Казимира для дальнейших контактов; выдвигались и два условия: сохранение за русскими всего завоеванного и компенсация их военных расходов³⁶. Неофициально прозвучало и обещание помощи против шведов³⁷. Второе — по-прежнему пропагандировалась идея русско-литовской унии при сохранении всех «вольностей»³⁸.

В целом московская политическая программа в конце августа — начале октября 1655 г. учитывала новую ситуацию; но по-прежнему сохраняла главную идею: готовность к мирному договору с Речью Посполитой и стремление обеспечить за Россией Великое Княжество Литовское или хотя бы его значительную часть.

Ф. М. Ртищеву пришлось иметь дело с воеводой витебским П. Сапегой и сенаторами при нем, руководителями группировки, лояльной к польскому королю³⁹. Литовцы настойчиво подчер-

³² *Medeksza S.*, s. 20.

³³ *Vorbek-Lettow M. Skarbica...*, s. 252, 254.

³⁴ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 126—128, 138—141.

³⁵ Там же, л. 88.

³⁶ Там же, лл. 216—226.

³⁷ *Medeksza S.*, s. 22.

³⁸ *Medeksza S.*, s. 22—23.

³⁹ Переговоры прошли, согласно статеинному списку, 6—8 октября, письма их к царю и боярам от 10 октября. См. сохранившиеся материалы (Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 202—226, 276—277, 284—295); *Medeksza S.*, s. 21—27.

кивали свое стремление обеспечить мир между двумя сторонами, добивались и перемирия, включая украинский театр войны, а также скорейшего начала переговоров между царем и Яном Казимиром⁴⁰. Не исключено, что литовская программа дополнялась и переговорами о возможном переходе в русское подданство на случай неблагоприятного развития событий в Польше. Во всяком случае, так утверждал позже П. Сапега⁴¹, а косвенным доказательством может служить уступка сенаторов в вопросе о царской титулатуре⁴².

Последующее развитие русско-литовских отношений определялось ходом дел в Речи Посполитой⁴³ и в княжестве в частности. 20 октября был подписан в Кейданах окончательный шведско-литовский трактат о переходе княжества в шведское подданство⁴⁴, который стал для московских властей свидетельством широких претензий Карла X в княжестве. Но русские знали о существовании здесь заметной оппозиции шведам и об осложнении их положения на международной арене⁴⁵. В такой обстановке происходит решительное изменение политического курса России в сторону подготовки войны для противодействия шведскому наступлению. Скептическое чем прежде расценивалась возможность договориться с Яном Казимиром, ибо «вашего короля где теперь и найдешь»⁴⁶. Но и путь переговоров не был закрыт: С. Лядовицкому заявили, что если прибудет посланник короля, то последуют переговоры о мире⁴⁷. Однако в центре московских усилий в последние месяцы 1655 г. стали попытки закрепить в незанятых районах княжества путем контактов с литовским руководством о его переходе в русское подданство⁴⁸.

⁴⁰ Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества, т. II. СПб., 1861, с. 738, 739.

⁴¹ Польские дела, 1656 г., № 6, лл. 21—22.

⁴² Там же, л. 25; 1655 г., № 10, лл. 284—295; Записки отделения..., т. II, с. 739.

⁴³ *Wimmer J. Przegląd...*, s. 148—155.

⁴⁴ *Akta ugody...*, s. 201—222.

⁴⁵ Польские дела, 1655 г., № 1, лл. 27, 29—32; № 7, лл. 152—153; № 13, лл. 2—4; Шведские дела, 1655 г., № 6, лл. 118—122, 143; № 8, лл. 92, 95, 96, 97, 170; АМГ, т. II, с. 462—463.

⁴⁶ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 281—282.

⁴⁷ Там же, лл. 297—302, 346—351; Польские книги, № 86, лл. 49—49 об.

⁴⁸ Польские дела, 1655 г., № 1, лл. 33—45; № 10, лл. 170—185, 231—232, 297—302, 309—312, 329—341; № 11, лл. 26—27; № 14, лл. 1—97; № 15, лл. 1—11; 1656 г., № 5, лл. 1—63; Шведские дела, 1655 г., № 9, лл. 3—7; АМГ, т. II, с. 457—463; Записки отделения..., т. II, с. 665—672, 679—681. Эта линия была продолжена и позже.

При переговорах литовцы стремились в первую очередь сохранить неизменной всю социально-политическую структуру княжества, заключив с Россией нечто вроде унии, подобно той, какой было оно соединено с Польшей. Они пытались также обеспечить не только территориальную целостность княжества, предусматривая возвращение земель, перешедших под шведскую власть, но и его расширение, ставя вопрос о присоединении Волыны, Подолья, даже Украины. Царское правительство откладывало решение территориальной проблемы, но старалось ограничить литовские пожелания преимущественно областями до р. Березины. Последовательно выдержать такую линию и в то же время привлечь литовцев на свою сторону было невозможно, и оно шло на серьезные уступки⁴⁹. В частности, русское правительство гарантировало своим сторонникам в Литве сохранение и даже приращение их маестностей, владельческих и административных прав на них (ограничивались районами восточнее р. Березины). Сказанное относилось и к шляхетским и к магнатским владениям⁵⁰. При сложившихся в княжестве условиях было бы нереалистично игнорировать такую ведущую силу, как магнатство.

Русско-литовские переговоры второй половины 1655 г. в перспективе не получили самостоятельного значения, а стали ступенькой к контактам между Россией и Речью Посполитой. Но возможность сепаратного русско-литовского соглашения в указанное время была реальной: она, как выяснилось, имела немало сторонников в литовском правящем классе, а выдвинутая московскими дипломатами программа урегулирования оказалась достаточно реалистичной. Выявились и противоречия, прежде всего по территориальным проблемам. Они, но еще в большей мере кардинальное изменение обстановки в Польше с конца 1655 г., и привели к тому, что договоренность не осуществилась.

⁴⁹ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 227—230; № 14, лл. 1—87; № 15, лл. 1—11; 1656 г., № 5, лл. 1—63; АМГ, т. II, с. 457—463; Мальцев А. Н. Россия..., с. 142—146, 160.

⁵⁰ Польские дела, 1655 г., № 10, лл. 297—302, 329—333; Шведские дела, 1655 г., № 9, лл. 3—7; Мальцев А. Н. Россия..., с. 135—158.

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ
ПОЛИТИКИ МЕТТЕРНИХА
В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ *

Накануне нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. Меттерних предпринял огромные усилия, стараясь побудить императора Франца к вооруженному выступлению против России. В качестве наиболее веского аргумента для достижения этой цели он выдвигал возможность осуществления с помощью Наполеона давно желанного «поворота» в Венгрии, считая, что военный союз с Наполеоном позволит провести окончательную ликвидацию венгерской сословной конституции и навсегда устранить связанные с Венгрией осложнения.

Разгром «великой армии» Наполеона в России положил конец союзу Австрии с Францией. План Меттерниха не мог быть осуществлен без помощи извне, поскольку позиция венгерского государственного собрания и господствующее в стране общественное мнение были направлены против планов Габсбургов.

Уже летом 1812 г. Меттерних, увидев крушение своих надежд на помощь Наполеона, стал осознавать трудность «амальгамирования Венгрии». Нелегко найти средства и пути, отмечал он, для осуществления этого «исполинского предприятия». Это, однако, отнюдь не означало отказа Меттерниха от самой идеи. Он не переставал строить все новые планы ликвидации нетерпимого, по его мнению, дуализма между абсолютистским управлением наследственными землями Габсбургского дома и венгерским сословным представительством с целью окончательного снятия с повестки дня «венгерского вопроса», бывшего предметом постоянных забот правительства в Вене. Единственный урок, который Меттерних извлек из безуспешной попытки решить эту проблему

* Сокращения, принятые в статье: MÖSTA — Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs; NP — Aus Metternichs nachgelassenen Papieren, Bd I — VIII; Hrsg — von der K. Metternich — Winneburg. Wien, 1880—1884; StAW — Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien.

силой оружия в 1811—1812 гг., заключался в переходе от насильственных методов к методам политическим.

Свидетельством того, как понимал Меттерних этот «политический» подход к венгерскому вопросу, служит документ, относящийся к маю 1813 г. Он представляет собой составленный Меттернихом проект «высочайшего указа» по вопросу «венгерской реформы»¹.

В указе обращают на себя внимание четыре главных пункта: «1. Любая реформа внутреннего строя Венгрии должна быть осуществлена по возможности мирным путем; 2. План преобразований должен предусматривать максимальное сохранение существующих форм и наименований». Пункты 3 и 4 сформулированы четче и обстоятельнее. Так, пункт 3 предусматривает создание норм правления, максимально идентичных «основным нормам правления в остальной части... монархии»; пункт 4 предлагает рассмотреть вопрос о том, «должна ли подобная реформа утверждаться государственным собранием».

И в дальнейшем Меттерних постоянно возвращался к необходимости «реформирования», «цивилизации» или «улучшения правления» в Венгрии. Формулировки менялись, но цель оставалась прежней. Существует целый ряд проектов Меттерниха по вопросу реорганизации габсбургской монархии, в которых основное внимание уделяется Венгрии. Приведем в качестве примера относящийся к 1811 г. «собственноручно составленный проект всеподданнейшего доклада Меттерниха императору Францу...» Этот проект довольно точно характеризует абсолютистские и централистские устремления Меттерниха, осуществить которые он рассчитывал путем реформы высших правительственных органов империи, в частности путем создания рейхсрата — имперского государственного совета, при сохранении власти монарха.

Рейхсрат должен представлять всю империю, и конечно. Венгрию на тех же условиях, что и наследственные земли. «Ваше величество, — пишет Меттерних в своем докладе, — создает имперский государственный совет (рейхсрат). Я предлагаю именно это наименование, ибо оно включает в себя монархию в целом, уничтожая различия между немецкими и венгерскими землями»². И далее: «Создание имперского государственного совета ведет к амальгамированию различных провинций империи. Советы немецких и венгерских земель заседают в различных секциях. Однако венгерские вопросы будут представляться пред-

¹ Metternich — Kaiser Franz, 29. Mai 1813. — StAW. Staatskanzlei. Vorträge.

² NP, 1880, Bd II, S. 444—453.

седателями секций на обсуждение венгерским или другим советам согласно конституции этого королевства». Вот что должно было, по плану Меттерниха, остаться от венгерского сословного представительства и от государственно-правовой независимости Венгрии.

Одновременно доклад совершенно недвусмысленно устанавливает неограниченную власть монарха. Это означало, что внутренние дела Венгрии должны в дальнейшем рассматриваться и решаться в том же абсолютистском духе, что и дела наследственных земель. Имперскому государственному совету отводилась чисто консультативная роль: он должен был созываться лишь по велению монарха. Согласно докладу, «монарх является единственным истинным центральным пунктом государства, единственной точкой, из которой все исходит и к которой все стекается».

В 1816 г., когда решался вопрос о дальнейшей судьбе хорватских областей, освободившихся от французского господства, Меттерних выступил против возвращения этих областей Венгрии. Подчеркивая, что он пытается защитить интересы населения Хорватии, положение которого в результате присоединения к Венгрии значительно ухудшится, Меттерних стремился путем объединения Хорватии и Далмации и образования Иллирийского королевства создать в пределах империи новое государство, усилить влияние верных династий и католицизму хорватов в противовес Венгрии. На это обстоятельство указывает и А. Г. Хаас: «Его (Меттерниха) цели имели четко выраженный политический характер и касались структуры всей империи: речь шла не только о достижении благорасположения и лояльности со стороны населения габсбургской монархии в результате возведения Иллирии в ранг таких территориальных государств, как Чехия, Галиция, Ломбардия, Венеция и Венгрия, но и политического равновесия, опирающегося на поддержку входящих в состав монархии государств и подавление Венгрии в интересах другого партнера»³. Он также считает, что одной из задач создаваемого Иллирийского королевства являлось «большее подчинение Венгрии»⁴.

Аналогичную цель преследовал Меттерних и при разработке в 1817 г. нового плана под названием «Организация центрального правления в Австрии»⁵. Не останавливаясь на деталях это-

³ Haas A. G. Metternich, Reorganization and Nationality, 1813—1818. Wiesbaden, 1963, S. 99.

⁴ Haas A. G. Metternich und die Slaven (Denkschrift Martin Göhring). Wiesbaden, 1968, S. 146—161.

⁵ NP, Bd III, S. 62—73.

го плана, рассмотрим лишь вопросы, касающиеся Венгрии. Для достижения «спасительной цели централизации правительственной власти» Меттерних предлагал создать наряду с уже существующими венгерской и трансильванской четыре новые, подчиненные высшему имперскому органу, канцелярии: чешско-моравско-галицийскую, австрийскую, иллирийскую и итальянскую. В своем докладе императору он писал: «Очевидно, что в результате такой организации венгерская и трансильванская канцелярии будут низведены с той высокой ступени, на которой они стоят в настоящее время, до уровня обычной администрации. В этом я усматриваю первый шаг в направлении целесообразной, постепенно подготавливаемой реформы обеих стран»⁶, т. е. австрийской и венгерской частей империи.

В данном проекте Меттерних вновь открыто высказал свое неудовольствие привилегированным, по его мнению, положением Венгрии. «Венгрия и ее государства-придатки пользуются привилегиями, парализующими большую государственную машину, в то время как остальные земли империи чересчур ступшевываются в своих местных делах и даже в своем непосредственном управлении в виде разделенных названиями и конституциями провинций при существующей системе управления в центре. Указанное различие создает для Венгрии преимущество, которое внушает ей чуть ли не сознание своей самостоятельности, тогда как достойные внимания национальные особенности других австрийских государств теряются в результате трений между правительством и провинциями».

Во введении к докладу, правда, подчеркивается, что он в данном случае намеренно не затрагивает вопросы «будущего внутреннего устройства Венгрии». «Этот один из важнейших вопросов государственного управления является столь сложным, что он не может рассматриваться в качестве частного вопроса». В действительности же важнейшей мыслью всего проекта является изменение венгерского государственного устройства с помощью политических методов и реформы управления. К данному предложению, разработанному в 1817 г., Меттерних возвращался на протяжении всей своей жизни, рассчитывая таким образом решить наиболее острые внутренние проблемы империи. Император Франц не принял, однако, предложение Меттерниха, и оно так и осталось неосуществленным.

⁶ Metternich — Kaiser Franz, 27 Oktober 1817.— StAW, Staatskanzlei. Vorträge; NP, Bd III, S. 62—63.

Докладная записка 1817 г., содержащая новый проект переустройства империи, проливает свет на события 1811—1813 гг. Анализ документа показывает, что в 1811 г. Меттерних замышлял в Венгрии государственный переворот и продолжал подготовку переворота и в 1812, и 1813 г. Осуществлению этой акции, невысказанной, по признанию самого автора, без эффективной военной поддержки со стороны наполеоновской Франции, помешал разгром «великой армии» в России, а также явное нежелание Бонапарта таскать каштаны из огня ради укрепления австрийского владычества в Венгрии⁷. Поэтому в записке 1817 г. Меттерних вынужденно признает, что в 1811—1813 гг. «подобное предприятие (ликвидация венгерской конституции) могло привести к неизбежному падению монархии или, во всяком случае, сделать невозможным любое проявление ее силы в 1813 г. «В то же время автор записки, задним числом оправдываясь, подчеркивает, что он якобы и тогда «вовсе не исключал необходимость постепенной хладнокровной и спокойной подготовки возможной цивилизации Венгрии, ибо пока речь может идти только об этом»⁸.

Таким образом, в 1817 г. Меттерних пытался более последовательно и осторожно осуществить свой старый план. Вместо прямого фронтального нападения, на которое он, не имея достаточного опыта, рассчитывал в 1811—1812 гг., он хотел теперь достичь той же цели с помощью обходных маневров.

Предложения Меттерниха о проведении преобразований в габсбургской монархии в первые десятилетия XIX в., а также его политика в национальном вопросе высоко оценивались и даже несколько идеализировались некоторыми историками. Наряду с трудами Г. Србика особого внимания заслуживают работы современного историка А. Г. Хааса. Цель предложений Меттерниха он видит в превращении «столь сильно расшатанной монархии в прочный и внутренне уравновешенный союз равноправных государств», считая это проявлением «замечательной прозорливости и государственной мудрости». «Его усилия, направленные на предоставление Италии действительной автономии, его мысль о придании королевству Галиции собственного национального характера, наконец, его попытка уже в 1816 г. признать южнославянскую национальность путем создания Южнославянской империи явились проявлением государственной

⁷ Подробнее см.: *Andics E. Metternich. Budapest, 1976.*

⁸ Metternich — Kaiser Franz, 27 Oktober 1817.— NP, 1881, Bd III, S. 62—72.

прозорливости и мудрости...»⁹ Эта же точка зрения повторяется и в его более поздней монографии¹⁰.

О чем же шла, собственно, речь? Меттерних не признавал никаких прав за народами, входившими в состав габсбургской монархии, однако хотел он того или нет, он должен был считаться с ними как с серьезными политическими, экономическими и культурными факторами. С ними тем более приходилось считаться, что наполеоновские войны выявили непрочность существования многоязычной Австрийской империи Габсбургов. Меттерних стремился ослабить национальные стремления народов Италии, Польши, Хорватии и др. путем удовлетворения, а порой и разжигания их местного патриотизма с помощью некоторых незначительных, скорее видимых, местно-административных привилегий. Используя псевдонационализм, «местный патриотизм» или, как он любил говорить, культ «племенной гордости», Меттерних надеялся воспрепятствовать развитию и укреплению национальных устремлений, центробежных по своему характеру.

Весьма показательным в этом отношении представляется взгляд Меттерниха на политику, которую необходимо проводить по отношению к полякам в Галиции, на что обращает внимание Хаас: «Эта политика,— говорится в докладе Меттерниха императору в 1815 г.,— должна быть направлена, главным образом, не на то, чтобы поляков разом превратить в немцев, а чтобы сделать из них, прежде всего, настоящих галицийцев, которые перестанут считать себя поляками. Только такой постепенностью можно надеяться достичь конечной цели, всякое иное поведение правительства будет не только удалять от нее, но и может стать опасным в настоящий момент»¹¹. С помощью такой «постепенности», путем оказания итальянцам и южным славянам подобных императорских «милостей», Меттерних рассчитывал достичь упомянутой «конечной цели».

⁹ Haas A. G. Kaiser Franz, Metternich und die Stellung Illyriens.— MÖSTA, 1958, XI, S. 397.

¹⁰ Однако планы Меттерниха в 1816 г. относительно Иллирии шли гораздо дальше. Учитывая его идею поддержки региональной национальности в Галиции или Ломбардии — Венеции, представляется вероятным, что он имел в виду постепенное пробуждение национального самосознания южных славян. Попытка придавать этим национальным чувствам время от времени не только приемлемые, но и полезные для монархии формы, представляла собой весьма проницательную политику. Насколько лучше достижение такой цели по сравнению с созданием собственного государства южных славян в рамках империи? — Haas A. G. Metternich, Reorganization and Nationality..., p. 99—100.

¹¹ Metternich. Vorträg an Kaiser Franz, 18 April 1815.— Haas A. G. Metternich, Reorganization and Nationality..., p. 167—169.

Его концепция, согласно которой развитие «региональных традиций и духа» (выражение Хааса) может сдерживать стремление народов, входящих в состав империи, к государственной самостоятельности, свидетельствует, по нашему мнению, о недостаточной государственной прозорливости канцлера. Убежденность Меттерниха в том, что с помощью подобных манипуляций можно заставить итальянцев забыть, что они — итальянцы, а поляков, что они — поляки, свидетельствует о недооценке им такого явления, как национальное движение. Пытаясь удовлетворить стремления венгров, итальянцев, поляков, хорватов к национальной самостоятельности с помощью суррогатов, Меттерних считал, вероятно, эти народы «детьми»¹², хотя они уже давно не были таковыми.

Еще менее обоснованным представляется нам взгляд, согласно которому Меттерних якобы хотел превратить габсбургскую монархию в союз равноправных народов, явившись в этом отношении предвестником идей XX в. В уже цитированной работе Хааса в связи с планами Меттерниха говорится о «прочном союзе равноправных государств-членов»; это мнение разделяет и Бертье де Совиньи¹³. В действительности одной из основных целей проектов Меттерниха было лишение Венгрии ее исконных прав, ее, хотя и ограниченной, самостоятельности, а вовсе не предоставление другим народам аналогичных прав.

Меттерниху с его абсолютистскими взглядами конституционные права Венгрии, хотя и являвшиеся правами лишь в ограниченном смысле, представлялись ненужным балластом; он отвергал не только буржуазно-либеральные права, но и феодально-сословные привилегии, если они стояли на пути к неограниченной власти монарха (по весьма удачному определению А. И. Герцена, Меттерних был противником «как старых, так и новых свобод»). Он добивался не равноправия, а равного бесправия для народов, входивших в состав монархии под эгидой, как он выражался, «германского элемента». Г. Србик также подчеркивал: «Меттерних видел свою задачу в ограничении внешнего общегерманского характера областью литературы, не распространяя его на политическую сферу»¹⁴.

¹² «Народы подобны детям или нервным женщинам, они верят в привидения», — говаривал канцлер. — NP, 1881, Bd III, S. 432.

¹³ В рецензии на книгу А. Г. Хааса Б. де Совиньи указывает, что цель плана 1817 г. заключалась в «приведении в порядок беспокойной венгерской нации путем предоставления ей одинаковых с другими народами привилегий и компетенций». — «Revue d'histoire», v. 12, 1965 (I—III), p. 72.

¹⁴ *Srbik H. Metternich der Staatsmann und der Mensch*. Bd II. München, 1925, S. 194. Легитимист и консерватор до мозга костей. Меттерних отвергал

Не приходится поэтому сомневаться в том, что Меттерниху была чужда мысль о слиянии многоязычного населения империи в единую нацию путем германизации. Нереальность подобного намерения уже тогда была исторически доказана; от этого Меттерниха удерживало полное поражение и опасные последствия подобных попыток со стороны Иосифа II. Политика последнего создала опасность революции в Венгрии; это устрашающее предостережение было живо не только в памяти императора Франца, но и самого Меттерниха.

Политика Меттерниха в национальном вопросе мотивировалась пониманием им того обстоятельства, что попытки, неудавшиеся во второй половине XVIII в., спустя десятилетия, в XIX в., в эпоху пробуждения национального самосознания и роста национальных движений, имеют еще меньше шансов на успех. Вместе с тем не следует сомневаться в том, что Меттерних не осуждал в принципе политику централизации и германизации, проводившуюся Иосифом II, он не одобрял лишь его тактику. Канцлер неоднократно высказывал свое отрицательное отношение к неправильным методам Иосифа II, препятствовавшим естественному, по его мнению, процессу германизации отдельных народов империи, и прежде всего Венгрии. Канцлер считал, что в период правления Марии Терезии в результате проведенных ею мероприятий в этом направлении были уже сделаны успешные шаги. «Слияние шло естественным ходом и было нарушено бесцеремонной политикой Иосифа II»¹⁵.

«Легкомысленно применяемые» Иосифом II методы централизации и германизации воспламеняли национальные чувства народов империи; эта политика была, собственно, началом «мадьяризма и послужила толчком к развитию сепаратных стремлений в венгерском народе»¹⁶. Меттерних был убежден в

всякую национальную идею («порождение XIX века»), в том числе стремление немцев к национальному единству, усматривая в этом угрозу существованию Габсбургской династии в Австрийской империи. В этом смысле надо понимать приведенное замечание Г. Србика об ограничении «общегерманского» сферой культуры.

¹⁵ Metternich — Schwarzenberg, 26 Juni 1849. — NP, 1884, Bd VIII, S. 479—484.

¹⁶ Статья Меттерниха, написанная в 1849 г. — NP, 1880, Bd I, S. 269—272. Anmerkung 85. Статью Меттерниха по вопросу о венгерском языке 19 октября 1839 г. см.: *Szekfü F. Iratok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez.* Budapest, 1926, 493 old. Мнение Меттерниха от 20 августа 1833 г. для государственной конференции государств. — Там же, с. 409—411; Metternich — Latin Joseph, 17 Oktober 1839. Edb., S. 493—495; *Der Sprachenkampf in Ungarn.* — NP, Bd VI, S. 672—676; Metternich. Schlagworte über die ungarische Frage..., (ohne Jahreszahl). *Státní Ústřední Archiv v Praze. Metterniáský Archiv. Acta Clementina, C. 34 usw.*

том, что движение за объявление венгерского языка государственным никогда бы не возникло, если бы Иосиф II не предпринял попыток насильственной германизации Венгрии. До 1790 г. венгерский язык не был достоинством образованных сословий, он был предоставлен венгерскому народу.

Меттерних даже указывал на то, что создание национально-государства в условиях монархии не только невозможно, но и нежелательно. Осуждая строго централизаторскую политику Иосифа II, он не в последнюю очередь руководствовался мыслью о том, что более тесное объединение народов может оказаться опасным для сохранения абсолютистской системы. «Я считаю совершенную, осуществляемую насильственным путем систему слияния отдельных составных частей монархии пустой и тем более рискованной гипотезой, что в настоящее время подобное предложение неизбежно поставило бы вопрос о центральном представительстве нации (каким бы нелепым ни являлось оно само по себе при существующих условиях)», — настоятельно подчеркивал он, обращаясь к императору уже в 1817 г.¹⁷

В централизованном государстве существует опасность свержения абсолютизма достаточно сильным единым народом. Пытаясь всеми средствами сохранить раздробленность Италии, Меттерних приводил против единства Италии прежде всего следующий довод: «слияние воедино (итальянских государств) мыслимо лишь в форме республики...»¹⁸ Этой точки зрения^{18а} он придерживался не только в отношении Австрии; он постоянно подчеркивал, что он вообще против централизации по французскому образцу. Известен его неприкрытый цинизм, с которым он изображал преимущества «лоскутной» габсбургской монархии одному из представителей свергнутых Бурбонов: «У нас революции не привели бы к лесному пожару. Когда венгры восстанут... мы сразу же противопоставляем Венгрии Чехию, они не видят друг друга; или Польшу, или Германию, или Италию».

После неудачных попыток Иосифа II венское правительство все более сознательно стало осуществлять в национальном вопросе принцип «разделяй и властвуй», видя в этом практическую возможность сохранения лестрой многонациональной монархии. К этому выводу пришел уже канцлер В. А. Кауниц, настоятельно рекомендовавший этот принцип преемнику Иосифа II Леопольду II. Таким образом, эта политика не являлась изобре-

¹⁷ NP, 1881, Bd III, S. 68.

¹⁸ Metternich — Erzherzog von Toscana, 24 April 1847. — NP, Bd VII, S. 401—405.

^{18а} Charles X et Louis XIX en exil. Mémoires inédits du marquis de Villeneuve, Paris, 1889, p. 16.

нием Меттерниха. «Чтобы существовать, австрийская монархия должна поочередно натравливать друг против друга различные подвластные ей национальности»,— писал Ф. Энгельс несколькими десятилетиями позже¹⁹, однако это утверждение может быть отнесено к Австрии уже в первой половине XIX в. Меттерних применял этот принцип в своей политике в национальном вопросе сознательнее и разнообразнее, чем его предшественники.

Основной тезис политики Меттерниха, имевшей целью поддержание единства габсбургской монархии при господстве находившегося в меньшинстве «германского элемента», заключался в сохранении равновесия разнородных стремлений различных национальностей и обеспечения для монарха роли третейского судьи среди них. Говоря о политике Меттерниха в национальном вопросе, К. Маркс отмечал, что «он понуждал одну национальность действовать во зло другой, но он нуждался в них, чтобы понуждать их к этому»²⁰. В этом был смысл меттерниховского девиза: «Единство во множестве». Этим объясняется намерение Меттерниха сохранить «индивидуальность» различных народов империи (на уже упоминавшейся низкой ступени). Он даже любил ставить это себе в заслугу. «Практическое понятие слова национальность... ни в одном государстве не пользуется большим уважением, чем в Австрийской империи. Австрийская монархия никогда не придавала значения изменению названий, этой игре со словами; она никогда не называла венгров, итальянцев и поляков немцами»²¹. Дело и в самом деле было не в названии.

Как понимал Меттерних на практике отказ от германизации различных народов, какую роль он в действительности придавал «германскому элементу», показывают, в частности, его предложения относительно Галиции. Поясняя, какую цель преследует забота о Галиции, он отвечал: «Галиция нуждается в усилении германского элемента... Средства к цели заключаются в увеличении приобретений земельных владений немецкими собственниками путем распространения немецкого языка в школах и другими путями» и т. д.²²

Смысл меттерниховского девиза «Не германизировать, а империзировать!» отражал его основную позицию, определявшую

¹⁹ Энгельс Ф. Австрия.— Развитие революции.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 244.

²⁰ Маркс К. Господин Фогт.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 517.

²¹ Aphoristische Betrachtungen über die dermaligen Zustände in Galizien.— NP, Bd VII, S. 204—210.

²² Там же.

всю его государственную политику: в рамках габсбургской монархии ведущую роль призван играть германский элемент.

В одном секретном документе он писал: «Австрийская империя состоит из многих частей, которые в своей совокупности образуют эту империю. Одна национальность преобладает в ней — германская; она является не только прототипом правящей фамилии, но служит подлинным элементом цивилизации в этом огромном сообществе национальностей»²³. Таким образом, Меттерниху были чужды показавшие свою безрезультатность методы насильственной германизации, применявшиеся Иосифом II по отношению к народам империи. Главное значение он придавал не германизации, а тому, чтобы в национальных областях «командные высоты» в экономической, политической и культурной жизни находились в руках немцев и служили интересам наследственных земель и «германского элемента» вообще. Реализация этого принципа означала для него неоднократно подчеркивавшуюся «цивилизацию» Венгрии и других негерманских областей. Применительно к Венгрии он подразумевал под этим прежде всего введение системы правления, существующей в наследственных землях, или, по меньшей мере, хотел приспособить существующие в этой стране «варварские» законы к гегемонии наследственных земель и задающего в них тон «германского элемента» и примирить с этим образ мыслей венгерского общества. Вопрос о средствах достижения этой цели занимает основное место в данном документе. В числе этих средств важное место отводится использованию противоречий между различными народами.

Две памятные записки, адресованные Меттернихом председателю государственной конференции эрцгерцогу Людвигу в 1843 г., дают ясное представление о его взглядах по национальному вопросу и, в частности, о политике двора в отношении Венгрии²⁴. Отмечая «чрезвычайную важность вопроса», канцлер подчеркивал, что «национальность становится силой»; этому обстоятельству необходимо уделить особое внимание в условиях многоязычной Австрийской империи.

Основное место в его докладе занимают предложения по вопросу главного направления национальной политики в Венгрии для конференции государств²⁵. Несмотря на осторожную дипло-

²³ Metternich — Apponyi, 12. April 1847. NP. Bd VII, S. 383—390.

²⁴ Metternich — Erzherzog Ludwig, 8—9. März 1843; *Rapant D.* Slovenský prestolný prosbopis. Liptovský Svät. Mikulas, 1943, s. 455—462.

²⁵ Ни одно из «теоретических» положений меморандумов, при всей их претенциозности, не выдерживает критики. Меттерних считал, что в процессе

матическую форму, они исходят, в сущности, из принципа «разделяй и властвуй». Меттерних руководствовался убеждением в том, что между венгерским и славянским населением Венгрии происходит неуклонное обострение противоречий. «Это ведет к возникновению новой эры как для самой Венгрии, так и для политики правительства в этой стране»,— говорится в меморандуме. «Первостепенным и одновременно самым естественным результатом этого должно быть то, что обе народности будут искать защиту короля».

Новая ситуация, полагал канцлер, откроет династии благоприятные перспективы: «Теперь уже от правительства будет зависеть начало открытой борьбы между народностями Венгрии». Меттерних дает следующий совет: монарх не должен принимать чью-либо сторону, он должен выполнять роль третейского судьи между венграми и славянами. Подобная политика позволит избежать опасностей, связанных с национальными противоречиями, и пойдет на пользу правительству: оно получит возможность «извлечь из существующего зла выгоды в интересах общего блага»²⁶.

Пробуждение национального самосознания и стремления народов империи к независимости Меттерних объяснял главным образом подрывной деятельностью либералов. Характерным для него является безмерное презрение к немецкому населению Австрийской империи. Презрение Меттерниха не ограничивалось лишь Венгрией, чье вековое «варварское» отставание от европейского развития, «азиатский», «татарский» характер он не устал подчеркивать. Итальянское национальное движение и итальянский народ он считал бесполезным и ненужным балластом: «За этой нацией всегда стоит Пульчинелло...»²⁷; «Искать людей и личностей по ту сторону Альп, на юге, это значит пытаться

развития отдельных наций произойдет постепенное поглощение малых народов тремя «главными группами народов»: романской, германской и славянской. «Единственный народ, который еще полностью использует политические преимущества своей национальности, это венгры». По поводу этого, не выдерживающего никакой научной критики, утверждения мы ограничимся лишь одним замечанием, что развитие отдельных наций в XIX в., особенно в Юго-Восточной Европе, шло в абсолютно противоположном направлении.

²⁶ Этого взгляда он придерживался и спустя десятилетия: «Не следует уничтожать индивидуальность провинций Австрии».— Aus Hübners unveröffentlichtem Tagebuch (v. VIII).— In: *Breycha-Vauthier A. Diplomatie und Leben.* Wien, 1962, S. 110.

²⁷ Auszüge aus Metternichs Privatkorrespondenz 22, März 1821.— NP, 1881, Bd III, S. 434.

найти квадратуру круга». «...Прекрасные земли, заселенные людьми, которые вряд ли достойны носить это почетное звание...»²⁸ И этой ложной, искаженной точке зрения Меттерних был верен в течение всей своей жизни!²⁹

Не менее враждебным было его отношение к национальному движению в Польше. «Полонизм — это лишь формула, за которой стоит революция в ее самой острой форме... поэтому борьба с ней является делом не только трех держав, но всеобщим долгом»³⁰.

Меттерних был смертельным врагом национальных движений и устремлений народов, понимая их антифеодальный и антиабсолютистский характер. Он утверждал, что революция начертала на своих знаменах национальные лозунги, чтобы заставить народы забыть о своих «элементарнейших обязанностях»³¹.

Самой элементарной обязанностью народов Меттерних считал их безусловное подчинение воле «божьей милостью монарха» и его правительства. Его враждебное отношение к национальным стремлениям народов отнюдь не означало, что он опередил свое время, представляя более прогрессивные, по сравнению с буржуазным национализмом, взгляды. Напротив, Меттерних воплощал отношение феодально-абсолютистского класса к национальным стремлениям буржуазии, которые, несмотря на их противоречивость, имели прогрессивный характер. Его деятельность в этой области была реакционной, он смотрел не вперед, а назад, упорно цепляясь за изжившие себя взгляды.

²⁸ Corti E. C. Metternich und die Frauen, Bd II. Wien — Zürich, 1949, S. 238.

²⁹ Летом 1847 г., за несколько месяцев до начала революционных боев, он успокаивал вице-короля, эрцгерцога Райнера, утверждая, что итальянцы не способны к серьезной борьбе. (*Schönbichler H. Radetzky's Stellungnahme zu den politischen Vorgängen der Jahre 1847—1856. Diss. Wien, 1950, S. 14.*)

³⁰ Aphoristische Betrachtungen über die dermaligen Zustände in Galizien.— NP, 1881, Bd VII, S. 204—210.

³¹ Metternich — Buol, 29. Mai 1846.— NP, 1881, Bd VII, S. 224—227.

**ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКИХ ПОВСТАНЧЕСКИХ ВЛАСТЕЙ
ПО ВОПРОСУ ИХ ОТНОШЕНИЙ
К ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ,
РУССКОМУ, УКРАИНСКОМУ, БЕЛОРУССКОМУ,
ЛИТОВСКОМУ НАРОДАМ
В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1830—1831 гг.**

О восстании 1830—1831 гг. существует обширная литература. О нем писали как русские, так и польские историки. Однако данный вопрос в политике польских повстанческих властей специально не рассматривался ни в нашей, ни в польской историографии. Эту политику повстанческих властей следует рассматривать в трех аспектах: отношение к царскому правительству, отношение к русскому народу и отношение к литовскому, белорусскому и украинскому народам.

В ночь на 29 ноября 1830 г. Тайное общество подхорунжих подняло восстание в Варшаве. Восстание было поддержано широкими массами городского населения и в результате этого успешно началось. Аристократы, захватившие власть, боялись народного движения и 30 ноября от имени Административного совета опубликовали воззвание, призывавшее народ к порядку, умеренности и спокойствию¹. Народ и революционные элементы, выразителем настроений которых стало образованное ими 1 декабря Патриотическое общество (Клуб), встретили воззвание с негодованием. На многолюдном и бурном заседании общества ораторы требовали удаления из Административного совета реакционных лиц, связанных с царизмом, создания нового правительства, разрыва отношений с Константином, развертывания военных действий, распространения восстания на Литву, Белоруссию и Украину. 2 декабря к зданию Административного совета направилась массовая демонстрация, которая повторила выдвинутые требования². В этот день А. Чарторыйский от имени Административного совета обратился с воззванием к полякам, в котором призывал их к спокойствию, и сообщил, что Совет добивается от царизма точного соблюдения конституции 1815 г.,

¹ Wybór źródeł do powstania Listopadowego. Wrocław, 1957, s. 30.

² Kieniewicz S. Historia Polski. 1795—1918. Warszawa, 1969, s. 100.

ссылаясь при этом на ранее данное Александром I³ обещание присоединить к Королевству «восточные провинции Речи Посполитой».

Уличная демонстрация вынудила Административный совет пойти на некоторые уступки. Из состава Совета были выведены самые непопулярные его члены и вместо них кооптированы от Клуба И. Лелевель и М. Мохнацкий. 3 декабря Административный совет объявил о самороспуске. Вместо него по инициативе А. Чарторьского было создано Временное правительство, в которое был введен только один представитель Клуба — его председатель И. Лелевель. Правительство объявило о созыве шляхетского сейма на 18 декабря и предложило Константину и русским войскам покинуть пределы Королевства.

Временное правительство еще надеялось мирно договориться с царизмом о сохранении конституции 1815 г. и расширении территории Королевства Польского. Оно принимает ряд мер, направленных к тому, чтобы не допустить дальнейшего развертывания революционного движения. Но сделать этого не удалось, и тогда главнокомандующий польскими войсками ген. Ю. Хлопицкий, поддержанный аристократией, объявил себя 5 декабря диктатором. Он закрыл Патриотический клуб, вывел Лелевеля из состава правительства и произвел арест революционно настроенных лиц. С целью найти компромисс с царским правительством он посылает в Петербург делегацию в составе представителей аристократии князя Любецкого и графа Езерского. Делегации поручалось сообщить царю ряд просьб и пожеланий поляков, в числе которых имелось пожелание о том, чтобы литовско-белорусско-украинские земли «были объединены с Королевством»⁴.

Миссия Трубецкого и Езерского потерпела неудачу. Николай I заявил, что с «бунтовщиками» он вести переговоры не будет и требует безусловной покорности поляков.

18 декабря в Варшаве открылся шляхетский сейм. Сейм утвердил диктатуру Хлопицкого. На заседании сейма маршал Волхновский выдвинул предложение о присоединении белорусских и украинских земель⁵. 20 декабря под натиском патриотических сил сейм принял Манифест, объявлявший восстание национальным. С целью оправдать его необходимость, в Манифесте подробно излагались причины восстания, важнейшими среди них названы такие, как нарушение Александром I и осо-

³ Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. военно-ученого архива (далее — ВУА), д. 5062—5063, л. 385.

⁴ «Gazeta Polska», 6.XII 1830.

⁵ «Gazeta Polska», 19.XII 1830.

бенно Николаем I конституции 1815 г., усиление национально-политического гнета в Королевстве Польском и невыполнение обещаний относительно присоединения к Королевству «бывших восточных провинций Речи Посполитой»⁶. Унижения и зависимость, говорилось дальше в Манифесте, «заставили польский народ восстать, и он будет сражаться до тех пор, пока не добьется независимости и свободы».

В Манифесте подчеркивалось, что поляки не питают ненависти к русским, «к большому, как и мы, племени славянского рода». Составители Манифеста надеялись, что образование Королевства Польского и провозглашение Конституции приведет к установлению в России конституционных свобод, «которые во всем цивилизованном мире стали потребностью»⁷.

Хлопицкий отверг Манифест и предложил прервать заседания сейма. Он делал все для того, чтобы восстание не расширялось: сдерживал вооружение повстанцев, подавлял крестьянские волнения, отверг предложения о посылке польских войск в Литву, Белоруссию и на Украину с целью поднять там восстание. Представителям шляхты, прибывшим в Варшаву из бывших восточных провинций Речи Посполитой и обратившимся к Хлопицкому с просьбой разрешить им создать свой легион, диктатор ответил, что у него «нет для них ни одного патрона»⁸. Большинство послов сейма не верило в успех восстания и колебалось.

Бывшие члены Патриотического клуба развернули против диктатора активную борьбу. Они призывали сейм немедленно объявить войну царизму, провозгласить подлинную независимость Польши, поднять восстание в Литве, Подолии, на Волыни и на Украине. Члены Клуба были убеждены в том, что Николай I никогда добровольно не согласится на существование независимой конституционной Польши. Они надеялись, что польское восстание всколыхнет всю Россию и что братский русский народ выступит против царизма и также добьется свободы⁹. Автор воззвания «К полякам и русским» призывал русских прекратить войну с поляками, поднявшимися на справедливую борьбу. Он писал, что войны и распри между славянами ни к чему хорошему не приведут, они лишь ослабляют их и способствуют потере ими независимости¹⁰.

⁶ «Wybór źródeł...», s. 42—48.

⁷ Там же, с. 46, 48.

⁸ Давыдов Д. В. Записки партизана Дениса Давыдова. (Воспоминания о польской войне 1831 г.).—«Русская старина», 1872, т. VI, с. 22.

⁹ «Nowa Polska», 6.I 1831.

¹⁰ «Gazeta Polska», 17.I 1831.

Отсутствие единства в шляхетско-аристократическом руководстве восстания, отрицательный ответ Николая I, присланный в середине января 1831 г. сейму, еще больше вызвали разброд среди руководителей восстания, неверие в его успех. Хлопицкий предлагал капитулировать. Однако правительство заявило, что принять требование царя невозможно. Окончательное решение вопроса было перенесено в сейм. 18 января Хлопицкий, не желавший войны с царем, отказался от диктатуры и от поста главнокомандующего польских войск. 19 января был возрожден Клуб под названием Патриотическое общество.

Члены Общества решили оказать давление на открывшийся 19 января сейм с тем, чтобы он открыто поддержал выступление против царизма и тем самым сжег за собой все мосты к примирению. На заседании 24 января Общество приняло петицию к сейму, в которой сеймовые послы призывались «разорвать всякие отношения между польским народом и царским правительством». Сейму предлагалось провозгласить независимость Польши в границах 1772 г. на востоке, лишить Николая I и его наследников польского трона, объявить этот трон вакантным; освободить всех жителей Королевства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины от присяги русскому императору; призвать представителей Литвы, Белоруссии и Украины принять участие в заседаниях общепольского сейма¹¹.

25 января по инициативе Патриотического общества была организована панихида в память казненных декабристов. Панихида превратилась в мощную политическую демонстрацию. Демонстрация проходила по улицам Варшавы и остановилась у Королевского замка, в котором заседал сейм. Демонстрация произвела сильное впечатление на послов сейма и повлияла на принятие им решения о детронизации Николая I¹². Предложение о детронизации Николая I и о провозглашении независимости Польши было внесено на сейме членом Патриотического общества Р. Солтыком. В предложении Солтыка содержались основные положения петиции Общества к сейму, принятой 24 января¹³. Акт детронизации Николая I означал объявление войны царизму. Таким образом, под напором патриотических масс аристократическое руководство восстанием, помимо своей воли, было вынуждено начать активную борьбу. Однако в своих действиях оно стремилось не допустить перерастания восстания в социальную революцию.

¹¹ «Nowa Polska», 25.I 1831.

¹² «Nowa Polska», 26.I 1831; «Dziennik powszechny krajowy», 1.II 1831.

¹³ «Nowa Polska», 22.I 1831.

Сейм назначил главнокомандующим польских войск князя Радзивилла. Сейм сохранил за собой высшую власть в государстве и 29 января образовал Национальное правительство во главе с А. Чарторыским. Правительство было коалиционным и зависело от сейма. В него вошли два аристократа, два представителя «калишан» и Лелевель.

После отставки Хлопицкого началась интенсивная подготовка к войне с царизмом и к организации восстания в Литве, Белоруссии и на Украине. Из шляхты и интеллигенции, прибывших в Варшаву из этих земель с целью присоединиться к восстанию и убедить диктатора в необходимости в бывших восточных провинциях Речи Посполитой восстания, Лелевель создает клуб «Объединенных братьев». Члены клуба подготовили адрес к сейму и назначили из своей среды депутацию, которой поручили передать этот адрес сеймовым послам. 24 января Лелевель огласил адрес, который подписали 200 человек, в посольской избе и в сенате. В адресе говорилось, что якобы все жители Литвы, Белоруссии и Украины «стремятся к воссоединению в едином с поляками государстве»¹⁴.

1 февраля 1831 г. сейм утвердил ответ на поданный адрес. В нем сказано, что послы обеих палат с энтузиазмом приняли адрес, так как он «напоминает о вечных связях двух народов (польского и литовского), о Люблинской унии, которая объединила оба народа в одно государство». Сейм признал лиц, подписавших адрес, полномочными представителями «забужанских и занеманских земель» в посольской избе и в сенате до тех пор, пока настоящие представители по ту сторону Буга и Немана не будут исполнять эти функции. Сейм призвал жителей Литвы, Белоруссии и Украины «считать себя свободными от обязательств и присяги Николаю I». К жителям Литвы, Волыни, Подолии и Украины сейм обращался с призывом братья за оружие, чтобы совместными усилиями восстановить «стародавнее единство и унию, а также прежние права и законы, которые в случае надобности можно будет исправить и улучшить» и на совместном польско-литовском заседании сейма принять «единую для обоих народов конституцию»¹⁵.

После утверждения ответа сейм принял решение о создании Волынского и Литовского легионов из шляхты, прибывшей в Варшаву из Литвы, Белоруссии и Украины. 31 марта легионы начали военные действия против царских войск.

¹⁴ «Dziennik powszechny krajowy», 22.II 1831; 25.II 1832; 22.II 1831; 30.II 1831.

¹⁵ «Dziennik powszechny krajowy», 2.II 1831.

Царское правительство принимает меры к подавлению восстания в Королевстве и его предотвращению в Литве, Белоруссии и на Украине. Однако принятые меры не предотвратили восстания в Королевстве и его прекращение на украинских, литовских и белорусских землях. В конце марта и апреле восстание охватило Литву и западные районы Белоруссии и Украины. Сейм, правительство и главное командование приняли в апреле — мае 1831 г. решение о посылке в литовские, белорусские и украинские земли регулярных польских войск для помощи местным повстанцам¹⁶.

1 мая главнокомандующий польскими войсками генерал Сквинецкий обратился с воззванием к жителям Литвы, Белоруссии и Украины. В нем он призывал население указанных земель братья за оружие «не против русского народа», который так же, как и поляк, угнетается, а против царизма¹⁷.

29 мая к границам Белоруссии двинулся отряд польских войск под командованием генерала Хлаповского. Вступив в пределы белорусских земель, Хлаповский обратился 23 и 29 мая к местным жителям с воззваниями, в которых призывал их «бросать свои дома и братья за оружие», чтобы с помощью своих братьев-поляков изгнать со своей территории царские войска и царских чиновников и добиться восстановления независимого польского отечества в «прежних границах» и «добиться» свобод, отнятых Россией 37 лет назад¹⁸.

В связи с восстанием в Литве, Белоруссии и на Украине сейм приступил к обсуждению вопросов о представительстве в будущем высшем органе законодательной власти от литовских, белорусских и украинских земель, об административно-территориальном делении этих земель и о государственно-политическом и социальном строе в восстановленной в границах 1772 г. Польше.

5 мая 1831 г. сейм принял решение, в котором было сказано, что в случае присоединения к восстанию населения белорусских, украинских и литовских земель для них будут восстановлены законы, существовавшие до разделов Речи Посполитой. Господствующим классом этих земель было обещано участвовать во всех делах Королевства Польского¹⁹.

¹⁶ Воронков И. А. Восстание 1830—1831 гг. в Белоруссии.—«Вестник Московского университета, серия IX. История», 1966, № 2.

¹⁷ «Dziennik powszechny krajowy», 29.V 1831.

¹⁸ ЦГАОР, ф. III Отделение, 1 экспедиция, д. 448, ч. 126, л. 13—14; ЦГВИА, ф. ВА, д. 40028, л. 293.

¹⁹ «Nowa Polska», 7.V 1831.

13 мая председатель Национального правительства Чарторыйский обнародовал «Воззвание к жителям Литвы, Волыни, Подолии и Украины». В нем он решил дополнить сеймовые решения и подробно разъяснить населению Литвы, Белоруссии и Украины причины и цели восстания. В «Воззвании» А. Чарторыйский выражал надежду на помощь правительств западноевропейских стран в борьбе за независимость Польши. При этом он подчеркивал, что «восстание не разрушает существующих социальных отношений»²⁰.

Учитывая, что православная религия является религией большей части населения Белоруссии и Украины, а также то, что «веротерпимость стала законом цивилизованного мира», и желая привлечь православное население к шляхетскому восстанию, Чарторыйский обещал, что в восстановленной Польше все церкви и религии будут равны и будут находиться под защитой правительства. Он призывал повстанцев убеждать православное духовенство в том, что якобы поляки и католическое духовенство никогда не притесняли православное население²¹. Шляхте Литвы, Белоруссии и Украины он советовал избирать в сейм Королевства Польского достойных представителей, которые обязывались «помогать нам, а не сеять семена раздоров». Выборы должны были проводиться на основе конституции 1815 г.

Чарторыйский надеялся, что шляхетские послы от литовско-белорусско-украинских земель выскажутся за конституционную монархию, провозглашенную еще конституцией 3 мая 1791 г., и за которую определенно высказался сейм в 1831 г.

19 мая 1831 г. на совместном заседании сената и посольской избы было принято специальное решение об административном делении Литвы, Белоруссии и Украины и о правилах избрания послов в общепольский сейм от этих земель. В решении по первому вопросу было сказано: «Деление на губернии и поветы временно сохраняется с условием, что губернии будут называться воеводствами». Решение по второму вопросу гласило, что в состав сената будут введены только представители высшего духовенства — митрополиты, архиепископы или епископы всех христианских вероисповеданий, а также самые «знаменитые жители», т. е. аристократы тех воеводств, которые полностью или частично присоединились к восстанию²².

В посольскую избу, говорилось в решении, «будут избраны представители по одному от каждого повета и по одному от гу-

²⁰ «Gazeta Polska», 30.V 1831; «Dziennik powszechny krajowy», 30.V 1831.

²¹ «Gazeta Polska», 30.V 1831.

²² «Nowa Polska», 21.V 1831; «Dziennik powszechny krajowy», 20.V 1831.

бернских или воеводских городов. Город Вильно имеет право избрать трех депутатов». Что касается других городов или гмин, то они могли посылать своих послов только в порядке исключения, на основании специального постановления Национального правительства²³.

Право голосования на поветовых сеймиках предоставлялось всем совершеннолетним шляхтичам любого вероисповедания, имеющим земельную собственность на основании законов Литовского статута. На городских или гминных собраниях право голосования предоставлялось следующим лицам христианских и магометанских вероисповеданий, достигшим 21 года: жителям городов или гмин, имеющим недвижимое имущество, светскому духовенству, купцам, уплачивающим гильдейские подати, докторам всех факультетов, профессорам, учителям, адвокатам, артистам, ремесленникам, имеющим по несколько человек челяди, чиншевикам, уплачивающим постоянный чинш.

По вопросу о политических отношениях между Королевством Польским и землями бывшего Великого Княжества Литовского в будущем возрожденном государстве в среде польских повстанческих властей не было единого мнения. Представители консервативно-аристократического лагеря высказывались за федерацию Польши с Литвой, Белоруссией и Украиной на основе Люблинской унии и за восстановление в литовских, белорусских и украинских землях общественного строя и законов, существовавших до разделов Речи Посполитой. Эта точка зрения победила на сейме 5 мая. Однако выборы послов в сейм от Литвы, Белоруссии и Украины должны были проводиться на основе конституции 1815 г.

«Калишане» и часть представителей демократического крыла восстания высказались в сейме за создание единого централизованного государства, в котором были бы проведены все социальные и политические реформы, осуществленные в Королевстве Польском, введены польские права и законы и созданы либерально-демократические государственные институты. Отдельные члены Патриотического общества предлагали решать вопрос о будущих политических отношениях между Королевством и Литвой, Белоруссией и Украиной с учетом мнения по этому вопросу жителей литовско-белорусско-украинских земель. Они решительно высказывались против того, чтобы послы в сейм от этих земель избирались на основе конституции 1815 г. В передовой статье печатного органа Патриотического общества, газете «Но-

²³ «Nowa Polska», 21.V 1831.

вая Польша», говорилось, что население Литвы, Белоруссии и Украины имеет свою историю, традиции, законы и т. д. И все это надо учитывать при привлечении его к восстанию. Автор статьи высказывался за предоставление права избрания послов в сейм всем жителям Литвы, Белоруссии и Украины, в том числе и крестьянам²⁴. Он правильно подчеркивал, что это способствовало бы расширению поддержки восстания со стороны белорусского, украинского, литовского населения.

Во всех воззваниях повстанцев Литвы, Белоруссии и Украины провозглашалось единство этих земель с Королевством Польским. Однако в большинстве из них не раскрывалось, на какой основе будет создано это единство. Но встречаются и такие документы, в которых четко сформулированы политические отношения между различными землями в будущей восстановленной Польше. Литовские повстанцы в своем адресе генералу Хлаповскому от 10 июня просили, «чтобы Литва не рассматривалась как провинция Польши», а считалась единым и неразделимым с ней телом, «чтобы во всех правах и административном устройстве как гражданском, так и военном сохранено было полное единство»²⁵.

По вопросу государственного строя в будущей восстановленной Польше в сейме и польском обществе практически не было разногласий. Сеймовые послы высказались за конституционно-монархическую форму правления с наследственной королевской властью. Эта форма правления была зафиксирована в проекте польской конституции, подготовленном по поручению А. Чарторьского²⁶. Только небольшое число членов Патриотического общества было настроено республикански.

В конце марта 1831 г. по настоянию прогрессивной общественности Королевства Польского и в связи с трудной ситуацией на польско-русском фронте «калишане» внесли в повестку дня сейма проект крестьянской реформы. После длительного обсуждения сейм 14 апреля 1831 г. принял проект очиншевания всех крестьян государственных имений в течение 10 лет. Крестьянские наделы должны были стать их наследственной собственностью, а крестьянин мог освободиться от чинша путем выкупа. Во время обсуждения этого проекта был затронут вопрос о крестьянах государственных имений Литвы, Белоруссии и Украины. Сейм отрицательно отнесся к тому, чтобы этот проект был

²⁴ «Nowa Polska», 2.V 1831.

²⁵ «Gazeta Polska», 3.VII 1831.

²⁶ «Wybór źródeł...», s. 129.

распространен на государственных крестьян литовских, белорусских и украинских земель. И. Лелевель выступал за то, чтобы решения сейма по крестьянскому и другим социальным вопросам распространялись и на «восточные провинции» Речи Посполитой²⁷. Вопрос об улучшении положения крестьян частновладельческих, шляхетских имений в сейме вовсе не поднимался.

В национально-культурной области польские повстанческие власти не выдвигали каких-либо уступок литовскому, белорусскому и украинскому народам. Лишь отдельные деятели в руководстве восстанием, например И. Лелевель, А. Чарторский, высказывались за предоставление этим народам известной автономии.

Упомянувшиеся и другие документы «левицы» восстания свидетельствуют, что деятели Патриотического общества стремились сохранить традиции польско-русских связей 20-х годов. В воззваниях к русским солдатам и народу они призывали их восстать и бороться против общего врага — царского самодержавия, за такую же свободу, за которую борются поляки. Известно, что несколько десятков солдат и офицеров русской армии и большое число уроженцев Литвы, Белоруссии и Украины перешли на **сторону** повстанцев.

15 июля на заседании сейма выступил луцкий посол Гудебский. Он заявил, что в связи с появлением во французских газетах упоминания о возможности признания независимости Польши в границах, определенных Венским конгрессом, министру иностранных дел повстанческого правительства необходимо разослать через своих агентов письма, в которых правительствам западных стран должно быть заявлено, что Польша ведет войну с Россией «с целью восстановления своей независимости в старых границах, доходящих до Днепра и Двины»²⁸. На заседании под присягой было принято решение о необходимости добиться от зарубежных стран признания границ Польши на востоке до Днепра и Двины²⁹.

Таким образом, руководители польского восстания в своих планах ставили задачу присоединить Литву, Белоруссию и Украину к Польскому государству в качестве неотъемлемой его части; поэтому они прилагали большие усилия к организации там шляхетского восстания, надеясь, что подобная идея явится важнейшей предпосылкой и в расширении базы восстания. Большие

²⁷ «Gazeta Polska», 5.VI 1831.

²⁸ «Nowa Polska», 18.VII 1831.

²⁹ Там же.

надежды возлагались и на помощь западноевропейских правительств. Однако националистическая программа руководителей польского восстания не встретила широкой поддержки со стороны коренного населения Литвы и особенно Белоруссии и Украины, так как в случае восстановления шляхетской власти на этих землях народные массы фактически не получили бы никакого облегчения своего социально-экономического и правового положения, а национальный гнет со стороны польской шляхты и католического духовенства был бы опять усилен. Не получило широкой поддержки восстание со стороны русских солдат, для которых националистическая программа повстанческих властей не была приемлемой. Не оказали реальной помощи повстанцам и западноевропейские правительства. «Левица» в восстании была малочисленной и неоднородной. Она не смогла оказать существенного влияния на характер восстания.

Стремление повстанческих властей решить территориальный вопрос будущего Польского государства в границах 1772 г., консерватизм программы восстания и напрасные надежды на помощь западноевропейских правительств — все это в конечном счете ослабило польское восстание и содействовало его поражению.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ (конец XVIII — первая половина XIX в.)

Так называемый восточный вопрос, в основе которого лежала проблема проливов из Черного в Средиземное море, стал важной составной частью международных отношений в Европе в последней трети XVIII в. Именно с этого времени Россия начала вести в отношении Турции и балканских народов более активную и последовательную, чем ранее, политику. Активность эта, как известно, неуклонно нарастала в течение всего XIX в., но она никогда не распределялась равномерно между отдельными балканскими регионами и народами.

В различное время в сфере российских интересов оказывались те или иные проблемы, те или иные народы. Зависело это прежде всего от непосредственных задач России на данном этапе ее внешней политики. Однако чем дальше, тем заметнее рос удельный вес тех причин и обстоятельств, которые возникали независимо от воли и желания русского правительства и воздействовали на его балканскую политику как бы извне.

Но в начале того периода, который будет рассмотрен в этой статье, в последней трети XVIII в., содержание, сфера приложения и активность дипломатических и военных акций России на Балканах в большей мере, чем позже, обуславливались ее непосредственными государственными и внешнеполитическими интересами. Овладение черноморским побережьем стало главной задачей, с осуществлением которой связывалось освоение плодородных южнорусских земель, развитие внешней торговли через Черное и Средиземное моря, укрепление границ¹. Прочное утверждение России в Черноморском бассейне зависело от разрешения таких международных проблем, как кавказская и балканская.

¹ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955, с. 29—68.

Во время правления Екатерины II в восточном вопросе выдвигались достаточно конкретные практические задачи: 1) закрепление в бассейне нижнего течения Дуная или хотя бы в его устье; 2) обеспечение твердых экономических и политических позиций в Восточном Средиземноморье. Сфера активности России концентрировалась, таким образом, как бы на двух флангах балканского региона: северо-восточном — в Дунайских княжествах, и юго-западном — в Восточном Средиземноморье, а конкретнее — в Морее и на островах Эгейского архипелага.

Дипломатические и военные акции правительства Екатерины II в отношении Молдавии и Валахии были смелы и решительны. Освободить княжества от турецкой власти, превратить их в самостоятельное, но зависимое от России «буферное» государство — таковой была конечная цель. Началом ее осуществления являлось закрепление за Россией Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г. право покровительства Молдавии и Валахии, дававшее возможность защищать их интересы перед Портой. Провозглашения независимости Дунайских княжеств Россия добивалась во время войны с Турцией 1787—1791 гг., однако ввиду неблагоприятной внешнеполитической обстановки не смогла осуществить этой задачи². После Кючук-Кайнарджийского мира и открытия для русского торгового судоходства проливов из Черного в Средиземное море возникла перспектива расширения международной торговли в этих регионах, что порождало живую заинтересованность правительства Екатерины II в укреплении русского влияния среди греков, и в первую очередь — на островах архипелага и в Морее.

Внесенное в Кючук-Кайнарджийский договор право России покровительствовать православной церкви в Турции открывало возможность для расширительных толкований и создавало перспективу распространения российского влияния во всех европейских владениях Порты. Но все это нельзя было осуществить легко и быстро³. Практически правительство Екатерины II, исключая периоды войн с Турцией, не проявляло заметного интереса к укреплению своих позиций в таких балканских областях, как Болгария, Румелия, Сербия, Черногория.

Великая Французская революция привела к коренной перестройке международных отношений на юго-востоке Европы.

² Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России. 1774—1806. Кишинев, 1975, с. 68—99.

³ Достян И. С. Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в политике России на Балканах конца XVIII и XIX в.— «Etudes balkaniques», 1975, № 2.

В последние годы XVIII и в начале XIX в. активность России в этом регионе значительно возросла, а сфера ее политики расширилась. Но это не было следствием появления новых целей царизма в восточном вопросе; перемены возникли главным образом из-за экспансии наполеоновской Франции в Средиземноморском бассейне и на Балканах. Под угрозой нападения французов оказались земли, прилегающие к Адриатическому бассейну, и все Восточное Средиземноморье.

Это обстоятельство побуждало Россию активизировать свою политику в Черногории, Боке Которской, Герцеговине, в Далмации. Павел I возобновил политические контакты с черногорцами, почти прерванные при Екатерине II. В Восточном Средиземноморье объектом наибольшей военной и политической активности России стали теперь Ионические острова — ключевая позиция и крупнейшая оперативная база, с которой в 1798 г. были выбиты французы. Опираясь на созданную вслед за тем Республику Семи Соединенных островов, правительство Александра I вплоть до 1807 г. успешно боролось против распространения идеологического и политического влияния Франции в греческих землях⁴.

Дунайские княжества по-прежнему сохраняли ведущую роль в балканской политике России. В период мира с Турцией (1792—1806 гг.) они занимали важное место в русско-турецких дипломатических сношениях⁵. Затем, в ходе войны 1806—1812 гг., правительство Александра I добивалось присоединения княжеств к своим владениям.

В первые годы XIX в. внутренние события в Европейской Турции, а конкретно — национально-освободительная революция, начавшаяся в Сербии в 1804 г., — впервые стали оказывать воздействие на политику великих держав, в том числе и России. Восстание в Белградском пашалыке вовлекло правительство Александра I в отношения с повстанцами. Заинтересованность в таких контактах стимулировалась ухудшением на протяжении 1805 и 1806 гг. отношений с Портой, а в войне 1806—1812 гг. сербы действовали как русские союзники. Это возлагало на царское правительство моральное обязательство обеспечить «лучший жребий» сербскому народу. Однако разрешение сербского вопроса имело для петербургского двора меньшее значение по сравнению с проблемой Дунайских княжеств.

⁴ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976.

⁵ Гросул Г. С. Дунайские княжества..., с. 100—170.

Принципы консерватизма и легитимизма, провозглашенные основой международных отношений на Венском конгрессе, скрывали политику Александра I на Востоке, которая стала более осторожной и пассивной, чем ранее. Главная задача сводилась теперь к упрочению прав и преимуществ, зафиксированных в русско-турецких договорах, но в значительной части не выполнявшихся на практике: это касалось благоприятных условий для торговли по Черному морю и через проливы; автономии Молдавии и Валахии; введения автономных привилегий в Сербском княжестве.

Добываясь благоприятного разрешения сербского вопроса, петербургский двор был сдержанным в отношениях с другими южнославянскими народами, например, избегал открыто поддерживать контакты с черногорцами, что могло вызвать недовольство и подозрения Австрии⁶. Связи с греками по-прежнему оставались прочными, но покровительство этому народу не означало поддержки Александром I греческого национально-освободительного движения⁷.

В 1821 г. Европа была поставлена перед лицом совершившегося: в Греции началась национально-освободительная революция, в ответ на которую Порта предприняла акции, враждебные экономическим и политическим интересам России и других держав. Так, впервые революционные события на Балканах стали причиной международного конфликта — Восточного кризиса 20-х годов XIX в. Восстановление свободы навигации в проливах, принуждение Порты к выполнению всех других условий русско-турецких договоров (в том числе касающихся Дунайских княжеств и Сербии), с одной стороны, решение греческого вопроса — с другой, — таковы были теперь две самостоятельные, но неразрывно связанные задачи России. Ее победа в войне с Турцией 1828—1829 гг. существенно облегчила создание независимого Греческого королевства. Автономные права Сербии, Молдавии и Валахии были введены в жизнь, а это ускорило выделение княжеств из состава Османской империи.

Адрианопольский мир 1829 г., а затем Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. явились апогеем успеха правительства Николая I на Востоке, за которым последовал быстрый спад. На протяжении 30—40-х годов XIX в. николаевская Россия, провозгласившая заинтересованность в поддержании существования своего

⁶ *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972, с. 334—335.

⁷ *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970, с. 349.

«слабого соседа», шаг за шагом уступала с трудом завоеванные политические позиции в турецких владениях Великобритании и Австрии, теряла влияние среди народов, уже добившихся национальной независимости или приближавшихся к осуществлению этой задачи. Крымская война 1853—1855 гг. обнаружила полный крах балканской политики Николая I.

Итак, в конце XVIII и первой половине XIX в. непосредственные экономические, политические и стратегические интересы России концентрировались преимущественно в Восточном Средиземноморье и верхнем левобережье Дуная. Но международная обстановка, внутренние процессы в Европейской Турции, национально-освободительное движение поработенных народов заставляли Россию в различное время проявлять активность и в других балканских областях — в Сербии, Черногории, континентальной Греции.

Русско-балканские политические связи, шедшие по официальным каналам, поддерживались с представителями всех народов, входивших в состав Османской империи, и неуклонно расширялись. Первое место до 30-х годов XIX в. занимали греки, что было следствием прежде всего экономических и политических причин. Но здесь имели значение также определенные идеологические и культурно-исторические факторы. Ведь в представлении петербургского двора и высшего церковного клира греки выступали естественными наследниками павшей под ударами османов Византийской империи, этого символа православия и его былого величия, которое должно было возродиться благодаря России.

Идеологической основой политики России в восточном вопросе, ее связей с балканскими народами был догмат христианской религии о взаимопомощи единоверцев и прочно закрепленная традицией представление о мессианской роли России в отношении православных, страждущих под игом мусульман. В контактах с балканскими народами, при оказании помощи монастырям и церквям русское правительство исходило из своего морального долга, а после 1774 г. — и из права покровительствовать всем православным подданным султана, что по большей части служило прикрытием внешнеполитических расчетов царизма.

Это покровительство практически осуществлялось через церковные организации, существовавшие и признанные в Османской империи, и прежде всего через Константинопольскую патриархию. Издавна установившиеся отношения с последней, а также с греками-фанариотами, часто используемыми на русской дипло-

матической службе, обеспечивали греческой аристократии и высшему духовенству преобладание в русско-балканских политических и культурных связях.

Кроме того, для эпохи классицизма в европейской культуре, а затем и для течений романтизма было характерно обращение к античности, культ Древней Греции и Рима. Идея освобождения греческих земель — родины современной цивилизации пользовалась популярностью в образованных общественных кругах всех европейских стран. Поэтому, например, интерес российской элиты времени Екатерины II к грекам, к возрождению греческого государства шел в русле общеевропейских культурно-исторических процессов⁸.

Удельный вес греческой проблемы в общем комплексе восточной политики России возрос в 20-е годы XIX в., в период активного формирования декабристской идеологии⁹.

В истории русско-балканских политических связей конца XVIII — первой половины XIX в. обнаруживается и следующий, на первый взгляд, парадоксальный факт: такой крупный южнославянский народ, как болгары, занимал сравнительно небольшое место в политике царизма. И это несмотря на то, что болгарские земли почти смыкались с юго-западными границами Российской империи, несмотря на то, что с конца XVIII в. не иссякал поток болгар-переселенцев, оседавших в Южной Украине, Бессарабии; и главное — несмотря на то, что кратчайший путь к Константинополю и проливам, овладение которыми было далеко, но всегда вожделенной мечтой российских самодержцев, лежал через болгарские земли и воды Черного моря, их омывающие.

Неправильно было бы утверждать, что Россия не поддерживала никаких политических связей с болгарями. Эти связи существовали и заметно оживлялись в ходе русско-турецких войн, особенно если военные действия развивались на болгарских территориях. Так, в войне 1806—1812 гг., когда содействие российским войскам оказывало население Северной Болгарии, установлены были контакты русского командования с известным болгарским национальным деятелем Софронием Врачанским, а представители болгар пытались отстаивать интересы своих соотечественников в Петербурге.

⁸ Маркова О. П. О происхождении так называемого греческого проекта.— «История СССР», 1958, № 4.

⁹ Об отношении декабристов к греческому восстанию см.: Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958; Иовава И. Ф. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963; Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821—1829). М., 1965.

Во время войны 1828—1829 гг., когда военные действия велись не только на территории Северной Болгарии, но и за Балканским хребтом, местное население восставало, активно помогало русским, а некоторые болгарские деятели формулировали гораздо более определенные, чем раньше, требования о предоставлении своей родине прав на внутреннюю автономию¹⁰. После этих войн царским правительством принимались меры, чтобы предотвратить репрессии турецких властей против тех, кто оказывал помощь русским, чтобы обеспечить возможность беспрепятственного переселения болгар в Дунайские княжества или в Россию. Но вопрос об улучшении участи болгарского народа в составе Турции не выдвигался ни Александром I, ни его преемником.

В 30—40-е годы XIX в., когда болгары начали борьбу за свою церковную самостоятельность, что было одним из главных проявлений национального движения в это время, правительство Николая I из-за своей косности и реакционности не поддержало болгар и продолжало следовать традиционному принципу — отстаивать целостность Константинопольской патриархии и ее права¹¹.

Что же обусловило малую активность России в отношении болгар? Прежде всего необходимо учитывать, что российская политика по отношению к Турции и балканским народам была более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе. Овладение проливами в это время еще не выдвигалось в качестве непосредственной задачи¹². Распад Османской империи шел с окраин, и Россия, особенно в ходе войн с Турцией, ускоряла этот процесс. Но она вела достаточно осторожную и реалистичную политику и не рисковала подрывать власть Порты в том регионе, который составлял опорную базу турецкого владычества на юго-востоке Европы. А это как раз и были болгарские земли, в особенности же их южная часть, расположенная за Балканским хребтом.

Как уже говорилось, сферы приложения российской политики на Балканах определялись под сильным влиянием международной обстановки. Это наглядно проявилось в ходе наполеоновских

¹⁰ Конобеев В. Д. Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972, с. 79—271.

¹¹ Маркова З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976, с. 180—191.

¹² Достяк И. С. Россия и балканский вопрос..., с. 338—339.

войн, и нет сомнения, что, если бы в это время под угрозой экспансии Франции оказалось не Восточное Средиземноморье, а Черноморский бассейн, политика Александра I в отношении болгар стала бы более активной. Но болгарские земли до поры до времени оставались вдали от международных конфликтов.

Правительство Александра I, а затем и Николая I не стремились провоцировать, искусственно создавать поводы для своего вмешательства в балканские дела, но и не упускало случая использовать такую возможность, если в турецких владениях возникали внутренние конфликты. Восстание в Белградском пашалыке заставило петербургский двор установить политические контакты с сербами. Восстание греков вынудило царизм после долгих колебаний отступить от принципов Священного союза и пойти на войну с Портой. Но в болгарских землях, хотя и происходили локальные антитурецкие выступления, еще не вспыхивало таких массовых вооруженных восстаний, которые могли бы дать основание для вмешательства европейских держав и в частности — России. Переход болгар к подобным формам борьбы за национальное и политическое освобождение совершался позднее, чем у других населявших окраинные области Европейской Турции народов.

Ряд обстоятельств препятствовал расширению политических связей болгарских общественных деятелей с Россией. Немаловажную роль в этом играло засилье в стране греков-фанариотов и высшего греческого духовенства, которые выступали от имени болгар, но часто не в их интересах.

Нельзя упускать из виду и особенности общественно-политического строя болгар в рассматриваемый период. В это время почти отсутствовал слой людей, пользовавшихся сословными привилегиями и политическим влиянием. Между тем отношения с царской Россией поддерживались преимущественно посредством такого рода светских и духовных деятелей: представителей высшего православного клира, глав самостоятельных или автономных политических единиц (например, господарей Молдавии и Валахии, черногорских владык и сербских князей); греческих аристократов и дельцов, бояр в Дунайских княжествах и т. д. Все они имели опыт в политических делах, а нередко и личные связи с российскими государственными деятелями. С ними не могли тягаться те немногие болгары — в основном торговцы и зажиточные горожане, — которые пытались представлять интересы своего народа в Петербурге. Высший же клир в болгарских землях, состоявший преимущественно из греков, отстаивал обычно национальных интересов своей паствы.

Хотя во время войн с Турцией царским правительством и военным командованием проявлялись заинтересованность и инициатива в установлении контактов с представителями болгар, но под этими контактами понималось отнюдь не непосредственное общение солдат с местным населением, наоборот, русского мужика оберегали от соприкосновения с болгарями, охваченными национально-освободительными устремлениями¹³. Это было ясно выражено, например, при рассмотрении в Петербурге в 1829 г. перспектив продолжения войны на балканском фронте¹⁴.

Царское правительство поддерживало непосредственные связи не с простым народом, а с привилегированной верхушкой, каковая имела в Сербии и Черногории, в Дунайских княжествах и в греческих землях. В Болгарии же такого слоя вообще не было, здесь можно было вступить в отношения и опереться лишь на торговую буржуазию и низшее православное духовенство, но эта опора не представлялась в Петербурге достаточно солидной и надежной.

В XVIII — начале XIX в. в круг государственных, военных и культурных деятелей России влилось немало балканских выходцев. Для примера можно назвать столь известные имена, как Кантемиры, Милорадовичи, Ивеличи, Войновичи, Ипсиланти, Иоанн Каподистрия и др. Все это были представители привилегированных слоев балканского населения, которые, попав в Россию, тотчас же заявляли о своем праве на дворянство, на чиновничьи и военные должности, вливались в состав российского господствующего класса. Обычно они более или менее энергично и успешно отстаивали перед царским правительством интересы своих соотечественников. Но среди таких именитых и влиятельных людей не встречается болгарских имен, и это не случайность.

Болгарская эмиграция в России состояла почти исключительно из торгово-ремесленного слоя и крестьян, переселявшихся большими группами. Они жили сплоченными колониями, успешно занимались земледелием, торгово-промышленной деятельностью, много сделал для развития экономики Южной России¹⁵. Но в силу своей классовой специфики и недостаточной образованности болгарские переселенцы не сразу, а лишь с 30—40-х годов XIX в. стали принимать участие в деле защиты интересов своей бывшей родины.

¹³ Конобеев В. Д. Указ. соч., с. 193.

¹⁴ Меморандум секретного комитета 4(16) сентября 1829 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 1098.

¹⁵ Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, с. 140—126.

Болгары не имели возможности проявлять большой активности и настойчивости в установлении политических связей с официальной Россией, которая, со своей стороны, была неспособна поддерживать их на более широкой, демократической основе. Царизм и не проявлял особой заинтересованности в установлении таких контактов, ибо болгарские земли не входили в сферу его непосредственных внешнеполитических задач и не стали еще ареной острого соперничества великих держав, оспаривавших свои интересы на Балканах и Ближнем Востоке. Правда, перемены в общественно-политическом и международном положении болгарских земель ясно ощущались уже во второй четверти XIX в., но правительство Николая I, реакционное и недалекое, не смогло их понять и оценить. Лишь после Крымской войны болгарский вопрос занял важное место в политике России по отношению к Турции и балканским народам.

**О КЛАССОВОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ
В ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЯХ
ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ
В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ
И УТВЕРЖДЕНИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО
ДУАЛИЗМА**

В 60-х — начале 70-х годов XIX в. определились результаты буржуазных преобразований в Австрийской империи. Расстановка социально-политических сил до 1867 г. была следующей. Господствовал режим полуфеодальной монархии с абсолютистскими (50-е годы) и полуабсолютистскими (до 1867 г.) методами управления. Лояльными к общественно-политическому строю были до 1867 г. часть аристократии, высшая военная, церковная и бюрократическая среда. Ряд течений буржуазной оппозиции в 60-х — начале 70-х годов можно рассматривать как часть освободительного движения, но в подавляющем большинстве это были нерволюционные течения. В радикальном и революционном (непротетарском) движении принимали участие главным образом представители угнетенных народов, в том числе некоторые буржуазные и дворянские группировки, — поляков, венгров, итальянцев, сербов, хорватов, чехов.

Однако в отличие от России, где в пореформенную эпоху либерализм оказывался политически бессильным, в габсбургской монархии значительные либеральные и демократические течения, прежде всего национальные (наиболее сильное — венгерское), упорно добивались перемен. Это было связано как с быстро растущей материальной базой обуржуазивающихся слоев, так и с тем, что народные массы в своей борьбе, стихийной и разрозненной, еще были недостаточно представлены идейно-политически. В этих условиях и после двух военных поражений, понесенных Австрией (1859, 1866 гг.), сильная буржуазно-дворянская оппозиция добилась нужного ей — т. е. ограниченного — результата. В 1867 г. был установлен конституционный строй в форме австро-венгерского дуализма. Слабость революционных сил и противоречия между национальными движениями позволили полуфеодальным «верхам» выйти из кризиса путем компромисса с австронемецкой либеральной буржуазией, венгерским и поль-

ским классом помещиков. Поэтому необходимые преобразования были осуществлены в невыгодной для трудящихся форме — с сохранением позиций помещиков, монархии, бюрократии, национального гнета.

В 1867 — начале 70-х годов социальная основа монархии расширилась, включив в себя австронемецкую буржуазию, венгерский и польский господствующие классы. В рамках имущих классов оппозицию составляли леволиберальное и буржуазно-демократическое течения, требовавшие национального равноправия (самоуправления или федерации). К национальной независимости стремились более радикальные группировки. Но все это — противоречия в рамках буржуазных и дворянских слоев, присущие эпохе незаконченности борьбы буржуазии с феодализмом в Европе¹.

Борьба, выразившаяся, в частности, в национальных движениях, получила значительную поддержку масс. Но трудящиеся, втягиваясь в политическое движение, начинали выдвигать собственные требования, просвещались и убеждались в политическом эгоизме имущих классов. Так было прежде всего в чешских землях и более передовых в социально-экономическом отношении районах Венгрии.

После революции 1848—1849 гг. общественные противоречия в империи выражались не только формулой «полуфеодалная реакция против народных масс и буржуазной демократии», но во все большей мере — «имущие слои против масс, буржуазия против пролетариата». Хотя противоречия первого рода в большинстве частей государства еще имели решающее значение, всему обществу имущих классов противостояли: стихийная борьба разорявшегося крестьянства и городского трудового люда; в некоторых районах — революционная демократия (в Австро-Венгрии — относительно слабая), выражавшая протест масс не только против остатков феодализма, но и против капиталистической эксплуатации; набиравшее силу рабочее движение.

Марксистско-ленинская методология требует не противопоставлять национально-освободительное движение классовой борьбе как движущей силе исторического развития, а в национальном движении выявлять интересы классов². Характер национальных движений определялся их социальным содержанием.

В связи с польскими восстаниями XIX в. Ф. Энгельс указывал, что «движение могло рассчитывать на успех только при на-

¹ Об этой эпохе см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

² Об этом см.: Федосеев П. Н., Францев Ю. П. О разработке методологических вопросов истории. — В кн.: История и социология. М., 1964, с. 11.

личии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дворянства с крестьянами. Но как раз этот союз . . . был *невозможен*³. Энгельс поднял важнейшую проблему союза национальных сил. Там, где он возникал, этот союз был направлен не только против чужеземного угнетателя, но и против его социальной опоры в среде борющейся за свободу нации.

В Австрийской империи борьба за национальное освобождение делала возможным временное неустойчивое сотрудничество революционной демократии и буржуазных кругов, еще сохранивших революционные потенции. Сложным было, например, содержание венгерской революции 1848—1849 гг. Здесь выявились разные интересы отдельных слоев (их представителями выступали М. Танчич, Л. Кошут, Л. Баттяни), но — при острых внутренних противоречиях — существовал союз революционных сил против габсбургской и внутренней контрреволюции.

В интересующий нас период, в 1871 г., в Хорватии, на Военной Границе группа мелкобуржуазной интеллигенции попыталась поднять восстание граничар (военных поселенцев) за независимость Хорватии. В подготовке восстания участвовали деятели революционно-демократической группы (Ф. Матасич), составлявшие левое крыло «партии права». Они горячо сочувствовали Парижской Коммуне и в меру своих возможностей освещали в печати деятельность I Интернационала и развитие международного рабочего движения. Эта группа была слабой и в борьбе за национальное освобождение сотрудничала в рамках одной партии с мелкобуржуазными собственническими кругами. Таким образом, и данное «национальное» движение в сущности было выражением классовой борьбы разных слоев нации против австро-венгерской помещичье-капиталистической власти. Интересы этих слоев вызвали в партии конфликт, обострившийся в связи с отношением «партии права» к Парижской Коммуне: мелкобуржуазный деятель Э. Кватерник вслед за Мадзини подверг Коммуну нападкам, в связи с чем партия оказалась на грани раскола⁴.

В Австро-Венгрии наиболее развитой в идеологическом отношении в начале 70-х годов XIX в. была сербская революционная демократия, руководитель которой, С. Маркович, был социалистом и членом Русской секции Интернационала. Несмотря на четко сознаваемые Марковичем и его сторонниками противоре-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 395.

⁴ Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1971.

чия между трудящейся массой и прогрессивной буржуазией, представленной в Воеводине либерально-демократической группировкой «народняков» (С. Милетич и др.), они пошли на сотрудничество с последней в борьбе за национальное освобождение и совместно готовили в 1871—1872 гг. восстание против османского ига на Балканах.

Как и в других подобных случаях, классовые противоречия в рамках сербского национального движения не только не исчезали, но во многом определяли характер его развития. Это особенно сказывалось во время восстания в Боснии и Герцеговине в 1875—1878 гг.: здесь выявились разногласия по важнейшим программным вопросам — об отношении к феодальному землевладению и др. Сотрудничая с буржуазными революционерами, революционные демократы подчеркивали свою идейно-политическую независимость⁵. И в данном случае речь идет о национальном движении как форме классовой борьбы крестьянства и полупролетариата, а также национальной буржуазии против гнета и вместе с тем — о социальных противоречиях в самом сербском обществе.

Маркович указывал на социальное содержание борьбы в Австрии: «Народы Австрии борются за «национальность»... имея в виду все духовные и материальные интересы...» Их задача, по Марковичу, сбросить иго помещиков, «увеличить свою материальную силу, стать просвещенными и освободиться от экономического гнета иностранного капитала, который ныне их угнетает так же, если не больше, чем инонациональная политическая власть». И далее: «Масса народа ожидает», что сгинут «австрийское господство, солдатчина, разорительные налоги, тирания верховной власти, национальное просвещение заменит чуждое... Под борьбой за национальность народы подразумевают борьбу за политическую свободу, просвещение и благосостояние, то есть за общественный прогресс»⁶.

На «таборах» — массовых митингах в чешских и словенских землях в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкая буржуазия — сотни тысяч людей — выступали с требованиями национального характера (объединение национальной территории, свобода развития культуры и др.) и вместе с тем — с требованиями избирательных прав, свободы союзов, снижения налогов и др.⁷ Национальное демократи-

⁵ Маркович Светозар. Избранные сочинения. М., 1955, с. 30.

⁶ «Раденик», 27, 29.VII, 16.X 1871.

⁷ Pirs J. Tabori v českých zemích.— «Ceskoslovenský časopis historický», 1958, N 2—4.

ческое движение таборов было выражением борьбы разных слоев общества за свои социально-политические интересы. Но во время таборов чешский рабочий класс прошел политическую школу и вскоре приступил к созданию своей интернациональной (общеавстрийской) партии.

В Венгрии в начале 60-х годов широкий масштаб приобрел отказ от уплаты налогов, бойкот правительственных учреждений. Наряду с этим все более широкие слои поддерживали оппозиционную печать, собирали средства для национальных культурных и общественных учреждений, боролись за право обучения детей на родном языке (хорваты и сербы в Далмации, украинцы, словаки, румыны и словенцы). В целом, значительные слои городского населения, а в чешских и словенских землях, а также в Воеводине — и крестьянство, втягиваются в движение. При этом массы чешского народа не ограничивались требованиями, сформулированными буржуазией, и это наложило печать на политическую жизнь государства, углубило кризис режима.

Итак, всюду социальные интересы, кровная заинтересованность разных слоев в национальном освобождении. Национальное движение, как правило, было одной из форм классовой борьбы разных общественных сил против феодализма и его остатков, но вместе с тем в нем уже сказывались противоречия капиталистического общества.

Ликвидация национального гнета является необходимой частью буржуазно-демократических преобразований.

В этих условиях буржуазия стремилась распространять иллюзии «вечности общенационального интереса» — проповедовала отказ от классовой борьбы. Но «единства классовых интересов» не было даже во время общедемократических движений. Имея в виду, что речь идет об антагонистических обществах, которым были присущи острые социальные противоречия, следует подчеркнуть, что при наличии исторических объективных общих (общенациональных) задач, интересы отдельных классов угнетенных наций были различными и даже противоположными (дворяне-помещики и крестьяне, буржуа и пролетарии).

Обобщая аналогичные ситуации в разных странах и национальных движениях, В. И. Ленин указывал на недопустимость «абстрагирования противоречий» между классами, которые образуют нацию, на необходимость точного учета «различных интересов *различных* классов», временно сходящихся на «определенных, ограниченных общих задачах»⁸.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 221; т. 15, с. 276.

Различие интересов социальных слоев получило в 60-х — начале 70-х годов разную остроту, в некоторых случаях они долго уживались в рамках одной партии (староцехи и младочехи, буржуазные демократы и правые либералы в «свободомыслящей» сербской партии), в других — получили организационное оформление. Зрелая социальная дифференциация, присущая австронемецким и чешским землям, привела к возникновению общеавстрийской социалистической партии (1874 г.), а в сербских районах противоречия полуфеодалного общества сказались как в борьбе «свободомыслящей» партии против церковной иерархии, так и в деятельности революционной демократии. Все это — неизбежные проявления классовой борьбы в рамках движений, преследовавших общедемократические цели.

Завершение демократической революции в Дунайской монархии могло пойти различными путями, в частности в сфере национальных отношений. Следует указать на замечательный вывод В. И. Ленина: «Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию»⁹.

Действительно, освободительная борьба в габсбургской монархии развивалась в двух направлениях. В ряде случаев, прежде всего в чешских землях, массы трудящихся были застрельщиками борьбы за свободу, но не выступали за ликвидацию «австрийского» территориального комплекса. Их историческая заслуга состояла в том, что в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. они стремились противопоставить свою тактику и программные требования политической линии буржуазии. Власти смогли подавить движение, лишь объявив в Чехии осадное положение.

Вообще рабочее движение в Австро-Венгрии не выдвигало программного требования ликвидации многонационального государства. Но для характеристики демократического и социалистического движения национальные требования не могут служить главным критерием. Самое существенное — насколько последовательно массы отмежевывались от консервативного, либерального и националистического влияния и осуществляли свою классовую политику. В Австро-Венгрии рабочий класс последователнее других слоев боролся за демократию. Во всем этом находила прямое выражение борьба за завершение демократической революции.

Другое направление освободительных движений 60-х годов XIX в. выражалось в борьбе некоторых течений в Хорватии и у

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 273.

сербов Воеводины не только за демократию, но и за независимость от Габсбургов¹⁰. При этом разные группировки предусматривали весьма различную степень преобразований в будущем государстве — от парламентарной монархии или республики до перехода к социализму — и имели в виду различные методы борьбы: от опоры на иностранные державы (прежде всего — Россию и Францию) до восстания против османского ига как этапа на пути к независимости всех южнославянских народов.

В 50—60-х годах XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс, как о том свидетельствует их позиция в связи с национальным движением в Италии, указывали на необходимость учета освободительными движениями материальных интересов масс. Эта линия диктовалась задачей последовательного демократического преобразования Италии, что соответствовало целям пролетариата. Взаимосвязанные задачи — отстаивание интересов рабочего класса, распространение интернационализма, организация интернационального сотрудничества пролетариата и вместе с тем участие рабочих — именно ввиду их классовых интересов — в общедемократическом движении для того, чтобы придать ему — вопреки буржуазии — наиболее последовательный революционный характер, объективно стояли перед рабочим движением габсбургской монархии.

Позиция К. Маркса в ирландском вопросе свидетельствует о важности устранения национального гнета для рабочего класса господствующей нации. Маркс указывал, что главная опора английской реакции — в ее господстве над Ирландией, и с ликвидацией этого господства настанут более благоприятные условия для классовой борьбы английского пролетариата. Маркс подчеркивал *«важное значение этого вопроса для английского рабочего класса и для рабочего движения вообще»*¹¹. Эти замечания великого мыслителя побуждают историка задаться вопросом о значении проблемы национальных движений в истории изучаемой им страны, в данном случае Австро-Венгрии. Развивая идеи Маркса, В. И. Ленин отстаивал необходимость для рабочего класса господствующей нации — во имя его классовых интересов, для прочного сотрудничества пролетариата — признания права наций на самоопределение.

Таким образом, национально-освободительные движения объективно выступали в качестве союзников рабочего класса и способствовали делу завершения буржуазно-демократической революции.

¹⁰ В Чехии в том же духе выступала группировка, связанная с Й. В. Фричем

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 8.

Поскольку революция 1848—1849 гг. устранила феодальный строй, но не решила проблем ликвидации остатков феодализма в Австро-Венгрии, а также национального гнета, то у австрийского государства теоретически имелись следующие альтернативы завершения буржуазно-демократических преобразований: либо демократическая революция и утверждение национального равноправия (как следствие коренных социально-политических перемен), либо создание независимых национальных государств. Ход событий показал слабость демократических революционных сил Австро-Венгрии. Таким образом, первый путь оказался невозможен. Тем самым возросла—пока что потенциальная—возможность иного пути, т. е. распада габсбургского государства.

Классовое и национальное в каждом движении, направленном против национального гнета, всегда находилось во взаимосвязи, причем в основе национальных программ находились социальные интересы соответствующего слоя. В свою очередь национально-освободительные движения влияли на развитие классовой борьбы трудящихся, и успех первых имел бы значение для трудящихся масс господствующих наций. Данное положение выражено в формуле Маркса и Энгельса: не может быть свободным народ, угнетающий другие народы.

«Буржуазия... — указывал В. И. Ленин, — естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его...»¹² Но сознательный рабочий класс не может быть безразличен к судьбе своей страны, т. е. к «политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы»¹³. Этот интерес сознательного пролетариата к национальному вопросу не имеет ничего общего с буржуазным национализмом.

В условиях Австро-Венгрии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. рабочий класс находился в авангарде борьбы за демократию — это было частью его классовой борьбы. Перед ним стояла задача, не создавая «фетиш из национального вопроса»¹⁴, не делая уступок национализму, поддерживать демократическое содержание национальных движений (протест против угнетения). Нойдорфльский съезд австрийской социал-демократической партии сделал шаг в этом направлении, признав право наций на самоопределение (1874 г.). В Австро-Венгрии эта проблема не получила в дальнейшем теоретической разработки, но исторической миссии рабочего класса в странах, которые являются объектом нашего внимания, суждено было стать гегемоном освободительного движения.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 273.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 190.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 301.

ПРЕДПРОЛЕТАРИАТ
В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX в.
(до освобождения от османского ига)

Еще в конце XVIII в. в болгарских землях феодальной Османской империи — в деревне и в городе, в сельском хозяйстве и в ремесле — протекали противоречивые и сложные социально-экономические процессы, в результате которых, вопреки деспотическому режиму, медленно пробивались ростки капиталистических отношений, что и привело к появлению вначале немногочисленных наемных работников, рекрутировавшихся из среды немущих и малоимущих крестьян, разорявшихся ремесленников и других категорий городской бедноты.

В ряде исследований, проведенных историками, выяснено, что с конца XVIII в., более широко — в XIX в., в существовавших в болгарских землях крупных земельных владениях (чифликах) применялся труд полунаемных и отчасти наемных работников — постоянных и сезонных (сроковых и подневных) ¹. В 60—70-х годах XIX в. наемные рабочие более или менее широко встречаются, в частности в Северо-Восточной Болгарии, в первую очередь в крупных земельных владениях в Добрудже. Сюда в поисках работы тянулось разорявшееся в результате усилившегося в первой половине XIX в. налогового гнета сельское население других болгарских областей.

Труд наемных рабочих применялся прежде всего в той части чифликов, которые принадлежали немусульманам (болгарам,

¹ Гандев Х. Зараждане на капиталистически отношения в чифлишкото стопанство на северо-западна България през XVIII век. София, 1962, с. 84—94; Димитров С. Чифлишкото стопанство през 50—70 години на XIX век.— «Исторически преглед» (далее — ИП), 1955, кн. 2, с. 22—30; Левинтов Н. Г. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг.— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. 75 лет. М., 1953, с. 155—158; Тодоров Н. За наемния труд в българските земи към среда на XIX век.— ИП, 1959, кн. 2, с. 27—31; Христов Х. Аграрният въпрос в българската национална революция. София, 1976, с. 150—151.

грекам и др.), а также и на отдельных земельных участках, эксплуатировавшихся на капиталистических началах болгарскими арендаторами. Существовали и принадлежавшие туркам землевладения (к примеру, рисовые плантации в Пазарджикском и чифлики в Пловдивском и Стара-Загорском районах), в которых встречались смешанные формы принудительного и наемного труда². Крестьяне из подбалканских сел и других районов Северной Болгарии посылались по нарядам турецких властей на уборку урожая и на иную сезонную работу в чифлики во Фракию и прочие районы Южной Болгарии, а также в Добруджу, после окончания рабочего сезона полагалась небольшая оплата³. Некоторые сезонные рабочие из болгарских земель попадали в Константинополь и другие округа империи, а также в Румынию⁴.

Полунаемные и наемные рабочие встречались не только в виде «ратаев» («аргатов» или «момков» — сельскохозяйственных работников, несших вначале также и полуфеодалные повинности) и сезонных рабочих в чифликах, но также как сроковые и поденные рабочие на жатве и в другие периоды интенсивных сельскохозяйственных работ. Их труд применялся при возделывании роз (в районах Казанлыка и Карлово), в огородничестве, в крупных скотоводческих хозяйствах. Подчас, как это было в овощеводческих дружинах — «тайфах» и в скотоводческих — «оджаках», труд фактических полунаемных рабочих был обложен в своеобразную артельную форму⁵.

Формы сочетания наемного труда с элементами внеэкономического принуждения были различными (кстати сказать, в научной литературе этот вопрос еще не разработан). На первых порах, видимо, наиболее распространен был труд полунаемных работников, являвшийся переходной формой от феодальной зави-

² Документи за българска история, кн. 3. София, 1940, с. 236—237, 243—244, 309—310; *Константинов Н.* Селски работници.— «Ново време», 1903, № 8—9, с. 689; *Косев Д.* Въстание на селяните в северозападна България през 1850 г. и неговите причини.— ИП, 1950, кн. 4—5, с. 477—478.

³ «Периодическо списание на българско книжовно дружество в Средец», 1890, кн. 32—33, с. 319—325; *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения..., с. 162—163; *Тодоров Н.* За наемния труд..., с. 30—31.

⁴ *Икономика на България*, т. 4. София, 1969, с. 226—227; *Косев Д., Дикюлеску В., Паскалева В.* Положение и стопанска дейност на българска емиграция във Влашко през XIX в.— В кн.: Българо-румънски връзки и отношения през векове. Изследвания, т. 1. София, 1965, с. 291, 295, 310, 355.

⁵ «Периодическо списание на българско книжовно дружество в Средец», 1888, кн. 27, с. 333; 1890, кн. 32—33, с. 315—316; «Ново време», 1903, кн. 8—9, с. 689—690; «Труд», 1887, кн. 18—19, с. 1188—1196, 1204—1207; 1887, кн. 20—21, с. 1315; *Икономика на България*, т. 1, с. 213; *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения..., с. 172—173.

симости к наемному труду. В частности, в некоторых чифликах рабочие не всегда были лишены средств производства, но и не были полностью свободны⁶. Внеэкономическое принуждение было также сильно в отношении «кюмюрджиев» — крестьян, занимавшихся в районе Малко Тырново и Странджи изготовлением древесного угля, на который был большой спрос в Константинополе и других больших городах. Нанятые на определенных условиях (оплата производилась в основном натурой) торговцами-предпринимателями, получавшими небезвозмездно от турецких властей для этих целей лесные участки, крестьяне-«кюмюрджии» по-прежнему попадали в долговую кабалу, от которой в большинстве своем не могли избавиться. Иногда даже их дети обязаны были отработывать «долги» родителей, ибо власти стояли на страже интересов предпринимателей⁷. Существовали и другие формы полунаемного труда.

С начала XIX в. довольно широкое распространение получил труд сезонных рабочих, в значительной мере — женщин. При этом рабочие (так называемые загорцы и загорки — «жетвари» и «жетварки») иногда были даже заинтересованы в том, чтобы к набору на работу была причастна турецкая администрация, ибо последняя предоставляла известные гарантии выплаты вознаграждения и безопасного следования на работу⁸. Сезонные сельскохозяйственные рабочие нанимались на различные сроки — на полгода, на 1—2 месяца, а иногда и на несколько дней.

С помощью турецких властей происходил также набор сезонных работников на строительство шоссе, железных дорог и иных государственных сооружений, принявшее более широкий размах в 60—70-х годах XIX в. На этих стройках работали как принудительно присланные в порядке выполнения повинностей из окрестных сел крестьяне, так и нанятые по объявлению в газетах рабочие — строители, получавшие денежную плату. Часть строительных работ при постройке домов для индивидуальных заказчиков (при сооружении школ и церквей) осуществлялась с помощью сельских ремесленников-строителей (дюлгеров). Объединения дюлгеров из сел Трынского, Тревненского и других районов (напоминавшие по существу упомянутые выше группы ово-

⁶ Конобеев В. Д. Българското национално-освободително движение. София, 1972, с. 26—27; Левинтов Н. Г. Аграрные отношения..., с. 155—157; Христов Х. Аграрният въпрос..., с. 94—95.

⁷ «Ново време», 1903, кн. 8—9, с. 687—688.

⁸ Икономика на България, т. 1, с. 227; Паскалева В. Българката през Възраждането. София, 1964, с. 27; Христов Х. Аграрният въпрос..., с. 99; Тодоров Н. За наемния труд..., с. 30.

щеводов) в поисках работы часто уходили в дальние округа империи, но по окончании строительного сезона возвращались в свои деревни⁹.

Неосвященным в литературе остался вопрос об использовании труда наемных работников в сферах обслуживания (в трактирах, постоянных дворах — «ханах»). В болгарских землях было немало значительных торговых центров (особенно в дунайских и черноморских портах), славившихся на всю империю; некоторые торговцы вели большие торговые операции¹⁰ и нанимали работников как для переноски и перевозки грузов, так и для работы в лавках и на складах.

Наряду с применением наемных рабочих в сельском хозяйстве, в строительстве и торговле их труд использовался и в ремесленном производстве. Уже с середины XVIII в. характер болгарского ремесла постепенно изменялся. Отдельные отрасли ремесла (в первую очередь текстильного) начали обслуживать рынки обширной империи, что постепенно вело к изменению масштабов и облика ремесла и ремесленной организации¹¹. С течением времени в таких городах и поселках, как Сливен, Сопот, Габрово, Копривштица, Карлово, Самоков, Панагюриште, Котел и других, появлялись отдельные ремесленные мастерские, в которых работало по 10—15, а иногда и больше человек. Часть работников подобных мастерских в середине XIX в. составляли уже не прежние, типичные для старого цехового устройства подмастерья (калфа) и ученики (чирак), а новая категория — наемные рабочие (ишчии) и поденщики¹². Да и положение подмастерьев и учеников постепенно изменялось — давление регламентирующих их деятельности цеховых ограничений ослаблялось, а иногда почти исчезало, и таким образом их положение по

⁹ Гацдев С. Апрельското въстание, 1876. София, 1974, с. 18—19; Константинов Н. Стопански форми и техника на индустрията в България преди освобождението. — В кн.: Списание на българското икономическо дружество (далее — Списание на БИД). София, 1902, кн. 4, с. 273; 1902, кн. 7, с. 464. Примечательно, что по отношению к наемным рабочим, которые периодически дополнительно нанимались дружинами строителей (как и овощеводов), употреблялся термин «чирак», соответствовавший наименованию учеников в болгарском цеховом ремесле («Ново време», 1903, кн. 8—9, с. 690).

¹⁰ Косев Д., Дикюлеску В., Паскалева В. Положение..., с. 306—314.

¹¹ Тодоров Н. Балканският град XV—XIX век. София, 1972, с. 198, 217—229; Цонев С. Към въпроса за разложението на еснафските организации у нас през периода на Възраждането. — «Трудове на Висшия институт за народно стопанство». Варна, 1956, кн. 1, с. 13—57.

¹² Сакъзов И. Развитие на градския живот и на занаятите в България през XVIII и XIX век. — В кн.: България. 1000 години. 927—1927. София, 1930, с. 689—690; Списание на БИД, 1902, кн. 2, с. 448—466.

существо приближалось к положению наемных рабочих¹³. Ремесленные мастерские в основном были мелкие, основанные на ручном труде, часто без подмастерьев и учеников¹⁴. Даже в крупных мастерских по-прежнему господствовал ручной труд, но он был расчленен на ряд простых операций. Постепенно некоторые крупные мастерские превращались в капиталистическую мануфактуру¹⁵. Одна из таких — централизованная мануфактура по производству ковров в Пирдопе, принадлежавшая хаджи Личо Дончеву и занимавшая двухэтажное помещение, в котором было расположено 20 ткацких станков, — обрисована в воспоминаниях его племянника, известного писателя Т. Влайкова¹⁶. Переход к мануфактуре означал новый этап в развитии индустрии, являлся первоначальной стадией капиталистического способа производства.

Фиксируя различные области применения наемного труда, мы должны отметить, что фактически на положении наемных рабочих были и многие так называемые домашние рабочие; для значительной части из них работа по найму у предпринимателей (к примеру, у прядильщиц и ткачих Сливена и Котела, чесальщиц шерсти Самокова и т. д.) была главным источником существования. Рассеянная мануфактура была одной из распространенных в болгарских землях до освобождения форм организации крупного производства¹⁷.

¹³ *Дончев П.* Из стопанското минало на Габрово. София, 1929, с. 90—93; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 16—23, 43—44, 55—57. В частности, уставы ремесленных цехов в XIX в. уже не ограничивали число подмастерьев и учеников у мастера (*Тодоров Н.* Балканският град..., с. 227; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 16—18).

¹⁴ *Косев К.* За капиталистическото развитие на българските земи през 60-те и 70-те години на XIX век. София, 1968, с. 125; *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 57.

¹⁵ Списание на БИД, 1901, кн. 6—7, с. 380—381; 1902, кн. 7, с. 459—461; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 120—121, 131. Характерно, однако, что в некоторых подобных мастерских, превратившихся в капиталистическую мануфактуру, рабочие нанимались как подмастерья (калфы), а владельцы их оставались членами соответствующей цеховой организации (*Тодоров Н.* Балканският град..., с. 259—260).

¹⁶ *Влайков Т.* Съчинения, т. 6, с. 227—229.

¹⁷ Списание на БИД, 1902, кн. 7, с. 455—456, 462; «Ново време», 1903, кн. 8—9, с. 689; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 133—135, 185; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 43; *Тодоров Н.* Балканският град..., с. 138, 185. Крупнейшей рассеянной мануфактурой в болгарских землях было предприятие семьи Гюмюшгердан, поставлявшее для турецкой армии одежду из сукна, изготовлявшегося ремесленниками, сведенными фактически к положению наемных рабочих, и домашними рабочими из родопских сел. — *Косев К.* За капита-

Со второй трети XIX в. в болгарских землях стали возникать и отдельные, относительно крупные, промышленные предприятия, именовавшиеся в источниках и литературе фабриками. Постепенно число их возрастало, но подавляющее большинство фабрик действовало недолго — в Османской империи не было условий для их прочного существования. Капиталистическая фабрика в болгарских землях могла действовать только при прямой или косвенной поддержке турецких властей¹⁸. Видимо, далеко не все из упомянутых предприятий, называвшихся фабриками, были фабриками в полном смысле этого слова. Как известно, В. И. Ленин подчеркивал, что научное значение термина фабрика «...не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индустрией»¹⁹.

В нашем распоряжении, к сожалению, почти нет работ, специально посвященных исследованию характера труда, применявшегося на болгарских промышленных предприятиях фабричного типа в целом, что обусловлено скудостью первоисточников. Вследствие этого нет возможности утверждать, какой труд был определяющим на большинстве этих предприятий — наемный или нанолювино основанный на внеэкономическом принуждении²⁰.

Наиболее близким к истине нам представляется мнение, согласно которому во многих, принадлежавших Османской империи промышленных предприятиях, расположенных в болгарских

листическото..., с. 74—75; *Тодоров Н.* Балканският град..., с. 229, 234—239, 246.

¹⁸ *Коновеев В. Д.* Българското..., с. 43—46; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 119, 141, 147—173; *Тодоров Н.* Балканският град..., с. 251.

¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 183.

²⁰ Мы не останавливаемся на дискуссионных вопросах о характере и числе промышленных предприятий фабричного типа в болгарских землях, о том, следует ли квалифицировать отдельные из них как капиталистические фабрики или как крупные мануфактуры, или их правомернее отнести к категории полумануфактур. Об этом см.: *Гринберг С. С.* Болгарские фабрики в период национального возрождения.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 32—42; *Коновеев В. Д.* Българското..., с. 42—43; *Косев Д.* Лекции по нова българска история. София, 1951, с. 138—139, 145; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 119—121, 128—130; *Натан Ж.* Стопанска история на България. София, 1957, с. 204—205; *Никитин С. А.* Очерки..., с. 45—46, 57; *Младенов Д.* Поява на фабричен пролетариат в България. София, 1961, с. 9—10; *Тодоров Н.* Балканският град..., с. 242—244, 250—251, 267—268, 280—281, 288—289. Только специальное исследование, посвященное изучению методов набора рабочей силы и форм труда работников указанных промышленных предприятий, может дать убедительный ответ на вопрос, были ли эти предприятия капиталистическими фабриками, а работавшие на них — наемными рабочими в полном смысле этого слова.

землях, капиталистические отношения (наемный труд) переплетались с феодально-принудительными формами эксплуатации рабочих: часть их работала по принуждению и без оплаты, а другие получали лишь частичное вознаграждение вследствие условий политического бесправия и национального гнета²¹. На частных же предприятиях, видимо, работали в основном наемные рабочие.

Но вне зависимости от ответа на дискуссионные вопросы о квалификации и количестве промышленных предприятий фабричного типа в болгарских землях этого периода на них было занято некоторое количество наемных рабочих. Число их было, по-видимому, невелико²². В ремесленных мастерских и в мануфактурах — централизованных и рассеянных — было, очевидно, занято значительно больше наемных и полунаемных рабочих. Однако и там число собственно наемных рабочих было, вероятно, и абсолютно и относительно незначительным. Подавляющее большинство наемных и полунаемных работников в ремесленных мастерских и в рассеянных мануфактурах сохраняло в это время в своем распоряжении некоторые орудия производства; значительная часть из них имела также небольшие земельные участки, которые возделывала в свободное от основной работы время²³. Эти факты свидетельствуют о том, что их следует отнести к категории мануфактурных рабочих, — именно сохранение орудий производства и участка земли Ф. Энгельс считал специфическими признаками мануфактурных рабочих, отличавшими последних от чистых пролетариев²⁴.

²¹ Косев К. За капиталистическото..., с. 129.

²² В литературе встречается попытка дать количественную характеристику наемных рабочих, занятых на предприятиях фабричного типа в болгарских землях рассматриваемого периода. Некоторые авторы утверждают, что можно говорить о нескольких сотнях или о тысяче фабричных рабочих (Ламбрев К. Наченки на работническо и профсъюзно движение в България. 1878—1891. София, 1960, с. 23; Тодоров Н. За наемния труд..., с. 35). К. Косев считает, что на фабриках и мануфактурах Болгарии в 50—70 годах было около 6500 рабочих, из них на фабриках — более 1200 рабочих и на мануфактурах — 5300 рабочих, но оговаривает, что приведенные им показатели «в большой степени условные» (Косев К. За капиталистическото..., с. 130—131).

²³ Списание на БИД, 1902, кн. 7, с. 455—457; Косев Д. Лекции..., с. 135—138; 141—142; Младенов Д. Поява..., с. 5; Тодоров Н. Балканският град..., с. 387, 435. Эта характерная особенность была свойственна капитализму на ранней стадии, отмечал В. И. Ленин: «...капитализм нигде не в состоянии был — находясь на низких сравнительно ступенях развития — оторвать совершенно рабочего от земли». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 214.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 326.

Сходным было и положение в болгарской деревне. Число полунаемных и наемных работников в земледелии и скотоводстве перед освобождением выросло. Появилась прослойка малоземельных крестьян, для членов семей которых сезонная продажа своей рабочей силы становилась все более существенным дополнением к бюджету, а иногда и главным источником пропитания. Но число постоянных сельскохозяйственных рабочих росло медленно, что определялось замедленным проникновением чисто капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство.

Таким образом, социально-экономическое развитие болгарских земель до освобождения отмечено рядом глубоких и острых противоречий. Значительный рост товарно-денежных отношений, появление отношений капиталистического типа сопровождалось приспособлением к новым рыночным условиям некоторых крупных земельных владений, перестройкой ремесленного производства, возникновением предприятий мануфактурного и отчасти — фабричного типа.

Параллельно складывался слой малоземельных и в меньшей степени — безземельных крестьян и разоряющихся ремесленников, искавших применения в наемном труде. Однако в условиях феодальной деспотии и политического беспорядка ростки буржуазных отношений развивались медленно и подвергались значительной деформации, что и ограничивало размах применения наемного труда и определило сосуществование различных форм наемного, полунаемного-полупринудительного и чисто феодально-принудительного труда.

Дальнейшее исследование поможет нам ответить на вопрос — какая из форм и в каких отраслях и сферах была преобладающей.

Общая обстановка переходного периода от феодализма к капитализму, осложнявшаяся тормозящим воздействием султанского режима и влиянием нарастающих экономических связей с капиталистически развитыми странами Европы, обусловила переплетение феодально-принудительных и капиталистических отношений и предопределила то обстоятельство, что малоземельные и безземельные крестьяне и разорившиеся ремесленники не получали в массе своей возможности найти себе применение в качестве наемных рабочих. Процесс пролетаризации не получил завершения в массовом масштабе.

Появившаяся категория собственно наемных рабочих, численно, видимо, незначительная, составляла формирующийся пролетариат; таким термином, как известно, характеризовали

К. Маркс и Ф. Энгельс зародыш будущего пролетариата, являющийся симптомом разложения феодального общества²⁵, «более или менее развитым предшественником современного пролетариата»²⁶. В литературе существуют различные точки зрения по вопросу о том, что представляли собою наемные рабочие в болгарских землях в период до освобождения. Одни склонны (хотя и с оговоркой) употреблять по отношению к ним термин «рабочий класс»²⁷. Другие не разделяют мнения о том, что возник самостоятельный рабочий класс²⁸, а некоторые даже решительно возражают против этой точки зрения²⁹. Третья группа авторов удачнее всего, на наш взгляд, характеризует формирующихся наемных рабочих как предпролетариат³⁰.

Между зарождающимся предпролетариатом, неимущими и беднейшими слоями города и деревни в целом и буржуазией (богатыми торговцами и предпринимателями) существовали противоречия, которые росли и углублялись. Особенности положения различных классов и слоев болгарского общества были основой разногласий по вопросам о путях и методах борьбы за национальное и социальное освобождение; они обусловили своеобразие позиций этих классовых групп в борьбе. В целом, однако, в рассматриваемую эпоху классовый антагонизм в болгарских землях между предпролетариатом и буржуазией не был столь острым. Более того, многие наемные и полунаемные рабочие (в первую очередь на мануфактурах и в мелких ремесленных мастерских) и работодатели стояли (как и всюду на мануфактурной стадии развития капитализма), по выражению К. Маркса, «социально близко друг к другу»³¹. Основным противоречием в обществе было противоречие между феодальной верхушкой султанской империи и болгарским народом (как и другими угнетенными народами), который включал в свой состав как трудящие-

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 363, 371, 413; т. 39, с. 399.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 20, с. 17—18.

²⁷ Тодоров Н. Балканският град..., с. 268—269.

²⁸ Косев Д. Лекции..., с. 145.

²⁹ Натан Ж. Стопанска история..., с. 225.

³⁰ История Болгарии, т. 1. М., 1954, с. 229; Гандев Х. Апрельското въстание..., с. 24—25. Им дана наиболее развернутая (из существующих в литературе) характеристика болгарской бедноты рассматриваемого времени; Косев К. За капиталистическото..., с. 141, 197.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 748. О социальной близости в тот период между появляющимися рабочими и их работодателями см.: Тодоров Н. Бюджетът на болгарското работническо семейство от среда на XIX в.— В кн.: В чест на академик Димитър Косев. Исследования по случай 70 години от рождението му. София, 1974, с. 380.

ся низы (в том числе и предпролетариат), так и основную часть формирующейся национальной буржуазии³².

Тяжелое положение наемных работников — рабочий день от зари до зари, фактическое бесправие, мизерная оплата³³ — не могло не вызвать их недовольства и попыток отпора. Формы социального протеста были на том этапе, разумеется, крайне примитивными. Чаще всего недовольство приводило к индивидуальному уходу с работы. Одно из первых известных нам коллективных выступлений рабочих было направлено против введения машин: в 1851 г. чесальщицы шерсти (надомницы) в Самокове, вооружившись мотыгами и лопатами, разгромили мастерскую, где была только что установлена чесальная машина³⁴.

В 40—50-х годах были случаи коллективного прекращения работы с целью улучшения условий труда на государственной суконной фабрике в Сливене³⁵. Фактически это была зачаточная форма стихийной стачки. В 1865 г. произошли волнения родопских крестьян, производивших по заказу Гююшгердана грубое сукно³⁶. Позднее, в 1875 г., вспыхнули стихийные стачки рабочих на шахтах около Велико Тырново и Тревны и на строительстве железной дороги София—Сарамбей³⁷. Упомянутые стачки, как и все выступления рабочих этого периода, были стихийными актами недовольства эксплуатируемых. Пролетарские элементы, только выделявшиеся из общей массы неимущих в качестве зародыща нового класса, были еще не способны к самостоятельной политической борьбе.

³² Некоторое число наемных рабочих приняло активное участие в национально-освободительной борьбе болгарского народа. По данным исследования, проведенного С. И. Сидельниковым, на долю наемных рабочих (включая учеников и подмастерьев в ремесленных мастерских) приходилось 1,2% общей численности членов революционных комитетов, действовавших в болгарских землях в 1870—1873 гг., и около 5% состава членов эмигрантских комитетов (*Сидельников С. И. О численности и социальном составе болгарских революционных организаций в 1869—1873 гг.* — В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970, с. 270—274, 278—279, 281).

³³ *Цончев П.* Из стопанското..., с. 93, 309; *Стоянов Э.* Записки по българските въстания. София, 1948, с. 29—31, 151; *Димитров М.* Поглавни моменти из живота на Ботев. — В кн.: *Ботев Х.* Съчинения, т. 1. София, 1950, с. 112—113.

³⁴ *Семерджиев Х.* Самоков и околността му. София, 1913, с. 213; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 22—23.

³⁵ *Младенов Д.* Поява..., с. 12; Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, с. 26.

³⁶ *Маринов П.* Един неотбелязан в историята бунт в Родопите през 1865 г. — ИП, 1952, кн. 4—5, с. 463—469; *Тодоров Н.* Балканският град..., с. 249—250.

³⁷ Архив за стопанска и социална политика, 1926, кн. 4, с. 386.

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
АВСТРИЙСКОГО ПАНГЕРМАНИЗМА**

(Линцская программа 1882 г.)

Австрийский пангерманизм, реакционное идейно-политическое течение наиболее крайних шовинистических группировок австрийских немцев, формировался в годы, следовавшие после преобразования Австрийской монархии в дуалистическую Австро-Венгрию (1867). Выброшенная Бисмарком из Германского союза, с которым она была тесно связана со средневековья, поставленная перед фактом образования Германской империи с гогенцоллернской Пруссией во главе, многонациональная габсбургская монархия вступила в новую историческую фазу своего развития, а господствующие классы — австро-немецкие помещики и буржуазия — не только оказались вне германского ареала, но и столкнулись с ростом национально-политической активности оттесненных наций своего государства.

Австрийские пангерманцы были относительно немногочисленным идейно-политическим течением в габсбургской монархии. Их влияние на политическую жизнь страны было невелико и кратковременно. Но зерна, заложенные в политической, а главным образом в идеологической пропаганде лидера австрийских пангерманцев Георга Шёнерера, пустили глубокие корни и оказали влияние на последующее развитие не только Австро-Венгрии, но и Австрийской республики.

В определенной степени австрийский пангерманизм стал впоследствии одним из источников складывающегося нацизма. Это, делая актуальным изучение австрийского пангерманизма, особенно его уже тогда ярко выраженной антиславянской направленности, заставляет нас обратиться к рассмотрению одного из наиболее ранних и наиболее популярных документов — к Линцской программе.

Линцская программа 1882 г. была первой официальной, если можно так выразиться, программой немецких шовинистов Австрии, зафиксировавшей основные положения австрийского пангер-

манизма — общественно-политического и идеологического течения в период его зарождения и формирования, признанной и одобренной Пангерманским союзом Германской империи.

Программа эта, опубликованная 1 сентября 1882 г. в журнале «Deutsche Worte», получила название Линцской, потому что по замыслу составителей она должна была быть обсуждена на собрании в Линце (Верхняя Австрия), которое, однако, не состоялось, так как было запрещено местными властями, усмотревшими в содержании программы антигосударственное направление. Поэтому дело ограничилось опубликованием программы в журнале¹⁻². Помимо Шёнерера, активное участие в составлении Линцской программы принимали более умеренные немецкие националисты, например историк и публицист Г. Фридьюнг, а также будущий лидер австрийских социал-демократов Виктор Адлер. Это наложило определенный отпечаток на всю программу: ее формулировки были в общем приемлемыми для всех оттенков немецкого шовинизма в Австрии.

Основное, определяющее содержание Линцской программы требование состояло в создании немецкой Австрии, т. е. такой Австрии, в которой немцы составляли бы большинство населения.

§ 1 первого раздела программы требовал коренного изменения австро-венгерского соглашения 1867 г.: Австрия и Венгрия должны быть связаны только личной унией³. Отделив, таким образом, Венгрию от Австрии, составители выдвигают следующий план переустройства последней. Из состава собственно Австрии выделяются славянские области — Галиция, Буковина и Далмация, а также оккупированные в 1878 г. Босния и Герцеговина. Далмация, Босния и Герцеговина включаются в состав Венгрии (§ 2 Линцской программы); Галиция и Буковина либо также передаются Венгрии, либо остаются, как автономная единица, в составе Австрии и «должны занять там *особое положение*, схожее с тем, какое Хорватия занимает в составе венгерского государства» (§ 3) (подчеркнуто мною. — Н. Р.). Вряд ли увеличение славянского населения в Венгрии за счет Галиции и Буковины (с Далмацией дело обстояло несколько иначе) было по душе вен-

¹⁻² Линцская программа состоит из 11 разделов и 33 параграфов. В 1885 г. Шёнерер добавил 12-й раздел, направленный против евреев. Полный текст Линцской программы опубликован: Herwig (Pichl E.). Georg Schönerer und die Entwicklung des Alldeutschtums in der Ostmark. Ein Lebensbild, Bd I. (1873—1889). umgearb. Auflage. Wien, 1921, S. 112—115.

³ Tokody G. Die Pläne des Alldeutschen Verbandes zur Umgestaltung Österreich-Ungarn. — «Acta Historica», 1963, Nr. 1—2, S. 50—51.

герским господствующим классам, стремившимся к укреплению позиции венгров и подавлению славянских элементов, но это вполне устраивало составителей Линцской программы.

Дело в том, что в Австро-Венгерской монархии Венгрия (где власть крепко держали в руках венгерские господствующие классы) была более сильным партнером, чем раздираемая национальной борьбой Австрия. Венгерским господствующим классам удалось тогда, консолидировав свои силы, в определенной степени держать в узде другие национальности Венгрии. Поэтому выделение из состава Австрии Галиции, Буковины и Далмации и присоединение их к Венгрии должно было, по планам пангерманцев, усилить позиции немцев в Австрии, в то же время затруднить и даже ослабить положение венгерских господствующих классов, а ослабив, сделать Венгрию, естественно, менее самостоятельной и более покладистой, идущей на поводу у сильной немецкой Австрии. Австрийские пангерманцы, учитывая значение Венгрии в восточных планах монархии, и не думали совсем отказываться от нее. Связанная с Австрией личной унией, Венгрия должна была остаться в форватере австрийской политики.

Оставшиеся части Австрии, т. е., как подчеркивается в программе, те земли Австрии, которые некогда входили в Германский союз, должны были составить «единоорганизованное целое», в котором немцы стали бы большинством населения, получили бы большинство в парламенте, и тем самым господствующее положение немецкой буржуазии и немецких помещиков Австрии было бы гарантировано. Пауль Самасса, одна из крупных фигур имперского пангерманского движения, главный редактор «Alldeutsche Blätter», писал, что история последних десятилетий XIX в. показала, как важно для австрийских немцев добиваться «особого положения» для уничтожения перевеса славян. «Это было реальной политической целью, за которую стоило бы бороться ряд лет»⁴.

Таким образом, националистическая сущность Линцской программы не вызывает сомнений. И все-таки западногерманского историка А. Крука, автора большой и по собранному в ней материалу интересной работы, старающегося «объективно» осветить историю Пангерманского союза, смущает неприкрытый национализм этого требования Линцской программы, и он стремится подмалевать его, «обосновав» экономическими мотивами. Крук считает, что существование в Австрии Галиции, Буковины и Далмации, слабых в экономическом отношении областей, при-

⁴ P. S. Alldeutsche Wochenschau.— «Alldeutsche Blätter», 1900, Nr. 3, S. 118.

водило к увеличению налогового пресса в остальных, экономически более развитых частях страны⁵.

Другого западногерманского автора, реваншистски настроенного судетского немца Э. Францеля, напротив, совершенно не смущает откровенно шовинистическая направленность Линцской программы. Его, наоборот, раздражает, как он пишет, «игра в демократию», когда, мол, немцам для утверждения своего господства над другими народами необходимо добиваться численного перевеса над немеческим населением, жертвуя притом даже частью территории своей страны⁶.

Что в эту немецкую Австрию насильственно включались чешские земли и области Австрии, населенные словенцами, казалось составителям программы совершенно естественным. Надо заметить, что тогда национальное движение словенцев в силу ряда причин не приняло еще значительных размеров и основное внимание австро-немецких господствующих классов привлекали чехи. Следует помнить, какую роль в экономике Австрийской монархии играли чешские земли, какое значение имели они для немецких капиталистов и помещиков Австрии.

Кроме того, составители Линцской программы учитывали, какую потенциальную опасность немецкой гегемонии в Австрии заключает в себе возможность создания славянского блока. «Особое положение» Галиции и Буковины было одним из способов противодействия этому.

Выделение из Цислейтании Галиции путем предоставления ей автономии не было громом среди ясного неба, а было логическим завершением галицийской автономии, т. е. той политики в отношении Галиции, которую именно в целях разобщения австрийских славян стало с конца 60-х годов проводить австрийское правительство. Но австрийское правительство действовало полумерами, мелкими уступками, а составители Линцской программы предлагали более решительные меры.

Выделением Галиции из состава Цислейтании составители Линцской программы ставили польские господствующие классы как бы в привилегированное, по отношению к другим славянским народам монархии, положение. Правда, можно согласиться с А. Фуксом, который пишет, что «особое положение» Галиции, как показывает ссылка на Хорватию, не принесло бы полякам,

⁵ *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954, S. 105.

⁶ *Franzel E.* Der Donauraum im Zeitalter des Nationalitätenprinzip (1789—1918). Bern — München, 1958, S. 126.

не говоря уже об украинцах, национальной свободы»⁷⁻⁸. Выставление тогда немецкими шовинистами этого лозунга, который был и оставался очень долгое время краеугольным камнем их программы, носило элементы заигрывания с польскими помещиками. Пангерманцы, как и их последователи — фашисты, так же остро ненавидели поляков, как и чехов, и другие славянские народы. Но в Австрии, на данном историческом этапе, жизненные интересы немецких господствующих классов требовали сосредоточения сил против чехов, их изоляции путем нейтрализации поляков.

Линцская программа, таким образом, была программой разобщения и подавления ненемецких национальностей Австрии. В случае осуществления планов австрийских шовинистов в первую очередь должны были быть подчинены чехи, затем, без сомнения, настала бы очередь поляков, и этому не помешала бы автономия Галиции. В этой немецкой Австрии чехи отдавались всецело во власть немецким господствующим классам. Острие Линцской программы было направлено против чехов, и это, на наш взгляд, является характернейшей чертой этой пангерманской, античешской программы. «Мы бы смогли тогда (в случае отделения Галиции.— *Н. Р.*) дать отпор чехам, скрутить их в бараний рог», — так много лет спустя писал шённерерианец депутат Тюрк⁹⁻¹⁰.

Если к этому добавить, что раздел 2 объявляет в этом «единоорганизованном целом» немецкий язык в законодательном порядке (опять-таки со ссылкой на принадлежность этих земель Германскому союзу) государственным языком страны, то германизаторский характер Линцской программы не вызывает сомнений. Вспомним, как были накалены в это время (в связи с законами Тааффе, расширяющими сферу деятельности чешского языка в дело- и судопроизводстве) чешско-немецкие отношения в чешских землях.

Итак, первые два раздела Линцской программы формулируют основные антиславянские, германизаторские требования немецких шовинистов Австрии.

Надо отметить, что все буржуазно-помещичьи немецкие партии Австрии, начиная от либералов и кончая самыми откровенными шовинистами, воспринимая не без основания рост национально-освободительного движения ненемецких национальностей монархии как угрозу своему господству, не переставали кричать об обороне, в которую якобы вынуждены перейти немцы Австрии.

⁷⁻⁸ *Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich 1867—1918. Wien, 1949, S. 182.*

⁹⁻¹⁰ «*Unverfälschte Deutsche Wortes*», 1899, Nr. 22, S. 261.

Однако составители Линцской программы только для вида кричали о «защите», на деле они ничего не думали терять: ведь создание такой немецкой Австрии, союзницы великой Германии, было залогом господства австро-немецкой буржуазии и помещиков не только над отделенными Галицией и Буковиной, но и над Венгрией и всей Юго-Восточной Европой.

Эти два требования — выделение Галиции и других славянских областей из состава Цислейтании и объявление немецкого языка государственным языком страны — стали основными требованиями австрийских пангерманцев. И в дальнейшем главный упрек, который Шёнерер и его сторонники бросали другим группировкам немецких шовинистов в Австрии, заключался в том, что они «недостаточно защищают» именно эти два требования. Заметим, кстати, что эти требования были одобрены всеми составителями Линцской программы.

Итак, многонациональное австрийское государство должно было стать немецкой страной, но оно должно было стать не только немецкой, но и пангерманской, и на этой второй, отличительной черте Линцской программы мы остановимся подробнее.

§ 31 гласил: «Сохранение и прочное укрепление союза с Германской империей посредством заключения государственного договора». Это было то, к чему стремились все немецкие шовинисты Австрии, причем каждое течение вкладывало в понятие «государственного договора» свое содержание.

Более умеренные в своих националистических воззрениях прогабсбургские националисты (к которым принадлежала большая часть австрийских шовинистов), стоящие на позициях сохранения самостоятельного австрийского государства, считали, что такой договор гарантирует немецкий характер Австрии, так как утвердит господство немцев (т. е. немецкой буржуазии и немецких помещиков) над славянским населением; что, будучи союзницей „Великой Германии“, Австрия сможет под эгидой германского империализма осуществить наступление на Балканы. Не случайно § 32 Линцской программы указывал на необходимость проведения активной и целеустремленной восточной политики, в особенности же защиты австрийских интересов на нижнем Дунае и в Балканских странах.

Крайнее крыло немецких шовинистов Австрии — пангерманское и прогогенцоллернское — шёнерерианцы считали, что такой договор положит начало более тесным отношениям между обеими странами, конечной целью должно было стать их объединение. Вопрос этот не так прост. Вероятнее всего, что в планах Шёнерера и его сторонников создание „Великой Германии“ было

конечной целью, к которой надо было стремиться. Непосредственной же задачей в настоящее время было укрепление германизма в самой Австрии.

Первостепенным для понимания пангерманской направленности Линцской программы был § 19, говорящий о необходимости создания единой таможенной области с Германской империей во главе, в которую, помимо Германии и Австрии, должны были войти также Венгрия и Балканские страны. То, что Шёнерер представлял себе подобную таможенную систему, охватывающую огромную территорию от Северного до Средиземного моря, как своего рода пангерманскую «Срединную Европу», о которой уже тогда мечтали пангерманские идеологи, не подлежит сомнению. Вопрос о «Срединной Европе» в планах пангерманцев очень сложен и должен стать предметом специального исследования.

Итак, четыре раздела Линцской программы — 1, 2, 7, 11 и были основными и кардинальными разделами всей программы, антиславянской и пангерманской, остальные разделы в конечном итоге были подчинены им.

Линцская программа, как мы уже говорили выше, в последние десятилетия XIX — начале XX в. была также вполне приемлема для имперских пангерманцев, так как отвечала классовым интересам германского империализма.

Прямо германским империалистам, тогда, в условиях последних десятилетий XIX в., было трудно открыто проводить свои захватнические планы в отношении Балкан. Через Австрию, младшего партнера, связанного с Германией государственным договором, это было куда сподручнее.

Линцская программа была первой австрийской пангерманской программой, так как предусматривала создание немецкой Австрии, в которой власть принадлежала бы господствующим классам немецкой национальности. Это была также и первая пангерманская программа немецких шовинистов Австрии, так как она намеревалась включить Австрию в «Великую Германию», первым шагом к чему должно было быть таможенное объединение обеих стран.

Линцская программа состояла из 11 разделов, причем большая часть их была посвящена социально-экономическим вопросам, что могло у неискушенного читателя создать впечатление, что именно эти вопросы и являются основой программы.

Но это была только видимость. Как мы уже говорили выше, вся программа была посвящена одной задаче — укрепить положение немецких помещиков и немецкой буржуазии Австрии.

В Линцской программе содержится ряд пунктов, отвечающих буржуазно-демократическим требованиям: расширение избирательного права, свобода собраний, союзов, печати, введение прогрессивного подоходного налога¹¹. Однако нет оснований видеть в них повод для оценки Линцской программы как демократической и прогрессивной. Следует прежде всего рассмотреть, с каких классовых позиций выдвинута эта программа и какие цели она преследует.

Какую цель преследовали эти требования? Только одну — численно увеличить ряды своих сторонников, чтобы с их помощью осуществить свою антинародную и антиславянскую программу. Но это не противоречит тому, что некоторые буржуазно-демократические требования Линцской программы должны были сыграть положительную роль в преодолении феодальных пережитков, тормозивших развитие капитализма в Австрии.

В каких слоях населения могли немецкие шовинисты найти опору? В первую очередь среди тех слоев населения, положение которых ухудшилось по мере развития капитализма и которых можно было поймать на удочку шовинистической демагогической пропаганды. Среди крестьян, которым вследствие роста классовой дифференциации в деревне угрожает пауперизация. Среди ремесленников, не выдерживающих конкуренции фабричного производства и пополняющих ряды рабочего класса. Среди мелких промышленников, торговцев и рантье, студентов и других представителей городской интеллигенции, т. е. среди мелкобуржуазных слоев городского населения, положение которых очень неустойчиво, в памяти которых еще очень ярки картины экономического кризиса 1873 г. и которые, не понимая причины, прислушиваются к каждому, кто сулит им какие-то надежды.

И, Шённерер, и его сторонники очень хорошо и умело стараются использовать все это в своих целях. Социально-экономические требования Линцской программы тому пример. Тут прямо-таки напрашивается сопоставление с нацизмом¹².

Каким путем хотят осуществить эти требования составители программы? Путем издания государством соответствующих законов. Таким образом, «хорошее» законодательство должно стать панацеей от всех бед. Рецепт не новый, не изобретенный австрий-

¹¹ *Schnee H. Georg Ritter von Schönerer. Ein Kämpfer für Allddeutschland, 3. Auflage. Reichenberg, 1943, S. 14.* Буржуазные историки и публицисты, как противники, так и сторонники пангерманцев и Шённерера, склонны преувеличивать значение социально-экономических требований Линцской программы.

¹² *Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967, с. 35.*

скими шовинистами. Но кто же виноват в тяжелом положении простого народа? Ответ шёнерерианцев прост — «интернациональный» крупный капитал, который захватил руководящее положение в финансах, промышленности и торговле страны, т. е. та часть финансовой и торгово-промышленной олигархии, которая стоит во главе либеральной Конституционной партии (главной немецкой политической противницы немецких шовинистов Австрии).

Таким образом, не капиталистическая система, как таковая, а только небольшая группа капиталистов является причиной всех бедствий, порождаемых капиталистическим строем, и именно с нею призывают шёнерерианцы начать борьбу, на нее хотят направить они недовольство народа. Поднимаясь якобы на защиту трудового люда, пангерманцы хотят побить своих конкурентов и тем самым захватить ключевые позиции австрийской экономики. Мы видим, что и в этом у них многое перенял приверженец Шёнереера Гитлер. Характерно, что, нападая на эти группы капитала, составители Линцской программы оставляют в стороне крупное землевладение.

Итак, «хорошие» законы могли бы спасти трудовой немецкий народ (о трудящихся классах ненемецкой национальности немецкие шовинисты Австрии и не упоминают), а такие «хорошие» законы сможет, мол, издать только настоящее немецкое государство, которое нельзя смешивать с теми либеральными правительствами, которые стояли у власти в Австрии, но ничего в защиту немецкого народа не сделали. Поэтому Линцская программа и предлагает избирателям выбирать в рейхсрат «немецких людей, знающих интересы народа» (§ 8). Значит, для осуществления социально-экономических требований необходимо перестроить Австрию в немецкое государство, т. е. претворить в жизнь национально-политические требования Линцской программы.

Но кто мешает подобной перестройке двуединой монархии? Славяне, составляющие в Австрии большинство населения, и те «ненациональные» магнаты капитала, «чуждые» интересам немецкого народа. Социально-экономические требования, выставленные в Линцской программе, не оригинальны и являются разновидностью социально-экономических требований, с которыми выступали в это время различные представители господствующих классов в Австро-Венгрии, стремясь различными «реформами» приостановить закономерный процесс исторического развития капиталистического строя, связанный с обострением классовой борьбы, ростом классовых противоречий, ростом активизацией и организацией рабочего класса.

Характерной чертой Линцской программы, как, впрочем, и других подобных буржуазных программ, является обилие широковещательных фраз (например, требование «сохранения крепкого крестьянского сословия»), расплывчатых формулировок (установление «нормального» рабочего дня, «ограничение женского и детского труда» и т. п.), убаюкивание масс обещанием введения «хороших» законов. Социально-политические требования Линцской программы были самой настоящей социальной демагогией. Мы можем полностью присоединиться к мнению чехословацких авторов, пишущих о Шёнере, что «национально-социальная демагогия была всегда наиболее характерной чертой идеологии этого предшественника Гитлера»¹³.

Несмотря на отдаленность исторической эпохи, отличие условий и т. п., ряд важных черт идеологии и политики — национализм и его антиславянская заостренность, экспансионизм, социальная демагогия — дает основание говорить о пангерманизме 80-х годов и о шёнереианстве в частности как о предтече фашизма, а интерес к шёнереианству и известное приукрашивание его современными буржуазно-националистическими авторами требуют критики с нашей стороны.

¹³ Přehled československých dějin. Maketa D. I. 1848—1918, sv. 2. 1848—1900 Praha, 1960, s. 633.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-БОЛГАРСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Освобождение болгарского народа от турецкого ига и восстановление его государственности совершилось тогда, когда уже начался переход домонополистического капитализма к империализму, который, по определению В. И. Ленина, «есть монополистическая стадия капитализма»¹.

В первый период существования самостоятельной Болгарии главным орудием, которым пользовались иностранные капиталисты для подчинения ее экономики своим интересам, была внешняя торговля. Сразу же после образования Болгарского княжества господствующее положение в его внешней торговле заняли западноевропейские фирмы. Так, в 1881 г. импорт Болгарского княжества составил 58,49 млн. левов: на долю Австро-Венгрии пришлось 14,72 млн. левов (25,2%), Англии — 13,56 (23,2), Франции — 3,02 (5,2), Германии — 0,29 млн. левов (0,5%). Таким образом, на долю этих четырех западноевропейских стран в общей сложности пришлось 54,1% всего болгарского импорта. На долю же России в этом году пришлось лишь 1,21 млн. левов (2,1%)².

В последующие годы импорт Болгарии из России увеличился абсолютно и относительно, но продолжал оставаться незначительным по сравнению с импортом из западноевропейских стран. Так, среднегодовой импорт русских товаров в 1882—1885 гг. составил 2,05 млн. левов³, а в 1886 г., в год разрыва дипломатических отношений, достиг 3,59 млн. левов⁴, что составило соот-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 386.

² Статистика на княжество България. Външна търговия на княжеството през 1880 и 1881 години. София, 1883, с. 2.

³ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев, 1967, табл. 2.

⁴ Статистически годишник на Българското царство. Година четвърта, 1912. София, 1915, с. 206—207.

ветственно 4,4 и 5,6% всего болгарского импорта⁵. Но за эти годы возрос и удельный вес перечисленных выше западноевропейских стран в болгарском импорте, составив в 1882—1885 гг. 64,7%, а в 1886 г.— 64,1%⁶.

Еще меньшим был удельный вес России в болгарском экспорте. В 1882—1886 гг. в указанные выше четыре западноевропейские страны было вывезено болгарских товаров на общую сумму 78,44 млн. левов, что составило 37,7% всего болгарского экспорта в эти годы⁷. Стоимость же болгарских товаров, вывезенных в Россию, составила за эти же годы лишь 0,37 млн. левов, или 0,25% всего болгарского экспорта⁸.

Основными статьями болгарского импорта из России были (в порядке их удельного веса) керосин и нефть, спирт и спиртные напитки, кожевенное сырье, икра, шерстяная одежда и сукна, рыба. В Россию же Болгария вывозила преимущественно деревянные изделия, гайтан (шнур), розовое масло, железные изделия и некоторые другие изделия ремесла⁹. Следует при этом отметить, что болгарский экспорт в Россию не был систематическим и устойчивым, вывоз некоторых товаров носил случайный характер.

Болгарский импорт из России был весьма ограниченным, а его главные статьи составляли сырье или изделия легкой и пищевой промышленности. Основная масса промышленных товаров ввозилась в Болгарию главным образом из Австро-Венгрии и Англии. Вплоть до 1885 г. Австро-Венгрия занимала первое место в болгарском импорте. Только в 1885—1886 гг. Англия не намного ее опередила. Важно при этом отметить, что Австро-Венгрия ввозила из Болгарии гораздо меньше товаров, чем Англия. В 1882—1886 гг. общий дефицит торгового баланса Болгарии с Австро-Венгрией составил 61,16 млн. левов, а с Англией— 20,01 млн. левов¹⁰. Таким образом, особенно опасной для болгар-

⁵ Там же. Данные за 1886 г. относятся ко всей Болгарии, объединение которой совершилось в сентябре 1885 г. Этим в значительной степени объясняется резкое увеличение русского импорта в этом году. Данные же за 1881—1885 гг. относятся только к Северной Болгарии.

⁶ *Battenberg F. J. Die volkswirtschaftliche Entwicklung Bulgariens von 1879 bis zur Gegenwart.* Leipzig, 1891, S. 114; Статистически годишник..., с. 205—207.

⁷ Там же.

⁸ *Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения...*, табл. 3.

⁹ Статистика..., с. 28; *Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения...*, табл. 2 и 3.

¹⁰ *Battenberg F. J. Die volkswirtschaftliche...*, S. 114.

ской национальной экономики была торговая экспансия Австро-Венгрии.

В России с тревогой следили за усиливающимся экономическим порабощением Болгарии австрийским капиталом. «В промышленном отношении,— писали «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества» (1884 г., № 8, с. 18),— Болгария уже обращена в австрийский рынок. Вероятно, недалеко то время, когда Болгарию постигнут те финансовые комбинации, посредством которых вся страна очутится в экономическом рабстве у Австрии».

Опасения эти не были лишены оснований. Карл Рауш, профессор венской торговой академии, писал: «Все наше внимание должно быть направлено на то, чтобы удержать наши выгодные позиции во внешней торговле Болгарии»¹¹. Экономическая экспансия Австро-Венгрии была важнейшим орудием укрепления ее политических позиций в Болгарии и на Балканах в целом. При этом использовалось также и то обстоятельство, что болгарский престол занимал немецкий принц.

Вполне естественно, что правящие круги России стремились не допустить того, чтобы Болгария, освобожденная от турецкого ига в результате победы русского оружия, стала сферой влияния Австро-Венгрии и других западных держав. В России считали, что важным средством для предотвращения такой угрозы и закрепления русского влияния в Болгарии могло быть установленные прочных русско-болгарских экономических связей, в частности расширение торговли между обеими странами.

Документы, хранящиеся в Архиве внешней политики России, свидетельствуют о том, что русские дипломатические и торгово-промышленные круги были весьма озабочены состоянием русско-болгарской торговли и предпринимали попытки, направленные к ее расширению. Этот аспект русско-болгарских отношений первой половины 80-х годов очень слабо освещен в литературе и поэтому заслуживает более подробного рассмотрения.

Первые шаги к расширению русско-болгарских торговых связей были предприняты с русской стороны в первые же годы после образования Болгарского княжества.

12 июня 1880 г.¹² русский дипломатический агент и генеральный консул в Софии Кумани направил председателю Общества для содействия русской промышленности и торговле П. П. Деми-

¹¹ Rausch K. Bulgarien, seine wirtschaftliche und finanzielle Entwicklung. Wien und Leipzig, 1892, S. 14—15.

¹² Все даты приводятся по старому стилю.

дову записку, в которой изложил свои соображения о мерах, необходимых для развития русско-болгарской торговли. В своем ответе от 15 октября 1880 г. Демидов сообщил, что в целях поощрения русско-болгарской торговли между возглавляемым им комитетом и комиссией по устройству Всероссийской промышленно-художественной выставки было достигнуто соглашение «об отведении на выставке места, где бы могла быть выставлена коллекция образцов изделий, которые могли бы найти сбыт в Болгарии»¹³. После этого прошло больше года. Открытие выставки затягивалось. За это время никакого сдвига в русско-болгарской торговле не произошло.

Осенью 1881 г. инициативу взяли на себя московские и одесские купцы и промышленники, а также русские торговцы, проживавшие в Русе. Московский купец А. Л. Мураневич предложил московскому биржевому комитету проект создания общества московских промышленников и купцов для торговли с Болгарией и другими балканскими странами, который был опубликован в газете «Русские ведомости» 21 ноября 1881 г. По словам Мураневича, московские капиталисты встретили его идею «с большим сочувствием» и выразили желание ходатайствовать перед правительством «о содействии им в забалканской торговле и пароходстве». Они считали, что общество, которое предложил создать Мураневич, должен был возглавить «известнейший московский мануфактурист Тимофей Саввич Морозов». Мураневич просил Азиатский департамент министерства иностранных дел поддержать его идею перед московским генерал-губернатором князем В. А. Долгоруким¹⁴.

Примерно в это же время русские коммерсанты, проживавшие в Русе, обратились с письмом к тамошнему русскому консулу Н. Н. Лодыженскому, в котором они выразили желание «завести непосредственные отношения с фабрикантами и оптовыми торговцами Одессы». Это письмо Лодыженский направил временному одесскому генерал-губернатору, а последний передал этот вопрос на обсуждение одесского комитета торговли и мануфактур. Этот комитет 20 ноября 1881 г. принял решение «взять на себя, насколько окажется возможным, ознакомление одесских купцов и фабрикантов с образцами товаров, требуемых болгарским рынком».

Председатель комитета, бывший одновременно директором Русского общества пароходства и торговли, вице-адмирал Чиха-

¹³ АВГПР, Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 98, л. 90.

¹⁴ Там же. лл. 5—6.

чев предложил от имени этого общества конкретные меры помощи «для облегчения сношений болгарских рынков с Одессой». Сообщая об этом решении одесского комитета в записке от 30 декабря 1881 г., адресованной Азиатскому департаменту, временный одесский генерал-губернатор просил этот последний привлечь к организации сбора образцов товаров и торговой информации русских консулов в Болгарии¹⁵.

Азиатский департамент без промедления поддержал инициативу русских купцов и промышленников. 18 января 1882 г. он препроводил записку одесского генерал-губернатора преемнику Кумани на посту русского дипломатического агента и генерального консула в Болгарии М. А. Хитрово с предписанием «собрать просимые в означенной записке сведения, каковые сообщить как в департамент, так и непосредственно одесскому комитету торговли и мануфактур»¹⁶.

Хитрово в спешном порядке разработал целую программу «водворения в Болгарии русской торговли» и представил ее в виде трех памятных записок в Петербург на рассмотрение министра иностранных дел Н. К. Гирса. В этой программе выдвигались три основные задачи: 1) установление прямого сообщения между Одессой и Рени, с одной стороны, и болгарскими дунайскими пристанями — с другой; 2) установление торговых сношений между русскими и болгарскими купцами; 3) заключение между Россией и Болгарией торговой конвенции¹⁷.

Последняя из трех указанных задач выдвигалась в связи с тем, что к этому времени Россия и Болгария не были связаны специальным торговым соглашением. Правовой основой русско-болгарских торговых отношений являлся торговый договор, подписанный Россией и Османской империей 22 января 1862 г. Этот договор был заключен на срок в 14 лет с правом его пролонгации еще на 7 лет в случае, если он не будет денонсирован по истечении срока. Как и другие торговые договоры, заключенные Портой в 1861—1862 гг. с европейскими государствами, он предусматривал обложение русских товаров, ввозившихся в Турцию, 8-процентной пошлиной¹⁸. Согласно статье 8 Берлинского договора 1878 г., все эти торговые договоры сохраняли силу для Болгарского княжества, поскольку оно было вассальным по отношению к Османской империи. В 1883 г. истекал дополнитель-

¹⁵ Там же, лл. 8—10.

¹⁶ Там же, л. 7.

¹⁷ Там же, л. 82.

¹⁸ Чакалов Я. Н. Из историята на митнишкия режим в България, т. II. От освобождението на България до 1888 г. София, 1928, с. 3, 7, 11.

ный срок русско-турецкого договора, и правительство России хотело заключить новое торговое соглашение непосредственно с Болгарским княжеством, при этом оно стремилось добиться снижения пошлин на русские товары, так как при равной для всех европейских государств 8-процентной пошлине они оказывались в невыгодном положении по сравнению с более дешевыми западноевропейскими промышленными товарами.

Чтобы добиться одобрения своей программы, Хитрово стремился заручиться поддержкой членов кабинета министров и других влиятельных лиц. С этой целью он 31 января 1882 г. обратился за содействием с частными письмами к министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву, министру финансов Н. Х. Бунге, директору департамента торговли и мануфактур министерства финансов Н. А. Ермакову, московскому генерал-губернатору князю Долгорукову В. А., председателю общества для содействия русской промышленности и торговли П. П. Демидову, известному лидеру славянофилов И. С. Аксакову. 14 февраля того же года Хитрово обратился с подобным письмом к московскому городскому голове Б. Н. Чичерину¹⁹.

В письме к Игнатьеву Хитрово обращал его внимание на политическое значение расширения русско-болгарской торговли. «Я призываю принципиальное внимание Вашего сиятельства,— писал Хитрово,— на его глубокое политическое значение в будущем для нашего влияния не только в Болгарии, но и во всех соседних землях Балканского полуострова. Раз денежная, материальная связь будет упрочена, то на этой твердой почве легко будет сохраниться, окрепнуть и вырасти нашему политическому влиянию». Он просил Игнатьева «обратиться к генерал-губернаторам русских торгово-промышленных центров—Москвы, Киева, Варшавы, Харькова и Одессы,—пригласив их разъяснить дело местным промышленным и торговым деятелям и призвать последних к живому соучастию с его разрешения...»²⁰ В письмах к Демидову и Чичерину Хитрово акцентировал внимание на важной роли, которую сможет сыграть в налаживании русско-болгарской торговли предстоящая промышленно-художественная выставка в Москве²¹.

Проект Хитрово вместе с указанными письмами был отправлен в министерство иностранных дел русским консулом в Русе Лодыженским, который должен был посетить, кроме Петербурга,

¹⁹ АВПР, ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 98, лл. 82—96, 98.

²⁰ Там же, лл. 83—84.

²¹ Там же, лл. 90—96.

и Москву и встретиться там с Т. С. Морозовым и другими заинтересованными лицами²².

Следует отметить, что проект Хитрово не отражал мнения всех дипломатических представителей России в Болгарии. Среди последних не было единства по вопросу о перспективах русско-болгарской торговли. Если консул в Русе и вице-консул в Варне смотрели на будущее русско-болгарской торговли в общем оптимистично и предлагали конкретные меры для ее развития²³, то русский консул в Видине В. Максимов был настроен скептически. В донесении Хитрово от 18 февраля 1882 г. он, подвергнув анализу возможности русско-болгарской торговли, приходит к неутешительному заключению о том, что «наши усилия развить торговое и промышленное общение с Болгарией вряд ли увенчаются успехом». Главными причинами, препятствовавшими развитию русско-болгарской торговли, Максимов считал узость болгарского рынка, конкуренцию дешевых австрийских промышленных товаров и отсутствие в Болгарии товаров, которые могли бы найти сбыт на российском рынке²⁴.

В нашем распоряжении нет документов, прямо свидетельствующих о судьбе проекта Хитрово. Сам Хитрово, активно противодействовавший проискам Австро-Венгрии в Болгарии, был в июне 1882 г. отозван русским правительством из Софии по настоянию князя Александра Батенберга²⁵. Судя по дальнейшему развитию событий, деятельность Хитрово и инициатива А. Л. Мураневича не остались без последствий, они содействовали активизации русского купечества.

Летом 1882 г. московские купцы по инициативе Т. С. Морозова направили в Болгарию трех своих представителей, которым было поручено «изучить Болгарское княжество в коммерческом и индустриальном отношениях» и дать свои рекомендации относительно мер, необходимых для развития русско-болгарской торговли. Представители московского купечества объехали значительную часть страны, собрали необходимые сведения, а затем прибыли в Софию, где были приняты болгарским министром финансов Г. Начевичем. Обе стороны констатировали, что в отношении торговли с Болгарией Россия поставлена в менее выгодные условия, чем западноевропейские страны. Сообщая об этой встрече болгарскому министру иностранных дел Г. Вылковичу в специальной записке, Г. Начевич высказывался в пользу

²² Там же, л. 86.

²³ Там же, лл. 13—21.

²⁴ Там же, лл. 25—32.

²⁵ История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 359.

заключения торгового договора с Россией, выражая при этом надежду, что болгарские ремесленные изделия смогут найти широкий сбыт на русском рынке и таким образом можно будет не только предотвратить дальнейший упадок ремесленного производства, но и добиться его подъема²⁶.

Однако торговый договор между Россией и Болгарией тогда не был заключен. Объясняется это тем, что оказалось невозможным отделить вопрос о русско-болгарском договоре от всего комплекса торговых договоров, связывавших Турцию с западными державами. Дело в том, что торговые договоры Турции с этими державами, заключенные в 1861—1862 гг. сроком на 28 лет, предусматривали право их пересмотра или денонсирования по истечении 21 года. В 1882 г. истекал этот 21-годовой срок, в связи с чем в Константинополе начались переговоры между Портой и представителями европейских держав о пересмотре торговых договоров. Они закончились провалом, так как западные державы не соглашались на какие-либо изменения условий договоров до истечения их срока действия²⁷. Естественно, что до истечения этого срока западные державы не признавали за Болгарским княжеством права на заключение торговых договоров независимо от Порты.

Хотя русско-болгарский договор не был заключен, обе стороны сумели договориться об условиях взаимовыгодной торговли. 10 июля 1882 г. совет министров Болгарского княжества по докладу Начевича принял решение «выработать тариф для русских товаров, по которому уравнивать пошлину с каждого российского товара с наименьшей пошлиной с такого же качества товара тех держав, которые имеют коммерческие договоры с Высокой Портой»²⁸. Такой тариф, известный под названием «русский конфиденциальный тариф», был выработан и начал применяться в октябре 1882 г.²⁹

Несмотря на то, что этот тариф устанавливал для импортируемых в Болгарию русских товаров более низкие пошлины, чем действовавшие до этого, в русско-болгарской торговле не произошло существенных изменений. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что рост объема русско-болгарской торговли в 1882—1886 гг. был сравнительно небольшим и удельный

²⁶ АВПР, ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 98, лл. 57—59, 60, 64—65.
²⁷ Чакалов Я. Н. Из историята..., с. 46—48.

²⁸ АВПР, ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 98, л. 57.

²⁹ АВПР, ф. Миссия в Софии, оп. 527/1, д. 11, лл. 41—45; Чакалов Я. Н. Из историята..., с. 38—45.

вес русского импорта в Болгарии далеко отставал от австро-венгерского и английского.

В последующие годы, вплоть до конца XIX в., объем русско-болгарской торговли продолжал оставаться весьма ограниченным. Он существенно не изменился как в период разрыва русско-болгарских дипломатических отношений, так и после их восстановления³⁰.

Следовательно, масштабы русско-болгарской торговли определялись не состоянием политических отношений между обеими странами и не правовыми нормами, регулировавшими отношения торговые. Ограниченный объем русско-болгарской торговли и тщетность усилий ее активизировать и расширить объясняется рядом факторов. Отрицательное влияние оказывало то обстоятельство, что русским купцам приходилось пользоваться для перевозки своих грузов судами австрийских компаний³¹. Не благоприятствовала торговому обмену структура экспорта обеих стран, которая была весьма сходной. Но главной причиной слабого развития русско-болгарской торговли была отсталость русской промышленности, которая не способна была конкурировать с промышленностью Западной Европы. Следствием этого было засилие западноевропейских промышленных товаров на болгарском рынке, которое тормозило развитие крупной капиталистической фабричной промышленности в Болгарии и обрекало ее на роль аграрно-сырьевого придатка западных держав.

³⁰ Статистически годишник..., с. 206—207; Статистика за търговията на княжество България с чуждите държави през 1899 година. София, 1900, с. XV; «Държавен вестник», № 258, 20 ноября 1897 г.; Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения..., табл. 2 и 3.

³¹ АВПР, ф. Вице-консульство в Софии, оп. 782/2, д. 98, л. 9.

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СЛАВЯН
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(до 1917 г.)**

В 60-е годы XIX в. в системе учебных дисциплин историко-филологического факультета Московского университета история славян стала выделяться из филологии. Университетский устав 1884 г., как и предшествующие, не предусматривал, правда, в университетах кафедр славянской истории, однако история славян была введена в число обязательных предметов исторических отделений историко-филологических факультетов. К концу XIX в. специализация кадров по отдельным отраслям славистики стала насущной необходимостью. Дважды — в 1900 и 1903 гг. — Московский университет ходатайствовал об учреждении специальной кафедры истории славян, но оба раза безрезультатно¹.

В первые годы действия устава 1884 г. историю славян читали профессор кафедры русской истории Н. А. Попов, затем византинист П. В. Безобразов, историк Западной России И. А. Линниченко, славист-филолог П. А. Лавров. Затем чтение курса истории южных славян было поручено профессору кафедры русского языка и словесности М. И. Соколову, а истории западных славян — профессору кафедры русской истории М. К. Любавскому.

Не все курсы лекций по истории славян, читавшиеся в Московском университете, сохранились, но следы их существования отразились в архивах и в литературе. Так, в архиве И. А. Линниченко хранится большая рукопись по истории Чехии и Польши². В конспективной форме сохранился его же курс истории этих стран, читанный в весеннем семестре 1889 г. В том же фонде можно найти материалы о балтийских славянах и текст общего введения в историю славянских народов. Есть также рукописный

¹ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 72, д. 665 — о чтении лекций по истории славян.

² ООГА, ф. 153 (И. А. Линниченко), оп. 1, д. 932.

текст лекции по истории Чехии, читанной в 1890 г. и повторно — 25 января 1891 г.³ (речь идет о чешском национальном возрождении).

Проф. М. И. Соколов читал не только общий курс истории южных славян в историческом отделении, но и ряд специальных курсов. Так, в 1900—1901 академическом году он вел занятия по истории богомилства, которые состояли из вступительных лекций, обсуждения подготовленных студентами рефератов, объяснительного чтения источников. В специальных курсах М. И. Соколова о ересь и религиозных движениях также отводилось много места событиям славянской истории⁴.

Некоторые курсы лекций по истории славян, в том числе «История Чехии» П. А. Лаврова, сохранились в литографированных изданиях⁵. Являясь крупнейшим ученым в области славянского языкознания и палеографии, П. А. Лавров не занимался специально историей славян и составлял курсы на основе литературы, которую выбирал в соответствии со своими взглядами энтузиаста-романтика. Его лекции по истории Чехии эклектичны и нередко содержат противоречивые оценки отдельных моментов чешской истории. Они читались с особым упором на «кирилло-мефодиевскую проблему», хорошо известную П. А. Лаврову по источникам, которыми он занимался как филолог. По его мнению, Кирилл и Мефодий были носителями идей православия, и начатая ими традиция сохранялась в Чехии вплоть до XIV в. Эта теория «православных остатков» и связи между «православным крещением» Чехии и гуситским движением XV в. была далеко не нова — она развивалась еще в середине XIX в. историками-славянофилами, но не выдержала критики и к 80-м годам осталась за пределами серьезной науки⁶.

Половину своего курса лекций по истории Чехии П. А. Лавров отводил характеристике гуситского движения, причины которого видел в религиозных разногласиях между католической церковью и чехами, стремившимися якобы «восстановить изначальную славянскую религию», т. е. православие в своей стране. Положительным моментом содержания лекций является упоминание о несоответствии учения католической церкви ее действиям, мысль о том, что это несоответствие вызывало протест всех слоев

³ Там же, лл. 1—4, 37—43, 80—82, 103—104; д. 234.

⁴ Очерки 10-летней научной деятельности Славянской комиссии ИМАО. М., 1902, с. 46.

⁵ Лавров П. А. История Чехии. М., [1897].

⁶ Подробнее об этом: Лаптева Л. П. Русская литература о гуситском движении (40-е годы XIX в.— 1917 г.). Автореф. докт. дис. М., 1972.

населения, так что «экономические затруднения возрастали»⁷. Однако обо всем этом сказано лишь вскользь. Выяснить истинные причины гуситского движения П. А. Лавров был не в состоянии.

Хотя П. А. Лавров нигде прямо не декларировал своего методологического кредо, ясно, что его концепция — поздний вариант славянофильской трактовки истории Чехии. Лектор особенно сочувственно относился к построениям А. Ф. Гильфердинга. К концу XIX в. это было явным анахронизмом, а вся концепция представляется насквозь идеалистической.

М. К. Любавский читал впервые лекции по истории славян в 1899—1900 академическом году, затем регулярно с 1906 г.⁸, а в 1911—1912 г. вел еще отдельно курс истории Чехии, который тоже сохранился в литографированном виде⁹. В нем изложение начиналось с раздела «Первоначальная чешская монархия», затем говорилось о княжеских усобицах в XI—XII вв., об усилении германизации Чехии в XIII в., ее политическом развитии во второй половине XIII и первой половине XIV в. Эпоху правления Карла IV М. К. Любавский оценивает как «золотой век» чешской истории, о котором и «до сих пор чехи вспоминают с чувством великого удовлетворения и национальной гордости»¹⁰. Значительное место отводилось в лекциях гуситскому движению, а заканчивалось изложение характеристикой государственного и общественного строя Чехии в начале XVI в.

Изложение М. К. Любавского имеет ряд преимуществ перед курсом П. А. Лаврова, демонстрируя осведомленность о новейших исторических концепциях и научных методах. В оценке догуситского периода чешской истории М. К. Любавский разделяет в основном взгляды чешских историков. В гуситском движении он различает аспекты религиозный, национальный, социальный, политический¹¹, относя все явление в целом к началам протестантизма и тем самым отвергая славянофильскую трактовку.

Второй курс лекций М. К. Любавского — «История западных славян»¹² — излагает в известной мере результаты исследований самого лектора, которого следует считать в значительной степе-

⁷ Лавров П. А. История Чехии, с. 281.

⁸ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 68, д. 647, лл. 1—5; оп. 84, д. 553, лл. 1—4.

⁹ Любавский М. К. Лекции по истории Чехии. М., 1912.

¹⁰ Там же, с. 57.

¹¹ Там же, с. 68.

¹² Любавский М. К. История западных славян. Лекции, читанные в Московском университете и на Высших женских курсах в Москве. М., 1917; 2-е издание — М., 1918.

ни и историком Польши, особенно ее феодального периода. Польской истории посвящен ряд его статей¹³. Современники имели основание считать курс М. К. Любавского «богатой содержанием и очень обстоятельной книгой по истории западных славян»¹⁴.

Московский университет был не только учебным, но и научным центром. Научная работа по истории славян велась, в частности, в Славянской комиссии Московского Археологического общества (СК ИМАО), которая возникла в 1892 г. Целью комиссии было как «внимательное наблюдение за успехами истории и археологии у разных славянских народов», так и самостоятельное изучение «разных сторон прошлого» этих народов¹⁵. Председателем СК ИМАО до 1906 г. (до конца жизни) был М. И. Соколов, его «товарищем», т. е. заместителем, некоторое время состоял И. А. Линниченко, секретарями — П. А. Лавров, М. Н. Сперанский и др. До 1911 г. СК ИМАО издала 5 томов «Трудов», она немало сделала для изучения истории славянских народов, хотя все же больше занималась историей славянской письменности.

Один из докладов, заслушанных и обсужденных комиссией, был посвящен истории балтийских славян, а также истории древнего славянства в целом. Докладчик — проф. И. А. Линниченко — рассказал о содержании и особенностях полузабытой книги немецкого ученого XVIII в. К. Г. Антона «Опыт о древних славянах». Члены комиссии высказали ряд интересных замечаний не только о труде К. Г. Антона, но и о других сочинениях XVIII—XIX вв., посвященных славянам¹⁶. В. Г. Поржезинский доложил о найденных им в 1900 г. рукописях на языке полабских славян¹⁷. Докладчик в основном останавливался на филологической стороне своей находки, но выступивший в прениях проф. М. И. Соколов сделал интересное добавление по поводу тех исторических

¹³ Книга для чтения по истории средних веков. Под ред. проф. П. Г. Виногорова, вып. 3. М., 1902.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 449 (Соболевские), оп. 1, д. 34, л. 32 об.— о рекомендации М. К. Любавского к избранию в действительные члены Академии наук (1929 г.). Из других работ М. К. Любавского по истории славян можно указать: Александр I и Польша.— В кн.: Отечественная война и русское общество, т. 7. М., 1912; Царство Польское и его конституция.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени, т. 3. М., 1912.

¹⁵ Учреждение Славянской комиссии. Заявление 12 членов ИМАО.— Древности. Труды СК ИМАО, 1895, т. 1, с. 1.

¹⁶ Протокол 11 заседания СК ИМАО от 23.I 1894.— Древности. Труды СК ИМАО, 1895, т. 1, с. 28.

¹⁷ Древности. Труды СК ИМАО, 1902, т. 3, с. 34. Доклад напечатан под названием: «Несколько слов о дошедших до нас памятниках языка полабских славян».— Известия ОРЯС, 1900, кн. 3.

условий, из-за которых полабские славяне постепенно утратили свой язык¹⁸.

Неоднократно на заседаниях комиссии обсуждались вопросы польской истории. Проф. И. А. Линниченко сделал доклад «О новых теориях происхождения государства и сословий в Польше»¹⁹. М. В. Довнар-Запольский, излагая вопрос о договорах Казимира Великого с литовскими князьями в 1366 г., отстаивал — вопреки мнениям других ученых — подлинность текста «Договора со всеми князьями»²⁰. В другом докладе тот же ученый освещал вопрос о польско-литовской унии на сеймах до 1569 г.²¹

Несколько раз комиссия обращалась к оценке творчества П. И. Шафарика. Его памяти было посвящено специальное заседание, на котором П. А. Лавров и Р. Ф. Брандт характеризовали творчество этого выдающегося деятеля чешского национального возрождения²². П. А. Лавров, остановившись на отношениях между П. И. Шафариком и русскими учеными, оценил также его «всеславянские труды», а именно — «Историю славянских литератур», «Славянские древности» и «Славянское народописание». Коснулся докладчик и прочих работ чешского корифея²³. Об отношениях П. И. Шафарика с русскими учеными П. А. Лавров впоследствии написал специальную статью²⁴. Р. Ф. Брандт характеризовал П. И. Шафарика как исследователя славянских языков и письменности²⁵.

Вопрос об отношениях между П. И. Шафариком и русскими учеными обсуждался также в связи с сообщением М. Н. Сперан-

¹⁸ Протокол 50 заседания СК ИМАО от 30.I 1901 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1902, т. 3, с. 35.

¹⁹ Протокол 2 заседания СК ИМАО от 17.XI 1892 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1895, т. 1, с. 5.

²⁰ Протокол 22 заседания СК ИМАО от 8.XII 1895 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 10.

²¹ Протокол 30 заседания СК ИМАО от 27.IV 1897 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 20. Доклад напечатан под названием «Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г.»— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 118—145.

²² Протокол 21 заседания СК ИМАО от 7.XI 1895 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 7—8.

²³ Лавров П. А. Жизнь и ученая деятельность П. И. Шафарика.— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 14—117.

²⁴ Лавров П. А. Письма П. И. Шафарика к О. М. Бодянскому.— ЧОИДР, 1896, кн. 1.

²⁵ Брандт Р. П. И. Шафарик как исследователь славянских языков и письмен.— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 1—13. Оценка работ Р. Брандта и П. Лаврова о П. И. Шафарике содержится в кн.: Лаптева Л. П. П. И. Шафарик в русской дореволюционной литературе.— Sborník Národního Musea v Praze, F. C, sv. XII (1967), č. 5.

ского, изложившего 17 декабря 1893 г. содержание писем П. И. Шафарика к В. И. Григоровичу (эти письма еще не были опубликованы и хранились в Румянцевском музее)²⁶. М. Н. Сперанский доложил и об отношениях между П. И. Шафариком и О. М. Бодянским на основании их переписки, которую доставил ее владелец А. А. Титов для опубликования в «Чтениях Общества истории и древностей российских»²⁷.

Р. Ф. Брандт выступил с рядом докладов, посвященных памяти славянских деятелей — Ф. Палацкого²⁸, Найдена Герова²⁹, Яна Коллара³⁰.

Членов Славянской комиссии интересовала и история накопления знаний о славянах в русском обществе. Так, В. Н. Щепкин зачитал любопытные отрывки писем Т. Н. Грановского из Австрии и Чехии, в которых последний делился впечатлениями, вынесенными из наблюдений над жизнью западных славян, главным образом чехов³¹. Очень интересный документ из истории русского славяноведения обнаружил, представил на обсуждение Славянской комиссии и опубликовал со своими комментариями П. А. Лавров. Это — план преподавания славяноведения, составленный Ю. И. Венелиным по предложению Совета Московского университета в 1834 г.³² Документ представляет большой интерес и как первый опыт составления учебного плана по славяноведению, и с точки зрения его сравнения с позднейшими программами П. И. Шафарика и П. И. Прейса. Вероятно, Ю. И. Венелин составил свой план в предвидении занятия кафедры славянских наречий Московского университета, однако эта кафедра была

²⁶ Протокол 10 заседания СК ИМАО от 17.XII 1893 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1895, т. 1, с. 25.

²⁷ Протокол 18 заседания СК ИМАО от 23.III 1895 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 4.

²⁸ Протокол 35 заседания СК ИМАО от 10.X 1898 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1902, т. 3, с. 7. Текст доклада Р. Ф. Брандта «Франц Палацкий» см. в этом же томе, раздел «Приложения к протоколам», с. 53—55.

²⁹ Протокол 46 заседания СК ИМАО от 31.X 1900 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1902, т. 3, с. 28. Напечатано под названием «Несколько слов о Найдене Герове» в том же томе, Приложение к протоколам, с. 56.

³⁰ Протокол 60 заседания СК ИМАО от 12.II 1902 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1907, т. 4, с. 2. Текст под названием «Памяти Яна Коллара», см.: Древности. Труды СК ИМАО, 1902, т. 3, с. 70—78.

³¹ Протокол 18 заседания СК ИМАО от 23.III 1895 г.— Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 4.

³² Протокол 31 заседания СК ИМАО от 25.X 1897 г. Опубликовано под названием «Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Совета Имп. Московского университета от 12 мая 1834 г. Ю. И. Венелиным», см.: Древности. Труды СК ИМАО, 1898, т. 2, с. 119—124.

предоставлена М. Т. Каченовскому, и план Ю. И. Венелина осуществлен не был.

Кроме «Трудов СК ИМАО», научную продукцию московских профессоров публиковали «Чтения в Обществе истории и древностей российских», «Журнал Министерства народного просвещения» и другие издания. Выходили труды московских ученых и отдельными монографиями. В их числе следует отметить двухтомный труд медиевиста Д. Н. Егорова о колонизации Мекленбурга в XIII в.³³ Основанное на широком круге источников, исследование предлагает не только новое решение поставленного в нем на передний план частного вопроса, но и демонстрирует новые методологические приемы более общего значения³⁴. Монография была замечена не только в России, но и за рубежом, переведена на немецкий язык.

Необходимо также указать на образцовое издание грамот болгарских царей, осуществленное Г. А. Ильинским³⁵. Это критическое исследование по древней болгарской истории не утратило своего научного значения до настоящего времени, о чем свидетельствует фототипическое воспроизведение труда в Лондоне в 1970 г.

В целом следует отметить, что по сравнению с предшествующим историческим периодом русской славистической историографии, когда в Московском университете были созданы фундаментальные труды по истории Сербии, гуситскому движению в Чехии, истории Польши и т. д., в конце XIX — начале XX в. исследования по истории славянских народов ограничивались в основном небольшими работами, не объединенными общей методологией или направлением. На наш взгляд, такое положение можно объяснить тем, что, не выдержав испытания временем, сошла со сцены славянофильская концепция, центром развития которой в XIX в. был как раз Московский университет.

В рассматриваемый период времени исторические изыскания в России и за рубежом уже осуществлялись на основе идей новой для того времени, преимущественно позитивистской мето-

³³ Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. 1—2. М., 1915.

³⁴ ЦГАЛИ, ф. 449 (Соболевские), оп. 1, д. 33, л. 64 — характеристика трудов Д. Н. Егорова при выдвижении его кандидатуры для баллотирования в действительные члены Академии наук (1928 г.). Оценка монографии Д. Н. Егорова о колонизации Мекленбурга содержится также в статье: Лантева Л. П. Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии. — В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966.

³⁵ Ильинский Г. А. Грамоты болгарских царей. М., 1911.

логии. Однако овладели этой методологией прежде всего специалисты-историки. Между тем историю славян в Московском университете преподавали чаще всего филологи — исключение составлял лишь М. К. Любавский.

Наиболее крупные и значительные исследования в области славяноведения с использованием новых методических и методологических принципов стали проводиться в других русских университетах раньше, чем в Москве, и базы изучения истории славян приблизительно на четверть века переместились в Петербург, Юрьев, Одессу, Варшаву.

Тем не менее и то, что было сделано в области изучения истории славян в Московском университете в конце XIX и начале XX в., достаточно значительно и заслуживает специального изучения, демонстрируя процесс постепенной дифференциации славяноведения, его превращения в целый комплекс самостоятельных учебных и научных дисциплин.

РУССКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИЛЛИРИЗМА

История хорватского народа в меньшей мере, чем других славянских народов, разрабатывалась в русском дореволюционном славяноведении. Тем не менее хорватское национально-освободительное движение, развернувшееся в первой половине XIX в. и получившее по своей ведущей идее название иллиризма, очень рано оказалось в поле зрения русских ученых и публицистов и неоднократно являлось предметом научного изучения. Оно привлекало внимание исследователей богатством содержания, значительностью последствий для судеб хорватской нации, влиянием на другие южнославянские народы.

В России изучение иллиризма, сложного и многопланового исторического явления, началось в условиях отсутствия литературы о нем. Известный русский славист и один из видных славянофилов А. Ф. Гильфердинг высказался по этой проблеме в 1858 г. в статье «Развитие народности у западных славян», посвященной славянскому вопросу в Австрийской империи и Пруссии¹, а затем и в других работах². А. Ф. Гильфердинг являлся представителем реакционного направления в русском славяноведении³.

Статья «Развитие народности у западных славян»⁴ была не столько историческим исследованием, сколько публицистическим выступлением, основанным в значительной мере на личных впечатлениях автора. Хотя исходные славянофильские позиции Гильфердинга были реакционны, эта статья справедливо была направлена против утверждений немецких и венгерских либеральных публицистов, видевших в национальных движениях сла-

¹ Гильфердинг А. Ф. Собр. соч., т. II. СПб., 1868.

² Там же, с. 9, 10, 140—144.

³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. М., 1960, с. 484.

⁴ Под «западными славянами» Гильфердинг понимал славян, «подчиненных немецким державам». — Гильфердинг А. Ф. Собр. соч., т. II, с. 54.

вян «панславистскую» угрозу для Европы, в защиту прав славянских народов на самобытное историческое развитие.

Гильфердинг рассматривал общественный процесс, протекавший в славянских землях Австрийской империи, как «умственное и нравственное возрождение» западных славян. Ведущей идеей интеллектуального движения Гильфердинг считал идею народности, понятую как «право каждого племени на свое индивидуальное существование»⁵. Подчеркивая духовное и нравственное отличие западных славян от восточных в плане обычного для славянофилов противопоставления Запада и Востока, Гильфердинг утверждал, что западные славяне «сохранили только внешнюю форму славянской стихии, язык, обычаи, предания». Протестантизм и католичество, по его словам, убили в них «органическое развитие славянской жизни». Отсутствием «общего внутреннего начала» у западных славян автор объяснял их разъединенность, подчинение иноземному владычеству, превращение в ряде случаев в орудие враждебных сил⁶.

В рамках философско-политической доктрины славянофильства Гильфердинг кратко характеризовал хорватское движение, в котором он видел только литературную сторону. Исходя из противоречивого характера западного славянства и его возрождения, он утверждал, что Л. Гай (один из видных представителей иллиризма) — «человек, известный как одно из самых искусных орудий австрийской политики». Гильфердинг видел в литературно-языковой реформе Гая искусственное соединение языка православных сербов с латиницей. В действительности же она приобщила кайкавских хорватов к новоштокавскому литературному языку, которым к 30-м годам XIX в. пользовалась большая часть хорватского народа. В то же время Гильфердинг с неодобрением отмечал разобщенность сербов и хорватов. Видный славянофил выражал веру в общественное обновление западных славян, но связывал его с православием. Единство славян на базе православия, по его мнению, должно было стать необходимой предпосылкой славянской самостоятельности, самобытности и исторического предназначения⁷.

В 1879 г. была опубликована статья крупного представителя славянофильской школы Н. А. Попова «Людевит Гай в России в 1840 году»⁸. Это была первая в русской исторической литературе специальная и оригинальная работа, посвященная конкрет-

⁵ Гильфердинг А. Ф. Собр. соч., т. II, с. 84.

⁶ Там же, с. 85—86.

⁷ Там же, с. 81, 87.

⁸ Древняя и новая Россия, т. II. СПб., 1879, с. 265—286.

ному вопросу — пребыванию Л. Гая в Петербурге и Москве в 1840 г. Автор остановился в статье также на биографии и деятельности Гая до его посещения России. Работа Попова представляла интерес конкретным материалом. В ней были приведены целиком или в извлечениях некоторые документы из архивного наследия М. П. Погодина.

В статье нашел отражение взгляд русского историка на иллирийское движение в целом. В представлении Н. А. Попова, иллиризм, возникший из противодействия мадьяризации в 1835 г., охватывал в истории хорватов период около 15 лет. Попов понимал иллиризм как «литературное и умственное движение, которое возникло среди хорватов и стремилось обнять собою если не всех, то по крайней мере австро-венгерских южных славян с целью их национального объединения». Иллиризм был направлен, замечал в другом месте автор, «к слиянию южнославянских племен под общим именем и на основании общей литературы»⁹. Н. А. Попов четко указал на объединительную южнославянскую тенденцию иллирийского движения, однако не разобрался в обусловивших ее факторах. Считая иллиризм литературным явлением, русский историк в то же время подчеркивал, что в силу политических и конфессиональных условий того времени он получил политическое значение. В противовес Гильфердингу, Попов писал, что Гай «действовал как вождь иллирийского движения, подчиняясь только собственным убеждениям»¹⁰.

В том же году вышел двухтомник Л. В. Березина «Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница»¹¹. Он представлял собой комплексное издание, охватывавшее историю, географию, этнографию, экономику, культуру хорватских земель. Автор его, служивший некоторое время русским консулом в Риеке, был хорошо знаком с хорватскими условиями. Для своего времени это был солидный труд, в обилии снабженный фактическим материалом, хотя и не всегда точным.

В главе «Состояние народного образования в Хорватии и Славонии» Л. В. Березин писал о «литературно-народном движении», которое характеризовалось «теорией иллиризма». Последняя, по его словам, была вызвана давлением Австрии и Венгрии на хорватов и заключала в себе стремление к литературному и политическому объединению южных славян. Березин выделил в развитии иллирийского движения периоды с 30-х годов

⁹ Древняя и новая Россия, т. II, с. 271, 274.

¹⁰ Там же, с. 277, 285.

¹¹ Березин Л. В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница, т. I—II. СПб., 1879.

153

XIX в. до 1840 г. и далее до 1848 г. Выделение 1840 г. в качестве рубежа связывалось им с изменением отношения австрийского правительства к «теории иллиризма». Отдельно рассмотрена в монографии литературная деятельность в 1848—1860 гг. Труд Л. В. Березина заслуживает упоминания в русской историографии как самый ранний общий очерк культурной стороны хорватского общественного движения первой половины XIX в.

Почти одновременно с работами Попова и Березина вышла двухтомная «История славянских литератур» видного исследователя русской и зарубежной литературы А. Н. Пыпина при участии В. Д. Спасовича по польской литературе¹². В первом томе в главе «Югославяне» имелся раздел «Иллирское возрождение». Придерживаясь культурно-исторического метода литературоведения, А. Н. Пыпин остановился не только на литературных явлениях, но и на публицистике, науке, общественной жизни в Хорватии и Далмации в 30—70-х годов XIX в. Он отметил элементы идеологии иллиризма, указал основные моменты общественной деятельности. Русский ученый охарактеризовал основные издания иллиризма, привел сведения касательно биографий и творчества наиболее видных хорватских публицистов, литераторов, поэтов. Он довел изложение до современных ему дней.

Пыпин рассматривал «иллирское возрождение» как составную часть общеславянского возрождения. Характеризуя его содержание и причины, исследователь писал: «Конец XVIII и XIX столетие ознаменовываются всеобщим, хотя и в разной степени сильным, возрождением славянских народностей, одним из общих источников которого было большое распространение образования и гуманных идей прошлого века»¹³. В качестве одного из факторов славянского возрождения автор отмечал также политическое возвышение России со времен Петра I, влияние которой особенно усилилось в XIX в. По мнению ученого, «весь смысл возрождения был в том, что в народах пробуждалось сознание...»¹⁴ А. Н. Пыпин понимал развитие славянских народов как духовный процесс и связывал его динамику с внешними влияниями.

¹² Пыпин А. Н. и Спасович В. Д. История славянских литератур. т. I—II. СПб., 1879, 1880. Этому изданию предшествовал выход в 1865 г. «Обзора истории славянских литератур» А. Н. Пыпина. В 1878 г. А. Н. Пыпин затронул хорватские сюжеты в статье «Панславизм в прошлом и настоящем (1878)». — «Вестник Европы», 1878, № 9—12.

¹³ Пыпин А. Н. и Спасович В. Д. История..., т. I, с. 33.

¹⁴ Там же, т. II, с. 1095, 1108.

Но несмотря на исходную идеалистическую основу, А. Н. Пыпин сделал ряд верных наблюдений по иллиризму и дал прогрессивную оценку некоторым вопросам его теории и практики. В противовес венгерским и другим историкам, считавшим иллиризм результатом интриг австрийского или русского правительств, Пыпин рассматривал его как «естественный взрыв», в основе которого лежало «давнее брожение национальных сил»¹⁵. Но хронологические рамки выглядели в книге расплывчато.

Говоря об особенностях хорватского национального движения, А. Н. Пыпин справедливо отмечал тесное переплетение в нем литературной и политической сторон. Оно преследовало задачи «широкого национального объединения»¹⁶. Литературно-языковая реформа Гая характеризовалась Пыпиным как «действительная потребность», «знаменательный шаг к примирению национально-литературных различий»¹⁷. Пыпин верно писал, что политической партией «иллиры» выступили в 40-х годах XIX в. Но при этом он был далек от понимания сложного переплетения южнославянской и хорватской национальных тенденций в идеологии и практике общественных течений в иллиризме.

Характерной чертой славянского возрождения А. Н. Пыпин считал «панславизм». Подчеркивая разность и неопределенность идеалов у носителей «панславизма», Пыпин вместе с тем отмечал то общее в сознании, что их объединяло: «Это неминуемое будущее (более или менее близкое) — соединение славянства в одно великое целое». Он считал, что «панславизм» как проявление национальной идеи родился у славян из чувства собственной слабости¹⁸. Русский ученый был сторонником сближения и солидарности славянских народов. Но достигнуть этого он полагал «не мечтами о фантастическом будущем или столь же фантастическом возвращении старины». Стоявший на позициях буржуазно-либерального просветительства, А. Н. Пыпин видел путь к единению в расширении просвещения у славянских народов и уважении национальных особенностей друг друга¹⁹.

А. Н. Пыпин дал целостное, хотя и сжатое, изображение фактической стороны общественного развития хорватов в 30—40-е годы XIX в., притом на фоне исторического прогресса других славянских народов. Написанный со знанием конкретного материала

¹⁵ Пыпин А. Н. и Спасович В. Д. История..., т. I, с. 241.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 242, 248.

¹⁸ Там же, т. I, с. 239; т. II, с. 1094, 1095.

¹⁹ Там же, т. I, с. 35.

обобщающий очерк А. Н. Пыпина был шагом вперед в освещении иллиризма.

Для первых русских исследователей, затрагивавших иллирийское движение, была характерна нечеткость употреблявшихся ими этнонимов. В работах русских славяноведов фигурировали «хорваты», «православные сербы», «сербы-католики» (Гильфердинг), «западные сербы», «западные сербо-хорваты», «хорваты» (Пыпин) и т. д. Эта терминологическая пестрота отражала уровень научных знаний о сербах и хорватах в то время.

Н. Барсуков привел некоторые сведения, дополняющие статью Н. А. Попова о пребывании Гая в 1840 г. в России²⁰.

Первым монографическим исследованием иллиризма в мировой историографии явился капитальный труд профессора славянских наречий Варшавского университета П. А. Кулаковского «Иллиризм», вышедший в Варшаве в 1894 г. Автор обстоятельно изложил историю иллирийского движения, уделив основное внимание его литературной и культурно-просветительной сторонам. Он использовал обширный материал, проявив при этом огромную эрудицию и свободное владение источниками.

П. А. Кулаковский осветил состояние литературы на кайкавском, штокавском и чакавском диалектах у хорватов с конца XVIII в. до иллиризма. Но он сделал необоснованный вывод об упадке литературы на этих наречиях. Исследователь подробно остановился на развитии общественного сознания в Хорватии накануне иллирийского движения. Основное место заняло в книге пространное изложение содержания брошюр иллиризма, но без всякой попытки их анализа. Автор раскрыл национальную деятельность в области культуры с некоторыми отступлениями и в сферу политической борьбы. Нашли место в монографии отклики на иллирийское движение в других славянских землях. П. А. Кулаковский охарактеризовал творчество важнейших хорватских писателей периода иллиризма. В заключительной главе автор поставил вопрос о влиянии России на общественную жизнь ряда славянских народов, об истоках и значении иллиризма. Монография П. А. Кулаковского носила в целом фактологический характер, но не была лишена попыток толкования отдельных сторон иллирийского движения и заключала ряд новых и важных положений.

Взгляды П. А. Кулаковского на иллиризм находились в русле его общих представлений об истории и судьбах славянства. Они сложились под влиянием славянофилов 60-х годов, особенно

²⁰ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 5. СПб., 1892.

И. С. Аксакова. Кулаковский рассматривал славянство как целостный организм и был сторонником всестороннего сближения славян при гегемонии России.

В трактовку изучаемого периода в истории хорватов П. А. Кулаковский не внес нового. Нравственное и духовное пробуждение хорватов он связывал с идейным влиянием Европы, а также политическим и нравственным возвышением России²¹. Кулаковский не видел связи культурных и политических явлений с материальными условиями жизни хорватского общества первой половины XIX в.

Начало иллиризма П. А. Кулаковский относил к 1830 г. и связывал с выходом брошюры Гая о правописании. Концом иллиризма он считал 1848 г., когда иллирийское учение Гая, по словам Кулаковского, было дискредитировано австрийской политикой. Период иллиризма он подразделял на два этапа, границей между которыми считал 1843 г., когда австрийское правительство запретило названия «иллир» и «иллирийский» для печати. Давая периодизацию иллирийского движения, П. А. Кулаковский отталкивался от формальных моментов, что неизбежно определило искусственность созданной им хронологической структуры. В то же время наблюдение Кулаковского относительно изменения форм иллирийского движения в процессе его развития было правильным. Автор справедливо отмечал, что на первых порах «иллиризм был скорее только литературным движением, хотя в известной степени он и прикрывал собою цели народной самозащиты», а в 40-х годах «он становится уже политическим явлением»²².

П. А. Кулаковский вплотную подошел к проблеме движущих сил иллиризма. Однако он переоценивал широту и демократизм его социальной базы. «Характер иллирийского возрождения,— замечал он,— был демократический, и лишь немногие члены аристократии и зажиточного дворянства примкнули к иллиризму, особенно в начале»²³. Ученый изображал иллиризм как единое и целостное по своей идеологии и общественно-политическим тенденциям движение. «Иллиризм,— писал он,— стал народным движением и выдвинул действительные интересы народа, понимаемые не в узком смысле выгод известных полноправных кругов, как было дотоле, но в смысле прав и нужд народной массы и вообще югославянской народности в широком объеме»²⁴. Кула-

²¹ Кулаковский П. А. Иллиризм..., с. 311, 398, 399, 401.

²² Там же, 186, 283.

²³ Там же, с. 316.

²⁴ Там же, с. 403.

ковский не смог разобраться в классовых основах иллиризма и понять социальную сущность этого явления. Методологическая ограниченность помешала ему обнаружить общественно-политическую неоднородность иллирийского движения и наличие разных идейных течений в нем.

Как и его предшественники, П. А. Кулаковский необоснованно рассматривал штокавский говор как диалект исключительно сербского народа. Хотя он отмечал разность литературных языков в Хорватии, Славонии и Далмации до иллиризма, тем не менее вопрос о литературно-языковой реформе Л. Гая рассматривал только в плане сербско-хорватского объединения. Кулаковский опускал важнейшую, хорватскую, национальную, ее сторону. У него исчезли глубинные корни этой реформы, ее неизбежная историческая обусловленность, вызванная формированием хорватской нации. Что же касается ссылок исследователя на малочисленность хорватов, необходимость противодействия мадьяризации и т. д.²⁵ как истоки идеи литературно-языкового объединения южных славян, то они были оправданы.

П. А. Кулаковский верно понял венскую политику в отношении иллиризма. Ученый отмечал покровительство Вены на первых порах иллиризму в корыстных целях борьбы с венгерским национальным движением и распространения своего влияния на балканских славян. В то же время он указал и на попытки хорватских деятелей опереться на двор, чтобы укрепить позиции Хорватии перед лицом Венгрии²⁶. Однако Кулаковский оставил без внимания отрицательные последствия такой политики для судеб хорватской нации. Оценивая историческую роль иллиризма, П. А. Кулаковский апологизировал его.

Монография П. А. Кулаковского имела в свое время большое научное значение. Это было единственное в русском славяноведении, а в течение ряда лет и в зарубежной научной литературе сочинение, содержавшее исчерпывающую характеристику общественного развития хорватов в первой половине XIX в. Не только обилием фактического материала, но и рядом удачных характеристик книга П. А. Кулаковского, при всей слабости ее аналитической стороны, явилась важным фактом в историографии по иллиризму. И в наши дни работа П. А. Кулаковского сохраняет известный интерес своей насыщенностью фактами.

Труд Кулаковского явился основой для последующих работ, преимущественно общего плана, в которых в той или иной сте-

²⁵ Там же, с. 51, 53, 54, 79—81.

²⁶ Там же, с. 120, 167, 288, 297.

пени затрагивалась тема иллирийского движения. К такого рода сочинениям относилась научно-популярная книга А. И. Степовича «Очерки истории сербохорватской литературы», вышедшая в Киеве в 1899 г. В ней освещалась история литератур сербов и хорватов с древних времен до конца XIX в. Считая новоштокавский литературный язык исключительно сербским языком, Степович материал о хорватской литературе периода иллиризма включил в раздел «Писатели нового периода сербской литературы». Раздел содержал перечень писателей и их произведений без какой-либо периодизации литературного процесса.

Научно-популярный характер носила и книга А. Л. Липовского «Хорваты»²⁷ (СПб., 1900). Представляя собой очерк исторического развития хорватов с древних времен до XX в., она содержала верную с фактической стороны, хотя и сжатую, характеристику литературной и политической жизни хорватов в 30—40-е годы XIX в.

В дореволюционной России хорватское национально-освободительное движение 30—40-х годов XIX в. получило освещение главным образом в общем плане в трудах, тематически более широких. Но имелись и монографические исследования иллиризма, внесшие серьезный вклад в изучение этой проблемы. Русские историки и филологи собрали большой и ценный фактический материал, ввели в научный оборот многочисленные малоизвестные и неизученные источники по истории иллирийского движения. Русская наука удачно решила ряд частных вопросов хорватского общественного развития первой половины XIX в. Но в русском дореволюционном славяноведении изучение иллиризма ограничивалось исключительно исследованием вопросов языка, литературы, просвещения, частично — общественной мысли. Политическая борьба в Хорватии практически осталась вне поля зрения русской школы. Буржуазно-дворянские историки были не в силах понять сущность иллирийского движения. Его истоки, содержание, движущие силы, внутренняя идейно-политическая структура и историческое значение или вообще не нашли места в работах дореволюционных ученых, или получили ненаучное толкование в силу идейной ограниченности и тенденциозности авторов. На многих работах лежала печать славянофильских идей.

²⁷ А. Л. Липовский написал также ряд рецензий, в которых затрагивалась тема иллирийского движения.

ГУСИТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

(конец 30-х — 40-е годы)

Конец 30-х годов нашего столетия явился для советского славяноведения переломным временем. Началось преодоление его прежней недооценки. Связано это было с тем, что историческая наука, опираясь на решения партии и правительства, наметившие меры по перестройке исторического образования и более рациональной организации исторических научных учреждений¹, успешно двигалась вперед. В качестве первоочередной задачи ставилось создание всеохватывающей марксистской концепции исторического процесса, что неизбежно требовало привлечения славянского материала. Таким образом, развитие самой науки стимулировало активизацию славянских исследований. С другой стороны, интерес к вопросам истории славян возрастал в связи с событиями кануна и начала второй мировой войны, когда славянские народы явились жертвами гитлеровской агрессии.

Именно тогда появился первый марксистский учебник истории средних веков, в который были включены разделы, посвященные славянам^{1а}. Гуситское движение рассматривалось в главе «История Чехии XI—XV вв.», написанной Е. А. Косминским. Ученые, писавшие учебник, придавая ему важное значение в установлении марксистских взглядов на период феодализма, тщательно отработывали каждое положение, что заметно и по интересующей нас главе. Она написана на основе изучения русской, немецкой и чешской буржуазных историографий, но автор дал новую интерпретацию событиям, вытекающую из методологических положений книги Ф. Энгельса «Крестьянская война в

¹ О преподавании гражданской истории в школах СССР. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г.— «Правда», 16 мая 1934.

^{1а} История средних веков, т. I, под ред. Удальцова А. Д., Косминского Е. А., Вайнштейна О. Л. М.—Л., 1938; т. II, под ред. Сказкина С. Д., Вайнштейна О. Л. М.—Л., 1939.

Германии», в результате чего в центре внимания оказались народные массы.

Приходится констатировать, что в главе содержатся мелкие фактические ошибки и определенные недочеты в выявлении причинно-следственных связей. На том уровне состояния гуситских исследований, видимо, этого было невозможно избежать. Но не они определяют историографическое значение написанного. Главное, что Е. А. Косминский наметил основную проблематику гуситского революционного движения. В учебнике серьезно ставились вопросы о предпосылках гуситских войн, об их идеологической подготовке, о сочетании в них социального, национального и религиозного моментов. Выделялась проблема расстановки классовых сил накануне события и их перегруппировки в разгар движения. Четко обозначилась проблема оценки программных требований различных партий, участвующих в борьбе. Важно также то, что общая характеристика гусизма, данная в учебнике, в основном соответствует и нашим сегодняшним представлениям.

Включение в учебник славянских тем потребовало кардинальной ломки выработанных в дореволюционном славяноведении взглядов и концепций. Основой для этого явились общемедиевистские взгляды наших историков, в частности взгляды на народные движения, реформацию, идеологические движения средневековья. Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, М. М. Смирин и др. историки продолжали исследование этих сюжетов². Осенью 1939 г. в составе исторического факультета Московского университета была создана кафедра славяноведения. Ее заведующим стал проф. Пичета В. И. В том же году образовался сектор славяноведения в Институте истории АН СССР.

Большое значение для развития советской гуситологии имело то обстоятельство, что в работе кафедры и сектора принял участие крупный историк З. Неедлы, который в 1939 г. эмигрировал из захваченной нацистами Чехословакии³. Сразу же по прибытии в Москву З. Неедлы включился в научную и учебную работу. Он стал профессором кафедры истории южных и западных славян в Московском университете и одновременно сотруд-

² Библиографию трудов Косминского Е. А. см.: Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М. 1963; библиография трудов Сказкина С. Д. опубликована в сб. «Средние века», 1960, вып. 17; перечень трудов Смирин М. М. см.: «Средние века», 1965, вып. 28.

³ Подробнее см.: *Королюк В. Д.* Московский период жизни Зденека Неедлы и развитие советского славяноведения.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964.

ничал на кафедре истории средних веков, где вел семинарские занятия. Студенты тогда были недостаточно подготовлены по славянской истории, а потому лекции, которые читал З. Неедлы, приобретали особое значение.

Среди прочих курсов он стал читать такие, как «История Чехии» и «Чешская историография»⁴. В них ученый уделял много внимания источникам и историографии гуситского движения, постоянно находившегося в центре его научных интересов. З. Неедлы излагал слушателям ту концепцию гусизма, к которой он пришел на основании многолетней исследовательской деятельности и изучения трудов основоположников марксизма. В 1940 г. под его руководством защитили дипломы первые выпускники МГУ, специализировавшиеся по славяноведению. Среди них были работы и по истории гусизма. Это свидетельствует о том, что любовь З. Неедлы к гуситской эпохе передалась и некоторым его студентам, начавшим специализироваться по этой проблеме.

Марксистский подход З. Неедлы к гуситскому движению проявлялся особенно в интерпретации источников, в классовой оценке хода и итогов гуситского революционного движения. По почину Неедлы уже в 1940 г. был подготовлен к публикации ряд источников по гусизму и в их числе — русский перевод «Хроники Лаврентия из Бржезовой», который выполнил В. С. Соколов. Из-за условий военного времени от публикаций этих источников пришлось отказаться и хроника была издана позднее⁵. Рукопись же хранилась на кафедре, где ею могли пользоваться студенты и аспиранты не только университета, но и других вузов.

С ростом интереса к истории славянских народов ощущалась потребность в историографических исследованиях. Необходимо было отмежеваться от всего реакционного, накопившегося в до-революционном славяноведении, показать новые направления и в то же время подчеркнуть известную традиционность славяноведческих сюжетов для отечественной науки. За это дело взялся В. И. Пичета. Его статья стала первой работой, анализирующей историографию русской славистики с марксистских позиций⁶. В. И. Пичета связал развитие славяноведения в России с научными интересами и политической обстановкой в середине XIX в.

⁴ В. К. Пять лет кафедры славяноведения исторического факультета МГУ.— «Исторический журнал» (Далее — ИЖ), 1944, № 10—11, с. 140.

⁵ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.

⁶ Пичета В. И. К истории славяноведения в СССР.— «Историк-марксист», 1941, № 3.

Он показал, что буржуазным исследователям гусизма было чуждо «представление о религиозном движении как о форме социально-политического протеста, столь обычного в средние века»⁷. Там же ученый подчеркнул необходимость глубокого изучения социально-экономической предыстории гуситских войн.

Великая Отечественная война советского народа сказалась на развитии гуситологии. Много ученых ушло в армию, на трудовой фронт. Неблагоприятны были условия печатания. Да и сама печатная продукция приняла определенные формы. Отзываясь на борьбу славянских народов с германским фашизмом, советские ученые опубликовали ряд материалов, в которых рассматривалась история сопротивления славянских народов германской агрессии. Включился в это дело и З. Неедлы, заинтересовавшийся межславянскими связями⁸. Его статья «Гуситы и русские» посвящена чешско-русским отношениям в период гуситских войн, показу народного характера образовавшихся тогда связей.

Важно, что историк и в условиях военного времени прежде всего подчеркнул классовый характер гуситского движения. Патриот с большой страстностью писал, что чешский народ восстал против режима угнетения «и против немцев, которые в Чехии были наиболее яркими представителями класса угнетателей»⁹. Статья З. Неедлы отличалась тем, что она строилась на источниках, имела богатый научный аппарат, который существенно облегчал работу последующих гуситологов в СССР. Она не утратила своего научного значения и в настоящее время.

В Москве чехословацкий ученый выступил с другой статьей — «Ян Гус»¹⁰. В ней З. Неедлы прослеживал появление у гуситов идеи родства славянских народов, рост славянского самосознания. Но в то же время З. Неедлы преувеличил роль Гуса, представив его «вождем народного движения среди чехов против феодалов, против угнетателей широких народных масс»¹¹. Исследования, выполненные после войны, показали ошибочность такого утверждения¹².

⁷ Пичета В. И. К истории..., с. 48.

⁸ Неедлы З. Гуситы и русские.— ИЖ, 1941, № 10—11.

⁹ Там же, с. 124—125.

¹⁰ Неедлы З. Ян Гус.— «Славяне», 1944, № 7.

¹¹ Там же, с. 35.

¹² Сазонова А. С. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса.— «Уч. зап. Института славяноведения» (далее — УЗИС), 1958, т. XVI.

Гуситским движением заинтересовался и акад. Н. С. Державин. Он отметил, что «гуситские войны — это величественная эпопея борьбы угнетенного чешского народа за свое национальное раскрепощение»¹³. Он призвал изучать это движение прежде всего как борьбу классов, как историю борьбы крестьянства против эксплуататоров. Придавая гусизму исключительное значение в жизни чехов, ученый даже употребил термин «гуситская революция (1420—1432)»¹⁴. Но через год Н. С. Державин отказался от него, поскольку в нем отсутствует классовая определенность¹⁵. Основное внимание автор обратил на борьбу гуситов с крестоносцами, что было обусловлено задачами военного времени.

К этому же периоду относится и выступление Н. П. Грацианского¹⁶. Группа виднейших историков, откликнувшись на запросы военного времени, выпустила интересный сборник «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии» (М., 1944). Н. П. Грацианский поместил в нем очерк «Новое наступление немецких захватчиков на славянские государства с XIII по XV в.» С особым вниманием автор остановился на гуситских войнах и показал их как героическую страницу чешской национальной истории. Но о классовом характере движения он упоминает вскользь. В статье сказано лишь о росте в чешском народе оппозиции церкви и о том, что социальное учение таборитов поднимало народ против феодалов, что в рядах гуситов сражались в основном крестьяне и ремесленники. Зато Грацианский всячески подчеркивал национальную сторону гусизма и заявил, что «причину возникновения гуситского движения нужно искать в возросшем сопротивлении чешского народа немецкой агрессии»¹⁷.

Последнее объясняется событиями ожесточенного сопротивления на фронтах Отечественной войны. Н. П. Грацианский показал положительную роль гуситского движения в истории

¹³ Державин Н. С. Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения.— ИЖ, 1942, № 11, с. 55.

¹⁴ Державин Н. С. Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М.—Л., 1942, с. 20.

¹⁵ Державин Н. С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943. Интересующая нас глава названа «Гуситское движение (1420—1432)», с. 37. Хронологические рамки движения здесь несколько уточнены.

¹⁶ О месте славянских исследований в творчестве ученого см.: Москаленко А. Е. Грацианский Н. П. как историк-славист.— «Советское славяноведение», 1972, № 1.

¹⁷ Грацианский Н. П. Новое наступление немецких захватчиков на славянские государства с XIII по XV в.— В кн.: Вековая борьба..., с. 24.

чешского народа, в создании национальной культуры и традиции.

В том же году А. И. Клибанов выступил со статьей, в которой показал интересную сторону в учении Я. Гуса¹⁸. Ученый пришел к убеждению, что живость и яркость изложения таких трактатов, как «О святокупстве»,— остроумная игра слов, которую употреблял Гус в своих чешских сочинениях,—сближают его с ранним итальянским гуманистом Боккаччо. Исследователь установил, что Гус, вопреки средневековому аскетизму и отрицательному отношению к браку со стороны католического духовенства, не отрицал семьи и высказывал гуманистические мысли об отношениях в семье. Выдвинутый Гусом принцип равенства в браке являлся примечательным для своего времени.

Рассмотрев мысли Яна Гуса о браке, семье и воспитании, автор пришел к убеждению, что высказанные Гусом педагогические идеи делают его предвестником гуманистической педагогики в Европе¹⁹.

Так в условиях жестокой борьбы с фашистскими захватчиками развивалась советская гуситология. Еще не было значительных успехов в этой области, но они подготовлялись. После победы Советского Союза в Великой Отечественной войне возрос интерес к истории славянских стран, в которых проходили глубокие социально-экономические изменения. В студенческие аудитории, на кафедры возвращались люди, освобождавшие славянские земли из-под ига фашистских оккупантов и желающие изучать их историю. Необходимо было усилить исследовательскую работу по славянской проблематике.

В 1947 г. в системе научно-исследовательских учреждений АН СССР образовался Институт славяноведения, в котором сосредоточивались все отрасли славяноведческой науки. В институте обсуждались направления и проблематика многих исследований. Через институт устанавливались научные связи с историками в славянских странах. Научно-исследовательский план Института предусматривал разработку тем, связанных с Яном Гусом и его временем. В. И. Пичета, будучи заместителем директора института, нацеливал внимание исследователей на то, чтобы они дали отпор пркатолическим и пронемецким историкам, которые, проводя антинациональную предмюнхенскую политику, отнесли отрицательно к таборитскому движению и

¹⁸ Клибанов А. И. Мысли Яна Гуса о воспитании.— «Советская педагогика», 1944, № 2—3.

¹⁹ Там же, с. 19.

«объясняли упадок Чехии после Белогорской битвы 1620 г. исключительно деятельностью Гуса, в особенности деятельностью таборитов»²⁰.

Осуществляя свой замысел, В. И. Пичета организовал вокруг себя коллектив молодых историков для написания популярного очерка по истории Чехии, призванного хотя бы отчасти удовлетворить интерес общественности к истории Чехословакии. Так, под его руководством появилась одна из первых работ Института славяноведения²¹. В книге много места отводилось истории гусизма. Авторы поставили своей задачей дать характеристику социально-экономических и политических предпосылок этого события. Был использован обширный материал источников. Но все же это было не монографическое исследование, и вся картина роста условий для развертывания классовой и национальной борьбы в Чехии XV в. давалась в самой общей форме.

Третья глава — «Реформация в Чехии» (авторы Г. Э. Санчук и Б. М. Руколь) — посвящалась возникновению гусизма и гуситским войнам²². Впервые в советской историографии здесь раскрывалась деятельность предшественников Яна Гуса, что позволило показать отечественные корни учения магистра, показать, что выступление Гуса явилось результатом назревания внутренних классовых противоречий. Было указано на тесную связь Гуса с патриотически настроенными пражским бюргерством и рыцарством. Авторы, по сравнению со своими предшественниками, уточнили состав партий в гуситском движении и особо подчеркнули, что основу таборитов составляли крестьяне.

Была попытка даже выявить характер аграрных отношений в предгуситской Чехии, для чего авторами привлекались некоторые трактаты Петра Хельчицкого, зафиксировавшие тяжелое положение крестьянства. В книге верно определялась позиция рыцарства. Разоренные и почти обезземеленные, они были враждебны панам. «Поэтому в стремлении захватить панские земли

²⁰ Пичета В. И. Институт славяноведения АН СССР и его задачи. — «Вопросы истории» (далее — ВИ), 1947, № 5, с. 166. Эта проблема постоянно волновала ученого. В одной из последних своих работ — рецензии на книгу З. Неядлы «Гус и наше время» — Пичета писал: «Виновниками ослабления Чехии были не табориты, а феодальный класс, нанесший поражение таборитам и сохранивший свои социально-экономические привилегии» (ВИ, 1947, № 10, с. 143).

²¹ История Чехии, под ред. Пичеты В. И. М., 1947.

²² Подробный разбор книги в целом и интересующих нас разделов см.: Никитин С. А., Миллер И. С. Рецензия на книгу «История Чехии», под ред. В. И. Пичеты — ВИ, 1948, № 6, с. 109.

и улучшить свое материальное положение они стали попутчиками, хотя и не вполне надежными, восставшего народа»²³. Основным недостатком соответствующих глав книги явилось слабое освещение социально-экономических процессов. Книга сыграла свою роль в истории советской гуситологии, создавая возможность организовать спецсеминары по гуситской проблематике в ряде педагогических институтов, помогала преподавателям готовиться к лекциям и практическим занятиям по гуситским темам, интерес к которым возрастал.

Уже в конце войны стали создаваться специальные кадры гуситологов. С середины 40-х до середины 50-х годов в учебных и научных заведениях Москвы, Ленинграда, Саратова, Воронежа и Вильнюса было подготовлено пятнадцать кандидатских диссертаций по различным проблемам предыстории и истории гуситского движения²⁴. К началу 50-х годов сформировалась марксистская точка зрения на гуситство, были выявлены классовый состав основных течений в гусизме, их программы, определены главные этапы движения. В 1948 г. начал подготавливаться первый том истории Чехословакии, в котором деятельность Я. Гуса и гусизм были отражены достаточно полно.

Все это не могло не оказать влияния на дальнейшее изучение гусизма. Тем более, что изучение гуситского движения с начала 50-х годов пошло в тесном общении с чехословацкими историками, начинавшими осваивать марксистскую методологию. Замедленная войной исследовательская работа пошла полным ходом, упущенное время успешно наверстывалось.

²³ История Чехии, с. 67.

²⁴ Митряев А. И. Советская историография гуситского движения. Автореф. канд. дис. Харьков, 1971, с. 11.

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА В СЛОВАЦКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В настоящее время в каждой национальной историографии уделяется большое внимание исследованию истории городов, выявлению специфики их развития в отдельных странах и регионах и общих тенденций.

Начиная с 60-х годов городская проблематика занимает большое место в исследованиях словацких историков и археологов, историков культуры. Об этом свидетельствует обсуждение кардинальных вопросов истории городского развития и состояния исследований по городам на периодически созываемых съездах и конференциях словацких историков¹, дискуссии по наиболее сложным вопросам городского развития на страницах журналов², и в первую очередь большая научная продукция, вышедшая по истории отдельных городов и по отдельным проблемам городского развития³.

Что касается проблематики исследований, то наибольшее место в исследованиях словацких историков занимают проблемы

¹ На конференции историков-медиевистов в Смоленицах в 1960 г., на IV съезде словацких историков в Кошицах в 1962 г., на конференции по средневековым городам в Левоч в 1974 г., на VII съезде словацких историков в 1975 г.

² Например, дискуссия по вопросу возникновения городов и определения понятия средневекового города на IV съезде словацких историков в Кошицах.

³ Обзор важнейшей литературы по истории словацких феодальных городов, вышедшей до конца 50-х годов, дала А. Гачова. См.: *Gáčsová A. Historická literatúra o dejinách miest na Slovensku za feudalizmu.*—«Historický časopis» (далее — НС), 1961, ч. 3, с. 278—296. Обзор литературы по средневековым городам Словакии см.: *Marsina R. Badanie o dejinách stredovekých miest na Slovensku.*—НС, 1972, ч. 2, с. 187—204. О результатах исследований в области исторической археологии см.: *Polla B. Doterajšie vysledky historicko-archeologického bádania na Slovensku.*—«Historické štúdie» (далее — НШ), 1966, XI, с. 17—42.

общественно-экономического развития, которые слабо или совсем не изучались в буржуазной историографии,— это зарождение городов, развитие ремесла, торговли, горного дела, социальная структура, социальная и национальная борьба в городах, культура и культурные связи городов. Исследования словацких марксистских историков значительно продвинули решение ряда вопросов городского развития, которые были только поставлены в буржуазной словацкой и чешской историографии, а в венгерской и немецкой получили тенденциозное освещение,— это прежде всего проблемы славянского заселения Словакии в период раннего средневековья, формирования словацкой народности, возникновения средневековых городов. Наибольших результатов словацкая марксистская историография добилась в исследованиях возникновения и раннего периода развития средневековых городов Словакии. При исследовании этой проблемы словацким историкам важно было решить два вопроса: когда средневековые города Словакии были основаны и кем.

Буржуазные историки при решении вопроса о времени появления городов придавали большое значение правовой, а не экономической стороне. Появление городов они не рассматривали как длительный процесс, связанный с развитием производительных сил в сельском хозяйстве, с развитием ремесла и обмена и общественным разделением труда в сфере производства. Главным критерием средневекового города они считали наличие городского права. В результате из их поля зрения выпал большой период в истории городов — генезис средневековых городов, период допривилегированного развития. В Словакии получение правовых привилегий городами по времени в основном совпало с немецкой колонизацией. Поскольку первыми городские свободы получали немецкие колонисты, то буржуазные историки, прежде всего немецкие, основателями городов в Словакии считали немцев, а время появления городов относили к XIII—XIV вв.

Сложность в исследовании раннего периода истории городов заключается в том, что по этому периоду нет письменных источников. Поэтому важное значение в решении этой проблемы приобретают памятники материальной культуры, полученные в результате археологических раскопок, исследования в области исторической археологии, истории архитектуры, топографии средневековых городов и топонимики. Только комплексное исследование могло дать результаты.

В методологическом и методическом плане для словацких историков большое значение имел опыт исследований по

этой проблеме в чешской, польской⁴ и советской историографии⁵.

С 50-х годов в Словакии начинаются систематические археологические раскопки, которые ведутся до настоящего времени⁶, и исследования по славянскому заселению Словакии в раннефеодальный период⁷. Они имели большое значение для освещения процесса зарождения городов и для определения этнического состава их населения.

Первым из словацких историков начал изучать проблему возникновения городов в тесной связи с проблемой заселения прилегающих к городам территорий Б. Варсик⁸. Уже в первых своих работах, посвященных возникновению городов Кошице и Трнава⁹, Б. Варсик убедительно показал, что развитие этих городов началось задолго до немецкой колонизации Словакии. Так, славянское торгово-ремесленное поселение Трнава возникло на старом торговом пути, который шел из Брно в Буду. В XI в. Трнава была уже большим селом, где с конца XI в. проходили еженедельные ярмарки, на которые приходили купцы из соседних австрийских земель¹⁰.

Немецкие колонисты, которые пришли в Траву в первой половине XIII в., поселились в непосредственной близости от старого славянского села, образовав с ним параллельную улицу с местом для рынка — ринг. Объединение старого славянского и нового немецкого поселений произошло только во второй половине XIII в. Подобное развитие прошел и г. Кошице. Славянское поселение с торгом возникло на старом торговом пути, шедшем по Горнаду и ее притоку Торысе из Польши на Русь. Как село с церковью Кошице упоминается впервые в письменных источниках в 1230 г. Немецкие колонисты пришли в Кошице после 1230 г., в правление короля Белы IV. Они также обра-

⁴ Например, работы польских историков Генсела В., Гейштора А., Модзелевского К.

⁵ Работы советских историков и археологов Б. Д. Грекова, М. П. Тихомирова, Б. А. Рыбакова.

⁶ О достижениях исторической археологии в исследовании начального периода городов см.: *Polla B.* K problematike začiatkov miest z hľadiska historickej archeológie. — *HSt*, 1974, XIX, s. 5—18.

⁷ В этом плане более всего исследована Восточная Словакия.

⁸ Список трудов Б. Варсика до 1964 г. см.: *Sborník filozofickej fakulty univerzity Komenského* (далее — *Sb. FFUK*), *Historica*. Bratislava, 1964, XV, s. 379—385.

⁹ *Varsik B.* Slovenská ulica v Košiciach a vznik mesta Košic. — «*Historica Slovaca*», 1948—1949, VI—VII, s. 83—94; *Idem.* Vznik a počiatky mesta Trnavy. — *HSt*, 1957, III, s. 228—274.

¹⁰ *Varsik B.* Vznik a počiatky mesta Trnavy, s. 246—248.

зовали параллельную старому селу улицу с торгом. Во второй половине XIII в. возникла вторая улица немецких «гостей», и когда в 1290 г. были построены городские стены, они объединили все три улицы¹¹.

В 1958 г. вышло исследование Б. Варсика более широкого плана, посвященное возникновению и развитию городов в Словакии в XIII—XIV вв.¹², а в 1965 г.— работа, посвященная социальной и национальной борьбе в городах Словакии в средние века, в которой автор подробно рассматривает формы поселения немецких колонистов в городах Словакии¹³.

В исследованиях Б. Варсик приходит к выводу о том, что словацкие города развились на базе торгов, которые существовали в славянских поселениях уже в XI—XII вв. в подградьях комитатских градов (Братислава, Нитра, Теков, Глоговец, Зволен, Крупина и др.) или на важных торговых путях, ведущих в соседние страны (Трнава, Кошице, Жилина, Михаловце и др.). С немецкой колонизацией процесс превращения торговых поселений в средневековые города только ускорился¹⁴.

О том, что и в горных районах Средней и Восточной Словакии славянские поселения существовали до прихода сюда немецких колонистов, свидетельствуют славянская основа в названиях большинства городов, возникших в этих районах (Зволен, Крупина, Штявница, Быстрица, Левоча, Гельница, Любица, Белая и т. д.), вся топонимика и гидронимика окрестностей городов и археологические находки на их местах¹⁵.

В 1974 г. вышло исследование Б. Варсика, посвященное только Спишскому региону Словакии¹⁶, в котором автор еще раз обращается к вопросу о заселении Спиша в раннефеодальный период и к вопросу возникновения городов на его территории. Это было связано с тем, что несмотря на то, что еще в 1938¹ г. венгерский ученый — лингвист И. Книежа, показал, что уже в XI в. Спиш был заселен славянами и что немцы и венгры проникли сюда уже на заселенную славянами территорию. В со-

¹¹ *Varsik B. Osídlenie Košic a jich okolia v svetle dvoch neznámych listín z prvej polovice 13. stor.*— HC, 1960, č. 4, s. 559—560.

¹² *Varsik B. Vznik a rozvoj miest na Slovensku v 13. a 14. stor.*— HC, 1958, č. 2, s. 169—201.

¹³ *Varsik B. Social- und nationalitätenkämpfe in den Städten der Slowakei im Mittelalter.*— Sb. FFUK. Historica, 1965, XVI, s. 131—172.

¹⁴ *Varsik B. Vznik a rozvoj miest...*, s. 170—173; *Vznik a počiatky mesta Trnavy*, s. 233—236; *Он же. Social- und nationalitätenkämpfe...*, s. 145.

¹⁵ *Varsik B. Social- und nationalitätenkämpfe...*, s. 140—145.

¹⁶ *Varsik B. Pôvodné slovanské osídlenie Spiša a korene spišských miest.*— In: *Spišské mesta v stredoveku* (далее: *Spišské m.*) Košice, 1974, s. 11—25.

временной венгерской историографии встречаются высказывания о том, что Спиш не был заселен вообще до немецкой колонизации и что славяне пришли в Спишский район вместе с венграми и немцами в середине XII в.¹⁷, хотя в это время историки уже располагали новыми археологическими материалами, свидетельствующими о раннем заселении Спиша славянами.

На основе археологических материалов, данных топонимики и гидронимики Б. Варсик приходит к убедительному выводу о том, что: 1) Спиш был заселен славянами (предками современных словаков) уже в IX—XI вв.; 2) Спишские города (Левоча, Кежмарок, Любица, Врбов, Спишка Бела, Попрад, Спишка Нова Вес, Велька и др.) своими корнями восходят к исконно славянским центрам, возникшим здесь до саксонской колонизации Спиша. Выгодное положение спишских земель, лежащих у торговых дорог и водных путей, по которым шла европейская торговля, было причиной того, что здесь рано начали возникать торгово-ремесленные поселения.

Вопрос возникновения городов в северной части Спиша исследует в работе «Переход северо-спишских поселений с обычного эмфитевтического права на городское» Я. Бенько¹⁸. Он приводит данные о возникновении большого числа славянских общин в северной части спишского региона Словакии (Стара Любовня, Подолинец, Гнездне, Топорец, Ломничка, Глумица, Спишка Стара Вес) до немецкой колонизации и о доколониационном развитии северо-спишских городов Подолинец, Гнездне, Спишка Стара Вес, Стара Любовня.

Автор считает, что немецкая, а частично венгерская и польская колонизация северных районов Спиша шла в основном в XIV в., а в некоторых частях даже позже. Я. Бенько пришел к выводу, что немецкое право, которое получали вновь основанные немцами общины и на которое переводились старые славянские поселения, сначала способствовало развитию их как торгово-ремесленных центров, но с получением городских свобод и привилегий оно становилось тормозом дальнейшего развития их как городов.

Оценивая значение немецкой колонизации для экономического развития североспишского района, автор приходит к выводу, что в начале XIV в. она способствовала более интенсивному росту городов на Спише, но в дальнейшем всю власть в

¹⁷ Magyarország története, I. Budapest, 1957, k. I.

¹⁸ Beňko J. Prechod severospišských osád z dedinského emfytevického práva na mestské právo.— Spiš. m., s. 33—41.

городах, благодаря королевским привилегиям, захватил немецкий патрициат и славянское население на несколько столетий было вытеснено из экономической и политической жизни Спиша. Это отрицательно сказалось на развитии словацкой народности, а в дальнейшем — и буржуазной нации.

Возникновению городов в Словакии посвятил ряд работ кошицкий историк О. Р. Галага, автор большого числа статей по внутреннему развитию восточнословацких земель в раннефеодальный период и обширной монографии по восточнословацким городам¹⁹. В работе «Возникновение городов и средняя Европа»²⁰ О. Галага рассматривает проблему зарождения городов в Словакии в связи с развитием этого процесса в Европе в целом, что дает возможность выяснить общие закономерности в развитии средневековых городов. Решающим фактором, приведшим к возникновению городов, автор считает общественно-экономическое развитие. Предпосылки для развития средневековых городов, говорит автор, возникают одновременно с развитием феодальных отношений в Словакии. Они были созданы задолго до немецкой колонизации и распространения немецкого права.

Что правовые привилегии явились лишь юридической фиксацией реально существовавшего города как центра ремесла, торговли и горного производства, убедительно доказывают в своих работах Д. Леготска²¹ и И. Карпат²². Получение городами юридических прав, делает вывод И. Карпат, было неразрывно связано с фискальной политикой королевской власти. Хотя города были заинтересованы в получении городских привилегий, определяющим фактором являлась материальная заинтересованность королевской казны. Размеры льгот всегда определялись мерой фиска. То, что основой возникновения городов и их дальнейшего существования и развития была экономическая база, подкрепленная правовой и экономическими привилегиями, подчеркивает Д. Леготска, показало дальнейшее развитие городов: привилегии во второй половине XIII в. и в XIV в. получили более 50 торговых, ремесленных и горных центров Словакии (а в

¹⁹ Galaga O. R. Košice — Balt. Výroba a obchod v styku východoslovenských miest s Pruskom (1275—1526). Košice, 1975.

²⁰ Galaga O. R. Mestopisný proces a stredna Europa — Sb. FFUK, XV, 1965, XV, s. 95—115.

²¹ Lehotská D. Vývoj mestského práva na Slovensku — Sv. FFUK, 1959, X, s. 59—110; Príspevok k základnému rozdeleniu stredovekých miest na Slovensku. — HSt, 1974, XIX, s. 21—31.

²² Karpat J. Fiškálne hľadisko pri vzniku miest a jich rozvoj v stredoveku. — HSt, 1974, XIX, s. 99—107.

течение всего средневековья привилегии городского характера имели 150 общин), однако в дальнейшем в крупные города превратилась лишь небольшая их часть. В начале XV в. таковых оказалось только 16, а к концу феодального периода к ним прибавилось лишь 8.

Более сложной и менее разработанной проблемой в историографии является проблема возникновения горнорудных городов в Словакии. Среди историков до сих пор нет единого мнения относительно процесса возникновения горных городов: было ли это следствием длительной эволюции существовавших ранее славянских поселений или результатом единовременного акта, когда горный город на основе королевской привилегии основывался локатором, как община горнопредпринимателей — грюндеров. В буржуазной историографии господствовала точка зрения, что рудоносные районы Словакии были заселены только с приходом в эти районы немецких колонистов, которые якобы и положили начало развитию горнорудного дела в Словакии и были основателями горнорудных городов.

Современная венгерская историография признает, что развитие обычных городов в Словакии началось до прихода немецких колонистов, но развитие горных городов связывает с немецкой колонизацией. Так, О. Паулини²³ считает, что словацкие горные города Банска-Штявница, Банска-Быстрица и Кремница принадлежат к типу грюндерских городов, основанных обществом немецких горнопредпринимателей. У этих городов, считает он, время получения городского права совпадает с временем возникновения поселения. Грюндерские города, по его мнению, могли возникнуть и рядом с ранее существовавшим поселением или даже на его месте, но между новым и старым горным поселением не существовало преемственности: новый город не вырастал из старого поселения.

Подобной точки зрения придерживается и другой современный венгерский историк, Е. Фюгеди²⁴.

Если понимать горный город только как общину горнопредпринимателей, то можно согласиться с О. Паулини и Е. Фюгеди. Но известно, что население горных городов не состояло и не могло состоять только из горнозаводчиков, владельцев рудни-

²³ *Paulini O. Eigentum und Gesellschaft in den Niederungarischen Bergstädten. Ein Beitrag zur Problematik des deutschen Kolonisationsstadt in Ungarn.*— In: *Der Aussenhandel Ostmitteleuropas 1450—1650.* Köln—Wien, 1971, s. 525—568.

²⁴ *Fügedi E. Hospodarský vývoj stredovekých mest v Uhorsku.*— НС 1973, č. 3, s. 419—420.

ков. Они составляли в горных городах самый малочисленный слой населения, хотя в их руки, именно благодаря привилегиям, попало все горное и плавильное производство и вся власть в городах. Самым многочисленным и важным слоем населения горных городов были горные рабочие, без которых не могло развиваться горное производство. Большая часть их постоянно проживала в горных городах и имела там дома. Горнорабочие играли важную роль в образовании горных городов, считает словацкий историк Й. Возар²⁵. В горных городах проживали и ремесленники и торговцы, хотя этот слой здесь был более малочисленным, чем в обычных городах²⁶.

Не совсем точно и утверждение О. Паулини, что получение городского права горными городами совпадает с временем возникновения горных поселений. Нередки были случаи, когда горное поселение, будучи уже крупным развитым горным центром, очень долго не получало городского права (Банска-Бела), а некоторые горные центры в течение всего средневековья совсем его не получили.

Обширное исследование возникновению горных городов посвятил П. Раткош²⁷, автор большого числа трудов по экономической и социальной истории Словакии феодального периода, монографии и ряда статей по горной проблематике. П. Раткош на основе новейших археологических материалов, косвенных источников и имеющихся уже исследований делает попытку дать общую картину возникновения городов и развития горного производства Словакии, выделить главные этапы в их развитии. П. Раткош приводит большой фактический материал, свидетельствующий о том, что уже до немецкой колонизации в горнорудных районах Словакии проживало славянское население.

Будущие горнорудные города, говорит Раткош, выросли из славянских общин или на их месте. Так, на территории будущего города Банска-Штявница до немецкой колонизации существовали два центра. Один, укрепленный и возникший на холме, известный в истории как «старый город», датируется археологами XI—XII вв. Другой, возникший в долине р. Штявница, был торгово-ремесленным поселением, возникшим в подградье. Немецкие колонисты поселились на территории между этими славянскими центрами. Старое славянское поселение Быстрица

²⁵ *Vozár J. Banské mestá ako osobitný typ miest na Slovensku.*— HC, 1973, č. 3, s. 390—391.

²⁶ Там же, с. 392.

²⁷ *Ratkoš P. Vznik a začiatky banských miest na Slovensku.*— HSt 1974, XIX, s. 33—57.

сыграло также определенную роль при возникновении горнорудного города Банска-Быстрица. Немецкие колонисты обосновались около старого поселения.

К доколониционным горным селениям Раткош относит и Шпану Долину, и Старые Горы, Любчу. В Ружомберке немецкие колонисты образовали свою общину рядом со старым селением Подгора. До XII в. произошло формирование городской общины Спишска Нова Вес. Раткош считает, что при возникновении горнорудных городов в XIV—XV вв. и развитии горного дела большую роль играла уже внутренняя инфильтрация. Примером может служить возникновение и расцвет Смольника, Любетовой, Кремницы.

Для изучения вопроса возникновения городов, особенно горных, большое значение имеют исследования по средневековой топографии городов. К сожалению, таких работ вышло еще мало²⁸. Значительным исследованием по возникновению и развитию города Кремница является монография Т. Ламоша²⁹.

В 1973 г. вышла статья ведущего словацкого медиевиста Р. Марсины «К вопросу о развитии городов Словакии до начала XV в.»³⁰ В ней автор делает попытку подвести итоги исследования в словацкой марксистской историографии по этой проблеме. Марсина приходит к выводу, что словацкие города в своем развитии прошли несколько стадий. Первая — до привилегированного развития — охватывает период с IX в. до конца первой трети XIII в.; вторая начинается с получением правовых привилегий, с конца 30-х годов XIII в., достигает кульминационного развития в XIV в. и завершается в начале XV в. В XV в. наступает новый этап в развитии городов: с 1405 г. представители городов стали участвовать в заседаниях сеймов, города приобретают политический вес в государстве.

Крупным достижением словацкой историографии, говорит Марсина, является вывод о том, что города в Словакии начинают развиваться задолго до немецкой колонизации и распространения немецкого права. С получением привилегий города вступают в новый, с правовой точки зрения, этап развития.

²⁸ *Lamoš T.* Topografia mesta Kremnice, 1328—1430.— HŠt, 1966, XI, s. 99—120; *Ratkoš P.* K topografii Banskej Bystrice v čase banského povstania (1525—1526).— HŠt, 1964, IX, s. 103—120.

²⁹ *Lamoš T.* Vznik a počiatky banského a mincovného mesta Kremnice 1328—1430. Banská Bystrica, 1969.

³⁰ *Marsina R.* K vyvoju miest na Slovensku do začiatku 15. stor.— HŠ, 1973, č. 3, s. 337—365.

Другим важным выводом словацкой марксистской историографии является утверждение, что в развитии городов в Словакии с самого начала участвовало славянское (словацкое) население.

Таким образом, следует отметить, что исследования марксистских словацких историков вносят важный вклад в разработку вопроса возникновения не только словацких средневековых городов, но и вообще европейских средневековых городов.

В своих исследованиях словацкие историки и археологи, подходу материалистически к историческим процессам, показывают, что возникновение средневековых словацких городов — как особого социального института феодального общества — было длительным и сложным процессом, определяемым ростом производительных сил в сельском хозяйстве, становлением феодальных производственных отношений, появлением разделения труда в сфере производства, развитием товарно-денежных отношений.

Раннее развитие горного дела в Словакии привело к появлению, как и в Чехии, наряду с торгово-ремесленными городами городов особого типа — горнорудных. Причем словацкие исследователи правильно подчеркивают, что городские привилегии, пожалованные королем, являлись фактором, способствующим развитию городов, но не определяющим, как утверждается в буржуазной историографии. Они только ускоряли процесс развития городов, способствовали превращению их как экономических центров в общественно-правовой институт феодального общества.

Выводы словацких историков и археологов по рассматриваемому вопросу, сделанные на основе словацких источников и данных археологических раскопок, подтверждают идентичную точку зрения чешских, советских и польских историков и археологов в отношении чешских, русских и польских средневековых городов. Словацкие историки и археологи внесли достойный вклад в разработку этой проблемы марксистской историографии в целом.

СУПРАСЛЬ КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ БЕЛОРУССИИ С ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ СТРАНАМИ

В истории белорусской культуры XVI—XVII вв. Супрасльский Благовещенский монастырь занимает особое место. Трудно указать какой-либо другой центр этого времени, в котором в такой степени сконцентрировались лучшие достижения самых различных областей культуры, в котором бы столь интенсивно проявились ее контакты с культурой других славянских народов, в котором глубочайшие и древнейшие традиции столь естественно и органично входили в жизнь последующих веков.

В настоящее время Супрасль — это небольшое местечко в 16 км на северо-восток от г. Белостока. На месте его древних построек остались одни руины. Одно из лучших творений мирового зодчества было взорвано во время немецкой оккупации в 1944 г. От фресок сохранились лишь отдельные фрагменты, которые там, где это оказалось возможно, были сложены польскими реставраторами в целые фигуры.

Супрасль давно уже привлекал внимание исследователей¹, что позволяет не останавливаться здесь на истории монастыря, на характеристике архитектурных памятников Супрасля, не да-

¹ *Архимандрит Модест*. Супрасльский Благовещенский монастырь.—«Вестник Западной России», 1867, кн. II, т. I, отд. II, с. 70—81; кн. III, т. I, отд. II, с. 83—117; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. IX. Вильна, 1870; *Далматов Николай*. Супрасльский Благовещенский монастырь. СПб., 1892; *Покрышкин П.* Благовещенская церковь в Супрасльском монастыре.— В кн.: Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911, с. 222—237; *Иодковский И. И.* Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси.— В кн.: Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при имп. Московском археологическом обществе, т. VI. М., 1915, с. 253—271; *Szyszko-Bohusz A.* Zabytki architektury kościelnej w Polsce i na Litwie.— In: Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce, t. IX. Kraków, 1915; *Kochanowski W.* Pobazyliński zespół architektoniczny w Supraslu.— In: Rocznik Białostoki, t. IV. Białystok, 1963, s. 355—395.

*Благовещенский собор Супрасльского монастыря (1503—1510 гг.).
Вид с запада*

вать детального описания и анализа его фресок. Нашей задачей является показать общее культурное значение Супрасля, и прежде всего в плане оценки его как одного из центров межславянских культурных связей.

Возникновение Супрасльского монастыря относится к концу XV в. В 1498 г. новогрудский воевода и маршалок Великого Княжества Литовского Александр Иванович Ходкевич совместно с архиепископом смоленским Иосифом Солтаном заложил монастырь в с. Грудек, стоявшем по верхнему течению р. Супрасли. Его монахами были выходцы из прославленного и древнейшего на Руси Киево-Печерского монастыря. Однако соседство с усадьбой Ходкевича пришлось не по душе монахам, и они перешли на другое место, обосновавшись на левом высоком берегу той же Супрасли в урочище Сухой Грод.

*Благовещенский собор Супрасльского монастыря (1503—1510 гг.).
Вид с северо-запада*

Первоначально, в 1501 г., была построена деревянная церковь Иоанна Богослова, но уже в 1503 г. начали возводить каменную Благовещенскую церковь. Эту грандиозную постройку завершили только в 1510 г. Столь интенсивное и значительное строительство в монастыре в материальном отношении базировалось на щедрых денежных и земельных пожалованиях ему со стороны ктиторов Александра Ходкевича и Иосифа Солтана. Фундация Ходкевича была торжественно оформлена грамотой константинопольского патриарха. Помимо денег, Ходкевичем было подарено монастырю с. Хворощ, а Иосиф Солтан передал в округе Бельска свои владения: Топилец, Батуры, Пышево, Костюки и др.

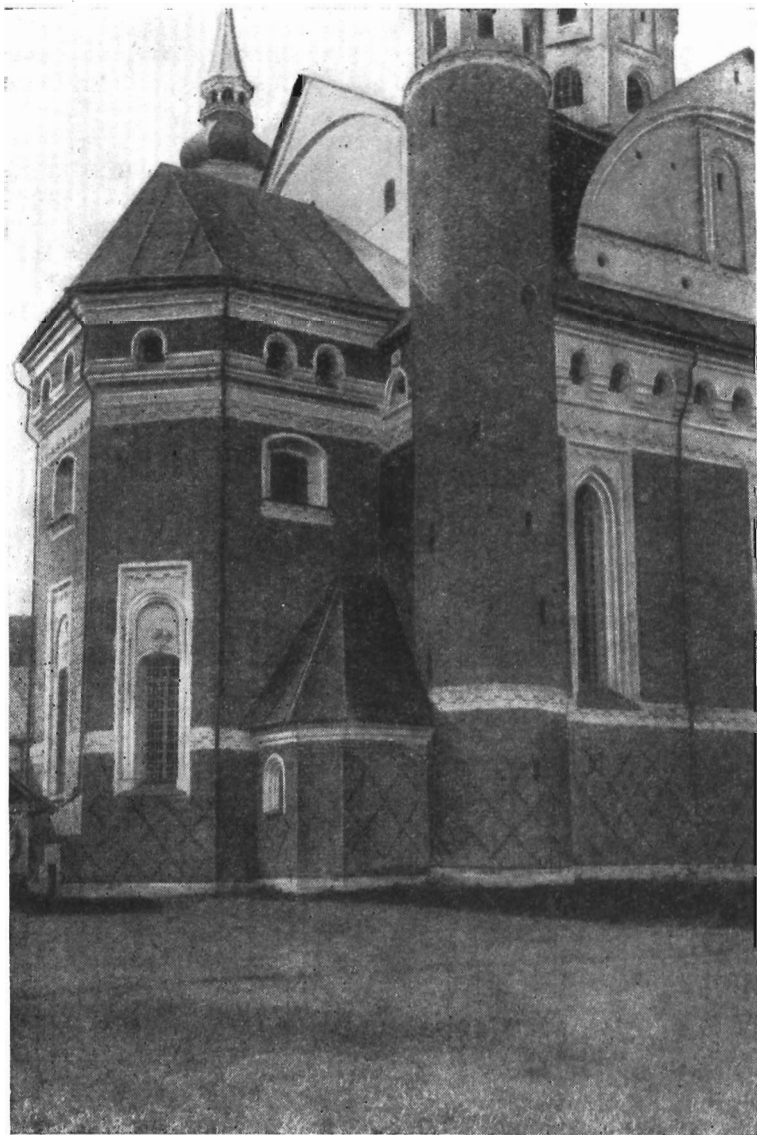
В XVI в. монастырь располагал не только большими материальными, но и культурными ценностями. Его библиотека была одной из богатейших в Великом княжестве Литовском в XVI в. Согласно описи библиотеки, составленной в 1557 г., в ней насчитывалось около 200 рукописных книг². В 1645 г. их было уже 587³. Библиотека монастыря непрерывно пополнялась и в последующие годы. В XIX в. из нее черпали сокровища письменности как государственные библиотеки, так и частные лица. Основная часть рукописных книг монастыря находится в настоящее время в Библиотеке АН Литовской ССР, куда это собрание поступило в составе рукописных книг Виленской Публичной библиотеки. Остальные рукописи, еще в 30-е годы XIX в. вывозившиеся из монастыря униатским протеиереем Сосновским и профессором М. К. Бобровским, бесследно исчезли.

Особую судьбу имела древнейшая рукопись монастырской библиотеки и одна из древнейших кириллических рукописей вообще — знаменитая Супрасльская четья-минья XI в. В результате сложных перипетий она оказалась разделенной на три части, из которых одна хранится ныне в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (16 листов), другая — в Люблине (118 листов), а третья попала в библиотеку Замойских в Варшаве (150). Эта третья, самая большая часть рукописи во время оккупации была похищена и считалась пропавшей. И только в самое недавнее время, в 1970 г., эта часть Супрасльской миньи из США, куда она попала из Германии, была передана в Национальную библиотеку в Варшаве⁴.

² Археографический сборник..., с. 53—55.

³ Там же, с. 202—205.

⁴ Фототипическое издание Супрасльской миньи см.: *Северьянов С. Н.* Памятники старославянского языка, т. II, вып. 1. СПб., 1904.

*Благовещенский собор Супрасльского монастыря (1503—1510 гг.).
Вид с северо-востока*

*А. И. Ходкевич. Портрет XVI в.
(находился в Супрасльском монастыре)*

Не может не вызвать интереса вопрос, каким образом столь древняя рукопись попала в Супрасльский монастырь. Едва ли можно сомневаться, что этому способствовали прочные связи Супрасли с Киево-Печерским монастырем и вообще с Киевом. Напомним, что первые иноки Супрасльского монастыря были

выходцами из Киево-Печерского монастыря. Отец ктитора А. И. Ходкевича — Иван Михайлович Ходкевич являлся киевским воеводой. Другой ктитор — Иосиф Солтан в 1504 г. стал киевским митрополитом. Показательно, что приделы в монастырском соборе были названы в честь Феодосия Печерского и Бориса и Глеба. В этом проявлялась не только связь с Киевской землей, но и живой интерес к древнерусской культурной традиции. Оживление такого интереса вообще характерно как для Украины, так и для Белоруссии XV—XVI вв. и связано с ростом самосознания этих народов.

Интерес к древнерусской традиции в Супрасле способствовал и сбору исторических, летописных материалов. По описи 1557 г. известно, что в составе монастырской библиотеки были книги «царственник с летописцем» и «временник»⁵. Хорошо известны происходящие из Супрасля Киевская и Новгородская летописи (БАН)⁶, а также Супрасльский список белорусско-литовской летописи 1519 г. (БАН)⁷.

В Супрасле проявляли интерес и к событиям, происходящим в Киеве в более позднее время. Об этом, например, свидетельствует запись на рукописи «Космографии» Козьмы Индикоплова, относящейся к XVI в.: «А как Киев изжог Менгирей тому 107 лет»⁸.

Существовали и другие формы связи Супрасля с крупнейшим украинским политическим и культурным центром. На рукописи «Слова Григория Богослова» XVI в. сохранилась запись: «1598 служил ту в Супрасли дяк Михаило с Киева»⁹.

Интерес к древнерусским традициям, осознание глубоких корней исторического и культурного единства с другими восточнославянскими народами в Белоруссии XVI в. способствовали и упрочению белорусско-русских культурных связей. В этом отношении показательно, что в целом ряде супрасльских сборников XVI в. содержатся жития русских святых. Житие Сергия Радонежского было включено, например, в сборник, написанный, как значится в записи на нем, в 1593 г. Иваном Проскурой «в монастыру Супрасльском»¹⁰. В другом сборнике, также XVI в.,

⁵ Археографический ежегодник..., с. 54.

⁶ Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836.

⁷ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стлб. 1—84.

⁸ Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки церковно-славянских и русских. Вильна, 1882, с. 102, № 77.

⁹ Там же, с. 70, № 56.

¹⁰ Добрянский Ф. Описание..., с. 98, № 75.

житий русских святых еще более. Помимо жития Сергия Радонежского, мы находим в нем жития митрополитов московских Петра и Алексия, Леонтия Ростовского, Кирилла Белозерского, Пафнутия Боровского. Характерно, что в том же сборнике находится житие и особо почитавшихся в Белоруссии виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Таким образом, в одном сборнике естественно переплелись русские и белорусские сочинения.

Примером еще более сложных культурных взаимоотношений может служить сборник 1569 г., написанный в Супрасле дьяком Матиушем из украинского города Корца. Украинский составитель сборника, работавший в белорусском монастыре, включил в состав своего труда жития князя Федора Ярославского, новгородского святого Варлаама Хутынского и Петра, митрополита Московского¹¹.

Вопрос о распространении памятников московской письменности на белорусских и украинских землях в XV—XVII вв. остается до сих пор мало изученным. Внимание исследователей в большей мере привлекал обратный процесс. Вот почему наблюдения, которые можно сделать по этому вопросу на примере Супрасля как одного из крупнейших культурных центров Белоруссии указанной эпохи, заслуживают внимания. Примечательным является в этом отношении Помянник Супрасльского монастыря, хотя и составленный в 1631 г., но включивший в свой состав записи более раннего времени. Одна из них гласит: «Род с Торопца з Москвы благородного Матфея Иоановича, написавшаго и надавшаго в монастыр Супрасльский книгу великую рекомую Десятослов в лето от создания миру 7015, року господня 1507»¹². Как видно из этой записи, жители Московского государства знали о Супрасльском монастыре уже на девятый год его существования и начали делать в него книжные вклады. Записи о поминовении их делались и впоследствии; среди них мы находим «род Афанасия Глебова з земле Резаньской»¹³ и «род Памва псковитина»¹⁴.

В монастырь стали попадать и московские иконы. К середине XVII в. они даже составляли большинство всех икон монастыря. По описи 1645 г., из 46 монастырских икон 33 значились как московские. В ризнице монастыря, согласно описи 1668 г.,

¹¹ Добрянский Ф. Описание..., с. 205, № 103.

¹² Там же, с. 185, № 89.

¹³ Библиотека АН ЛССР. Отдел рукописей, Ф. 19—89, л. 39.

¹⁴ Там же, л. 41.

сохранялся и посох московской работы, приписывавшийся даже Стефану Пермскому. Возможно, что некоторые иконы русского происхождения, попавшие в Супрасльский монастырь, были взяты в качестве трофея во время польской интервенции в Московское государство. Хорошо известно, что в войсках интервентов было немало и православных, не стеснявшихся грабить святыни своих единоверцев¹⁵. Впоследствии захваченные иконы могли быть пожертвованы в Супрасльский монастырь в качестве вкладов.

XV—XVI века — это период заметного южнославянского влияния на восточнославянские культуры. Сказалось оно и на белорусской культуре этого времени. В Белоруссию проникают южнославянские рукописи, получая в ней такое распространение, что начинают заметно влиять на саму палеографию белорусских памятников¹⁶. Некоторые сочинения этого времени, например «Хождение Арсения Селунского», ряд ученых даже не в состоянии с точностью определить — белорусские они или южнославянские¹⁷. В Белоруссию проникают даже светские памятники из Сербии. Таков роман о Тристане и Изольде¹⁸.

Супрасльский монастырь не стоит в стороне от этого движения. Среди рукописей его библиотеки появляются сербские памятники. Так, в одном из сборников XV в. мы находим житие Саввы Сербского¹⁹. В февральскую служебную mineю XVI в. оказалась включена служба Симеону Сербскому. У одного из читателей этой рукописи наличие в mineе этой службы вызвало недоумение, и он стал расспрашивать о нем у знающих людей, но не мог ничего дознаться и сделал на mineе запись: «По расуждении искуснейших не празднуется сей св. Симеон число 13 дня»²⁰ и далее на другом листе: «Св. Симеона Сербского не празднуется».

Не вполне ясны причины, которые вызвали сомнения неизвестного нам читателя mineи и уверенность его «искуснейших» советников в том, что Симеон Сербский не должен почитаться как святой. Как известно, в самой Сербии Симеон (в миру Сте-

¹⁵ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899.

¹⁶ Кирский Е. Ф. Белорусы, т. II. Варшава, 1889, с. 35, 51—55.

¹⁷ Обнорский С. П. К литературной истории «Хождения» Арсения Селунского. — «Известия Отделения русского языка и словесности», 1914, т. XIX, кн. 3, с. 196—205.

¹⁸ Гісторыя беларускай докастрычніцкай літаратуры, т. I. Мінск, 1968, с. 396.

¹⁹ Добрянский Ф. Описание..., с. 78, № 61.

²⁰ Там же, с. 286, № 159.

фан Неманя) был канонизирован не позже 1208 г., т. е. вскоре после смерти. Почитание его там было постоянным и никогда не вызывало ни малейших сомнений²¹. В XV в. оно уже проникло в Московскую Русь, а в XVI в., особенно в правление Ивана Грозного, получило большое распространение²². Чем же объяснить неожиданную отмену праздника Симеона Сербского в Белоруссии? Видимо, это вызвано двумя причинами. Возможно, читателя минеи и его советников смутило то обстоятельство, что служба Симеону Сербскому составлена на основе служб двум другим Симеонам: Богопримцу и Столпнику²³, так что знатоки служб не в состоянии были выделить из них то, что относится к самому Симеону Сербскому, и потому усомнились в необходимости отметить день его памяти. Может быть и другое объяснение, связанное с деятельностью сербского святого. Как известно из его жития, он вел решительную и непримиримую борьбу с арианами²⁴. Между тем известно, какое распространение арианство получило в Великом княжестве Литовском в XVI—XVII вв. Не было ли среди советников супрасльского читателя таких явных или тайных ариан?

В плане белорусско-сербских культурных связей интересна и супрасльская октябрьская служебная минея XVII в. Она дополнена службой Арсению Сербскому с очень показательной заметкой: «В сий же день святого Уроша краля ктитора места сего, паче же новые сей церкви». Эта запись указывает на то, что данное добавление в минею заимствовано непосредственно из какой-то сербской рукописи. Можно даже высказать предположение, что она происходит из монастыря Рождества Богородицы в Скопле (или из Успенской церкви в селе Неродимля на Косовом поле), поскольку канонизированный король Урош был строителем (ктитором) только этих храмов²⁵.

Прослеживаемая таким образом непосредственная связь Супрасльского монастыря с Сербией находит подтверждение и в связи с историей внутреннего убранства монастырского собора. Вплоть до середины XVI в. Благовещенский собор оставался нерасписанным. Управлявший в это время монастырем энергичный архимандрит Сергей Кимбарь в 50-е годы пригласил группу живописцев. Один из них, скорее всего глава этой группы, назван

²¹ Павлович Л. Култови лица под Срба и Македонаца. Смедерево, 1965, с. 42—44.

²² Там же, с. 50.

²³ Там же, с. 46.

²⁴ Архиепископ Филарет. Святые южных славян. СПб., 1881, с. 13.

²⁵ Там же, с. 228.

*Царские врата Благовещенского собора Супрасльского монастыря
работы Анджея Модзалеvского (1664 г.)*

в реестре, составленном архимандритом в 1557 г., «сербин Нектарий малер»²⁶.

Стиль супрасльских фресок действительно ближе всего к памятникам сербской монументальной живописи, так называемой моравской школы и особенно к фрескам монастыря Манасия 1418 г. Прежде всего это относится к изображению св. воинов. Правда, речь здесь может идти, скорее, об иконографическом сходстве, нежели о совпадении или близости стиливых признаков²⁷. Они в большей мере могут быть соотнесены с сербскими фресками XVI в. Уже упоминавшиеся выше воины имеют сходство с воинами на фресках церкви св. Георгия и Дмитрия на Черной Реке (60—70 годы XVI в.), апостолы напоминают такие фигуры в притворе Печской патриархии 1561 г.²⁸ Те же фрески очень близки и когда на них изображаются мученики в медальонах²⁹. Определенное сходство можно найти и между этими мучениками в Супрасле и в Грачанице (1570), с тем, правда, что в Грачанице подобным же образом изображены пророки³⁰.

К сожалению, мы не располагаем точными данными о самом сербском мастере (или мастерах), работавших в Супрасле. В последнее время югославский ученый С. Петкович и польский С. Ставицкий выдвинули гипотезу о том, что Нектарий, работавший в Супрасле, это не кто иной, как Нектарий, автор знаменитого Типика-Эрминии, т. е. инструкции для иконописцев. Ставицкий находит определенное сходство между рекомендациями Типика и техникой супрасльских фресок (накрошенная в известь солома, двухсоставный грунт). Правда, самого польского исследователя смущает большой хронологический разрыв между датой написания Типика — 1599 г. и временем создания супрасльских стенописей — 1556 г. С. Петкович снимает это несоответствие тем, что считает дату Типика произвольной, тем паче, что в самой рукописи прямо говорится, что Типик написан в правление Ивана Грозного, что вполне согласуется со временем работы Нектария в Супрасле³¹. Если это так, то роль серба,

²⁶ Археографический сборник..., с. 42.

²⁷ Тошић С. и Николић Р. Манасија. Београд, 1964.

²⁸ Freski z Supraśla. Katalog wystawy. Kraków, 1968, tabl. 53, 64, 65, 76; Петкович С. Зидно сликарство на подручју Пећке патријаршије 1557—1614. Нови Сад, 1965, с. 9, 68.

²⁹ Покршикин П. Благовещенская церковь..., рис. 13 и 25; Петкович С. Зидно..., с. 6.

³⁰ Петкович С. Зидно..., с. 42 и 43.

³¹ Петкович С. Нектарије Србин, сликар XVI в.— В кн.: Зборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1972, с. 211—225; Stawicki S. Czy Nektarij autor «Ti-

*Иконостас (деталь) Благовещенского собора Супрасльского монастыря
работы Анджея Модзалевского (1664 г.)*

трудившегося в белорусском монастыре, значительно повышает. Он был не только живописцем, но и теоретиком живописи, рекомендации которого были широко известны на Балканах.

Нектарий, несомненно, руководил и устройством иконостаса. Запись в описи 1557 г., из которой мы и узнаем о нем, касается изготовления деисусного ряда иконостаса, а также трех икон святителей и трех преподобных, явно также для иконостаса. Правда, как значится в записи, эти иконы предназначались для теплой церкви, т. е., по-видимому, для деревянного храма Иоанна Богослова, построенного еще в 1501 г.

В 1664 г. иконостас был заменен новым, резным, из дерева. Пышная его орнаментация и позолота выполнены в духе барокко и очень напоминают резные польские алтари этой эпохи. Особенно близкое сходство с супрасльским иконостасом имеют иконостасы великопольских костелов. Мастером, исполнявшим этот заказ, был, однако, житель Гданьска Анджей Модзалевский, как это и значится в Супрасльском помяннике³².

Вообще Супрасльский монастырь, особенно с начала XVII в., был весьма тесно связан с польской культурой. Эта связь усилилась после принятия монастырем унии в 1614 г.³³ Показательно, что если в 1558 г. в монастыре не было ни одной ни польской, ни латинской книги, то по описи 1645 г. польских книг в монастырской библиотеке значилось 152, а латинских — 212³⁴. Среди польских книг можно назвать «Хронику» Стрыйковского, произведения Яна Кохановского «Сатира» и «Псалтырь», королевские статуты. В 70-е годы XVII в. в Супрасле начинает работать типография. В начале XVIII в. она издает книги в основном на польском языке³⁵.

Не развивая здесь вопрос о белорусско-польских культурных связях, можно, однако, оценить важность Супрасля как крупного центра межславянского культурного общения.

pika» był twórcą malowideł supraślskich.—«Biuletyn historii sztuki», 1972, N 1, s. 30—35. Ставицкому возражала Т. Кмечиньска-Качмарек: *Kmiecińska-Kaczmarek T. Uwagi do artykułu S. Stawickiego.*—«Biuletyn historii sztuki», 1973, N 2, s. 143—145.

³² Далматов Николай. Супрасльский..., с. 142.

³³ Там же, с. 98.

³⁴ Археографический сборник..., с. 202—204.

³⁵ Далматов Николай. Супрасльский..., с. 328.

ИСТОЧНИКИ ОБ ИЕРОНИМЕ ПРАЖСКОМ

Имя Иеронима Пражского известно и во многих работах встречается рядом с именем Яна Гуса, но специальных исследований о нем немного¹. В современной исторической науке интерес к Иерониму Пражскому проявился в новых публикациях источников².

Трудность изучения деятельности Иеронима Пражского заключается в том, что источниковедческая база этого вопроса невелика. Общий источник, дающий материал о его жизни и деятельности,— два варианта обвинительных против него статей, составленных на Констанцском соборе³. Однако этот источник, как и другие судебные материалы, тенденциозен; кроме того, он неточен и в значительной степени основан на том, что «об этом была молва и слухи». Достоверность приведенных в нем сведений об Иерониме Пражском устанавливается сопоставлением с письмами, рассказами и сведениями летописей.

Эпистолярный материал невелик: три письма самого Иеронима Пражского, несколько писем Яна Гуса, где есть упоминания о Иерониме Пражском, письмо Пражского университета Вен-

¹ *Böhringer F.* Die Kirche Christi und ihre Zeugen. Die Vorreformatoren des XIV und XV. Bd II, t. IV, S. 607—715; *Будилович А. С.* Не был православным человеком Иероним Пражский? — «Христианское чтение», 1870, № 4; *Венгеров С. А.* Провозвестники гуситского движения. — «Русская мысль», 1881, № 1; *Пальмов И.* Иероним Пражский. — Православная Богословская Энциклопедия, т. VI; *Betts R. R.* *Jerom of Prague.* Univ. of Birmingham. Hist. Journal. 1947/48, v. I, p. 51—91; переработанная и дополненная статья опубликована в журнале: «Ceskoslovenský Casopis Historický», 1957, N 2, s. 199—226; *Smahel F.* *Jeronym Pražský,* Brno, 1966.

² *Poggio-Bracciolini.* Giovanni Francesco. Todesgeschichte des Johannes Huss und des Heronymus vom Prag. Konstanz, 1957; *Hus a Jeronym v Kostnici.* Praha, 1953.

³ *Hardt Hermann von der.* Rerum concilii Constantiensis, corpus actorum et decretorum magni Constantiensis concilii de ecclesie reformatione, unione ac fide t. IV. Francofurti et Lipsiae, 1699.

скому, письмо краковского епископа Альберта патриарху антиохийскому. Наибольший интерес представляют письма Яна Гуса И. Сибарту, профессору Венского университета, от 1 августа 1413 г. и письмо краковского епископа Альберта патриарху антиохийскому от 2 апреля 1413 г., относящиеся к поездке Иеронима в Польшу. Определенную ценность имеют рассказы современников Иеронима Пражского, свидетелей его осуждения в Констанце; они дают много материала о нем как об ученом и деятеле реформации. Например, письмо известного гуманиста Поджио Браччиолини; оно широко известно и неоднократно публиковалось на многих языках вплоть до последнего времени; анонимный рассказ чешского соотечественника о Иерониме Пражском. В своей публикации этого источника Ярослав Голл высказал предположение, что рассказ о Иерониме Пражском принадлежит Петру Младеновицу. Сопоставив известный рассказ Петра Младеновица о Яне Гусе с вышеупомянутым рассказом о Иерониме Пражском, можно согласиться с предположением Я. Голла.

Письмо Поджио Браччиолини больше использовалось в литературе, но рассказ Петра Младеновица обстоятельнее, и ему должно по праву принадлежать первое место среди свидетельств современников о Иерониме Пражском⁴.

Старые чешские летописи дают интересные сведения о деятельности Иеронима Пражского и представляют интерес не только в той части, где есть конкретные упоминания о нем.

Имена Яна Гуса и Иеронима Пражского неразрывно связаны в истории чешской реформации. Они были соратниками в борьбе против католической церкви и немецкого засиления в Чехии.

Есть связь между интересом, проявленным Я. Гусом к книгам Д. Виклефа, и поездкой Иеронима в Англию по ходатайству Яна Гуса. Богословские трактаты Д. Виклефа не были известны в Праге, и Иероним первый познакомил с ними Гуса. Этим Иероним Пражский способствовал формированию идей чешской реформации и усилению борьбы с католической церковью.

В 1404—1406 гг. Иероним Пражский завершал образование в Парижском, Гейдельбергском и Кельнском университетах, где он получил ученую степень доктора. Если в Оксфордском университете он изучал книги Д. Виклефа, то во время занятий в Парижском, Гейдельбергском и Кельнском университетах он

⁴ *Руколь Б. М.* Письмо Поджио Браччиолини к Леонардо Аретинскому и рассказ Младеновица как источники об Иерониме Пражском.—«Ученые записки Института славяноведения», 1954, т. III.

активно выступал с защитой его идей. Парижский канцлер Герсон в Констанце заявил, что Иероним «взволновал весь университет Парижский, держа много речей неверных и соблазнительных»⁵. Петр Младеновиц рассказывает об обвинении магистра из Гейдельберга против Иеронима, предъявленном ему в Констанце: «Когда ты у нас был, излагал ты различные заблуждения»⁶. Выступления Иеронима в Гейдельбургском университете получили широкую известность. Так, Пассауский официал в письме из Вены от 30 сентября 1410 г. упоминает о заблуждениях Виклефа, распространяемых Иеронимом в Гейдельберге⁷. По рассказу Петра Младеновица, кельнский магистр в Констанце обвинил Иеронима в том, что он «у нас в Кельне в своих полениях изложил много заблуждений, это и сейчас памятно»⁸.

По возвращении на родину, Иероним Пражский стал ближайшим сподвижником Яна Гуса, принял активное участие в борьбе за передачу управления Пражским университетом чехам. Он являлся участником делегации, пришедшей к королю Вацлаву IV в 1408 г. просить о передаче трех голосов в университете чехам⁹. Петр Младеновиц отмечает вклад Иеронима в эту борьбу, он пишет: «с другими магистрами чешскими был за короля Вацлава»¹⁰.

В 1410 г. Иероним приехал в Будин. Эта его поездка интересна попыткой привлечь короля Сигизмунда к преобразованиям церкви.

По дороге домой он был арестован магистрами Венского университета. Пражский университет послал венским консулам письмо, в котором выражал сожаление по поводу ареста их уважаемого члена, магистра четырех университетов, и просил защитить его. Иероним был освобожден из тюрьмы. По дороге домой, из Моравии, он написал Пассаускому официалу насмешливое письмо¹¹, за которое он был отлучен от церкви.

Уже в 1410 г. Иеронима Пражского считали столь серьезным врагом католической церкви, что распространение им ре-

⁵ Goll J. Vypsánito Mistrovi Jeronymovi z Prahy. Praha, 1878, s. 7.

⁶ Goll J. Vypsáni..., s. 8.

⁷ Palacký F. Documenta Magistris Johannis Hus vitam (далее — Documenta M. J. Hus), doctrinam causam in Constantiensi Concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas illustrantia. Praha, 1869, s. 417.

⁸ Goll J. Vypsáni..., s. 8.

⁹ Подробно свою позицию в отношении немцев в Чехии Иероним Пражский изложил в речи на Констанцском соборе 26 мая 1416 г.

¹⁰ Goll J. Vypsáni..., s. 13—14.

¹¹ Palacký F. Documenta M. J. Hus, s. 408—409, 416, 419.

формационного учения за границей старались всеми мерами пресекать. Материалы обвинительных статей о борьбе Иеронима Пражского против католической церкви в 1412 г. более конкретны, чем другие статьи. Показания об этих событиях давали монахи-кармелиты из монастыря святой девы Марии Снежной в Праге. Старые чешские летописи подтверждают активное участие Иеронима Пражского в событиях 1412 г. в Праге.

Обвинительные статьи, сопоставляемые со старыми чешскими летописями, позволяют выявить некоторые отличия в позициях Яна Гуса и Иеронима Пражского в 1412 г. В обвинении Иерониму приписываются многочисленные выступления против католического духовенства, причем Иероним выступает как руководитель чешских ремесленников Нового города Пражского, указывается, что ремесленники действовали по его указанию. Борьба против католической церкви достигла наивысшего напряжения в связи с продажей индульгенций. На диспуте об индульгенциях 7 июня 1412 г. в собрании магистров, бакалавров и студентов Иероним Пражский произнес речь.

Особенно привлек слушателей его призыв немедленно идти к ратуше и перед консулами разоблачать лживость отпущений. «Великое множество студентов хотело идти с ним», и, когда диспут закончился, «много больше студентов пошло за магистром Иеронимом, чем за магистром Яном Гусом, так полюбилась им его речь»¹². Речь Иеронима Пражского привлекла слушателей тем, что содержала конкретное требование запретить продажу индульгенций, в то время как речь Яна Гуса содержала только осуждение их. Еще в 70-х годах XIX в. русским ученым А. Клевановым было отмечено, что Иероним «был готов перенести состязание вероисповедное из зал университетов и храмов на открытую площадь»¹³.

Материал обвинения и старых чешских летописей позволяет поставить еще один вопрос, который остался вне исследования. В обвинении неоднократно указывается на выступления Иеронима Пражского против католической церкви в монастыре святой девы Марии Снежной ордена кармелитов¹⁴. Если мы обратимся к материалам старых чешских летописей о Яне Желивском, то увидим, что центром его деятельности был тот же монастырь¹⁵. Данные о деятельности Иеронима Пражского в тех

¹² *Stare letopisy české...*, s. 48.

¹³ *Клеванов А.* Очерки истории чешского вероисповедного движения, ч. II. СПб., 1876, с. 341.

¹⁴ *Hardt Hermann von der. Rerum...*, t. IV, s. 641, 666—667, 675.

¹⁵ *Stare letopisy české...*, s. 73—81.

же районах Праги, которые в период Крестьянской войны были связаны с именем вождя плебейской оппозиции Я. Желивского, позволяют выдвинуть предположение, что бюргерская оппозиция Яна Гуса уже содержала более левые течения, одним из представителей которых и являлся Иероним, бывший предшественником Я. Желивского.

Поездка Иеронима Пражского в Польшу с точки зрения распространения реформационных идей представляет самое интересное его путешествие: новое в нем, по сравнению с его предыдущими поездками за границу,— попытки обращения к народу. Во время этого путешествия он сделал попытку завязать непосредственные отношения с населением городов и распространить среди них реформационные идеи.

О его путешествии на Восток в 1413 г., наряду с обвинительными статьями, сохранились письма краковского епископа Альберта, Яна Гуса и Пражского университета. Факт пребывания его в Кракове достоверен, он подтверждается письмом краковского епископа Альберта патриарху антиохийскому от 2 апреля 1413 г., написанным из Кракова¹⁶.

Близость польского языка чешскому облегчала Иерониму выполнение задачи. Он имел в Польше большие возможности общения с народом, чем в какой-либо другой стране. Можно установить единство и согласованность действий Яна Гуса и Иеронима. Незадолго до поездки Иеронима в Польшу Ян Гус писал королю Владиславу Ягайло о симонии католического духовенства, призывая его выступить против римской церкви¹⁷. Привлечь польского короля на сторону реформации являлось одной из целей Иеронима. Он посетил резиденцию короля Краков, был участником многочисленных диспутов, которые привлекли большое количество ученых, докторов права, богословия, свободных искусств и духовных высокопоставленных лиц, как пишет об этом епископ Альберт¹⁸.

Самый большой успех имел Иероним среди горожан Кракова. Епископ Альберт отмечает: «Через несколько дней [Иероним] вызвал волнение среди духовенства и в народе, какого не было в памяти народа, здесь жившего»¹⁹. О поездке Иеронима в Польшу неодобрительно отозвался магистр Венского университета Сибарт. Ян Гус в письме от 1 июля 1413 г. выразил возму-

¹⁶ *Palacký F. Documenta M. J. Hus...*, s. 506—507.

¹⁷ Там же, с. 30—31.

¹⁸ Там же, с. 506—507.

¹⁹ Там же.

щение по поводу этого письма²⁰. Я. Гуса поддержал ректор Пражского университета²¹.

Поездка Иеронима в Польшу была успешной: он был благо-склонно принят королем, его выступления среди горожан Кракова нашли отклик. В последнем — главный итог его путеше-ствия. Тревога противников реформации — краковского епископа Альберта и венского магистра Сибарта — является косвенным свидетельством достигнутых Иеронимом успехов.

Все другие поездки Иеронима Пражского вызвали интерес современников, противников и сторонников реформации, о поездке в Витебск и Псков нет упоминаний ни в польских, ни в чешских, ни в русских источниках. До подтверждения этих статей другими источниками их, скорее, можно отнести к тем, о которых «были молва и слухи».

Материалы о деятельности Иеронима в Чехии помогают рас-крыть разные направления и течения в бюргерской оппозиции еще при жизни Яна Гуса.

Поездки Иеронима в Париж, Гейдельберг, Кельн, Будин, Краков раскрывают международное значение гусизма еще при жизни Яна Гуса.

В деятельности Иеронима Пражского сочетались защита тео-ретических положений реформационного учения и стремление привлечь к движению народные массы. Соратник и единомыш-ленник Яна Гуса, возглавлявшего бюргерскую оппозицию, он был более радикальным в осуществлении программы рефор-мации.

²⁰ *Palacký F. Documenta M. J. Hus...*, s. 63.

²¹ Там же, с. 512—513.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	3
<i>Королюк В. Д.</i>	
Владимир Иванович Пичета	5
<u>Миллер И. С.</u>	
Труд В. И. Пичеты «Австрия и польское восстание 1830—1831 гг.»	26
<i>Пичета В. И.</i>	
Австрия и польское восстание 1830—1831 гг.	29
<i>Пичета В. И.</i>	
Воспоминания о Московском университете (1897—1901 гг.)	52
<i>Улащик Н. Н.</i>	
В. И. Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета	66
<i>Иоффе Э. Г.</i>	
В. И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма (XV — первая половина XVII в.)	73
<i>Санчук Г. Э.</i>	
В. И. Пичета и изучение истории Чехословакии	82
<i>Наумов Е. П.</i>	
История Сербии в работах В. И. Пичеты	88
<i>Бобиньская Ц.</i>	
Воспоминания об учителе	97
<i>Корманова Ж.</i>	
Минуло 30 с лишним лет (воспоминания о профессоре Владимире Ивановиче Пичете).	100
<i>Пичета К. В.</i>	
Владимир Иванович Пичета (Из воспоминаний дочери)	106
<i>Белявский М. Т.</i>	
Учитель и ученики (Из архива И. М. Белявской)	120

<i>Карасев В. Г.</i>	
И. Х. Пичета (1844—1920)	135
<i>Ванечек В.</i>	
Франкские пограничные марки и их соседи — чехи и моравы в IX в.	150
<i>Санчук Г. Э.</i>	
Полабские славяне и Германия в 20—30-е годы X в.	164
<i>Озолин А. И.</i>	
Князья и прелаты Германии в борьбе с гусизмом	174
<i>Флоря Б. Н.</i>	
Великое Княжество Литовское и Рязанская земля в XV в.	182
<i>Грекул Ф. А.</i>	
К вопросу о дедичах-резешах и резешском землевладении в Молдавии.	190
<i>Бардах Ю.</i>	
К вопросу об утверждении Литовского статута 1588 г.	199
<i>Заборовский Л. В.</i>	
Русско-литовские переговоры во второй половине 1655 г.	206
<i>Андич Э.</i>	
Реакционная сущность политики Меттерниха в национальном вопросе	215
<i>Воронков И. А.</i>	
Позиция польских повстанческих властей по вопросу их отношений к царскому правительству, русскому, украинскому, белорусскому, литовскому народам в период восстания 1830—1831 гг.	228
<i>Достян И. С.</i>	
Особенности политики России в отношении отдельных балканских народов (конец XVIII — первая половина XIX в.)	239
<i>Фрейдзон В. И.</i>	
О классовом и национальном в общественных движениях габсбургской монархии в период конституционных реформ и утверждения австро-венгерского дуализма	249
<i>Бирман М. А.</i>	
Предпролетариат в болгарских землях в XIX в. (до освобождения от османского ига)	257
<i>Ратнер Н. Д.</i>	
К вопросу о формировании идейно-политических концепций австрийского пангерманизма (Линцская программа 1882 г.)	267
<i>Гринберг С. Ш.</i>	
Из истории русско-болгарских экономических связей в 80-х годах XIX в.	277

<i>Лаптева Л. П.</i>	
Изучение истории славян в Московском университете в конце XIX — начале XX в. (до 1917 г.)	286
<i>Лециловская И. И.</i>	
Русская дореволюционная историография иллиризма	294
<i>Иванов Ю. Ф.</i>	
Гуситские исследования советских историков (конец 30-х — 40-е годы)	303
<i>Виноградова А. И.</i>	
Проблема возникновения средневекового города в словацкой марксистской историографии	311
<i>Рогов А. И.</i>	
Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами	321
<i>Руколь Б. М.</i>	
Источники об Иерониме Пражском	335

СЛАВЯНЕ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА
К 100-летию академика В. И. Пичеты

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

Редакторы издательства
Н. П. Бобрик, С. Н. Романова

Художник
Л. С. Кассис

Художественный редактор
В. Г. Ефимов

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректор
Л. И. Кириллова

ИБ № 5248

Сдано в набор 19.10.77.
Подписано к печати 1.03.78.
Т-03856. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская № 1
Гарнитура латинская
Печать высокая
Усл. печ. л. 20,4. Уч.-изд. л. 21,1
Тираж 2300. Тип. зак. 4762
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СЛАВЯНЕ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА